

"Драгоценности Медичи"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Жюльетта Бенцони

Драгоценности Медичи

Часть первая

Охота началась!

Глава I

Это Болдини

- Невероятно!

Несмотря на неизменное самообладание, Альдо Морозини не удержался от восхищенного возгласа, как только дверь распахнулась и глазам его предстало зрелище, подавившее своим великолепием скромную гостиную: большой женский портрет, автора которого он определил мгновенно, ибо это был изумительный Джованни Болдини, чья волшебная кисть, начиная с конца прошлого столетия, запечатлела самых знаменитых и самых обольстительных женщин своего времени. Между тем это чудесное полотно было совершенно неизвестно Морозини, хотя он много лет поддерживал самые дружеские отношения с художником. К тому же здесь была изображена пожилая дама, что никогда не привлекало Болдини, безумно любившего свои модели, которые находились обычно в расцвете красоты. Правда, несмотря на возраст, женщина поражала своим необычным обликом.

Сделав два шага вперед, Морозини откровенно залюбовался высокой стройной фигурой, закутанной в черные кружева, которые почти сливались бы с темным фоном, если бы не золотые блики на изящном столике с зеркалом эпохи Регентства. Все эти тени и отсветы служили обрамлением для великолепного лица, пощаженного временем, с бездонными черными глазами, высокими скулами и все еще четкой линией подбородка. Диадема серебристых волос подчеркивала высокомерно-ироничное выражение, а в сверкающем взоре угадывался откровенный вызов. Незнакомка, несомненно обладавшая завораживающей красотой в молодые годы и сохранившая столь прекрасные следы ее в старости, могла быть королевой, и Морозини, который был лично знаком почти со всеми из них, копался в памяти, обычно непогрешимой, стараясь вспомнить, кто она такая, поскольку если с ней самой он, видимо, никогда не встречался, то украшавшие гордую шею сказочные драгоценности казались ему до странности знакомыми, но при этом восходившими к глубине веков и одновременно свидетельствующими о дурном вкусе, что никак не вязалось с образом изображенной на портрете женщины. Действительно, если длинное ожерелье из жемчуга, некрупных алмазов и рубинов можно было уверенно датировать началом двадцатого века, то подвешенный к нему сказочно-прекрасный крест напоминал об искусстве и пышной роскоши шестнадцатого столетия, несомненно итальянского. Украшавшие его камни и жемчужины были несравненными по качеству и внушительными по размеру. Крест казался слишком громоздким для такого наряда: подобные драгоценности надевали под платье с корсажем и декольте, для которого нужна застежка. Здесь же маленькую грудь прикрывала муслиновая ткань. Сверх того, серьги в тон кресту окончательно превращали эту даму в подобие живого футляра для чрезмерно роскошных и ослепительных драгоценностей. Но руки ее, которые словно поигрывали веером из черных страусиных перьев, не были унизаны кольцами, лишь на правом безымянном пальце этой странной женщины огромным рубином горело единственное кольцо.

- Ну, и что вы об этом думаете?

Брюзгливый голос вернул к действительности князя-антиквара, который считался самым знаменитым в Европе экспертом в области драгоценностей. Вопрос был задан хозяином вполне буржуазной квартиры на улице Лион, расположенной недалеко от одноименного вокзала, куда Морозини отправился, чтобы доставить удовольствие давней подруге. Властный и сухой тон во всех отношениях подходил Эврару Достелю, аристократу, который настолько проникся новыми идеями, что стал писать свою фамилию в одно слово, отказавшись от апострофа, по его мнению, совершенно вышедшему из моды. Это, впрочем, не мешало ему тиранить служащих возглавляемого им департамента в Министерстве социального обеспечения. Он был затянут в узкий черный пиджак и полосатые брюки, его длинную тощую фигуру венчала голова с седеющими и заметно сильно поредевшими волосами, «фасад» поражал сочетанием выразительного носа с плачевным отсутствием подбородка. Эврар надеялся скрыть этот изъян за ленинскими усами и бородкой, однако последняя лишь сильнее подчеркивала огромное адамово яблоко, выпиравшее из целлулоидного воротничка с загнутыми краями. На переносице торжественно восседало пенсне.

Будучи примерно одних лет – сильно за сорок – со своим гостем, он являл с ним разительный контраст. Альдо Морозини был высок, строен и очень элегантен в своем сшитом в Лондоне костюме, таком же, как у принца Уэльского. Его густые темные волосы, слегка посеребренные сединой, составляли идеальное сочетание с загорелой кожей и породистыми чертами лица, с беспечной улыбкой и насмешливым взглядом голубых глаз, которые в моменты гнева становились зелеными. Что случалось нередко: будучи венецианцем до мозга костей, он обладал горячей кровью и чувствительным слухом.

Бросив еще один долгий взгляд на картину, Альдо ответил на заданный ему вопрос другим вопросом, следуя приобретенной за долгие годы привычке, которая позволяла ему не прерывать нить размышлений:

- Если я правильно понял мадемуазель дю План-Крепен, эта дама – ваша тетушка?

Глава департамента поджал губы, словно проглотил горькую пилюлю:

- Да. Это баронесса д'Остель, урожденная Олимпия Кавальканти. Она пела в театре Сан-Карло в Неаполе, когда мой дядюшка воспылал к ней страстью и женился на ней. Разумеется, о лучшем она и мечтать не могла: подумаешь, какая-то актрисулька!

Морозини сдвинул брови. Фамилию эту он когда-то слышал. Страстный любитель оперы, как и его мать, он вспомнил, что она упоминала имя Олимпии Кавальканти.

- У нас не принято называть примадонну актрисулькой, – сухо возразил он. – Если память мне не изменяет, Олимпия Кавальканти довольно рано завершила свою блистательную карьеру. Вероятно, она любила вашего дядюшку?

- Он был очень богат, знаете ли. Я готов допустить, что внешностью его Господь не обидел, но уверяю вас, не будь он обладателем большого состояния, она ничем бы не пожертвовала ради него. Они жили, можно сказать, на широкую ногу. Много ездили: два или три раза совершали кругосветные путешествия и несчетное количество раз посещали Италию, Америку, так что в своей парижской квартире бывали не часто, а в фамильном замке в Перигоре и того реже. Поэтому продали его, что ускорило смерть моего отца. Он-то был младшим в семье, и ему пришлось работать, чтобы прокормить семью, тогда как дядюшка Грегуар со своей шлюхой развлекались по дворцам и казино, – бросил Достель с почти осязаемой ненавистью.

- Как давно скончался ваш дядюшка?

- Три года назад, и она, естественно, унаследовала все его состояние. Мне самому ничего не досталось, и после похорон на кладбище Пер-Лашез, кстати, народу пришло очень мало, я больше никогда не встречался с этой женщиной. Знаю только, что она жила почти полной затворницей в своей квартире на улице Фезандри. Вместе с двумя слугами, которых она сделала наследниками всего, что у нее осталось и что я пока не сумел оценить, но сделаю это обязательно, ибо намереваюсь оспорить завещание...

- Зачем? Я полагал, что она оставила вам...

- Свой портрет... и драгоценности!

Морозини не смог скрыть изумления:

- И вы недовольны? Черт возьми! Что еще вам нужно? Портрет кисти Болдини стоит очень дорого, а драгоценности, которые я с первого взгляда опознать не могу, хотя они кажутся мне знакомыми, представляют собой целое состояние: у них наверняка королевское происхождение, и крест, к примеру, явно флорентийская работа, я склоняюсь к эпохе Медичи...

Эввар Достель издал неприятный смешок и досадливо передернул плечами:

- Медичи? Не смешите меня, дражайший! Хотите, я покажу вам то, что получил от нотариуса?

- Будьте так любезны! - отрывисто сказал Морозини, чувствуя, как в нем закипает гнев. Обращение «дражайший» было совершенно неуместным.

Оставив князя наедине с бывшей дивой, во взгляде которой он теперь смог угадать, что она была вполне способна сыграть какую-нибудь шутку со своим «племянником», Достель вышел из гостиной, но почти сразу вернулся со шкатулкой размером с обувную коробку - впрочем, довольно красивой благодаря инкрустациям из эбенового дерева и слоновой кости! - и, поставив ее на сосновый столик рядом с небольшой голубой вазой, где подрагивало несколько нарциссов, извлек из нее четыре предмета: браслет из трех лепестков, жемчужную «гирлянду» хорошего блеска, но с камешками среднего размера, перстень, усеянный крохотными бриллиантами и с половиной жемчужины посередине, и, наконец, изображенное на портрете ожерелье, но без креста. Последний, равно как и серьги, блистал своим отсутствием.

- Вот! - провозгласил Достель, и его ноздри задрожали от негодования. - Вот эти самые драгоценности! Кстати, оставлены они вовсе не мне, а моей жене! Вы можете мне объяснить, куда подевались серьги и крест? - спросил он, мстительно ткнув пальцем в портрет.

- Откуда мне знать? Нотариус ничего не сказал вам?

- Когда?

- В тот момент, когда вручал вам драгоценности. Полагаю, вы выразили ему свое удивление?

- А вы как думаете! Он предположил, что мадам д'Остель каким-то образом распорядилась ими незадолго до смерти. Что ее побудило к этому, я не постигаю: она просто купалась в деньгах! - с раздражением бросил Эввар.

- Если бы их продали на аукционе, я бы знал об этом, можете не сомневаться.

- Неужели?

Очевидно, он не поверил. Морозини пояснил сухо:

- У меня сеть информаторов по всему миру: ни одна сколько-нибудь заметная качеством своим или происхождением вещь не могла бы миновать меня. Смею вас заверить, что ни в одном аукционном зале этих драгоценностей не видели. Если баронесса решила расстаться с ними, она либо подарила их кому-нибудь, либо втайне продала.

- Может быть, их у нее украли?

- И она не заявила о краже в полицию? Крайне неправдоподобно. Информация об этих драгоценностях красовалась бы на первых полосах всех газет.

- А если кража произошла в момент ее смерти? К примеру, это могли сделать слуги-наследники...

Морозини взял ожерелье и подошел к окну, желая получше рассмотреть золотую сеточку посередине. Вынув из кармана ювелирную лупу, он вставил ее в глазную впадину, чтобы вынести безошибочный вердикт, затем вновь подошел к портрету и направил указательный палец на драгоценность:

- Взгляните! Крест прикреплен к ожерелью кольцом с рубином. Снять его, не оставив ни единого следа на тонком золоте, мог только специалист, потому что это очень тонкая работа, а вы сами видите, что царапин на металле нет, - добавил он, протянув хозяину дома лупу.

Достель долго изучал ожерелье, затем со вздохом положил его в шкатулку.

- Ваше заключение?

- У меня его нет и быть не может при нынешнем положении вещей, ведь я пока знаю не больше, чем вы...

В этот момент в комнату, где беседовали мужчины, вошла молодая женщина, что явно не понравилось ее мужу:

- Зачем вы явились сюда, дорогая Виолен? Мы обсуждаем серьезные вещи, женскому разуму не доступные! Лучше бы вы сварили нам кофе!

- В полдвенадцатого утра? Это или слишком рано, или слишком поздно, друг мой, - ответила она, и ее мягкий голос приятно пощекотал чувствительное ухо Альдо.

Поистине, эта юная дама была очаровательна, и склонившись к протянутой ему руке, он улыбнулся самой обольстительной из своих улыбок. Прекрасный цвет лица, прекрасные ореховые глаза, прекрасные светлые волосы, гладко причесанные на прямой пробор и собранные на затылке в красивый шиньон, которых, конечно же, никогда не касались святотатственные ножницы парикмахера. Виолен Достель могла бы стать просто неотразимой, будь она одета иначе, а не в это бесформенное платье того же лазурного цвета, что ваза на сосновом столике. Портили ее и нервно подрагивающие губы, которым, возможно, хотелось, но не удавалось улыбнуться, и странное вопросительное выражение во взгляде. На вид ей было около тридцати лет. Впрочем, некоторой силой характера она все же обладала, поскольку оставила без внимания попытку изгнать ее и, напротив, взяла в руки золотое ожерелье из драгоценных камней с таким же благоговением, как если бы это была корона.

- Прелестная вещица, вы не находите?

- Она будет еще более прелестной, когда вы ее наденете, мадам.

- Мне бы очень хотелось, да только повода нет. Разве что в семействе будет какая-нибудь свадьба?

Достель фыркнул самым неподобающим образом:

- Если крест и серьги не удастся найти, разумнее было бы продать все это. Наше финансовое положение значительно улучшится, - сказал он, указав широким жестом и на шкатулку, и на портрет, однако его супруга тут же запротестовала:

- О нет, друг мой! Неужели вы это сделаете? Мы ведем вполне достойный образ жизни, как мне кажется... и я так счастлива, что у меня наконец появились драгоценности. Что касается портрета, на нем изображена наша родственница и, кроме того, он просто освещает нашу гостиную...

Сам Альдо назвал бы эту комнату иначе, но было очевидно, что пожелтевшие обои и разнородные кресла с одинаковой обивкой из желто-голубого репса - из той же ткани были сделаны и двойные гардины, - благодаря портрету стали выглядеть гораздо наряднее. Однако наследника это обстоятельство отнюдь не впечатлило, поскольку он тут же разразился гневной тирадой:

- Вы полагаете, что я до конца жизни должен любоваться женщиной, которая так подло обманула нас? Этому портрету самое место на аукционе, так как он дорого стоит, если верить господину Морозини. И пусть его купит один из ее бывших любовников, уж он-то сумеет создать для него подходящую обстановку.

Альдо подумал, что для бывших любовников, судя по возрасту дамы, времена первой молодости давно миновали. Между тем Виолен попыталась - довольно робко! - оспорить утверждения своего супруга и господина:

- Ах, друг мой! Вам не следует злословить на ее счет, ведь так можно дойти до клеветы. Я никогда не слышала...

- Я знаю, что говорю! Эта мазня на следующей неделе будет выставлена в зале Друо, и драгоценности пойдут туда же!

- Но ведь они принадлежат мне! - жалобно сказала Виолен, с трудом сдерживая слезы.

- Они принадлежат нам, поскольку мы супруги и владеем имуществом совместно. Кроме того, они положительно вскружили вам голову! Вы всегда казались мне весьма разумной женщиной. Оставайтесь такой и впредь! Вы доставите мне удовольствие и...

Морозини решил, что ему пора вмешаться. Очевидное огорчение молодой женщины растрогало его, и хотя ему очень хотелось проучить невежественного беотийца, [1] посмеявшегося назвать картину Болдини мазней, он решил прибегнуть к дипломатическим методам:

- Поступив так, вы совершили бы ошибку, - произнес он. - Во-первых, выставлять этот портрет на продажу сейчас преждевременно. Разумеется, вы выручите за него какие-то деньги, но получите гораздо больше, когда художник покинет наш мир. А ведь ему за восемьдесят...

Альдо сам ужаснулся своим словам, однако с подобным мужланом следовало говорить на понятном ему языке, и Достель действительно сразу же насторожился.

- Кроме того, - продолжал князь, - публичное появление этих драгоценностей произведет сенсацию в среде знатоков. Я знаю таких, кто немедля кинется по следу.

- Вы должны разбираться в этом, ведь если верить нашей кузине План-Крепен, вам нет равных среди экспертов? Вот почему я пригласил именно вас: найдите мне эти драгоценности!

Внезапно воодушевившись, Достель высказал свое требование столь властным тоном, что Морозини ощутил острое желание отхлестать его по щекам. Но из уважения к молодой женщине он лишь пожал плечами и презрительно рассмеялся:

- Только и всего? Вы ошиблись адресом: я не фокусник, и вам это известно! Мадам, мое почтение!

Он уже повернулся на каблуках, когда она окликнула его:

- О нет, умоляю вас! Не... не бросайте нас!

Это была не мольба: это был крик боли. Едва взглянув в прекрасные глаза, налившиеся слезами, Альдо понял, что за его раздражение расплатится Виолетта. Муж ее тем временем бормотал невнятные извинения:

- Я очень сожалею!.. Я так надеялся! Рекомендация нашей кузины... Быть может, я неудачно выразился!

Он был к тому же явно разочарован, и Альдо решил дать ему последний шанс лишь для того, чтобы немного успокоить молодую женщину. Однако он не хотел пробуждать в них чрезмерные надежды.

- Дружеское расположение мадемуазель дю План-Крепен ко мне столь велико, что она склонна сильно преувеличивать мои таланты. Я попытаюсь отыскать хотя бы один след этих драгоценностей, когда сумею точно их идентифицировать.

- У вас есть план? - спросил Достель.

вернуться

1

В Древней Греции жителей Беотии считали тупицами. *(Прим. пер.)*

- Быть может. Мне нужно кое-что выяснить. Если я прав, такие баснословные драгоценности могли принадлежать либо музею, либо представителю прославленной династии, либо крупному коллекционеру.

- ... а наша тетюшка не подпадает ни под одну из этих категорий. Вы забываете, что красивая и ловкая женщина, способная действовать с размахом, может выудить все что угодно у влюбленного идиота.

- Это лишь одна из гипотез. Если это так, драгоценности действительно были украдены, а затем спрятаны с целью выждать, пока вы смиритесь с их потерей, или тайком проданы какому-нибудь богатому и неразборчивому любителю, готовому щедро оплатить грязную сделку. Был ли произведен тщательный обыск в апартаментах вашей тетюшки?

- По моей просьбе нотариус взял это на себя, и я должен сказать, что новые владельцы не посмели протестовать, наверняка из страха перед полицией...

- Не говорите так, Эввар! - воскликнула его супруга. - По словам мэтра Бернардо, они, напротив, охотно согласились на это и были крайне удручены тем, что их могут принять за воров, тогда как наша тетушка проявила такую щедрость по отношению к ним. Нотариус со своими клерками буквально перевернул и там все вверх дном. Это его собственные слова.

- Вы, дорогая моя, настолько глупы, что готовы поверить любой паршивой собаке, стоит той заскулить!

- Мэтр Бернардо излишней чувствительностью не страдает, однако он сказал, что убежден в их искренности.

- Возможно, он их сообщник! Прекратите болтать глупости...

Не желая знакомиться с очередной главой «печальной жизни мадам Достель», Морозини резко вмешался:

- Для начала дайте его адрес! Я намерен посетить его...

- Зачем? - взвился муж. - Он уже все рассказал, и я не вижу, что нового он может сообщить. Мы уже все выяснили с ним.

- Отношения с нотариусами являются составной частью моей профессии. У меня есть соответствующие навыки, поэтому я умею задавать правильные вопросы.

- Как вам угодно! И вы... вы надеетесь достичь цели быстро?

На сей раз Морозини не сумел сдержать улыбки.

- Кто может это знать? Понадобится несколько лет или несколько дней, если удача будет на моей стороне. Розыск такого рода большей частью оказывается делом весьма деликатным...

- И как... как дорого мне это обойдется?

Улыбка Альдо стала презрительной.

- Определенный процент от продажи драгоценностей, поскольку в ваши планы, как я полагаю, не входит оставить их себе. Я не частный детектив и не намерен отказываться от всех своих дел, целиком посвятив себя вам. Вы должны проявить терпение...

- Я понял! Что ж, придется мне потерпеть в надежде, что рано или поздно мне удастся кое-что выручить за эти побрякушки, - вздохнул Достель, закрыв шкатулку и взяв ее под мышку.

Его жена испустила тихий стон, задевший самые чувствительные струны в душе Морозини.

- Если вы не дадите мне слова ничего не предпринимать, я сразу откажусь помогать вам. Ожерелье является вещественным доказательством. Сверх того, я готов заняться этим делом для того, чтобы ваша супруга могла сохранить эти драгоценности... и чтобы доставить удовольствие мадемуазель дю План-Крепен.

Невозможно было выразить яснее, что, если бы речь шла об одном Достеле, ему осталось бы предаваться своим раздумьям и сожалениям. Глава департамента понял это сразу. И Альдо без

труда разгадал брошенный на него злобный взгляд собеседника, который в то же время бормотал, что обещает исполнить это требование. Он выглядел как бульдог, вынужденный отдать кость.

С похвальным намерением разрядить заряженную электричеством атмосферу маленькая мадам Достель осмелилась задать вопрос:

- Мари-Анжелин сказала нам, что вы венецианец, кня... мсье? Это так необычно!

Альдо заметил, что она осеклась на его титуле, несомненно, из опасения пробудить желчный темперамент супруга, ненавидевшего аристократические привилегии. И он улыбнулся понимающей улыбкой:

- Отчего же, мадам? Нас больше трехсот тысяч, и мы делим эту честь с теми, кто родился в Венеции, но больше там не живет.

- Говорят, у вас так красиво!

- Конечно, я тут немного пристрастен, но возражать не стану. В наш город часто приезжают на медовый месяц, - лукаво добавил он.

- Свой медовый месяц мы провели в Роморантене! - вмешался муж, которого явно раздражали эти сентиментально-туристические рассуждения. - Не знаю, известно ли вам, но это также город у моря, где есть замок и красивые дома. Зачем искать далеко то, что имеешь у себя?

- Очарование одного места не лишает очарования другого... и, если мне повезет, вы сможете сравнить. Равно как и с другими городами. К примеру, Брюгге великолепен!

Обрадованный тем, как слегка заблестели ореховые глаза мадам Достель, Морозини распрощался с супругами, вялую руку пожал, несравненно более приятную поцеловал, вышел на лестничную площадку, быстро спустился по лестнице с пятого этажа на первый (в доме не было лифта) и, оказавшись на улице Лион, вновь увидел солнце, которого ему так не хватало в квартире Достелей, обращенной окнами на север. Хотя эта широкая магистраль была застроена хорошими домами, здешние обитатели, к несчастью, оказались между Лионским вокзалом и железнодорожной веткой Бастилии, поэтому их атмосферу часто отравлял паровозный дым, а уши страдали от бесконечных свистков локомотивов. Но цена за жилье была умеренной, главное же, Достель - как ему рассказали! - выбрал это место из-за относительной близости к Министерству социального обеспечения, [2] расположенного на набережной Рапе. Он мог, таким образом, ходить на работу пешком и возвращаться домой тем же манером, что давало существенную экономию для бюджета.

Очень характерно для подобного типа - заботиться только о себе, не думая о том, что молодая жена обречена на соседство с вокзалом, наиболее благоприятным для реализации парижских грез, ведь именно оттуда отправляются в солнечные страны, где приятно жить, - на Лазурный Берег, Итальянскую Ривьеру, в Венецию и другие места, способные удовлетворить влюбленное в красоту воображение, тогда как Виолет этих радостей была лишена, но зато ей приходилось вдыхать тошнотворные испарения...

По улице в поисках клиента медленно проезжало такси. Морозини остановил его и, взглянув на часы, велел отвезти себя на улицу Альфреда де Виньи: он обещал вернуться к обеду, и для нотариуса уже не оставалось времени. С ним можно будет повидаться ближе к вечеру.

По дороге он вернулся в мыслях к чете Достель и оценил собственное поведение. Поначалу

ему несомненно льстила роль галантного кавалера, готового ринуться на поиски ради удовольствия очаровательной женщины, которой достался невозможный муж, но теперь, перед лицом собственной совести, он вынужден был признать, что никакая сила не смогла бы удержать его от охоты за столь необычными драгоценностями. Он был уверен, что когда-то уже видел их, возможно, на другом портрете. Но когда и где? Время создания и происхождение их не вызвали сомнений: шестнадцатый век и, несомненно, Флоренция. Однако его память, обычно безотказная, не желала двигаться дальше – возможно, потому, что была утомлена делом, которое и привело его в Париж нынешней весной по просьбе комиссара Ланглуа. Альдо познакомился с ним в прошлом году, когда велось следствие о краже «Регентши», [3] обнаружившее тайную деятельность видной персоны высшего парижского общества, скончавшейся при забавных обстоятельствах, которым был обязан своей славой президент Феликс Фор. Замешанная в преступлении дама полусвета обладала весьма сомнительной репутацией и была, несомненно, связана с воровским миром. Вскоре выяснилось, что жилище этого элегантного, красноречивого, образованного, богатого и вхожего в лучшие дома холостяка превратилось в огромную шкатулку для коллекции драгоценностей, доставленных сюда из самых разных стран Европы, причем все они – без единого исключения – в один прекрасный день или прекрасную ночь исчезли из мест своего привычного обитания. Некоторые из них – отнюдь не самые заурядные! – стали проблемой для главы Сыскальной полиции, воззвавшего к глубоким познаниям своего бывшего подозреваемого, Альдо Морозини, с которым он поддерживал теперь наилучшие отношения. И князь-антиквар действительно сумел опознать многие украшения, давно покинувшие футляры августейших особ или давних друзей. Однако все эти разыскания потребовали довольно напряженной работы мозга. В этом-то и была, вероятно, причина неожиданного провала в памяти.

вернуться

2

Это красивое здание XIX века, которое совершенно подавляется унылой массой Министерства финансов, расположенного на той же набережной. (Прим. авт.)

вернуться

3

См. роман «Жемчужина императора». (Прим. авт.)

Добравшись до места, Морозини расплатился с таксистом, добавив по обыкновению щедрые чаевые, и устремился в особняк своей двоюродной бабушки, маркизы де Сомьер, где он обычно останавливался, когда приезжал в Париж. Дом находился между дворцом и парком Монсо, куда выходили фасады внушительных зданий, построенных во времена Второй империи. Особняк предназначался для одной из прекрасных львиц, цариц парижской разгульной жизни, в которую влюбился дядюшка мадам де Сомьер. Он женился на этой женщине к ужасу семьи и на свое счастье, поскольку у нее было состояние, тогда как азартные игры и ставки на бегах совершенно его разорили. Но зато он был красавец-мужчина, и она прониклась к нему настоящей страстью. Изгнанная из хорошего общества пара жила в мире и довольстве – ей не хватало лишь ребенка, который освятил бы столь удачный союз. Поэтому баронесса де Фошроль, овдовев, сделала своей единственной наследницей юную Амели, племянницу мужа, которую случайно встретила на прогулке. Ну и скандал разразился в семействе! Однако Амели, уже бывшая замужем за маркизом де Сомьер, сочла это забавным: пожертвовав деньги

благотворительным организациям, она с благословения своего супруга оставила за собой дом с окнами в парк, где и поселилась после свадьбы сына, которому предоставила в полное распоряжение фамильный особняк в предместье Сен-Жермен. С той поры она жила здесь, наслаждаясь полной свободой в обществе старых слуг и кузины, которая была гораздо моложе ее и служила ей компаньонкой, камеристкой, чтицей, конфиденткой, рабыней. Можно было бы даже сказать, что Мари-Анжелин дю План-Крепен отдала маркизе свою душу, если бы она не была столь благочестивой особой. Они много путешествовали, а в промежутках приятно проводили время в Париже, часто вмешиваясь – к величайшему своему удовольствию, но порой и в крайней тревоге – в бурные похождения князя-антиквара, что вносило в их существование изрядную толику перца.

Со своей стороны, Альдо Морозини безраздельно обожал – невзирая на чрезмерное изобилие позументов, кисточек, помпонов, галунов, пуфиков, ковров, гобеленов и прочей пышности, которую так любила первая хозяйка особняка! – как сам дом, так и его обитательниц.

– Дамы мои у себя? – спросил он старого дворецкого, который принял у него шляпу и перчатки. – Надеюсь, я не опоздал?

– Нет, госпожа княгиня еще не вернулась...

– Это означает, что она вышла?

– Хм... да. За покупками, полагаю...

Вместо ответа Альдо расхохотался. Не будучи расточительной от природы – швейцарское происхождение обязывает! – его жена Лиза любила Париж почти так же, как Венецию, которая была ее великой страстью еще до того, как она познакомилась с будущим мужем... Дважды в год она приезжала сюда ради коллекций самых знаменитых модельеров, а также ради небольших лавочек, картинных галерей, мастерских художников и аукционов, ибо она разбиралась в древностях лишь немного меньше своего супруга, у которого два года проработала секретарем. [4] Как говорил Альдо, у нее был нюх охотничьей собаки, и она нередко раскапывала вещи, достойные выставочного зала в венецианском дворце Морозини, куда устремлялись коллекционеры и любители редкостей со всего мира.

Прекрасно зная, где отыскать «своих дам» в это время суток, Альдо направился прямо в зимний сад, к большому павильону с японскими витражами, предназначенный архитектором для сбора цветов и чаепития. В саду, примыкавшем непосредственно к дому, царил приятный хаос – олеандры соседствовали с бамбуком, рододендроны с пальмами, юкка с неизбежными аспидистрами, – и мадам де Сомьер проводила здесь гораздо больше времени, чем в салонах, которые она находила невыносимо скучными... Пробираясь сквозь заросли, Альдо услышал недовольный голос, что несколько его не взволновало: маркиза и План-Крепен обожали устраивать ораторские поединки по самым разнообразным поводам, начиная от своих читательских пристрастий и кончая хитросплетениями европейской политики, не упуская также из виду новости, пришедшие по почте, и сплетни, собранные на ранней мессе в церкви Святого Августина, ревностной прихожанкой которой была Мари-Анжелин. Ее патронесса, со своей стороны, отличалась некоторой склонностью к вольтерьянству и ограничивала свои отношения с Господом воскресной службой в одиннадцать часов, куда отправлялась разряженная в пух и прах, как и полагается благородной даме, желающей нанести визит более титулованному знакомому.

В этот день спор, похоже, разгорелся из-за приглашения, относительно которого возникли разногласия. В данный момент свою точку зрения излагала мадам де Сомьер:

- Вы случаем не заболели, План-Крепен? Неужели я, в моем-то возрасте, обязана тащиться к дикарям?

- Вечные преувеличения! Ведь прошлым летом мы не считали, будто миссис Ван Бюрен только что выскочила из ирокезского типа? Я припоминаю, как мы говорили, что находим ее любезной в общении, и не могу понять, отчего присланное ею приглашение заставляет нас лезть на стену? - воскликнула компаньонка, которая обращалась к маркизе только в первом лице множественного числа, что сначала раздражало старую даму, но затем стало для нее привычным и даже приятным.

- Любезной в общении? Где вы набрались таких слов? Насколько мне известно, царствование Людовика XIV давно закончилось?

- У нас просто плохое настроение... и плохая память! Гораздо легче придраться к моим словам, нежели чем признать, что я права.

- В чем?

Решив, что слышал достаточно, Морозини вошел в сад и увидел то, что ожидал увидеть: тетушку Амели, восседавшую в своем большом белом ротанговом кресле на подушках из китайского шелка с вышитыми розами перед небольшим столиком, где лежала свежая почта - будучи большой любительницей эпистолярного жанра, маркиза состояла в переписке с доброй половиной Европы, - и Мари-Анжелин, которая мерила большими шагами мраморный пол, прикрытый легкими циновками, потрясая посланием на толстой кремовой бумаге.

- Ну, о чем идет спор сегодня? - спросил Морозини, целуя свою двоюродную бабушку. - Обсуждаете одну из сентенций Екклесиаста?

Маркиза ответила ему добродушной улыбкой.

- Хочешь уверить, будто не подслушивал, скверный мальчишка? Вот и не заставляй меня повторять. В письме, которым План-Крепен размахивает, словно зулус дротиком, содержится приглашение от миссис Ван Бюрен провести сезон на ее вилле в Ньюпорте.

- А вы знаете, что эта вилла - настоящий дворец, чем-то напоминающий Версаль?

Она сверкнула на него темными глазами, зрачки которых по-прежнему блистали свежим цветом молодой травы. В свои восемьдесят лет она сохранила прямую осанку высокой, худой, аристократической фигуры, ее длинную шею поддерживал кружевной воротник на китовом усе, великолепно подходивший к платью и служивший опорой для целой коллекции золотых и жемчужных ожерелий со вставками из янтаря, розовых кораллов, аметистов, аквамарин и опалов, которыми она поигрывала с неподражаемым изяществом, равно как висевшим на отдельной цепочке лорнетом. Следуя моде, по-прежнему дорогой ее сердцу, она зачесывала в высокий валик белоснежные волосы с вкраплениями рыжих прядок и в своем «княжеском» одеянии походила, в зависимости от освещения, либо на Сару Бернар, либо на королеву Александру Английскую. Она обладала умом, не уступавшим в быстроте взгляду, крепкими зубами, великодушным сердцем, и Альдо ее боготворил.

Гораздо менее живописной, но такой же прямой, как жердь, была Мари-Анжелин дю План-Крепен, которую маркиза часто называла своим церковным сторожем. Старая дева - хотя ей исполнилось только тридцать восемь лет, она явно оставила мысли о замужестве - густыми завитками палевых волос напоминала желтого барашка, но все остальное было у нее острым: и нос, и кости, и ум. Она отличалась почти энциклопедическими познаниями и разнообразными

талантами, благодаря которым стала одним из самых ценных и эффективных помощников Морозини.

При виде Альдо ее лицо вспыхнуло от удовольствия.

вернуться

4

См. роман «Голубая звезда». (Прим. авт.)

- Ну как? - спросила она. - Вы видели портрет? Что вы о нем думаете?
- Портрет заслуживает всяческой похвалы. Почему вы не сказали мне, что это работа Болдини?
- Я хотела сделать вам приятный сюрприз, поскольку опасалась, что владелец вам совсем не понравится.
- Не самый выдающийся образчик человеческой породы, его жена, право, заслуживает лучшего!
- Это и мое мнение, - вздохнула мадам де Сомьер. - Подумать только, ведь ее выдали за этого скрягу под предлогом, будто он занимает высокое положение в обществе! Ваши кузены Меркантиры совершенно лишены чувства реальности, План-Крепен.
- Они всегда пытаются поймать дьявола за хвост, мы все это хорошо знаем. Им казалось, что глава департамента непременно должен стать министром. Если бы вы видели Виолен до замужества! Она была само очарование.
- Она и сейчас очаровательна.
- Да, но так замкнулась в себе! И так скверно одевается!

Маркиза едва не задохнулась от негодования:

- Не такому помятому сморчку, как вы, План-Крепен, судить о женской элегантности! Можно подумать, будто вы одеваетесь хорошо!
- Мне нечего показать. В отличие от нее!

Альдо, обняв старую деву за плечи, осмотрел ее с головы до ног.

- Я в этом совсем не уверен! Надо сказать Лизе, чтобы она в ближайшее же время занялась вами. У нее дар превращать куколку в бабочку и наоборот...
- Каждому свой стиль, - провозгласила мадемуазель, покраснев так, что физиономия обрела цвет зрелого перца. - И всему свое время. Мы говорили о портрете мадам д'Остель и о драгоценностях, в которых она позировала.
- Именно это и следует выяснить, - вмешалась мадам де Сомьер. - Откуда они взялись и где они, ведь нотариус клянется, что никогда их не видел?

Альдо уселся в одно из ротанговых кресел, заботливо разгладив складку на брюках, вынул сигарету из золотого портсигара с выгравированным фамильным гербом и стал задумчиво постукивать ею по блестящей крышке.

- Откуда они взялись? Полагаю, ими владели Медичи. Так подсказывают мне стиль и эпоха, но я никак не могу привязать их к определенному лицу, хотя убежден, что они мне знакомы. По крайней мере, крест...

Двоюродная бабушка с удивлением взглянула на него:

- Где же твоя несравненная память?

- Быть может, взяла отпуск... Или я просто старею, - вздохнул Альдо, бросив взгляд на висевшее рядом зеркало, в котором отразились серебристые нити на висках. - Как бы там ни было, вспомнить я пока не могу...

- Ладно, оставим вопрос о конкретном лице! Медичи, это уже кое-что. Где драгоценности могут быть сейчас?

- Откуда мне знать? Возможно, мадам д'Остель спрятала их... Но где, только Господу ведомо. Или же подарила кому-нибудь? Или тайно продала?

- Ни за что не поверю! - воскликнула Мари-Анжелин. - Племянника она, конечно, не любила, но к жене его относилась с большой нежностью. Именно поэтому и завещала свои драгоценности Виолен...

- Поскольку они составляют гарнитур, мадам д'Остель, наверное, пыталась предотвратить их продажу мужем. А он уже хотел это сделать в том случае, если я не отыщу остальное. Он сразу заявил мне, что хочет выставить унаследованные женой драгоценности на аукцион.

- Ты будешь искать их?

- Ну да, тетя Амели! При условии, что он не притронется к вещицам, которые получила его несчастная молодая жена. Эти драгоценности ей очень дороги. Так что после обеда я собираюсь повидаться с нотариусом и что-нибудь выяснить. А кстати, раз уж речь зашла об обеде, вы можете мне сказать, чем занимается моя жена? - добавил он, бросив взгляд на наручные часы.

- Я здесь, здесь! Уже иду, - послышался веселый голос, сопровождаемый стуком высоких каблучков по паркету соседней комнаты.

И Лиза Морозини появилась в зимнем саду, где была встречена тремя блаженными улыбками, приветствующими радость жизни, воплощенную в ней. Свежее дыхание парижской весны ворвалось вместе с высокой молодой женщиной, необыкновенно элегантно в строгом сером костюме, который выглядел так просто именно потому, что стоил очень дорого в ателье любимой портнихи Жанны Ланвен. На ее золотисто-рыжих волосах сидела крохотная шляпка из белого фетра с острым как нож зеленым пером - в тон перчаткам и сумочке из кожи ящерицы; задорный носик уже украсился несколькими веснушками, которые, впрочем, меркли в непосредственной близости от великолепных бездонных глаз редкого фиолетового оттенка. В руках она держала большой букет из желтых тюльпанов и белых лилий, который тут же вручила Мари-Анжелин.

- Я нашла их у Лашома, - сказала она, - и, как мне помнится, вы обожаете эти цвета!

- Еще бы она их не любила, - насмешливо бросила маркиза. - Ведь это же цвета Папы! Но они все равно восхитительны!

Покраснев от радости, Мари-Анжелин взяла букет и поставила его в вазу, а Лиза поцеловала старую даму, прежде чем повернуться к мужу, который обнял ее с такой страстью, что едва не поцарапался о перо на шляпке.

- Все такая же опасная с этими твоими финтифлюшками на голове, - нежно проворчал он и ловко снял украшение, мешавшее поцеловать жену так, как ему хотелось: иными словами, отнюдь не по-семейному, что чрезвычайно нравилось тетушке Амели.

- Не люблю, когда ты опаздываешь, - добавил он, выпустив жену из объятий. - Это глупо, но я все время боюсь, как бы с тобой чего не случилось!

- Так ведь я всегда опаздываю, дорогой!

- Вот почему я живу с чувством постоянной тревоги, - вздохнул он. - И я не могу понять, как изумительная Мина Ван Зельтен, образцовая секретарша, словно проглотившая настенные часы, став Лизой Кледерманн, преобразилась в ужасное существо, начисто лишенное малейшего понятия о времени.

- Ладно! Я постараюсь почаще воскрешать Мину. А сегодня перестань ворчать! У меня для тебя подарок! Я ведь не только к Лашому заглянула.

- Неужели ты посетила блошинный рынок в этом наряде?

- Кто говорит о блошином рынке? Я отправилась в Нейи, чтобы повидаться с доктором Анри Артманом...

- Ты больна? - мгновенно всполошился Альдо.

- Вовсе нет: беременна! Я же сказала, что у меня для тебя подарок. Так вот, в сентябре ты получишь еще одного маленького Морозини!

Обе дамы встретили новость радостными восклицаниями, и только Альдо пробормотал:

- Ты уверена?

- Абсолютно! Винить можешь только самого себя: это нам принес карнавал. Ты помнишь бал у Брандолини?

Конечно же, он помнил великолепный Морской бал, на котором Лиза, наряженная сиреной с морской звездой из коралла и жемчужными нитями в длинных, распущенных по плечам волосах, почти весь вечер танцевала - поочередно! - с двумя мускулистыми тритонами, которым в конце концов удалось привести в ярость ее мужа, наряженного самим собой, то есть во фрак с домино цвета морской волны, расшитого водорослями из рубинов. Засим последовала памятная семейная сцена, окончившаяся пылким примирением, ибо Лиза в тот вечер была воистину неотразима.

- Почему же я должен винить одного себя? - обиженно сказал он. - Мне кажется, некоторая доля ответственности лежит и на тебе!

- Нет, нет и нет! Ты это сделал нарочно! И не поленился уведомить меня, чтобы я ни о чем не

беспокоилась в течение нескольких месяцев, потому что буду сильно занята.

- Я это сказал?

- Конечно! Правда, красноречие твое несколько пострадало из-за всего того, что ты выпил, но сама цель была обозначена очень четко, - заключила Лиза со смехом.

Она уселась рядом с маркизой, а муж спросил ее:

- Но почему Артман? Он же специалист по кишечным заболеваниям...

- ...и президент общества Гинекологии и Акушерства. Вдобавок я очень люблю его, и потом, если бы я пошла на консультацию к доктору Ди Марко, вся Венеция узнала бы новость на следующий день. Я воспользовалась этим небольшим путешествием, чтобы прояснить зародившиеся у меня подозрения.

- Чудесно! - воскликнул Альдо и наконец улыбнулся. - Я так счастлив, сердце мое... Но ты уверена, что будет только один ребенок?

Лиза рассмеялась. Она сама задавалась этим вопросом, поскольку предыдущая беременность привела к рождению близнецов Антонио и Амелии, детей совершенно восхитительных, кто будет спорить, но в свои два с половиной года поставивших на уши весь дом с того самого момента, как они научились передвигаться самостоятельно. Изобретательность этих неотличимых друг от друга ангелочков с лазурными глазами и густыми темными кудрями оказалась необыкновенной и равнялась лишь их обаянию и искренности, поскольку им даже в голову не приходило утаивать какую-либо из своих проделок, которыми сами они весьма гордились. При этом они так нежно любили родителей, что применять по отношению к ним строгие меры было свыше сил человеческих. Короче, прелестные и абсолютно невыносимые дети, так что возможное появление второго дуета заставило Морозини призадуматься.

- Ручаться нельзя, - сказала Лиза, - но Артман считает такой исход маловероятным.

- Это успокаивает! И что мы теперь будем делать?

- Я предлагаю пока что сесть за стол, - сказала мадам де Сомьер. - Уже поздно, а Евлалия будет дуться на нас три дня, если мы не воздадим должное ее гастрономическим талантам!

Обед прошел очень весело. Выпили за здоровье того или той, кто появится на свет. Альдо сиял от радости. В свое время он очень жалел, что был единственным ребенком, как, впрочем, и Лиза, поэтому ему очень нравилась мысль о создании многочисленного семейства и перспектива своего грядущего превращения в патриарха. Он почти забыл о загадочных драгоценностях мадам д'Остель, и вернула его на ристалище Мари-Анжелин, которая спросила, что он собирается предпринять после визита к мэтру Бернардо, если тот не сообщит ему ничего нового.

- Действительно, - воскликнула Лиза, - ты же сегодня утром виделся с этими людьми? Было интересно?

- Более чем! В картине есть что-то загадочное. Великолепные драгоценности, запечатленные кистью Болдини, но никто, похоже, не знает, откуда они взялись. Что касается меня, я точно знаю, что где-то видел их, но не могу вспомнить где. Я старею, счастье мое! Тревожный симптом! - добавил он с принужденной улыбкой. - И все же мне хочется это выяснить: тем самым я мог бы оказать услугу бедной молодой женщине, которая рискует лишиться

наследства, весьма скромного, но для нее очень дорогого!

В глазах Лизы зажегся лукавый огонек:

- Красивая загадка и несчастная молодая страдальца! Все, что ты так любишь! Тогда отправляйся к Болдини и расспроси его. Раз он изобразил эти обольстительные камушки, значит, где-то их видел.

- Я уже думал об этом. Надеюсь, он по-прежнему живет в Париже?

- И не собирается уезжать! - подтвердила маркиза. - И даже намерен жениться!

- В его-то восемьдесят лет? - спросил Альдо, едва не задохнувшись от изумления. - Вы уверены?

- Газета «Фигаро» уверена! А почему бы и нет? Для счастья любой возраст хорош.

- Кстати, - вмешалась Лиза, - что представляют собой эти драгоценности?

- Крест и пара серег. Я попробую нарисовать их, - сказал Морозини. - Ангелина, у вас наверняка найдется листок бумаги и карандаш? Ведь вы рисуете не хуже Дюрера!

Комплимент доставил удовольствие - особенно вкупе с именем художника, произнесенным на итальянский манер, что очень нравилось старой деде.

- У меня есть кое-что получше!

Она вышла и через минуту вернулась, протянув Альдо великолепный - в цвете! - рисунок.

- Почему же вы сразу мне его не показали? - удивленно спросил Альдо.

- Я хотела, чтобы вы увидели драгоценности на портрете. И познакомились с бедной Виолен!

- Какое романтическое имя, - кисло произнесла Лиза. - Оно ей действительно подходит?

- В общем, да, - нехотя ответил ее муж. - Гораздо больше, чем ревность такой дивной женщине, как ты! Ну-ка, посмотри!

В сфере, имеющей отношение к историческим камням, молодая женщина обладала познаниями почти столь же обширными, как ее супруг. Впрочем, она буквально купалась в драгоценностях с детства, поскольку ее отец, банкир из Цюриха Морис Кледерманн, владел одной из самых крупных коллекций в Европе. Внимательно изучив рисунок, она рассмеялась:

- Ты прав, Альдо, либо ты стареешь, либо слишком много работаешь!

- Неужели ты их узнала? Где они? Быть может, у твоего отца?

- Я знаю не больше тебя, где они сейчас, но вот где мы их видели, могу тебе сказать: у нас!

- У нас?

- Вот именно! Разумеется, не в доме Морозини, но в Венеции. В герцогском дворце! Ну, вспоминай же! Портрет Бьянки Капелло, который Флоренция преподнесла дожу Никколо да Понте, желая отблагодарить его за роскошные драгоценности, подаренные по случаю ее

свадьбы с великим герцогом Франческо Медичи. Это произошло вскоре после пожара, почти уничтожившего Дворец дождей вместе с самыми прекрасными картинами Тициана. И Медичи, узнав, что Тинторетто и Веронезе трудятся не покладая рук, чтобы вновь украсить его, приказал изобразить свою Бьянку в этих драгоценностях, желая внести свой вклад в реставрацию.

- Ты совершенно права! - вскричал Альдо, ударив кулаком правой руки в ладонь левой. - Никколо да Понте пошел на большую жертву, подарив Флоренции этот гарнитур, ведь ему так нужны были деньги. Одновременно он провозгласил «Любимой дочерью Светлейшей республики» ту самую женщину, которую в течение многих лет преследовали как шлюху и убийцу. Но дипломатические отношения дороже, не так ли? На сей раз, сердце мое, приключение становится по-настоящему захватывающим. Всем пока!

Не дожидаясь кофе и даже ни с кем не попрощавшись, Альдо ринулся за шляпой, перчатками и первым такси, которое попадется ему на глаза. Изумленные женщины молча взирали на это стремительное бегство. Первой придя в себя после долгой паузы, Лиза произнесла:

- Я спрашиваю себя, не лучше ли мне было промолчать! Я сама подала ему сигнал к охоте!

- Неважно, каким образом это произошло, - сказала мадам де Сомьер, - он все равно обнаружил бы этот секрет! Вы всего лишь ускорили ход дела, моя милая!

- А по-моему, это потрясающе! - с воодушевлением вскричала План-Крепен и в экстазе молитвенно сложила руки. - Нам вновь предстоит пережить одно из захватывающих приключений, столь благодетельных для ума...

- ...и столь пагубных для всеобщего спокойствия! - закончила фразу старая дама.

- Кто может пожелать спокойствия, когда речь идет...

- Обо мне, например, - жалобно сказала Лиза. - Когда я носила близнецов, то не меньше шести раз оказывалась на грани самоубийства, пока Альдо и наш дорогой Адальбер скакали во всех направлениях, разыскивая два зеленых камушка, испарившихся из Иерусалима! В этом не было ничего захватывающего!

- О, я об этом не забыла, - вздохнула Мари-Анжелин. - Как мне хотелось тогда, чтобы и мы остались там! Но пришлось уехать! - добавила она, выразительно взглянув на маркизу.

Мадам де Сомьер, ухватив свою трость за хрустальный набалдашник, концом ее ткнула свою чтицу в плечо:

- Довольно бредить, План-Крепен! Даже Альдо способен уговориться. Особенно зная, что наша Лиза находится в положении, которое в прежние времена называли интересным!

- Это вы грезите, тетя Амели! Держу пари, что это увлекает его куда меньше, чем побрякушки Бьянки Капелло!

- Разумеется, нет! - со смехом отозвалась маркиза. - И пари с вами заключать не буду, потому что боюсь проиграть. И все же этот мужчина без всякого сомнения обожает вас.

- Если бы я в этом хоть на секунду усомнилась, пальцем не пошевелила бы, чтобы подарить ему еще одного наследника, - сказала Лиза, наливая себе вторую чашку кофе. - Но, боюсь, не удастся мне потолстеть! По крайней мере, сейчас! Хотя два лишних килограмма у меня уже

есть! – с грустью заключила она.

Глава II

Странная история

Посетив нотариуса, Морозини не узнал ровным счетом ничего нового. Мэтр Бернардо принял его с изысканной любезностью крючкотворов старой школы, которые с давних пор привыкли безошибочно определять социальный статус своих посетителей. Даже не имея Альдо княжеского титула, мэтр сразу понял бы, с кем имеет дело. Тем более что фамилия Морозини кое-что ему говорила.

Обменявшись с гостем протокольными приветствиями у дверей, он подтвердил, что никогда не держал в руках и даже не видел пресловутый гарнитур.

– Хотя я много раз пытался это сделать, – вздохнул мэтр Бернардо, разводя холеные руки в знак разочарования, – но стоило мне заговорить об этом с мадам д’Остель, как она заявляла, что столь дорогие драгоценности следует скрывать от людей, что она покажет их мне в нужное время, что торопиться нам некуда... И все это с очень странной, я бы сказал, насмешливой улыбкой, которая, по правде говоря, мне весьма не нравилась. В общем, я ничего не сумел вытянуть из нее. А теперь она умерла, и больше никто не знает, где же эти камни!

– А слуги-наследники?

– Нет, что вы! Я с ними поработал, как выражаются в полиции. Это славные, простые люди, очень удрученные истериками господина Достеля. «Что могли бы мы сделать с подобными вещами? – сказал мне Проспер, муж. – Да нас бы убили, если бы мы оставили их себе!»

– В общем-то, он прав, но если бы драгоценности перешли к мадам Виолен д’Остель, опасность угрожала бы уже ей.

– В любом случае баронесса сначала вручила бы их мне. Нет, поверьте, когда Проспер и его жена клянутся, что никогда их не видели, они говорят чистую правду. Я в этом абсолютно убежден.

– Это еще более удивительно! Ведь баронесса должна была надеть их, перед тем как позировать Болдини?

– Конечно. Но обычно она хранила их в футляре. В таких вещицах среди бела дня не показываются. Даже в автомобиле это небезопасно.

– Хорошо! Оставим это пока! Прямо от вас я пойду к художнику и расспрошу его. Это мой давний друг. Но ответьте мне еще на один вопрос. Знаете ли вы, откуда или от кого достался этот гарнитур мадам д’Остель?

– Да. Она сказала мне, что драгоценности ей подарил один поклонник в те времена, когда она пела на европейских оперных сценах.

– Поразительная щедрость! Она когда-нибудь выступала в Америке?

– Нет. Она боялась моря, после того как едва не погибла во время шторма, хотя пересекала всего лишь Па-де-Кале. Что уж говорить об Атлантике!

- Мне говорили, что она была итальянкой?
- Да. Из Феррары.
- Как и Болдини! Очень занятно! Но я, наверное, отнял у вас слишком много времени, мэтр?
- Вовсе нет! Говорить с вами – одно удовольствие! Если я правильно понял, вы собираетесь заняться поисками?
- А что бы вы сделали на моем месте? Я люблю подобные загадки, – с улыбкой произнес Морозини.
- В таком случае, искренне желаю вам решить ее... и если бы я посмел...
- Продолжайте...
- Нет, это бесполезно! Простите меня. Если вы найдете эти драгоценности, газеты только об этом и будут писать...
- ...если сумеют получить информацию! Не беспокойтесь! Если удача мне улыбнется, я сразу же дам вам знать. Взамен прошу вас присмотреть за Эвараром Достелем! Он обещал не продавать ничего из маленького наследства своей жены, пока не получит известия от меня, но я ему совершенно не доверяю!
- Я тоже! А вот она – трогательное создание. Я сделаю все, что в моих силах...

Великий художник жил по адресу бульвар Бертье, 41, в розовом доме, верхний этаж которого занимала мастерская. Подобно соседним, этот квартал, возведенный на месте бывших городских укреплений, приютил целую колонию людей искусства. Морозини уже бывал здесь, но на этот раз подумал, что сегодня ему не избежать железной дороги, на этот раз расположенной поблизости ветки Париж – Сен-Лазар, периодически выплевывающей в окружающее пространство тучи угольной пыли... Болдини провел в этом квартале несколько десятилетий своей жизни, и самые красивые женщины мира приходили позировать в комнату со стеклянной крышей, откуда можно было увидеть только небо.

Будучи завсегдаем, Морозини поднялся на крыльцо, позвонил в дверь и стал ждать. Через какое-то время одно из окон распахнулось, из него высунулась голова мужчины в фуражке и в круглых очках на длинном носу. Ворчливый голос осведомился:

- Кто там?

Затем, когда Альдо снял шляпу и отступил на шаг от стены, художник воскликнул:

- О! Какой приятный сюрприз! Морозини?

- Да, мэтр. Это я!

- Подождите! Я сейчас спущусь и открою вам! Служанка ушла за покупками.

Через несколько секунд дверь открылась и на пороге появился маленький коренастый человек, уже очень пожилой и с первого взгляда походивший на бульдога, но, присмотревшись внимательнее, можно было обнаружить, невзирая на морщины и поредевшие усы, прежний гордый профиль, насмешливый рот, прямой нос и глаза... Вот глаза действительно утратили

свой ярко-карий цвет и поблекли. Но сейчас лицо художника лучилось от радости. Обняв гостя с подлинно итальянским пылом, он воскликнул:

- Поистине, это сердце мое узнало вас, ибо зрение мое, увы, потеряло былую остроту. Быть может, это произошло потому, что я думал о вас...

- Какая неожиданная честь! Неужели вы обладаете еще и даром двойного зрения?

- Мне хватило бы одного, но только хорошего! Я почему-то надеялся, что вы придете, а по какой причине, скажу позже. Вы давненько ко мне не заглядывали!

- Должно быть, года три-четыре. Я очень хотел навестить вас в прошлом году, но...

- Вы были слишком заняты. Газеты сообщили мне о ваших столкновениях с русскими, о жемчужине Наполеона и обо всем прочем.

В квартире на первом этаже, где обитал художник, комнат было немного: гостиная и спальня, но весь ансамбль радовал глаз. Помимо картин и рисунков, развешанных на всех стенах, здесь было много цветов, главным образом роз, чей аромат проникал повсюду. Однако памятный Альдо беспорядок заметно уменьшился.

- Похоже, у вас превосходная служанка! - сказал Альдо.

- Неплохая, но цветы - дело рук Эмилии. Она украсила мои последние дни, а поскольку вы не знаете, кто такая Эмилия, я расскажу вам о ней: примерно три года назад ко мне пришла взять интервью молодая журналистка из туринской «Газетта дель Пополо», и я оставил ее при себе. О, не подумайте ничего дурного. Просто мы сразу прониклись самыми нежными чувствами друг к другу...

- Как мне сказали, вы подумываете жениться на ней?

- Да. Это выглядит смешно, не так ли?

- Будь это кто-нибудь другой, быть может! Но только не вы! У необыкновенного человека - необыкновенная жизнь.

Они вошли в спальню художника, где тот охотно проводил время, когда не работал в мастерской. Это была красивая комната в английском духе, где кровать - очень красивая, в стиле ампир, не слишком большая, с восхитительным голубым покрывалом - не навязывала своего присутствия. Зато на белом мраморном камине бросался в глаза великолепный бюст кардинала. Это была работа Бернини, создавшего нарочито высокомерный образ, в котором ничто не напоминало о христианском смирении. Кардинал из рода Медичи походил на мушкетера, по ошибке надевшего не ту шляпу! Альдо рассматривал его с удовольствием, равно как и яркий портрет молодой женщины в белом муслиновом платье, висевший напротив кровати.

- Ваша нареченная мирится с такими свиданиями в ее отсутствие? - спросил Морозини, взяв рюмку с отменным коньяком, которую художник налил по собственной инициативе. (Это был любимый коньяк Морозини, а Болдини обладал прямо-таки несокрушимой памятью.) - Она не ревнует?

- Не больше, чем ревновала бы моя дочь. Видите ли, Морозини, поначалу я думал удочерить ее, но в Ферраре у меня осталась семья, и это усложняло дело. Выйдя за меня замуж, она

станет моей наследницей, и я обеспечу ее на всю оставшуюся жизнь. Такой же способ выразить любовь, как и все прочие...

- Отнюдь не самый плохой! Это очень похоже на вас. Сверх того, я убежден, что она вас любит, ведь обаяние ваше остается по-прежнему неотразимым.

Это был не комплимент, а констатация факта. Всю свою жизнь Джованни Болдини обожал женщин - и лошадей! - которые нередко отвечали ему взаимностью, настолько силен был исходивший от него магнетизм.

- Она так мила, что позволяет мне в это верить, - улыбнулся художник, - но я этим не злоупотребляю. Эмилия окружила меня нежным вниманием, что бесконечно ценно для меня сейчас, когда силы мои тают.

- Ваши силы тают? Бросьте! Вы умрете стоя! Какая красавица вдохновляет вас в этот момент?

- Я сейчас портретов не пишу. Зрение мое слабеет, и работаю я теперь только углем. - Внезапно сменив тон, он вдруг спросил в упор: - Почему вы никогда не заказывали мне портрет вашей жены?

Морозини покраснел.

- Я бы никогда не осмелился. Самые знатные дамы осаждают вас своими мольбами, и есть такие, которые просят написать их еще раз. Сколько вы сделали портретов Луизы Казати?

Болдини скупо улыбнулся:

- Несколько... если считать и копии! Я не устоял перед искушением и переделал для самого себя ее портрет девятьсот девятого года.

- Тот самый, где она, одетая в черное, держит за бриллиантовый ошейник черную борзую, и на этом фоне выделяются только ее белые длинные перчатки, букет пармских фиалок и само лицо! Ей было тогда двадцать пять лет... и она была изумительна. Но если вы хотите получить Лизу, это еще не поздно сделать, при условии, что вы поторопитесь! Она сейчас в Париже...

- И вы не взяли ее с собой? - подскочил художник. - Приведите ее немедленно!

- Боже мой! Я не ожидал такого взрыва энтузиазма. Правда, я всегда знал вас как человека безудержного, но пока, дорогой мэтр, сообразовайте потерпеть и разрешите мне поговорить с вами о другом портрете.

- Каком?

- Баронессы д'Остель!

Внезапно Болдини расхохотался, и в смехе этом прозвучала юношеская веселость. Его прекрасный басовитый голос неожиданно стал звонким.

- Я не думал, что сумею так позабавить вас, друг мой! - с некоторым удивлением произнес Морозини. - Вы знаете, что она умерла?

Художник, слегка успокоившись, снял очки, чтобы вытереть глаза, и налил в рюмку гостя вторую порцию чудесного «Наполеона».

- Действительно, это совсем не забавно, а смеюсь я от радости, что сбылась моя надежда привлечь внимание какого-нибудь эксперта к написанному мною. И что этим экспертом оказались вы! Это настоящее счастье! И еще утешение!

- Почему?

- Я скажу вам потом. О чем вы хотели узнать?

- О том, что ваша модель сделала с драгоценностями, в которых позировала. Я имею в виду не ожерелье, а крест и серьги Бьянки Капелло!

- Вы их опознали? Bravo! Впрочем, поскольку это вы, я не удивляюсь.

- Опознал их не я, а Лиза. Она вспомнила портрет, который находится в Венеции. Но, если я правильно понял, драгоценности эти вам знакомы?

- Да. Я видел их до того, как стал писать портрет.

- Тогда вы должны знать, каким образом они стали собственностью мадам д'Остель?

Улыбка Болдини на мгновение превратилась в ухмылку фавна.

- Но они никогда не были ее собственностью, - мягко сказал он.

- Как?

- Вы слышали. Эти драгоценности никогда ей не принадлежали. По правде говоря, она впервые увидела их на портрете. Впрочем, они ей страшно понравились.

Альдо встал, чтобы получше рассмотреть ухмылку кардинала Бернини. Обернулся он, сдвинув брови.

- Вы смеетесь надо мной, мэтр?

- Вовсе нет! Добавлю, что на вашем месте я реагировал бы точно так же. Мы оба итальянцы, и Феррара не так далеко от Венеции. А теперь оставьте Медичи в покое и присядьте! У вас слишком высокий рост, и у меня начинается головокружение! Вот, так будет лучше! - добавил он, когда Морозини исполнил его просьбу. - Я хочу рассказать вам одну историю, и, надеюсь, она вас заинтересует...

- При такой-то преамбуле? В этом нет никаких сомнений. Продолжайте!

- Ну, так я начну с Олимпии Кавальканти, иначе говоря, мадам д'Остель. Она из Феррары, как и я, и детьми мы жили с ней на одной улице. Когда мы встретились много лет спустя, она стала знаменитой, я тоже. Она была необыкновенно красива, знаете ли...

- Это видно по ее портрету. Когда вы его написали?

- Примерно три года назад. Добавлю, что я давно хотел написать ее - мы были тогда довольно близки! - но ей вечно не хватало времени, а потом мы потеряли друг друга из вида. До того вечера, когда она пришла ко мне с просьбой сделать, наконец, ее портрет. Признаюсь вам, я заколебался...

- Потому что она постарела, а вы любите только молодых?

- Пожалуй, да, впрочем, она сохранила многое от былой красоты, и перед ее яркой личностью моя кисть все же не устояла. Особенно когда она сказала мне, что хочет быть изображенной в великолепных драгоценностях, которых не могла иметь в лучшие свои времена. Я подумал сначала, что она желает остаться после смерти в роскошном облике, идеализированном благодаря магии чудесных камней.

- И это оказалось не так?

- Да, не так. Я это не сразу понял, но в конечном счете она призналась мне, что у нее есть племянник-наследник, которого она терпеть не может еще и потому, что он, женившись на очаровательной молодой женщине, сделал ее несчастной. Поэтому она решила завещать ему свой портрет и свои драгоценности при условии, что последние перейдут в собственность жены. В сущности, она желала привести в ярость этого скарредного мозгляка. Вот ее слова: «Знаю, что Виолетта будет очень рада носить то, что я оставляю ей на самом деле, а он, надеюсь, лопнет от злости или же его хватит удар. Гарпагон невинное дитя по сравнению с ним, и он перевернет небо и землю, чтобы узнать, куда подевался бесценный гарнитур». Вот тогда я и согласился писать ее...

- Но ведь она рисковала усугубить трудности Виолетты?

- Нет, поскольку в том случае, если она уйдет из жизни, не оставив детей, драгоценности перейдут в собственность одной из благотворительных организаций.

- Иными словами, она не имеет права распоряжаться ими по своему усмотрению? Следовательно, мсье Достель солгал мне... и, возможно, нотариус тоже! Продолжайте!

- Я согласился, но в некотором роде сменил прицел. Ведь я намеревался запечатлеть на своем полотне украшение из рубинов и алмазов, как меня и просили, но мне пришла в голову мысль, что я получил возможность реализовать давнишнюю мечту, наведя молнии Правосудия на след убийцы.

- Я не принадлежу к судейскому сословию, и молнии Правосудия, как вы выражаетесь, мне недоступны.

- Да, но вы, без всякого сомнения, обладаете самым тонким нюхом во всем, что имеет отношение к знаменитым камням. Если бы вы не зашли ко мне, я бы сам написал вам... Вот почему вместо никому не ведомого гарнитура я изобразил Олимпию в прославленных драгоценностях Флорентийской колдуньи!

- Во Флоренции сказали бы, что она скорее Венецианская колдунья, - заметил Морозини и после паузы добавил: - Иными словами, вы видели их с такого близкого расстояния, что смогли в точности воспроизвести их на картине, но вы не знаете, где они, поскольку упомянули об убийце. О том, кто завладел ими, как я полагаю.

- Ваши предположения верны, и теперь я должен перейти к другой истории, гораздо более мрачной...

Послышался звук открывшейся и тут же захлопнутой входной двери. Художник осекся и заговорил гораздо тише:

- Если это Этьенетта, горничная, мы можем продолжать. Если же Эмилия, побеседуем в другое время. Ни за что на свете я не хочу впутывать ее в эту историю! Она мне слишком дорога, а дело может оказаться опасным...

Это была Эмилия. Через мгновение она появилась в алом костюме, подчеркивавшем ее красивую фигуру, в светло-сером шарфе в тон перчаткам и в маленькой круглой фетровой шляпке на густых темных волосах, к которым явно не прикасались преступные ножницы парикмахера. Как истинный обожатель женщин, Болдини ненавидел круглую стрижку «под мальчика», лишившую их самого прекрасного из всех украшений. Вдобавок такая прическа совершенно не подходила бы к овальному лицу счастливой мадонны, каким обладала вновь пришедшая, чей встревоженный взгляд тут же обратился на склонившегося перед ней гостя.

- Князь Морозини, дорогая Эмилия, - представил его художник. - Кажется, я говорил вам о нем не меньше десяти раз?

Молодая женщина быстро положила на столик перевязанную розовой ленточкой коробку из кондитерской и протянула Альдо руку в перчатке, которую не стала снимать, чтобы не создавать излишней суматохи.

- Как минимум! - подтвердила она с улыбкой, по-детски трогательной и простодушной. - Очень рада познакомиться с вами, князь! Я отнесу это Этьенетте и попрошу ее приготовить чай, - добавила она, вновь взяв коробку с пирожными и окинув ее оценивающим взглядом хозяйки дома, которая не ожидала гостей и опасается, что угощения не хватит на всех. Болдини засмеялся:

- Этьенетта еще не вернулась, и я совсем не хочу пить чай. Не беспокойтесь так, Эмилия! Все у нас хорошо!

- Тогда я вас оставлю?

- Нет, это я оставлю вас, - сказал Морозини, одарив ее самой ослепительной из своих улыбок. - Мне нужно идти. Что же касается дела, о котором мы говорили, - продолжил он, обращаясь к Болдини, - нам стоило бы обсудить его без спешки. Завтра, если вы свободны, дорогой мэтр? Мы могли бы пообедать вместе, к примеру, в «Ритце»?

Глаза художника сверкнули прежним блеском за стеклами очков. Было видно, что он очень рад приглашению.

- Прекрасная мысль! Я не был там уже несколько месяцев!

- Может быть, вы предпочитаете «Максим»?

- О нет! В полдень так скучновато, а вечером для меня слишком поздно! Что вы хотите, я становлюсь чем-то вроде старой развалины, которую правительства разных стран украшают орденами, но никуда больше не приглашают! Вы придете с княгиней? - добавил он, не желая отказываться от своих намерений.

- Деловой обед не допускает женского присутствия, - мягко возразил Альдо. - Вы увидите с ней позднее.

Радость, осветившая лицо художника, померкла, словно под набежавшим облачком:

- Позднее? Боюсь, друг мой, как бы это не оказалось слишком поздно для меня! Возможно, мне лучше и не встречаться с ней? Мучительно сознавать, что я уже не способен передать на полотне ее красоту! Эта разновидность бессилия даже хуже, чем все остальные, и появляется она тоже с возрастом...

В голосе художника звучала настоящая боль, поразившая Морозини. Неужели Болдини так постарел? Или так болен? Бесконечно грустно было слышать, как он говорит о бессилии, ведь его сексуальные аппетиты были хорошо известны, а его модели – за редчайшим исключением! – были уверены, что он непременно попытается затащить их в постель. Неужели веселого фавна так тяготил возраст или он использовал это сравнение с целью показать, как его больше тревожит упадок неистового таланта?

– Ну-ну, – сказал Морозини художнику, который провожал его до двери. – Когда готовишься жениться на столь красивой женщине, черным мыслям предаваться грешно. Вам достаточно простого карандаша, чтобы на бумаге возникли невероятные отблески красоты! Вы – как феникс, который всегда возрождается из пепла. До завтра...

Высматривая такси, Альдо подумал, что в отношении любого другого это был бы явный перебор, но Болдини родился, как и он сам, под солнечным небом Италии, где люди с неподражаемой грацией преувеличивают все события повседневности. Не худший способ поднять жизненный тонус, и в данном случае наградой ему стала улыбка художника.

Он убедился, что полностью достиг своей цели, на следующий день, когда Болдини, опираясь на трость с янтарным набалдашником, торжественно вошел в холл «Ритца» на Вандомской площади. Альдо едва узнал его. Из вчерашнего кокона в фуражке и шерстяной кофте явилась на свет великолепная серо-черная бабочка, в одеянии которой была продумана каждая деталь – и безупречно сшитый костюм, и серая продолговатая жемчужина на черном шелковом галстуке, и ослепительно белый воротничок с загнутыми краями, и бутоньерка с розеткой ордена Почетного легиона, а также знаками отличия кавалера итальянской Короны, и изящные золотые запонки. Даже лихо закрученные тонкие усики обрели прежний победоносный вид. Словом, подлинное возрождение!

Эта героическая попытка совершенства внешнего облика была вознаграждена удивленными и вместе с тем радостными приветствиями – великий художник уже давно не бывал в свете! – многих посетителей ресторана и приемом, которым почтил его прославленный Оливье Дабеска, всемогущий метрдотель «Ритца». Встретив обоих мужчин у порога, он проводил их к одному из лучших столиков с видом на сад.

– Ваш визит для нас честь, увы, слишком редкая, мэтр, но тем большее удовольствие видеть вас снова!

– Я теперь почти не выхожу, дорогой Оливье, и только по настоянию князя Морозини выполз из своей норы. Но признаюсь, что я счастлив оказаться вновь в этом прекрасном заведении и воздать должное его кухне.

– К примеру, нашему фаршированному морскому языку под соусом ампир?

Художник расхохотался и словно обрел утраченную юность:

– Ну и память у вас! – вскричал он, окинув элегантно и украшенный цветами зал прежним взглядом победителя.

– Не только у Оливье прекрасная память, – сказал Морозини, беря предложенное ему меню, – я заметил двух или трех красивых женщин, которые глядят на вас с явным вождением. Не сомневайтесь, они знают, кто вы такой...

Ошибиться в этом было невозможно. С появлением художника многие изящные дамы явно оживились. Начались оживленные перешептывания, прекрасные глаза заблестали при мысли

о магических портретах, тайной которых обладал этот человек. Женщины представляли себя на месте герцогини Мальборо, княгини Бибеско или принцессы Анастасии Греческой, мужчины не без зависти вспоминали величественное изображение Верди и совершенно потрясающее – Робера де Монтестью.

- Вам нужно лишь выбрать, если вы сами не против, – шепнул Альдо, радуясь этому маленькому триумфу художника, но тот с улыбкой отверг предложение:

- Если я еще способен создать великую картину, позировать мне будет ваша жена или вы оба? Напомните мне, чтобы я показал вам «Прогулку в лесу», где запечатлены супруги Лидиг. Я очень люблю это полотно, которое пришлось переделывать после их развода, поскольку ни один из них не пожелал сохранить изображение другого...

- И вы считаете это ободряющим примером? Рисуйте Лизу, если хотите, но я на это не пойду!

- Маловерный!

Наслаждаясь икрой и знаменитым морским языком под соусом ампир, Морозини предоставил своему визави возможность вновь погрузиться в столь приятную для него атмосферу, поскольку знал, что тема для разговора у них всегда найдется. За тушеной бараниной побеседовали о лошадях, которых мэтр любил едва ли не меньше женщин, и лишь когда подали кофе вместе с выдержанным арманьяком в низких хрустальных бокалах, Альдо решил приступить к главному сюжету.

- Быть может, теперь вы расскажете мне о драгоценностях Колдуньи? – вздохнул он. – Мне не терпится узнать, где и когда вы их видели?

Болдини поднес к длинному носу бокал с темно-золотистым напитком, ноздри его дрогнули, и он закрыл глаза, чтобы полнее ощутить божественный аромат.

- Много лет назад я отправился на Сицилию по приглашению князя Ганджи и провел несколько дней в его изумительном дворце в Палермо. Вы хорошо знаете Палермо, князь?

- Более или менее! Сицилия, подобно Венеции, представляет собой замкнутый мир, враждебный нам, северянам. Однако к Палермо я питаю слабость. Этот город, насыщенный запахами буйной растительности, ухитряется быть средневековым и одновременно мавританским на острове, где всегда преобладало греческое искусство. У меня сохранилось ощущение, будто я попал в сказку «Тысячи и одной ночи», по недоразумению ожившей на другом берегу.

- У вас острый глаз, и вы совершенно правы. В этих фантастических дворцах, окруженных сказочными арабскими садами, течет очень странная жизнь и порой происходят события невероятные. В качестве примера я избрал костюмированный бал, устроенный одним дворянином на изумительной вилле Багерия по случаю помолвки с молодой флорентийкой, идеально красивой девушкой, которую звали Бьянка Буэнавентури. Темой бала был Ренессанс, и мне редко удавалось видеть столь прекрасное празднество. Сады с фонтанами и водопадами, освещенными тысячами маленьких огней, создавали атмосферу тайны, подчеркивали пышность костюмов, источали ароматы, где запах роз и апельсиновых деревьев смешивался с запахом мирта и всех растений Востока. Это была гигантская благоухающая курильница под темно-голубым небом, усеянным сверкающими звездами, или огромный букет цветов. По саду непринужденно прогуливались люди в роскошных одеяниях, которые, надев их, словно бы сменили кожу. Невидимые музыканты негромко наигрывали на скрипках и арфах нежные мелодии, пришедшие из глубины веков, и у всех возникло впечатление, будто мы принимаем

участие в некоем балете, поставленном бесплотным режиссером, который звуком рожка заставил нас устремиться в украшенный зеленью зал, где ужину должна была предшествовать церемония вручения кольца невесте. Ее никто еще не видел, и я признаюсь вам, что, когда она вошла, у меня пресеклось дыхание!

- У вас? Художника, создавшего портреты незабываемых женщин?

- Это слишком сильно сказано. Незабываемыми я бы их не назвал - за редчайшими исключениями. Но ту женщину я не забуду никогда. Она была в изумительном платье шестнадцатого века из белого атласа, переливающегося золотом, из широкого ворота, словно цветок из вазы, поднималась лебединая шея, чистое лицо обрамляли густые золотистые волосы, под тяжестью которых голова слегка клонилась назад, что делало еще более прекрасными ее глаза, самые темные и самые бархатные из всех, какие я когда-либо видел. Настолько они были великолепны, что почти затмевали драгоценности: длинный крест на простой шелковой ленте, покоившийся на почти полностью открытой груди! И серьги, которые мне незачем описывать, потому что вы уже видели их вчера.

- Эти драгоценности принадлежали ей? Вы сказали, что ее звали Буэнавентури - как юношу, который похитил Бьянку Капелло из Венеции и был впоследствии убит?

- Они действительно принадлежали ей, но лишь с того самого вечера: накануне праздника жених Дарио Павиньяно собственноручно украсил ими свою невесту, а в момент обручения просто надел на палец кольцо с огромным рубином, которым вы также могли восхититься. Но не спрашивайте меня, каким образом оказался у него этот гарнитур. Была ли это семейная реликвия или он купил эти драгоценности? Он был очень богат...

- Я склонен принять семейную версию. Или же они были куплены тайно... Впрочем, на Сицилии возможно все. Несомненно, это самая таинственная и самая непредсказуемая часть нашего королевства. Неважно, каким образом они стали собственностью новой маркизы Павиньяно...

- Если бы это было так, я никогда не позволил бы себе украсить ими шею Олимпии д'Остель. И вы еще не услышали конец этой истории. После обмена кольцами и ужина празднество продолжало идти своим чередом, не теряя своей гармонии и веселья. Каждый сознавал, что видит подлинно счастливую пару, которая через месяц скрепит свой союз священными узами брака. Они идеально подходили друг к другу, хотя Павиньяно был старше невесты на два десятка лет. Но он отличался изумительной красотой, и не было никаких сомнений, что оба они горячо любят друг друга. Затем начался бал, который продлился до рассвета, ибо все присутствующие предавались развлечениям, не помышляя о сне.

- Но что-то прервало веселье?

- О да! Жуткая драма.

Болдини поставил на стол хрустальный бокал, который согрел в своих ладонях, и Альдо увидел, как его руки судорожно дрогнули. Художник потупился и заговорил глухим голосом:

- Танцы продолжались около часа, когда жуткий крик пронзил атмосферу этой сладостной ночи и положил конец празднеству: одна влюбленная парочка, искавшая уединения возле фонтана посреди круглой площадки, окруженной густыми зарослями тиса, внезапно обнаружила невесту, лежавшую в луже крови. Ей перерезали горло, и, разумеется, на ней не было уже ни креста, ни сережек, которыми некогда владела Strega. [5] Лишь обручальное кольцо с рубином осталось на пальце...

- Какой ужас! - выдохнул Морозини вместе с сигаретным дымом. - Убийцу нашли?
- Да и нет. В этом преступлении обвинили Павиньяно.
- Но это же бессмысленно! Человек обожает свою невесту, устраивает в ее честь одно из таких празднеств, которые можно увидеть лишь раз в жизни, дарит ей королевские драгоценности и, находясь на вершине счастья, убивает, чтобы забрать то, что сам вручил? Быть может, несчастный помешался?
- Никто не смог бы сказать, поскольку обнаружить его не удалось. Он исчез, не оставив никаких следов, словно был вознесен на небо или же поглощен бездной. Больше его никто никогда не видел.
- Но ведь было же расследование, суд, наконец?
- Расследование тайное, суд без обвиняемого. Никто из тех, кто присутствовал на празднестве, не желал быть замешанным в это чудовищное дело. Кроме того, у девушки не оказалось родных, а Павиньяно не оставил наследника, так что некому было тормозить полицию с целью завладеть имуществом... на которое государство наложило секвестр. Да и потом, вы же знаете, какой силой обладает мафия на Сицилии. Газетам заткнули рот и передали дело в архив, после того как Павиньяно был заочно приговорен к смерти!
- И вы промолчали, подобно всем остальным? Это не похоже на вас!
- Не совсем так, поскольку я изобразил на картине пропавшие драгоценности. Вследствие чего стал получать письма с угрозами, как, наверное, и другие участники бала. И все-таки мне удалось увидеть еще раз гарнитур Бьянки Капелло, - добавил художник, не отрывая взгляда от собеседника, чтобы оценить его реакцию.
- Она оказалась именно такой, как он ожидал. Прикрыв глаза и с наслаждением потягивая арманьяк, Морозини едва не поперхнулся коньяком, закашлялся, побагровел, поспешно схватил стакан с водой, которая постепенно вернула ему нормальный цвет лица. Болдини не удержался от смеха:
- Простите! Я не ожидал такого эффекта.
- Уж если говорить об эффектах, вы умеете их преподносить! Великое искусство! Где же вы снова увидели драгоценности?
- В Лондоне, в конце двадцать первого года. Не знаю, известно ли вам это, но я скрывался там в самом начале войны, пока не выбрал в качестве окончательного убежища Ниццу. В Англии у меня осталось несколько друзей, и в День святого Сильвестра один из них предложил мне пойти в «Ковент-Гарден», где Тереза Солари должна была петь Тоску. Признаюсь вам, я был в восторге: я всегда обожал Солари и особенно в этой, просто созданной для нее, роли. Но в тот вечер она превзошла саму себя полнотой и силой чувств, не доступной прежде даже ей...
- Подождите! Ведь именно тогда она и разбилась?
- Не разбилась, а была убита. Некая преступная рука открыла люк под матами, на которые она приземлялась, после того как в соответствии с ролью кончала с собой, бросившись с крепостной стены замка Святого Ангела. В нужный момент маты убрали, и несчастная провалилась в подвал театра.

- Да, это так. Пресса писала, что убийца хотел завладеть ее драгоценностями. Как все великие певицы, она надела одно из собственных украшений...

- Да, но нигде не было сказано, что речь идет о гарнитуре Бьянки Капелло. Мне хватило беглого взгляда, чтобы узнать его, и во время представления я не сводил с него бинокля. Вам не стоит объяснять, как тяжело мне было видеть эти кровавые камни на груди такой великой певицы.

- Убийцу схватили?

- Насколько я знаю, нет, хотя полицейский, который вел это дело, был отнюдь не новичок! Весьма странная птица, скажу вам! В своем неизменном широкополом плаще грязно-желтоватого цвета он походил на летучую мышь.

- Главный суперинтендант Гордон Уоррен. Я прав? - с широкой улыбкой осведомился Морозини.

- Вы его знаете?

- Ваше описание изумительно. Мы с моим другом Видаль-Пеликорном прозвали его Птеродактилем. Как видите, вы недалеко ушли от нас. После первого знакомства... скажем так, весьма неприятного, он стал нашим лучшим другом. Но меня удивляет, что он закрыл следствие, не добившись результата. Наряду со своим французским коллегой комиссаром Ланглуа это один из наиболее цепких и упорных полицейских из тех, что мне известны. Настоящий профессионал, которому поручают вести самые деликатные дела.

- Я не говорил, что он прекратил расследование, а сомневаться в его профессиональных качествах было бы дурным вкусом. Но когда я вернулся во Францию, следствие застряло на мертвой точке... или же английская полиция просто не сочла нужным информировать такого иностранца, как я? В любом случае, большой симпатии ко мне никто не испытывал.

В этом Морозини ничуть не сомневался. Пристальный взгляд желтых глаз Уоррена во время бурного начала их отношений забыть было невозможно. Согласно критериям суперинтенданта, великий Болдини с его итальянской болтливостью и одновременно несколько пренебрежительным высокомерием подпадал под категорию сомнительных иностранцев, не заслуживающих доверия. Вместе с тем имело смысл наведаться в Лондон, чтобы поговорить с Птеродактилем по душам, и Альдо уже начал обдумывать эту интересную мысль, когда обнаружил, что внимание художника переключилось с него на пару, которую Оливье Дабеска с трагической миной провожал к одному из столиков в центре зала, после того как мужчина властным жестом отверг предложение разместиться в глубине. Несомненно, он желал, чтобы весь ресторан любовался его спутницей. И она поистине того заслуживала! Восхитительная молодая блондинка с темными глазами, цвет которых колебался между синим, темно-зеленым и черным, одетая в превосходный черный костюм с норковым манто, чье авторство не вызывало сомнений - стиль одного из великих кутюрье угадывался за версту, и Морозини не мог решить только, был ли это Жан Пату или Люсьен Лелон. Зато он уверенно определил руку Каролины Ребу в крохотной шляпке с черной вуалеткой, элегантно сидевшей на светлых, артистически уложенных волосах. Лишь она была способна создать этот шедевр неустойчивого равновесия, весьма напоминавший модели, которые безумно нравились Лизе.

вернуться

Колдунья (итал.).

Ее спутника никак нельзя было назвать обаятельным красавцем: в свои пятьдесят с лишком он выделялся лишь кичливостью манер, которую венецианец инстинктивно ненавидел, зная по опыту, что те, кто имеет право на высокомерие, крайне редко демонстрируют его, считая это проявлением дурного тона. Однако незнакомец был очень богат, о чем безошибочно свидетельствовали как жемчуга молодой женщины, так и его собственная коллекция золотых украшений: помимо толстой, как якорный канат, цепочки от часов, пересекавшей жилет, браслета на запястье и перстней на каждом втором пальце, из того же металла были громадная булавка на галстук с огромным алмазом посередине, портсигар и зажигалка. Последние два предмета он выложил на стол, что явно мешало официанту, но, поскольку ему очень нравилось поигрывать ими, никто не посмел бы просветить его на сей счет: в этом храме хорошего вкуса клиент был, по определению, всегда прав.

Внешние данные незнакомца, по-видимому, не играли большой роли для нежно поглядывающей на него спутницы. Жесткое лицо с кожей в красных прожилках, весьма заметный двойной подбородок, маленькие глазки неопределенного цвета, глубоко сидящие в орбитах под нависающими над ними клочковатыми седыми бровями, отнюдь не красили его. Среднего роста, он был словно выломан одним ударом резца из шероховатого камня, напоминающего гранит. Из его широченных плеч выпирала шея, более короткая, чем высокий жесткий воротник, заставлявший вздергивать вверх голову. В довершение всего он носил длинные монгольские усы, не скрывавшие, а скорее подчеркивавшие безжалостные складки в углах рта и выражение тупого упрямства. Однако Болдини с неослабным вниманием вглядывался именно в этого человека. Поначалу Морозини это позабавило.

- Вы избрали не ту цель, дорогой мэтр. Этот мерзкий тип не заслуживает вашего интереса, а вот его спутница...

- Всего лишь красивая женщина, - откликнулся художник с неожиданной резкостью. - Вы поняли бы это лучше, если бы узнали, что ее спутник замешан в двух драмах, о которых я вам только что рассказал... Мне хотелось бы еще выпить. Вы не возражаете?

- Напротив! Я последую вашему примеру.

Жестом подозвав официанта, Альдо сделал заказ, исполненный почти мгновенно. И пока Болдини отпивал золотистый напиток, не сводя глаз с незнакомца, он осторожно предположил:

- Не означает ли это, что сей господин присутствовал...

- ...на вечере в Багерии и в «Ковент-Гардене». Такую рожу забыть невозможно, поверьте мне, - добавил художник с внезапной нервозностью.

- В таком случае, вы должны знать, кто он.

- Один из американских толстосумов, столь же богатых, сколь плохо воспитанных. Этот родом из Нью-Йорка или Чикаго, я точно не помню. Он управляет там настоящей империей, которая занимается строительством небоскребов - такой своеобразный фасад - и другими, гораздо менее афишируемыми делами. Добавлю, что по происхождению он сицилиец. Зовут его, кажется, Риччи? Да, да, я припоминаю: Алоизий Ч. Риччи.

- Риччи? А он случайно не из Флоренции?

- Ну, в нем нет ничего от Боттичелли или Верроккьо!

- Меня поразила его фамилия. Неужели вы забыли, что один из Риччи сыграл решающую роль в жизни Бьянки Капелло?

И, поскольку Болдини явно ничего об этом не знал, Морозини продолжил:

- Так звали убийцу ее первого мужа, того самого Пьетро Буэнавентури, который похитил ее из Венеции и привез во Флоренцию. Он был сбиром Франческо Медичи, который сделал ее великой герцогиней. А теперь позвольте мне сказать вам, что у нас набирается слишком много совпадений. Нам не хватает только представителей рода Капелло и Медичи, чтобы получить полный набор.

На сей раз художник не сумел скрыть изумления. Его глаза за тонкими стеклами очков в золотой оправе расширились, и он стал еще пристальнее вглядываться в американца. Морозини спросил:

- Что вам еще известно о нем?

- Кроме его неумеренной склонности к блондинкам, которых он, как я слышал, довольно часто меняет, мне нечего вам сообщить.

- Это уже неплохо. Остальное я постараюсь выяснить в другом месте.

Оторвав наконец взгляд от американца, Болдини вздрогнул, словно его внезапно разбудили:

- Вы полагаете, что этот человек мог сыграть какую-то роль в этих двух убийствах? Вы говорите серьезно?

- Очень серьезно! Я бы предпочел, чтобы он коллекционировал драгоценности, а не хорошеньких женщин, но ведь одно другому не мешает, а вы, как мне кажется, не слишком интересовались этим типом.

- Вынужден согласиться и признаю, что почти забыл о нем. Мои воспоминания ожили, только когда я вновь увидел его. Не сочтите меня нескромным, но где вы надеетесь отыскать решение проблемы?

- В Лондоне. Меня вдруг охватило страстное желание снова побывать в Скотленд-Ярде и повидаться с его лучшей ищейкой. Пока же, я думаю, нам предстоит завязать новое знакомство, - добавил он, понизив голос.

Действительно, перебросившись несколькими словами с метрдотелем, Алоизий Ч. Риччи извлек - с медвежьей грацией! - свою тушу из изящного кресла в стиле Людовика XV и направился к столику двух друзей. По этому случаю он украсил физиономию улыбкой во все зубы, разумеется, золотые. Блестящий образчик американского стоматологического искусства, которое не сделало его более привлекательным... Слегка наклонив корпус, он заговорил по-итальянски:

- Мне сразу показалось, что это великий Болдини, и я решил пригласить его за свой столик, однако упрямый осел-метрдотель пытался внушить мне, будто вы не согласитесь!

Захваченный врасплох художник не нашелся с ответом, и Альдо сделал это за него, чтобы дать ему время прийти в себя:

- Этот упрямый осел, как вы изволили выразиться, не только один из самых деликатных и любезных людей в Париже, но также человек, который прекрасно знает тех, с кем имеет дело! В отличие от вас, осмелюсь предположить? Заметьте, он был совершенно прав, предупредив, что ваше приглашение не будет принято.

Публичная отповедь, очевидно, не слишком понравилась американцу, глаза которого злобно вспыхнули. Тем не менее это не помешало ему отодвинуть стул и усесться за стол, не дожидаясь приглашения.

- А вы тут при чем? Вас это совершенно не касается. Впрочем, мне все равно. Синьор Болдини, - начал он, однако Морозини тут же парировал, решив не давать спуску этому типу, который все больше и больше ему не нравился:

- Его следует называть мэтр! Или маэстро, если это вам больше по нраву!

- Мэтр, раз вы настаиваете, но теперь попрошу меня не перебивать! Я бы хотел, мэтр, чтобы вы написали портрет сопровождающей меня молодой особы. Полагаю, в ней есть все, чтобы соблазнить вашу кисть?

- Конечно, она очень красива, но...

- Сейчас вы имеете лишь слабое представление о ее прелестях, скрытых повседневной одеждой. В декольтированном платье она великолепна! Плечи, грудь...

Художник жестом сухо прервал его.

- Нисколько не сомневаюсь, однако позволю себе отказать вам. Я больше не пишу портретов!

- Да что вы? Почему?

- Я немолод, сударь, - сказал Болдини с величайшим достоинством. - Мои глаза и пальцы тоже. Полагаю, на этом мы можем закончить разговор?

Такого Риччи не ожидал. Он явно не привык, чтобы ему перечили.

- Даже не самое лучшее полотно вашей работы стало бы жемчужиной моей коллекции! Я люблю продлевать отношения с женщиной, заказывая ее портрет. Своеобразный способ не расставаться с ней никогда. И я готов заплатить дорого, очень дорого!

- Этот довод для меня значения не имеет. Хотя я не так богат, как вы, мне вполне достаточно того, что есть. Но, чтобы смягчить свой отказ, могу дать вам совет: прогуляйтесь по Монпарнасу! В Париже полно талантливых художников! Начав с «Клозери де Лиля» [6] и закончив Куполом, [7] вы встретите их не меньше дюжины. Вот хотя бы этот гениальный японец, которого зовут Фуджита...

- Это меня не интересует! - перебил художника Риччи. - Либо вы, либо никто!

вернуться

6

Одно из самых известных парижских кафе, где собирались представители артистического мира. (Прим. пер.)

вернуться

7

Разговорное название Французской Академии. (Прим. пер.)

- Значит, никто! Обидно за вашу молодую даму!

Злобный огонек блеснул из-под тяжелых век дельца.

- Лучше бы вы прямо сказали, что не хотите, ведь эта девушка не герцогиня и не модная кокетка...

- Вздор! Я писал не только знатных дам или звезд. И давайте завершим на этом наш спор! Я полностью отказался от портретов... если только речь не идет о лошадях!

Но от Алоизия Ч. Риччи избавиться было не так-то просто. Плотно утвердившись на стуле и опершись локтями о стол, он вознамерился дискутировать дальше, однако Альдо решил, что пришла пора отвадить его:

- Вам не приходит в голову, что вы досаждаете мэтру Болдини? - произнес он ледяным тоном. - Когда мэтр отказывает, это окончательно и бесповоротно.

- А вы не хотите заткнуться? Кто вы, собственно, такой?

- Князь Морозини из Венеции.

В свирепом взгляде американца злоба сменилась изумлением:

- Тот Морозини, что по части драгоценностей?

- Он самый.

- О! Это все меняет, и вы меня очень интересуете! Не знаю, известно ли это вам, но я коллекционирую и женщин, и украшения. Преимущественно знаменитые! Мне кажется, одно гармонирует с другим, а вы как думаете?

- Я думаю, что ваша прекрасная спутница слишком долго пребывает в одиночестве!

- Она привыкла...

- Зато я не привык. Я не терплю, когда женщину заставляют ждать.

С этими словами он посмотрел на часы, встал со своего места и обошел столик кругом, чтобы помочь подняться Болдини:

- Весьма сожалею, - сказал он, - но нам предстоит важная встреча, и условленный час приближается. Простите, мэтр, что я тороплю вас...

- Не стоит извиняться! - сказал художник с широкой улыбкой, в которой сквозило явное облегчение. - Не будь вас, я бы забыл обо всем.

- Я не люблю, когда меня выпроваживают, - проскрипел Риччи, получив в ответ дерзкую

усмешку Альдо и его язвительный совет:

- В таком случае следует научиться уходить с достоинством.
- И еще я не люблю поучений!
- Так не доводите дело до них! Надеюсь, мы больше не увидимся, мсье!
- Ну, это дело другое!

Непрошенный гость наконец поднялся с места и вернулся к своему столику, где молодая женщина, не смея приступить к трапезе без него, томилась перед тарелкой с половиной лангусты, которой, к счастью, не грозила опасность остыть.

- Боюсь, - сказал Болдини, - как бы бедняжке не пришлось расплатиться за наш двойной отказ.

Однако Риччи просто занял свое место и, не удостоив спутницу даже взглядом, принялся пожирать свою порцию с жадностью изголодавшегося человека.

Тем временем Альдо увлек в сторону метрдотеля:

- Этот Риччи, вы его знаете?
- Да и нет, Ваше превосходительство! Он клиент отеля.
- Это означает, что вы с вашим легендарным тактом ничего мне не расскажете, - вздохнул Морозини.
- Себя не переделаешь. Впрочем, я могу высказать осторожное предположение: многие здесь сожалеют, что этот господин с упорством, достойным лучшего применения, останавливается в нашем отеле. У нас есть много американских клиентов, которыми мы очень дорожим, поскольку это достойные люди и с ними приятно общаться, но этот!..
- Почему ваша служба бронирования не откажет ему? На мой взгляд, нет ничего проще, надо просто сказать, что все номера заняты!

От вздоха Дабеска могла бы обвалиться Вандомская колонна.

- Мы сотни раз так говорили!
- И что же?
- А то, что на нас сразу наваливались посол Соединенных Штатов, Кэ д'Орсэ и порой даже Елисейский дворец. [8] Он вроде бы известный меценат и поэтому персоне «в высшей степени grata»! [9]

Тут Морозини расхохотался:

- Я всегда говорил, что республики чрезмерно неразборчивы в связях! Кстати, где он живет, когда не бывает в Париже?
- В Нью-Йорке на Пятой авеню, но главным образом в Ньюпорте, где он, как говорят, построил точную копию флорентийского дворца Питти.

- Включая сады Боболи? - с изумлением спросил Альдо.

- Не знаю. Но он вполне на это способен.

Бережно усадив великого художника в такси и обещав ему зайти вместе с Лизой до ее отъезда в Венецию, Морозини решил вернуться на улицу Альфреда де Виньи пешком. Стояла восхитительная погода, и от небольшого цветочного рынка на площади Мадлен исходил такой сильный аромат сирени, что проходивший мимо автобус не мог заглушить его своими миазмами. Морозини заглянул туда ненадолго, а затем стал неспеша подниматься по бульвару Малерба, размышляя над тем, что узнал от Болдини. История оказалась такой захватывающей, что ему страстно захотелось выяснить всю ее подноготную, но он спрашивал себя, как к этому отнесется его жена. После погони за «Регентшей» и незабываемого путешествия в Индию он обещал больше не расставаться с ней, за исключением тех случаев, когда она едет в Цюрих погостить у отца или в Вену к бабушке, или когда он сам посещает какой-либо аукцион на территории Италии. Сейчас он несколько сожалел об этой рожденной спонтанно, под воздействием сильнейшего волнения, опрометчивой клятве, которую при его профессии было весьма трудно держать. Тем более при беременной жене - ее полагалось беречь по определению. Однако после визита к Болдини и сегодняшнего захватывающего обеда он чувствовал, как нарастает в нем лихорадочное возбуждение, которое рождалось каждый раз, когда перед ним возникал след, горячий или остывший, замечательной драгоценности. И Бог свидетель, этот гарнитур заслуживал такого эпитета! Как и все, что имело отношение к Медичи. Эти меценаты, выплзшие на свет из-под маленькой банковской стойки, обладали природным чутьем и почти визионерским вкусом: они сводили с ума Флоренцию и всю Европу своими роскошными празднествами, произведениями искусства и политическими интригами, которые подарили церкви двух пап, а Франции двух королей! Во всем этом ощущался изрядный запашок серы, чему немало способствовала и женщина, прозванная Колдуньей... Альдо отчетливо сознавал, что ему будет почти невозможно устоять перед мольбой, с которой взывала из глубины веков эта прекрасная дама.

Он понимал также, что грядущее приключение лишится изрядной доли перца без его друга Адальбера Видаль-Пеликорна, которого Лиза именovala «больше, чем братом»...

Приехав в Париж по вызову комиссара Ланглуа, Морозини мог теперь никуда не спешить, поскольку Лиза и багаж уже находились у тетушки Амели. Поэтому он решил пройти через парк Монсо на улицу Жоффруа, где жил археолог, который не подавал о себе вестей в течение нескольких месяцев. Это, впрочем, ничего не означало: хотя Адальбер обладал довольно бойким пером, он не любил писать письма, ненавидел почтовые открытки и одобрял только телеграммы - в случае крайней необходимости. Иными словами, Альдо никогда толком не знал, где пребывает отсутствующий друг. Лишь Теобальд, незаменимый камердинер-повар-секретарь Адальбера, был в курсе его перемещений. Да и то не всегда: случалось, что Адальбер, уехав в Египет или в какую-нибудь другую страну Ближнего Востока, совершал прыжок в несколько сотен, порой и тысяч километров, повинувшись первому побуждению и никого об этом не предупредив. Правда, этот человек занимался отнюдь не одной только египтологией и оказывал множество мелких услуг Франции, не имевших никакого отношения к расшифровке иероглифов, но походивших на них своей полной загадочностью для большинства смертных. Вот почему Морозини почти не удивился, когда за полированной дверью элегантной квартиры обнаружил лишь фигуру в неизменном полосатом жилете - почтительного и безупречного Теобальда. О нет! Господина Адальбера нет в Париже! Уже два месяца как отправился в Долину фараонов, возможно, там и находится сейчас, однако верный слуга не может ручаться в этом господину князю. При других обстоятельствах Морозини был бы только слегка разочарован, но теперь он внезапно почувствовал глубокое сожаление... Словно ему предстояло идти в бой, лишившись панциря или лучшего оружия! Да и веселья прежнего,

конечно, не будет!

вернуться

8

На Кэ д'Орсэ находится Министерство иностранных дел. *Елисейский дворец* – резиденция президента республики. (Прим. пер.)

вернуться

9

Автор обыгрывает латинское выражение *persona non grata* – нежелательная персона. (Прим. пер.)

Глава III

Туманы Темзы

– Рискуя прослыть тупицей, я все же хочу, чтобы мне объяснили, кто такая Бьянка Капелло! – заявила маркиза, выпив последний глоток шампанского и поставив на стол пустой бокал. – Вот уже два дня эта особа разгуливает по моему дому, и никто даже и не думает представить ее мне! – добавила она жалобно.

– Неужели мы не знаем Бьянку Капелло? – вознегодовала шокированная Мари-Анжелин.

– Ну и что? Почему я должна ее знать? Вы вообразили, План-Крепен, будто я веду учет всех потаскух Франции, Наварры и даже других стран, поскольку одна из них завещала мне этот особняк? У меня нет ваших энциклопедических познаний! И я вовсе не Пико делла Мирандола в юбке! – воскликнула мадам де Сомьер, слегка разгорячившись.

– Как можно поминать Пико делла Мирандола и не знать Бьянку Капелло? – вздохнула старая дева, возведя глаза к небу.

– Они же не были супругами, насколько я знаю? И если судить по крохам, подобранным мною то здесь то там, они даже не были современниками! Эпоха Ренессанса обнимает несколько столетий, так что не говорите глупостей! И налейте мне еще немного шампанского!

От Альдо не ускользнул печальный взгляд, брошенный старой дамой на пустой бокал, и он поторопился наполнить его вновь. Было пять часов вечера, и тетушка Амели, которая ненавидела чай – этот отвар! – отмечала по-своему британский *five o'clock*, совершая возлияния в честь «Дом Периньон».

– Спасибо, мой мальчик! Ты возьмешь на себя труд просветить меня?

– Пусть лучше это сделает Лиза, – ответил он, с нежностью взглянув на жену. – Она знает Венецию и ее призраки гораздо лучше меня, и если дом Морозини будет когда-нибудь уничтожен неким катаклизмом, она будет иметь большой успех в роли лектора и гида!

– Но ведь я ненавижу лекции! – вздохнула молодая женщина. – Либо лектор невыносимо

скучен, либо тема! Кстати, от еще одной порции шампанского я бы тоже не отказалась.

- Порядочные лекторы пьют только воду!

- И зря. Быть может, их бы слушали с большим интересом, однако, чтобы доставить удовольствие тете Амели, я приступаю: в ночь на двадцать девятое ноября тысяча пятьсот шестьдесят третьего года...

- Ты даже точную дату знаешь? - с искренним восхищением произнес Альдо.

- Если ты будешь прерывать меня, мы не управимся и за неделю! Итак, я повторяю: в ночь на двадцать девятое ноября тысяча пятьсот шестьдесят третьего года двое влюбленных бежали из Венеции на лодке, которая обычно доставляла в город провизию. Оба совершенно обессилели от страха, ибо в случае поимки их, скорее всего, ожидала неминуемая смерть, по крайней мере юношу, сына флорентийского нотариуса и скромного служащего банка Сальвиати, где он проходил обучение. Девушка же принадлежала к одному из самых могущественных патрицианских семейств Гримальди-Капелло. Она считалась также самой красивой девственницей Венеции, и ее уже обручили с сыном дожа Приули. Ей было шестнадцать лет, и ее звали Бьянка.

- Полагаю, юноша тоже был хорош собой? - промурлыкала тетушка Амели.

- Достаточно, чтобы соблазнить ослепительное создание, предмет грез доброй половины мужчин. Ибо она была еще и богата: обстоятельство, не ускользнувшее от внимания похитителя, Пьетро Буэнавентури, который подучил ее захватить с собой драгоценности и немного золота, да и сам залез в кассу своего нанимателя с целью покрыть первые расходы. В общем, так рисковать - а риск был огромен! - можно было только по очень веской причине! Но предприятие завершилось успешно: они высадились на берег недалеко от Падуи, где наняли лошадей, чтобы добраться до Флоренции... где Бьянка пережила первое разочарование: семья Буэнавентури занимала на площади Сен-Марко узкое высокое здание с двумя окнами на втором этаже, сравнивать которое с дворцом ее отца было бы просто смехотворно. Но любовь их была крепка...

Альдо расхохотался:

- Ах, как мне нравится этот поэтический оборот и эта изящная лаконичность! Тебе следовало бы писать, сердце мое! Предвещаю тебе триумфальный успех.

- Рассказывай сам или помолчи! - парировала Лиза и тут же вернулась к своему рассказу: - Бьянка между тем смертельно скучала, ибо всех развлечений у нее было - разглядывать прохожих из окна и изредка под густой вуалью посещать службу в монастыре Сан-Марко, где, впрочем, один из священников благословил ее брак с Пьетро в часовне, божественно расписанной великим Фра Анжелико. Покидать дом она не могла, ибо в Венеции бегство ее привело к ужасной драме: были обнаружены лодочники, нанятые Пьетро. Их подвергли пытке, а затем казнили вместе с женами. Дядя юноши, старый Буэнавентури, у которого он жил, также попал в руки палачей и вскоре умер, прикованный цепью к стене каземата. Совет Десяти послал самых ловких своих сборов во Флоренцию с целью схватить виновных и доставить в Венецию, где им пришлось бы дорого заплатить за свое преступление.

Пьетро до смерти перепугался и, чтобы обезопасить себя, а также своих родных - весьма недовольных этим безумным браком, за который больше всего укоряла его мать, - решил добиться покровительства Франческо Медичи, сына и наследника великого герцога Козимо I. Расчет был довольно подлым, ибо все знали, что Франческо обожает женщин и готов ринуться

на завоевание любой красоты. Если Бьянка понравится ему, не только молодой чете будет обеспечена защита, но и Пьетро получит существенные выгоды, ведь будущий правитель Флоренции славился своей щедростью...

- Фу! Какой мерзкий тип! - проворчала маркиза.

- Согласна с вами, Пьетро был абсолютным ничтожеством, если не считать внешности. Однако он добился полного успеха. Франческо Медичи принял его весьма радушно и даже с некоторым нетерпением: те редкие люди, которым удавалось рассмотреть юную затворницу с пьядца Сан-Марко, рассказывали о ней чудеса. И, поскольку прежде всего нужно было устроить так, чтобы герцог увидел Бьянку, решили, что в условленный момент молодая женщина выглянет из окна, чтобы подышать свежим воздухом. Риск казался минимальным: Франческо распорядился, что его вооруженные слуги уже с вечера взяли под охрану дом. В назначенное время он стал прогуливаться под окнами Бьянки и смог разглядеть ее во всем блеске расцветшей красоты, ибо она только что произвела на свет дочь. Франческо загорелся мгновенно, ведь Бьянка действительно была очень красива со своими темными глазами, контрастирующими со светлыми волосами, а черты ее лица отличались необыкновенной тонкостью и чистотой. Герцог полюбил ее страстно и стал думать лишь о том, кто мог бы устроить ему встречу с ней...

Лиза на секунду умолкла, чтобы смочить губы искристым вином, отхлебнула глоток и продолжила:

- Эту приятную обязанность взяла на себя одна знатная дама, маркиза де Мондрагон. Она завязала знакомство с Бьянкой и увлекла в свой дом, где по счастливой случайности часто бывал Франческо. Встреча состоялась, и молодая женщина легко ответила взаимностью на чувства герцога. Надо сказать, что в свои двадцать три года Франческо был весьма соблазнитель, хотя симпатий особых не вызывал. От матери, Элеоноры Толедской, он унаследовал элегантную внешность, правильные черты лица и, главное, красивые глаза, зато от отца, страшного Козимо I, - тяжелый характер, природную жестокость, доходившую порой до настоящего зверства, неистовую гордыню и ярко выраженное пристрастие к слабому полу. К несчастью, сын был лишен как отцовского холодного и ясного ума, так и вкуса к политике. Как бы там ни было, между ним и Бьянкой молния ударила дважды, с той и другой стороны, а через несколько дней, когда муж своевременно отлучился в деревню, Франческо явился в дом на пьядца Сан-Марко и овладел своей красавицей. Вскоре их связь стала публичной. Тогда в дело вмешался Козимо I: его ничуть не тревожило, что сын обзавелся очередной любовницей, но пробираться к ней приходилось через ночной город, что было небезопасно. К тому же он хотел женить Франческо на эрцгерцогине Иоганне Австрийской.

- И в заключение он посоветовал разорвать связь? - вмешалась маркиза, слушавшая историю Бьянки с упоением. - Это классика!

- Медичи никогда не отличались пристрастием к классике, - возразила Лиза. - Козимо приказал сыну отправляться на свадьбу с герцогиней, а любовницу поселить в небольшом дворце на Виа-Маджо, на правом берегу Арно, что было гораздо ближе к дворцу Питти, тогдашней резиденции великого герцога. Так и произошло: законная жена Иоганна Австрийская почти сразу забеременела, а для четы Буэнавентури началась роскошная жизнь. Бьянка стала фрейлиной, а Пьетро - камергером, на которого пролился такой денежный дождь, что в народе его прозвали Пьетро Золотые Рога. У него оказалась толстая кожа, и он не обиделся, напротив, обратил данное обстоятельство себе на пользу, постоянно требуя новых финансовых вливаний и доходных должностей. Он неустанно жаловался жене и чуть ли не самому герцогу на то, сколько мук терпит из-за их связи. Эти стенания так утомили Франческо,

что в один прекрасный вечер, во время пирушки с друзьями, он заявил, что назойливый жалобщик, того и гляди, потребует у него наследственное право на верховную власть в Тоскане. Слова герцога не ускользнули от внимания Роберто Риччи, который нередко принимал участие в кутежах Пьетро, и он предложил покончить с вымогателем на условиях полной безнаказанности. Это ему обещали, и в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое августа тысяча пятьсот семьдесят второго года означенный вымогатель был убит несколькими ударами кинжала около своего дома, куда его отнесли, когда рассвело, чтобы подготовить к вечному упокоению. Бьянка, вся в черном, держа за руку маленькую девочку, отправилась к великому герцогу с мольбой покарать убийц мужа. Козимо принял ее тепло и заверил, что будет сделано все, дабы она получила полное удовлетворение, после чего... прикрыл дело. Впрочем, Бьянка, подав столь прекрасный пример супружеской верности, проявила хороший вкус и нашла в себе мужество не настаивать на обвинении. Она поспешила забыть Пьетро и целиком сосредоточилась на новых устремлениях, главным из которых было стать великой герцогиней Тосканы: Пьетро отошел в лучший мир, а здоровье герцогини Иоганны оставляло желать лучшего. И в этом не было ничего удивительного, ибо после свадьбы одна беременность сменялась у нее другой.

Заброшенная, оскорбленная, раздавленная наглой роскошью своей соперницы, несчастная уже не могла чувствовать себя в безопасности за циклопическими стенами дворца. Особенно после смерти Козимо I, который сделал ее великой герцогиней. Она лишилась могущественного заступника, и Франческо не скрывал, как ему не терпится избавиться от нее. Ведь она уже исполнила свою миссию, даровав супругу семерых детей, из которых девочке по имени Мария предстояло стать в один прекрасный день королевой Франции, супругой Генриха IV.

В начале тысяча пятьсот семьдесят восьмого года, ожидая восьмого ребенка, Иоганна была в столь жалком состоянии, что не могла передвигаться самостоятельно. Ее переносили из одной комнаты в другую или в сад, где она могла любоваться фонтанами, в специально сделанном для нее кресле. И вот однажды утром, когда она попросила отнести ее в сад с целью посмотреть на новые каскады и лужайки, несшие кресло лакеи выпустили его из рук на самой середине большой лестницы. Иоганна покатила вниз по мраморным ступенькам, дробившим ей кости. Через несколько часов у нее произошел выкидыш, и она скончалась в ужасных мучениях. Дорога оказалась свободной перед Бьянкой, и Франческо уже заявил о своем намерении жениться на ней. Именно тогда Венеция произвела один из тех невероятных поворотов, тайной которых владел Дворец дождей. Приговорив к смерти, опозорив и презрев Бьянку, Светлейшая республика решила простить ее и провозгласить своей Любимой дочерью. Она даже послала во Флоренцию ее отца, которому предстояло освятить примирение, но...

- А! Имеется все-таки «но»! Я начала подозревать, что все было слишком уж хорошо в этом худшем из миров, - пробурчала мадам де Сомьер.

- В историях такого рода они есть всегда, - улыбнулась Лиза. - Человек, восставший против любовников, был грозным противником, поскольку речь шла о родном брате Франческо, кардинале Фердинандо Медичи. Во время объявления о помолвке он устроил великому герцогу ужасную сцену, заявив, что мул, даже увешанный золотом, не может превратиться в чистокровную лошадь, что прощение Венеции ничего не меняет и что ни Флоренция, ни Австрия никогда не согласятся с этим чудовищным браком. И кардинал уехал в Рим, чтобы не освящать своим присутствием скандальную церемонию. Атмосфера во Флоренции накалялась и становилась невыносимой для Бьянки, которую горожане ненавидели за гордость и бесстыдную роскошь. Дошло до того, что любые неприятности и беды, случившиеся в Тоскане, тут же приписывались ей. И называли ее не иначе как *Strega* - Колдунья!

Великий герцог знал об этом, однако, несмотря на угрозы и аресты, фаворитка не могла выйти

на улицу: стоило ей появиться, как в нее летели камни. Шквал ненависти был таким мощным, что Франческо занемог, и ему пришлось провести несколько дней на острове Эльба. Он ясно понимал, что от этого брачного союза следует отказаться, но ничего не мог с собой поделать. И двенадцатого октября тысяча пятьсот семьдесят девятого года звон колоколов и пушечные выстрелы возвестили о торжественном событии, но толпившийся на улицах народ безмолвствовал, а по пути следования свадебного кортежа поспешно стирали оскорбительные надписи на стенах домов. Перед лицом столь единодушного и явного осуждения герцогская чета решила покинуть дворец Питти и обосноваться за городом, на великолепной вилле Поджо-а-Каеяно, столь дорогой сердцу Лоренцо Великолепного. Франческо, окончательно забросив государственные дела, предался своей давней страсти – алхимии. Он добился некоторых успехов, но недовольство его правлением все возрастало, чему немало способствовали агенты кардинала.

Бьянка страшно перепугалась, узнав, что архиепископ Флоренции с кафедры собора Дуомо обрушился на недостойного правителя и Колдунью, которая царствует, скрываясь от всех, словно прокаженная. Пытаясь отвести угрозу, она сама написала Фердинандо и заявила, что ничего так не желает, как примирения двух братьев. Кардинал вернулся во Флоренцию. Произошел обмен куртуазными визитами, состоялись разнообразные празднества и даже охота, которую очень любил кардинал. Наконец Фердинандо принял в своем дворце герцогскую чету. После ужина супруги вышли прогуляться к маленькому озеру, чтобы насладиться красотой необыкновенной ночи, а на следующий день оба слегли с сильнейшей лихорадкой, приковавшей их к постели. Все закончилось за несколько дней. Первым умер Франческо, затем наступила очередь Бьянки, которая успела написать мужу последнее признание в любви. Венецианские сенаторы воспользовались ситуацией и в один голос объявили, что кардинал отравил «любимую дочь» Республики, но Флоренция, безмерно обрадованная обеими смертями, не обратила никакого внимания на подобные «мелочи». Была устроена иллюминация. Фердинандо, скинув сутану, принял верховную власть и похоронил брата с величайшей пышностью, однако Колдунье в христианском погребении отказал. Ее зарыли ночью, втайне от всех, на каком-то пустыре...

Трое слушателей встретили конец рассказа овацией. Лиза поблагодарила, приложив руку к сердцу, и залпом допила шампанское.

- Не знал, что тебе так близка флорентийская культура, – сказал Альдо. – Я думал, тебя интересует только Венеция.

- И ее уроженцы тоже. А Бьянка была одной из самых красивых женщин Венеции.

- Как бы там ни было, я не знал, чем закончилась эта история. И тело ее так и не нашли?

- Думаю, нет. Впрочем, зачем было его искать? Как ты догадываешься, сбиры Фердинандо не стали хоронить ее вместе с драгоценностями.

- Должно быть, они были великолепными! – вскричала Мари-Анжелин, которая не открывала рта во время рассказа Лизы, что было совсем на нее не похоже. – Известно, что с ними случилось?

Ей пришлось подождать ответа. Старый Киприан, который долго терпел, воспользовался паузой и, провозгласив сакраментальное: «Госпожа маркиза, кушать подано!» – добавил *sotto voce*: [10]

вернуться

Тихо (*итал.*).

- Если кнели перетомятся, придется объясняться с Евлалией! У нее собачье настроение!

Направляясь к столу, Альдо хлопнул дворецкого по плечу:

- Хотите, я с ней поговорю?

- Она обожает Ваше превосходительство, но слепа и глуха, когда одно из ее блюд в опасности! Быть может, если удастся быстро справиться с супом...

Между тем суп оказался очень горячим. С риском обжечься его героически уничтожили за три минуты. Все лица приобрели прекрасный пурпурный цвет, когда появились рыбные кнели по-мантуански, которые раздулись лишь чуть больше, чем следовало. Тем не менее дегустация началась – разумеется, в полном молчании. Только когда Киприан подал телячье рагу со шпинатом, разговор возобновился. Первой открыла огонь План-Крепен:

- Так что же с этими драгоценностями?

Она смотрела на Морозини, и тот сразу понял, к кому относится вопрос.

- Боюсь вас разочаровать, но я ничего о них не знаю. Медичи были так богаты и у них было столько драгоценностей, что очень легко запутаться. Однако мы можем поразмышлять вместе. В первую очередь я собираюсь подправить несколько демонический образ Фердинандо, созданный моей дорогой супругой. После смерти его брата и Бьянки было произведено нечто вроде вскрытия, и во внутренних органах не обнаружили никаких следов яда...

- Ты действительно веришь, что врачи осмелились бы уведомить об этом великого герцога? – возмутилась Лиза. – Только безумцы или самоубийцы могли бы пойти на такое! Но жертвы в последний раз принимали пищу в его доме...

- Избавься от предубеждения, что это жестокий человек! После Лоренцо Великолепного он был лучшим и мудрейшим правителем Флоренции, блистающей и процветающей при нем в мире и спокойствии.

- Однако сутану свою он скинул, как говорит Лиза, – вмешалась Мари-Анжелин, для которой было священным все, что имеет отношение к религии.

- Сутану он носил чисто символически, и была это не сутана даже, а подрясник. Он стал кардиналом в возрасте четырнадцати лет, как это часто практиковалось в наших княжеских семействах, но никогда не получал рукоположения. Между тем Церковь многим обязана ему, в частности в деле распространения веры, но, как истый Медичи, он любил искусство и был страстным коллекционером античных древностей... Это по его приказу в Риме возвели Виллу Медичи, а уже в качестве суверена он создал порт в Ливорно и сильный флот, способный противостоять турецким пиратам. Он поддерживал очень теплые отношения с Екатериной Медичи, и именно она, можно сказать, выдала за него свою племянницу Кристину, дочь Карла II Лотарингского, который вынужден был отказаться от союза с испанцами. Позднее Фердинандо соединил узами брака свою племянницу Марию и Генриха IV. А теперь перейдем к драгоценностям, – поспешно добавил он, увидев, как его жена и Мари-Анжелин порываются

заговорить одновременно.

Обе столь же синхронно закрыли рты. Альдо продолжал:

- У Фердинандо было восемь детей от Кристины Лотарингской, двое из которых возобновили старый союз с Австрией, так что в сокровищницу Габсбургов попало множество украшений, однако я с трудом представляю, что великий герцог предлагает в качестве презента драгоценности, принадлежавшие злополучной шлюхе. Зато он вполне мог включить их в огромную коллекцию своей племянницы Марии. Это было логичнее, поскольку, за исключением пресловутого креста, ее собственный отец подарил их второй супруге. Кроме того, Фердинандо выказал необыкновенную щедрость по отношению к ней. Подумайте сами, ведь галера Марии, на которой она отправилась во Францию, была вызолочена от носа до кормы, украшавший ее французский герб состоял из алмазов и сапфиров, а тосканский блистал рубинами, изумрудами и сапфирами...

- Ну и наворотили! - вздохнула мадам де Сомьер, вяло тыкая вилкой в шпинат, который она не любила.

- Я согласен с вами, и, может быть, вся эта ювелирная мишура несколько осыпалась по ходу плавания, но, если вернуться к тому, что нас занимает, гарнитур Бьянки, скорее всего, попал во Францию вместе с невестой Генриха IV. Мне очень хочется пойти в Лувр, чтобы лучше рассмотреть серию больших полотен Рубенса, посвященных Марии Медичи. Я припоминаю, что на одной из них королева изображена с крестом, очень сходным по стилю...

- В таком случае он должен быть среди других драгоценностей Короны, - констатировала маркиза, а затем добавила: - Слушай, а ведь ты не рассказал нам, что удалось тебе узнать от Болдини.

- Да, верно, - произнес Альдо, и лицо его омрачилось. - Ужасная история, я сам пока не знаю, что думать о ней.

- Так расскажи нам! У нас весь вечер впереди.

Он исполнил эту просьбу за десертом, когда подали торт с клубникой. Рассказ был детально точен, он не упустил даже короткую стычку с Риччи, но когда закончил, словно тень набежала на лоб и прекрасные фиалковые глаза его жены. Он не сразу заметил это, поскольку Мари-Анжелин уже бурно радовалась при мысли, что у этого американца есть дворец в Ньюпорте, куда миссис Ван Бюрен пригласила «нашу дорогую маркизу» и, разумеется, ее саму. Помянутая ею маркиза поспешила охладить ее энтузиазм:

- Спокойнее, План-Крепен! Вы еще туда не попали. Меня не слишком соблазняет это приглашение, но если оно дает вам возможность сунуть ваш острый нос в дела подозрительного персонажа и начать охоту...

- Подозрительного, но очень интересного! И если бы Альдо захотел присмотреться к нему поближе...

- Так и есть! Она должна была это сказать, - вскричала мадам де Сомьер, хлопнув ладонью по столу. - Да вы хоть взгляните на Лизу, дуреха! Можете быть уверены, именно этого она и ожидала!

Альдо пристально взглянул на жену, и глаза его засветились нежностью:

- Ты встревожена, сердце мое? Это правда?
- Правда! Я убеждена, что ты уже устремился, пусть даже мысленно, по следу этих проклятых драгоценностей, а эта история мне не нравится. Эти убитые женщины...
- Пока я просто намереваюсь посетить Лондон и, в частности, Скотленд-Ярд.
- Ты хочешь увидаться с Уорреном?
- Да. Его мнение для меня очень важно. И ты могла бы поехать со мной. Это недалеко, и ты бы могла бы пробежаться по магазинам вместе с Мэри. Должно быть, она уже вернулась из Индии, поскольку ее свадьба с Дугласом Макинтайром состоится через два месяца в Шотландии. [11]
- Мэри в Капуртале, где пишет портрет принцессы Бринда, а Дуглас сейчас в пешаварской миссии. Что до свадьбы, она будет через месяц, но только в Дели, во дворце вице-короля. Я получила от нее письмо незадолго до того, как мы уехали из Венеции!
- И ты мне ничего не сказала?
- У тебя всегда столько всяких дел! Ты ринулся в Париж, как молния, и я догнала тебя лишь через несколько дней... Поэтому у меня все вылетело из головы. Ну, а в Лондон ты поедешь один. Я предпочитаю подождать тебя здесь, если только речь не идет о нескольких месяцах! Не задерживайся надолго, иначе я вернусь домой.
- Альдо присел на корточки перед женой и взял ее руки в свои:
- Мы ведь дали клятву не расставаться? Поедем со мной в Англию и вместе вернемся домой!
- Нет, дорогой мой! Мне есть о ком позаботиться, и потом, я слишком хорошо тебя знаю! Если ты почувешь след, тебя ничто не остановит, и ты окажешься по ту сторону Атлантики, сам того не заметив.
- Ты так сурово меня судишь? - произнес Альдо с такой глубокой обидой, что Лиза расхохоталась:
- Да не сужу я тебя сурово и вообще не сужу. Просто я должна считаться с тем фактом, что у твоей жены нет права на собственные капризы. Это обратная сторона медали.
- Тогда я не поеду, - заявил Морозини, поднявшись на ноги.
- Нет, ты поедешь, иначе ты будешь постоянно ломать голову о том, куда же подевались подарки дожа! А мне нужен покой. Хотя бы на несколько месяцев. Так что поезжай в Лондон, и посмотрим, что из этого выйдет!
- Да, но мне не хочется оставлять тебя сейчас. Ты будешь терзаться, а для ребенка это вредно.
- Ну, не до такой же степени! Если хочешь, я скажу тебе, что меня беспокоит больше всего: ты пускаешься один в эту авантюру, а я уверена, что без приключений это дело не обойдется. Если бы Адальбер был с тобой, я была бы куда спокойнее.

вернуться

См. роман «Жемчужина императора». (Прим. авт.)

- Да, но Адальбер в очередной раз исчез, и никто не знает, где он.

Тетушка Амели, которая вместе с Мари-Анжелин деликатно отдалилась от супружеской четы, вновь выдвинулась на авансцену и покровительственно обняла Лизу за плечи:

- Дети мои, вы напрасно стремитесь предугадать все события! Посмотрим для начала, что привезет нам Альдо от суперинтенданта. Лиза, вы можете оставаться здесь, сколько пожелаете. И распорядитесь привезти близнецов, если скучаете по ним. Что касается Видаль-Пеликорна, должен же он в конце концов появиться? План-Крепен возьмет на себя приятный труд наблюдать за тем, что происходит на улице Жоффруа. Когда он вернется, мы пошлем его к тебе, мой мальчик. Главное, чтобы мы знали, где находишься ты сам.

Лиза повернулась и нежно прикоснулась губами к напудренной щеке старой дамы.

- Вы всегда знаете, что нужно сказать, тетя Амели. С вами все становится проще...

- К тому же, - медовым голосом пропела Мари-Анжелин, разливая кофе, - в случае нужды есть еще я...

Обретя такое утешение, Альдо на следующее утро сел в скорый поезд до Кале на Северном вокзале.

«Что хорошо в англичанах, так это ощущение, будто у них никогда ничего не меняется, - думал Морозини спустя два дня, проходя через решетчатые ворота Скотленд-Ярда. - Это позволяет полностью отрешиться от времени и не замечать, как подступает старость».

Это было верно как в отношении солидного здания с круглой башней из темного дартмурского гранита, словно бросающего вызов векам, так и в отношении часовых в яйцевидных касках с ремнями под подбородком и отменяющих все физические различия, в отношении длины усов, бесконечных серых коридоров и, возможно, постового сержанта, которому Альдо адресовал просьбу о встрече с главным суперинтендантом Уорреном. Действительно, сержант оказался тем самым. Услышав фамилию, он слегка оживился, и на лице его появилось слабое подобие улыбки:

- Давненько мы вас не видели, сэр! - сдержанно сказал он и, сняв трубку внутреннего телефона, поднес ее к уху. Затем, обменявшись парой слов с невидимым собеседником, произнес: «Вас ожидают».

- Тот же этаж, тот же кабинет?

- Конечно, сэр!

Не удостоив вниманием лифт, Морозини стал подниматься по лестнице. В большом здании царил незаметная, но оживленная деятельность. В резиденции полиции Ее Величества двери не хлопали так, как в здании их французских коллег, но атмосфера была тяжелее из-за табачного дыма от трубок - каждый знает, что трубка способствует мыслительному процессу, - и сигарет. Дежурный, который сам не курил, открыл перед посетителем обитую дверь, и тот смог убедиться, что кабинет, где работал его друг, остался таким же - с коричневыми, почти черными ящиками для бумаг, зелеными матовыми лампами, черным потертым кожаным

креслом и неудобными стульями. Единственное изменение – и нешуточное! – появилось в облике самого Гордона Уоррена. Все воспоминания, которые сохранил о нем Альдо, были серого цвета. Однако сегодня он был одет в превосходно сшитый, как обычно, темно-синий костюм – и при этом еще с васильком в петличке. Но неизменный плащ также присутствовал: он висел на вешалке, подобно свернутому флагу.

– Рад видеть вас, Морозини, – сказал Уоррен, поднявшись навстречу гостю. – Надеюсь, это чисто дружеский визит?

Внешне он совершенно не изменился: длинный, тощий, лысый, желтоглазый и тонкогубый. Его костистая, но сильная рука весело стиснула аристократические пальцы посетителя. Тон был спокойным, однако мелькнувшая в глазах искорка и слегка дрогнувшая верхняя губа выдавали радость, которой вскоре предстояло померкнуть, как с большим сожалением предвидел Альдо.

– Я приехал сюда из Парижа с единственной целью – повидаться с вами, – сказал он. – Признаюсь, что у меня есть к вам пара вопросов, но я мог бы написать. И не устоял перед искушением. Однако скажите сначала, как вы поживаете?

– Полагаю, хорошо. Никогда не задаю себе такого вопроса. Но зато хочу узнать новости о Лизе. Впрочем, если вы были в Париже, то свежих вестей у вас нет?

«Чертов полицейский! – подумал Морозини, – Значит, ты стремишься выведать, что я делал во Франции?» Впрочем, скрывать здесь было нечего, и он ответил сразу:

– Она воспользовалась моей поездкой, чтобы обойти всех модельеров, следовательно, пребывает в хорошей форме. Что до меня, со мной пожелал проконсультироваться ваш коллега Лаглуа в связи с довольно мутным делом...

– Любопытная коллекция этого виконта, избравшего для себя смерть прямо как у президента, верно?

– Положительно, от вас ничего нельзя скрыть, – со смехом произнес Альдо. – Нам удалось вернуть некоторые драгоценности их законным владельцам.

– Если вы думаете, что кто-то из них англичанин, это не так.

– Я знаю и не стал бы ради этого бросать вызов ворчливому Па-де-Кале. Привела меня сюда история куда более давняя, восходящая к тем временам, когда мы еще не были знакомы. Вы помните трагическую смерть певицы Терезы Солари?

– Убитой в «Ковент-Гардене» в декабре двадцать первого? Забыть такое нелегко. Очень красивая была женщина, голос необыкновенный... но каким образом вы заинтересовались этим делом? В связи с драгоценностями, которые были украдены у мертвой?

– Естественно. Они также были необыкновенными, вернее, по-прежнему необыкновенны, поскольку я полагаю, что их можно где-то найти. У вас нет каких-нибудь соображений на сей счет?

– Никаких. В газетах такая информация не затерялась бы... Но каким образом эта история дошла до вас? Ведь в те времена ваша репутация была еще совсем свежей?

– Она и сейчас не такая старая. Меня просветил художник Болдини. Это настоящая волшебная сказка, но ее стоит послушать, и я пришел сюда не для того, чтобы утаивать от вас хоть что-

нибудь.

Со своей привычной точностью Морозини набросал портрет мадам д'Остель, не особенно вдаваясь в детали и избегая лирических отступлений, зная, что Уоррен их не выносит. Тот слушал его с напряженным вниманием и попутно что-то заносил в блокнот.

- Драгоценности Медичи! Черт возьми! - вздохнул он, когда Альдо завершил рассказ. - Ваш Болдини мне этого не сказал. А кстати говоря, почему?

- Думаю, ему показалось, что это вас не заинтересует... и что вы опасаетесь, как бы он не влез слишком глубоко в ваше расследование.

- Он был не так уж не прав. Припоминаю, что он несколько раздражал меня своими комментариями, в общем-то, скорее забавными. Кроме того, он следовал за мной буквально по пятам и явно считал, что следствие топчется на месте.

- И это тоже правда, хотя талантам вашим он воздал должное. Но ему кажется, что расследование попросту забросили.

Уоррен выпустил из пальцев карандаш, положил локти на письменный стол и устремил на Альдо тяжелый, как камень, взгляд.

- Мы никогда не бросаем расследование, если нет результата. Дело все еще не закрыто... хотя убийцу мы нашли.

- Вы схватили его? Кто это был?

- О! Простой исполнитель, некий Бобби Расти, который устроился на работу в театр машинистом сцены за несколько недель до представления. Свидетели видели, как он убежал из «Ковент-Гардена» сразу после того, как было обнаружено тело. И сел в машину, ожидавшую его поблизости от театра...

- И вам удалось найти его спустя какое-то время?

- Это сделала бригада речников, выловивших его труп около Уоппинга спустя примерно месяц после преступления. Он был попросту зарезан.

- Иными словами, он был лишь подручным, а настоящего убийцу вы не вычислили?

- Нет. Вот почему дело не закрыто. У вас есть какие-то предположения? - спросил полицейский с деланным безразличием, сосредоточив все внимание на карандаше, который затачивал перочинным ножом с таким тщанием, как если бы от этого зависела судьба мира. В свою очередь, Морозини стал пристально изучать свои ногти.

- Быть может! - небрежно бросил он. - Заметьте, это всего лишь предположение, но я отчего-то верю в совпадения. И есть такие, которые заставляют задуматься. Знаете ли вы некоего Риччи? Алоизия Риччи, если быть точным?

- Американского миллиардера? Я знаю то, что знают все: мерзкий тип с итальянскими корнями и огромным богатством сомнительного происхождения. Как он замешан в этом деле?

- Возможно, никак не замешан, однако выяснилось, что он был гостем Павиньяно на одной весьма примечательной свадьбе и присутствовал на трагическом представлении «Тоски».

Круглые глаза Птеродактиля оторвались от карандаша и сверкнули желтым огнем.

- Каким образом вы узнали?

- От Болдини, разумеется!

- Ах этот! Мне надо было не скрываться от его проклятий, а подвергнуть строжайшему допросу! Он рассказал вам все или же мне следует выяснить у него какие-то подробности?

- Кроме того, что он получил тогда письмо с угрозами, вынудившее его вернуться во Францию и избавить вас от своего присутствия, я искренне полагаю, что вы знаете все. Естественно, у него не было никаких причин рисковать своей шкурой из-за прекрасной певицы, которую все равно было не воскресить. Однако у него возникла мысль украсить портрет покойной мадам д'Остель драгоценностями Венецианской колдуньи в надежде, что кто-нибудь вроде меня заинтересуется ими и попытается их разыскать. Кстати, должен сказать, что, перед тем как броситься на вокзал и устремиться к вам, я пообедал в «Ритце» вместе с Болдини, а за соседним столиком оказался Риччи с одной из своих пассий.

За этим последовал детально точный пересказ разговора Болдини и Альдо с миллиардером, который, впрочем, не слишком впечатлил Уоррена: тот вновь принялся изучать кончик своего карандаша.

- Не вижу здесь ничего, что подтверждало бы гипотезу о его виновности, - сказал он по завершении рассказа. - Болдини отказался писать портрет его девицы, а вы не пожелали провести расследование, важное для него как коллекционера. Только и всего.

- Тем не менее этот персонаж заслуживает некоторого внимания. Хотя бы в силу того, как он воспринимает отказ. Я обнаружил это сегодня утром на своем столике для завтрака, - добавил он, вынув из кармана телеграмму и бросив ее на письменный стол. - Мне сообщают, что позавчерашней ночью дом художника едва не сгорел, и лишь благодаря присутствию духа одного из соседей, любителя подышать свежим воздухом, пожар удалось быстро потушить. Это был явный поджог. Тоже совпадение?

Ничего не ответив, суперинтендант дважды перечитал подписанный Лизой текст телеграммы и, прервав молчание, взревел таким зычным голосом, что ему позавидовал бы командующий парадом гвардейцев:

- Пойнтер!

Боковая дверь тут же отворилась, и Альдо смог убедиться, что инспектор Джим Пойнтер также совсем не изменился: все та же гренадерская статья и длинная физиономия с выступающими вперед передними зубами, поразительно напоминающими заячьи резцы. Судя по всему, он был рад вновь встретиться с Альдо, однако суперинтендант не дал ему времени выразить это.

- Принесите мне досье Терезы Солари! Декабрь двадцать первого года! - распорядился Уоррен.

- О, я не забыл! Приятно видеть вас, сэр! - успел произнести инспектор и мгновенно исчез.

- Мне тоже! - сказал Морозини захлопнувшейся двери, тогда как через главный вход в кабинет прошествовал дежурный с подносом для чая. Действительно, уже пробило пять часов, и священный напиток начал свою циркуляцию в здании Скотленд-Ярда, как и во всей остальной Англии. Альдо ненавидел чай и отдал бы все что угодно за чашку хорошего кофе, но в Соединенном Королевстве к этому божественному нектару относились с прискорбным

небрежением и осмеливались подавать под этим названием – исключая отель «Ритц» с его швейцарскими корнями – отвратительную бурду, которая, как подозревал венецианец, происходила по прямой линии от древесных отваров, изготовленных друидами. Однако на подносе стояли две чашки – зримый знак уважения Скотленд-Ярда к посетителю, который был другом патрона. Поэтому Альдо покорно выпил предложенную ему сладенькую водичку с молоком.

Со своей стороны, инспектор Пойнтер обнаружил замечательное проворство: письменный стол Уоррена еще хранил тепло от горячей чашки, когда на него легла запрошенная папка, которую, впрочем, полицейский не стал открывать. Толщина ее указывала на изрядное количество бумаг, и, догадываясь, что Уоррен хочет просмотреть их в одиночестве, Морозини поднялся с кресла и отклонялся, предварительно сообщив о своем намерении заглянуть завтра, если суперинтендант не возражает.

- А может быть, вы согласитесь отужинать со мной? – предложил он.

- Так ведь мы все равно увидимся сегодня вечером!

- Где?

- Разумеется, у Видаль-Пеликорна.

Он произносил Пеликорн очень забавным образом, но Морозини был настолько удивлен, что даже не улыбнулся:

- Адальбер? Он здесь?

- Кажется, уже неделю. О, так вы этого не знали! Боюсь, я совершил промах.

- Нет. Я только что приехал, и ему это неизвестно. Сам же я считал, что он все еще в верховьях Нила, но вы сообщили мне приятную новость. Я бегу к нему прямо сейчас! И, разумеется, увидимся вечером!

Счастливым, словно школьник перед встречей с лучшим другом, Альдо с радостью покинул резиденцию полиции метрополии, поймал такси и назвал адрес Адальбера в Челси. Ибо после дела о Розе Йорков, которое надолго задержало их обоих в Лондоне, археолог снял в артистическом квартале очаровательный домик эпохи Стюартов, принадлежавший прежде художнику Данте Габриэлю Россетти. И так полюбил это жилище, что решил сохранить его за собой, что позволяло время от времени наезжать сюда с целью проследить, как идут дела у коллег-соперников из Британского музея. После того как была обнаружена могила Тутанхамона, он совершенно потерял покой и сгорал от желания каким-то образом обставить их. И Морозини, пока его автомобиль пробивался сквозь забитые в конце дня машинами улицы Сити, думал, что должно было произойти нечто чрезвычайное, раз Адальбер покинул Египет и прилетел в Лондон, минуя Париж. Главное, не прихватив по пути верного Теобальда – единственного человека, способного обеспечить ему комфорт и уют, которых он был лишен на раскопках.

Однако, когда Альдо позвонил в дверь из полированного дуба, сверкающую, как ее медные ручки, открыл ему все тот же Теобальд в широком белом фартуке. Несказанно удивились они оба.

- Ваше... хм... превосходительство? – заикаясь, пролепетал Теобальд.

- Вы? Но что вы тут делаете?
- Господин князь видит сам: я служу!
- Почему вы меня не предупредили о своем отъезде? Как давно вы здесь?
- Три дня, Ваше превосходительство, три дня! Мой господин вызвал меня телеграммой. Я уложил дорожную сумку, закрыл дом на улице Жоффруа и уехал.
- Так почему вы мне ничего не сказали? Вы же знали, что я разыскиваю вашего господина?
- Что там такое, Теобальд?

Появление Адальбера с трогательным букетом роз и ландышей избавило слугу от тягостной необходимости отвечать на этот непростой вопрос, однако господин его, вместо того чтобы просиять при виде друга, не выказал ни малейшей радости, напротив, взгляд его голубых глаз, на которые падала непокорная светлая прядь, странным образом омрачился.

- Ты? Но как ты сюда попал?
- А ты как думаешь? Уж, конечно, не пешком пришел! - выпалил Альдо, несколько ошарашенный подобным приемом. Хотя они с Адальбером никогда не были склонны к пылким объятиям при встрече, у него впервые появилось неприятное ощущение, что он явился некстати.
- Прости меня! Я хотел сказать, каким образом ты оказался в Лондоне?

Теобальд скромно удалился на кухню, оставив Адальбера хозяином положения в тесном пространстве прихожей. Чувствительный к подобным тонкостям, Альдо начал закипать:

- Ты же в Лондоне, разве нет? И, насколько я знаю, мне никто не запрещал посещать Англию! В любом случае, ты мог бы пригласить меня войти и предложить мне стул и даже стаканчик вина! Так принято у друзей.

Очевидно смущенный, Видаль-Пеликорн слегка посторонился, и Морозини смог наконец покинуть пределы прихожей и войти в гостиную – как всегда, уютная, с бархатными гардинами бледно-желтого цвета, ковром в тон занавескам, чиппендейловской мебелью и большими честерфилдскими креслами, она гораздо больше напоминала «комнату для жизни», [12] чем гостиную. Как и при первом своем визите, Морозини увидел круглый стол, накрытый сейчас на три персоны и придвинутый к камину из белого мрамора, где горело несколько поленьев, источавших запах сосны, гораздо более приятный, чем обычный запах торфа. Во всех больших египетских вазах стояли цветы, а букет, который держал в руках Адальбер, явно предназначался для сосуда, расположенного в центре стола.

вернуться

12

Буквальный перевод английского названия «living-room». (Прим. пер.)

- Превосходно! - иронически произнес Альдо. - Похоже, ты ждал меня? Я всегда восхищался силой твоего предвидения...

- Почему ты так решил? - угрюмо осведомился Адальбер.
- Этот стол! Совсем как в первый мой приезд. Три прибора: для Уоррена, тебя и меня.
- С чего ты взял, что должен прийти Уоррен?
- Я только что от него. Он сказал мне об этом, простодушно предположив, будто мы собираемся поужинать вместе.
- А! Так ты виделся с ним? Визит дружеский или деловой?

Видаль-Пеликорн принялся тщательно обрезать стебли цветов, что позволило ему не смотреть на друга.

- И то и другое, - ответил Морозини, - но, судя по всему, тебе на это в высшей степени наплевать, поэтому я не стану досаждать тебе скучными подробностями. И мешать твоим артистическим порывам, которые меня несколько удивляют: тебе следовало бы предупредить, что ты сменил специальность и занимаешься теперь обрезкой цветов.
- Я имею право расставлять цветы в своем доме, - огрызнулся Адальбер, который вместо стебля откусил секатором кончик ногтя.
- Конечно же, у тебя есть все права, милейший! Даже право принимать меня подобным образом. Раньше ты отличался большей любезностью. И поскольку я явно тебе мешаю...
- Ты никогда мне не мешаешь! Точнее, очень редко! Признаю, что сегодня вечером... Ах, я не подумал! Наверное, ты хотел поселиться у меня?
- Полагая, что ты в Египте? Я не имею привычки оккупировать жилище, которое мне не принадлежит. Не беспокойся, вещи свои я оставил в «Ритце», а о том, что ты в Лондоне, мне сообщил Уоррен. Сверх того, он оплошал, бедняга. Предположил, что я буду ужинать у тебя вместе с ним.
- Но зачем ты все-таки приехал? У тебя неприятности?
- С чего ты взял, что у меня неприятности, требующие вмешательства полиции Ее Величества?
- Тогда что ты делаешь в Лондоне?
- А вот это тебя не касается, голубчик! У каждого есть свои маленькие тайны. Я мог бы спросить тебя о том же, так ведь ты не намерен отвечать, поэтому мне остается раскланяться и удалиться! Кстати говоря, я и представить не мог, что у Птеродактиля столь романтические вкусы, - добавил он, ткнув пальцем в букет. - Розы и ландыши! Какая у него, в сущности, нежная душа...

Альдо издевался, но внутри у него все кипело. Столь холодный прием со стороны друга разочаровал его тем больше, что предшествовала ему радость, испытанная им при мысли, что удастся восстановить тандем для охоты за драгоценностями Колдуньи. Морозини не понимал, что происходит. До сегодняшнего дня их союз представлял собой отлаженный, хорошо смазанный механизм - впервые в него попало что-то, напоминающее песчинку и заставившее его скрипеть. Быть может, он даже сломался?

Не желая задерживаться на столь огорчительном выводе, Альдо двинулся в прихожую.

Адальбер шел следом.

- Слушай, - сказал он, - мне очень жаль, что я вынужден был так тебя принять, но у меня чрезвычайно важное дело и совсем нет времени для тебя. Ты должен понять! Мы увидимся позже, и тогда я все тебе объясню...

- Ты ничего мне не объяснишь, потому что тогда времени не будет уже у меня, - бросил Морозини, который почти задыхался, стараясь сдержать гнев. - Желаю тебе приятно провести вечер!

- Но скажи хоть, как поживают Лиза и дети?

- Превосходно! Всего хорошего!

Принимая шляпу и перчатки из рук Теобальда, Морозини встретился с ним взглядом, и взгляд этот, исполненный глубокой грусти, пытавшийся что-то передать ему, напомнил ему о не столь давних событиях. У Теобальда был точно такой же взгляд, когда во время обратного путешествия после изнурительной погони за изумрудами Пророка Адальбер обручился с фальшивой Хилари Доусон, и на улице Жоффруа заговорили о браке, который в глазах образцового слуги означал конец существования - конечно, полного всяческих неожиданностей, но очень гармоничного в деталях повседневной жизни. Один лишь факт, что ему придется готовить для англичанки с безнадежно испорченным вкусом, вызывал у него дрожь. И Альдо словно озарило: эту цветочную оргию, недовольный вид Адальбера и явное стремление избавиться от него можно было объяснить лишь одним - Адальбер ждал в гости женщину. Однако что-то здесь не сходилось: зачем в таком случае понадобился Уоррен? Срочных дел у Альдо не было, и он решил прояснить этот вопрос.

Вернувшись на набережную Чейн-Уок, он спокойным шагом двинулся вдоль Темзы словно бы в поисках такси, увидел впереди несколько деревьев, прошел мимо них, чтобы его уже не было видно из окон дома, повернул назад и спрятался за самым толстым стволом, чтобы оттуда наблюдать за происходящим. Уже стемнело, когда он заметил приближение Уоррена в смокинге под широким плащом. Затем, после некоторой паузы, которая показалась ему бесконечной, появился черный длинный «Роллс-Ройс» с шофером за рулем: из него вышла молодая женщина, закутанная в шиншилловое манто. Весной и в такую теплую погоду - экая мерзлячка! При свете фонаря Альдо сумел разглядеть ее великолепные темные волосы, над которыми вздымался белый султан, прикрепленный к узкой головной ленте с множеством мелких алмазов. Другими алмазами сверкали ее серьги, но она принадлежала к тому типу женщин, которые не нуждаются в украшениях, чтобы подчеркнуть свою красоту. В холодных лучах уличного светильника она показалась ему восхитительной - одновременно у него возникло впечатление, что он ее где-то видел. Несомненно, она походила на египетскую принцессу, но напоминала еще кого-то, чье имя он сейчас не мог вспомнить.

Когда прекрасная незнакомка вошла в дом, Альдо с трудом одолел искушение переговорить с шофером. Хотя тот должен был дорожить службой у явно богатой дамы, к любому человеку можно найти подход, однако он плохо видел себя в этой роли и, подумав, что Уоррен, возможно, согласится удовлетворить его любопытство, он постоял еще несколько секунд, разглядывая освещенные окна, а затем стал высматривать такси, чтобы вернуться в отель. Чувствовал он себя еще хуже, чем когда выходил из дома Адальбера: ему было ясно, что тот влюбился в даму в шиншилловом манто, но разве это повод почти вышвырнуть вон своего лучшего друга?

Альдо сознавал, что означенный лучший друг в свое время не проявил большого энтузиазма в

Стамбуле, когда увидел, как из «Восточного экспресса» выходит сияющий Адальбер, держа под руку белокурую англичанку, которую якобы звали Хилари Доусон. Он выказал любезность, поскольку это было его второй натурой, но не стал скрывать ни своего недовольства, ни даже подозрений, [13] целиком оправдавшихся впоследствии, это верно, но ведь сейчас не было никаких оснований предполагать, что эта красивая женщина окажется столь же ядовитой, как лже-Хилари. Более того, совершенно очевидно, что в данном случае явно не возникнет денежных проблем...

Усевшись в пропахшее запахом остывшей трубки такси, он спросил свою совесть и признал, что был не прав. С какой стати вздумалось ему управлять переживаниями Адальбера? А ведь тот вынужден был терпеть все перипетии его собственной личной жизни в то время, когда он поддался чарам Аелы Солманской, [14] а позже Видаль-Пеликорн покорно принял известие о его свадьбе с Лизой, хотя сам испытывал к девушке нежные чувства. Незнакомка же была очень красива! С ее претензиями походить на египетскую принцессу она обладала всем, чтобы обольстить археолога. И цветочная оргия, устроенная Адальбером, безошибочно свидетельствовала об этом. Поразмыслив как следует, Альдо пришел к выводу, что больше всего ранит его в этой истории присутствие Уоррена. Какую роль играл Птеродактиль в любовных приключениях Видаль-Пеликорна? Дуэньи? Это смехотворно. Конфидента? Вот где оказалось больное место... Или же у дамы была проблема, требующая совета, быть может, даже тайной помощи полиции, и этим все объясняется гораздо лучше, нежели романом, порожденным его южным воображением?

Когда он дошел до этого пункта, такси остановилось перед отелем «Ритц», но, прежде чем швейцар в ливрее успел открыть дверцу, Морозини приказал шоферу:

вернуться

13

См. роман «Изумруды Пророка». (Прим. авт.)

вернуться

14

См. роман «Голубая звезда». (Прим. авт.)

- Едем обратно на Чейн-Уок!

- Если вы потом захотите вернуться сюда, вам лучше обратиться к одному из моих коллег, сэр. Я заканчиваю через полчаса.

- В таком случае...

Альдо расплатился и вышел из машины, едва не наступив на ногу швейцару, который услышал этот разговор:

- Вызвать другое такси, сэр?

- Не сейчас, спасибо!

Привыкнув к капризам клиентов, швейцар не настаивал. Альдо вошел в холл отеля и направился напрямик в бар. Только что он придумал более удобный способ реализовать свою идею, но для этого ему требовалась порция лучшего коньяка, чтобы взбодриться, и телефонный справочник... Обретя и то и другое, он отыскал номер «Уайт Хорс», паба на улице Стренд, куда любил заглядывать один из его старых знакомых. И попросил позвать к телефону Гарри Финча. [15] К счастью, тот оказался на месте.

- Вы меня помните? Князь Морозини!
- Такого клиента, как вы, забыть нелегко, сэр. Я вам нужен?
- Прямо сейчас, если вы свободны. Приезжайте ко мне в «Ритц»!

Через несколько минут Гарри Финч остановил такси перед роскошным зданием отеля.

- Как приятно вновь увидеть Вашу светлость! – вскричал он с неподдельной радостью.
- Оставьте в покое Светлость! У меня нет прав на этот титул. С меня вполне хватит обращения «сэр».
- Как вам угодно. Ну, так куда мы отправимся сегодня вечером? Уайт-Чепл, Лайм-Хаус? – предложил Финч таким тоном, словно это были блюда из меню.
- В Челси, если вы не против. Точнее, на Чейн-Уок.
- Ого, ваши вкусы переменялись!
- Что вы хотите, нельзя же все время посещать низкопробные заведения. В конце концов, это утомляет!
- Я не критикую ваш выбор. В аристократических кварталах тоже можно повеселиться...

Такси Финча лихо сорвалось с места, оставив у Морозини впечатление, будто даже мотор рокошет от радости. Он и сам был очень доволен тем, что вновь работает с Гарри Финчем, который в свое время оказался очень ценным и – что было еще важнее – неболтливым помощником. Завидев дом Адальбера, перед которым все так же стоял «Роллс-Ройс», он приказал остановиться на таком расстоянии, чтобы можно было разглядеть входную дверь.

- А теперь подождем! – сказал он, когда Финч нашел идеальное место для парковки.
- До каких пор?
- Пока машина не тронется с места. Мы поедем за ней. Я хочу знать, куда она направится.
- Не отвечайте, если вам неохота, но ведь именно здесь вы поселились на время процесса Фэррелса, наделавшего столько шума? И с вами еще жил один француз... с невозможной фамилией, но очень симпатичный.
- Он и сейчас здесь живет, так что вопрос вполне уместный. Я опасаясь, что он попал в довольно опасную историю.
- Но с деньгами у него полный порядок! Какая тачка! Я вас правильно понял: вы хотите защитить его?

- Именно так!

Ждать пришлось около часа. Часы на Биг-Бен пробили полночь, когда входная дверь открылась и на крыльцо вышел Адальбер, проводивший своих гостей до машины. При виде молодой женщины Финч восхищенно присвистнул и воскликнул:

- Понятно, отчего вы всполошились! Ничего не скажешь, красотка хоть куда! И все, что надо, у нее имеется! Послушайте, тот мужчина, что сел в машину рядом с ней, это случаем не лучшая ищейка Скотленд-Ярда? Суперинтендант Уоррен?

- Да, он!

- Ну, если уж следить за машиной, где находится он, нужно принять меры предосторожности. Ему эта музыка знакома!

- Принимайте ваши меры, дорогой Финч, принимайте! Все, что я хочу на сегодняшний вечер, это узнать, где дама живет и, если возможно, кто она такая.

- Ну, с этим проблем не будет.

Прежде чем тронуться с места, Финч отпустил «Роллс-Ройс» на некоторое расстояние и лишь потом двинулся следом. Через несколько минут он сказал:

- Похоже, она везет его в Ярд? Неужто Уоррен будет еще работать?

- Удивляться нечему! Сколько я его знаю, он живет совершенно не так, как все.

Действительно, Уоррен вернулся в свой кабинет. Оба наблюдателя увидели, как автомобиль замер перед постовым и суперинтендант вышел. «Роллс-Ройс» направился дальше. Невозмутимый Финч поехал за ним.

Так они добрались до Ридженс-Парк, где прекрасная машина остановилась перед одним из самых роскошных домов. Водитель Альдо тихо произнес:

- Скажите пожалуйста, она ни в чем себе не отказывает! Это особняк Гановер-Лодж, который совсем недавно принадлежал адмиралу Битти! Что будем делать теперь?

- Ничего. Вы просто отвезете меня в «Ритц». Но если сумеете выяснить, кто теперь живет в этом доме, окажете мне большую услугу.

- О, особых сложностей здесь нет. Имея такой адрес и номер «Роллса» в придачу, можно добиться всего.

- В таком случае полагаюсь на вас, дорогой Финч! Мне уже давно стало ясно, что вам цены нет.

Через несколько минут Морозини поднялся к себе в номер с намерением лечь спать, тогда как Гарри Финч, безмерно гордый собой и королевским образом вознагражденный за свои труды, вновь помчался по улицам ночного Лондона.

На следующий день на столе для завтрака Альдо обнаружил конверт с лежащей внутри карточкой, на которой было написано рукой его помощника:

«Это княгиня Оболенская, но не принимайте ее за русскую. Она самая настоящая американка, хоть и обзавелась титулом».

Жаклин

Через два часа Морозини, которого по пятам преследовал испуганный дежурный, ворвался в кабинет суперинтенданта Уоррена. Полицейский, поглощавший в этот момент один из тех пузырящихся напитков, которые будто бы помогают справиться с похмельем, поперхнулся, задохнулся, раскашлялся, побагровел и обрел естественный цвет лица только после того, как неожиданный посетитель раза три сильно хлопнул его по спине.

- Я распорядился... чтобы... меня... не тревожили, - с бесконечной мукой проговорил Уоррен.
- Он ничего не хотел слушать, - пролепетал молодой инспектор. - Я сделал все, что мог!
- Знаю, Крофтон! Южный шторм непредсказуем! Возвращайтесь на свой пост! А вы, - добавил он гораздо менее добродушным тоном, - что вы здесь делаете? Обычно сюда не являются запросто, по первому побуждению!
- Тысяча извинений, но нынешней ночью я совсем не спал и сегодня утром хочу знать, кто такая княгиня Оболенская, с которой вы ужинали вчера вечером?

Как знаток, Уоррен искренне восхитился, отчего глаза его стали круглыми:

- Какая жалость, что вы итальянец!
- Прошу прощения, венецианец!
- А есть разница?
- Огромная! Так вы сказали? Если бы я не был...
- Я бы немедленно зачислил вас в свой штат!
- Это не ответ, и я должен напомнить вам, что ваше время бесценно. Итак, повторяю: кто...
- Чудовищно богатая американка...
- Это я уже знаю.
- Чего же вам еще нужно? - проворчал Уоррен, явно начинавший злиться.
- Какое отношение она имеет к Адальберу и что делала у него вчера вечером?
- Вы же не думаете, что я вам отвечу? Если ваш друг не соблаговолил сказать вам, я тем более этого не сделаю. Профессиональная тайна! Вы должны понять...
- Полностью с вами согласен, но раз вы играете роль конфиденанта в данном деле, я хочу знать, какое отношение эта женщина имеет к Адальберу?

Внезапно длинное лицо Уоррена скривилось в иронической ухмылке, и в глазах его под нависшими бровями зажегся огонек:

- Ей-богу, да у вас приступ ревности!

Этого говорить не следовало. Морозини зашелся от ярости:

- Выбирайте выражения! Я не ревную, я крайне раздражен тем, что от меня скрывают факты, быть может, представляющие опасность для моего лучшего друга. За последний год я столько натерпелся от русских аристократов, подлинных или фальшивых, что от них меня уже с души воротит!

- О, полагаю, эта аристократка не вызывает ни у кого сомнений. Даму принимают члены королевской семьи, а некоторые и сами бывают у нее. Среди ее родни имеются представители и нашей аристократии: барон Астор из Хивера и...

вернуться

15

См. роман «Роза Йорков». (Прим. авт.)

- Только не говорите мне, что это одна из Асторов!

- Так и есть! Вы против них что-то имеете?

Альдо ответил не сразу. Он понимал теперь, кого напоминает ему «египетская принцесса»: грозную Аву Астор, одну из самых красивых женщин своего времени, но также самое жестокосердое, властное, тщеславное и назойливое создание из всех человеческих существ. Иными словами, худшая из зануд! Размышляя вслух, он обронил:

- Должно быть, это ее дочь! У нее была склонность к египтологии...

- О ком вы говорите?

- О леди Рибблздейл! Об Аве Астор, если вам больше нравится, первый муж которой утонул на «Титанике».

- Да, это верно. Как вы догадались?

- Она внешне очень напоминает мать. Если она похожа на нее и в нравственном отношении и если, как я опасаясь, в нее влюблен Видаль-Пеликорн, бедняга ступил на гибельный путь.

- С чего вы взяли, что он в нее влюблен?

- Цветочная оргия, которой он предавался вчера вечером, явно говорит об этом. Вдобавок меня приняли так, словно я булыжник, угодивший в лягушачье болото. Черт возьми! Вы должны это знать, коль скоро разделили ужин с влюбленными голубками?

На сей раз Уоррен не удержался от смеха:

- И вы спрашиваете себя, зачем я там понадобился? Признаю, что в один прекрасный момент задал себе тот же вопрос. Адальбер подпал под власть ее чар, в этом сомневаться не приходится.

- Это дуэт или он вздыхает соло?

- Нет, это не дуэт. Пока нет. У меня такое впечатление. Как бы это сказать? В их отношениях есть нечто... средневековое... именно так: дама и ее рыцарь, который готов на все, чтобы завоевать ее.

- Понимаю! Нужно проползти несколько километров на брюхе, чтобы получить разрешение облобызать ее пальчики. И вы считаете это нормальным?

- Успокойтесь! Все это не так уж опасно. Скажу вам больше: у княгини Алисы...

- Ее зовут Алиса?

- Алиса-Ава-Мюриэль! Думаю, при крещении Ава шла первой, но мать решила остаться единственной в своем роде, поэтому дочь ее всегда называли только Алисой.

- В этом она вся! Простите, что перебил вас. Вы сказали, что у княгини...

- Неприятности, и Видаль-Пеликорн, желая помочь ей, обратился за советом ко мне. На этом я умолкаю, и не спрашивайте меня больше ни о чем: профессиональная тайна!

Морозини не настаивал. Ему пришла в голову мысль, что, если отловить и подвергнуть допросу Теобальда, можно будет узнать больше. Пришла пора заняться собственными проблемами.

- Понимаю. Теперь скажите мне, удалось ли вам что-нибудь обнаружить в досье Терезы?

- Ничего особенного. Убийца, как вы знаете, мертв, и нет никаких оснований связывать его с Риччи. Единственная вина этого американца состоит в том, что он присутствовал в зале на представлении, во время которого разбилась Солари. Мы же не можем инкриминировать ему любовь к «Тоске»?

- Наверное, он без ума от Скапья. Они очень похожи. У него в Англии есть какое-нибудь пристанище?

- Больше того: целое имение в окрестностях Оксфорда, но когда он приезжает в Лондон на день-два, то останавливается в отеле «Савой». Не стану скрывать, что этот тип мне не нравится и я хотел бы подловить его на чем-нибудь, но при нынешнем состоянии дел это невозможно.

- И все-таки, - вздохнул Морозини, - я готов сунуть руку в огонь, что он в этом деле завяз по уши. И возможно даже, именно у него хранится то, что я разыскиваю.

- Трудно доказать! Очевидно, его нельзя связать с преступлением в Багерии, иначе с той ночи драгоценности перешли бы к нему, и, следовательно, Солари не смогла бы появиться в них.

- Логично. Но он мог увидеть их в тот вечер, а потом заняться поисками. Известно, каким образом попали они в шкатулку дивы?

- Кто знает? Ее тогдашний покровитель, миланский банкир, поклялся, что видел их у нее в самом начале их связи. Ее костюмерша и горничная это подтвердили. Мол, речь идет о фамильных драгоценностях.

- Фамильные, да. Но что это за фамилия? Вот в чем вопрос.

- Я так не думаю. Понятно, что вы копаетесь в истории с целью выяснить, кто ими владел и кому передавал, но, по моему личному мнению, главный вопрос в том, у кого они оказались после представления в «Ковент-Гардене».

- Судя по всему, так. Однако, поверьте мне, проделанный ими из Флоренции путь также весьма важен. И одному Господу ведомо, как трудно восстановить их маршрут. Я уверен, что они находились в собственности Марии Медичи, когда та приехала во Францию, чтобы выйти замуж за Генриха IV. Тем не менее их никогда не было среди драгоценностей французской Короны. Это означает, что королева рассталась с ними. Ради кого и по какой причине? Возможно, это произошло в конце ее жизни, когда она испытывала серьезные финансовые затруднения.

- Но их могли и украсть?

- Почему нет? Однако у меня нет возможности выяснить это.

- Еще раз повторю, это не так уж важно!

- Напротив, поскольку потомки временных владельцев, считая их частью наследства, бросаются на поиски, не особенно заботясь о средствах заполучить назад свое достояние. Я могу привести вам пример, имеющий прямое отношение ко мне: покойный сэр Эрик Фэррэлс решил вернуть то, что называл «Голубой звездой», поскольку в семнадцатом веке его протестантский предок расплатился за нее каторжными галерами. А моя мать была убита человеком, который хотел продать драгоценность ему. Конечно, сэр Эрик не сам подсыпал яд, но он был косвенным виновником преступления. Вы сказали, что убийцу Солари нашли в Темзе, куда он угодил не по собственной воле: это обстоятельство указывает на заказчика, и пусть даже вы не нашли ни единого следа, ведущего к Риччи, я почти убежден, что приказ отдал он. Вы говорите, у него есть имение в окрестностях Оксфорда? Где именно?

Уоррен сдвинул брови и стал выравнивать пачку бумаг из досье, постукивая ею о письменный стол.

- Если я вам скажу, вы туда ринетесь и, не исключено, попадете в западню, из которой я буду не в состоянии вас вытащить. Особенно если вас схватят в доме! Вы угодите в тюрьму, потому что перед лицом закона дружба вынуждена отступить...

- Вы считаете меня таким неловким?

- Нет. Я считаю скорее, что вы идете по ложному следу, поскольку Риччи американец. Он живет по ту сторону океана, бывает там чаще, чем у нас, и, если драгоценности у него, он наверняка не стал бы хранить их в Британии.

- Почему нет? Ведь такие ценности довольно трудно вывезти за пределы страны?

Суперинтендант скривил губы в злобной улыбке:

- У него есть связи, а у нас аналог вашего дипломатического чемодана! Сверх того, должен напомнить вам, что он возвел копию вашего дворца Питти, который, как мне кажется, просто создан для драгоценностей великой герцогини Тосканской.

Морозини не ответил. Это выглядело довольно правдоподобно, и в рассуждениях суперинтенданта Уоррена наличествовал здравый смысл, но он не мог избавиться от ощущения, что полицейский хотел таким элегантным способом избавиться от него. Особенно если Адальбер со своей американкой уже задали ему какую-нибудь задачу. Альдо решил сменить тему:

- Вы действительно не хотите сказать мне, что происходит между Видаль-Пеликорном, его

княгиней и вами?

- Нет. Весьма сожалею. Если вы ласково попросите его, он вам, наверное, скажет.

- Ласково? Видели бы его вчера вечером: с таким же успехом вы могли бы ласково попросить любимую косточку у бульдога! Что ж, я уже достаточно надоедаю вам! Пора дать вам возможность заняться своими делами.

- Вы уезжаете?

В голосе полицейского прозвучала надежда. Альдо неопределенно пожал плечами. Это всегда помогало ему уклониться от прямого ответа.

- Не то чтобы прямо сейчас, но надолго здесь не задержусь. Моя жена ждет меня в Париже, и ей не терпится вернуться домой.

Лицо Уоррена озарилось широкой улыбкой, выдававшей облегчение.

- Поскольку указанный дом представляет собой дворец на берегу Большого Канала, ее можно понять. Передайте ей, пожалуйста, мой восхищенный привет, вам же я пожелаю счастливого пути!

Выпровоженный - едва ли это слово было преувеличением! - таким образом, Альдо покинул Скотленд-Ярд без намерения возвращаться туда. Он ощущал горечь: вслед за Адальбером Уоррен также дал ему от ворот поворот. Он оказался в одиночестве, и это было очень неприятное ощущение! Даже тягостное - настолько тягостное, что у него возникло сильнейшее желание увидеть Лизу, ее любящую улыбку и фиалковые глаза. Пускай все летит к чертям! Если он не мог больше рассчитывать на Адальбера, ослепленного своей американкой, несомненно, такой же сумасшедшей, как ее мамаша, если Уоррен любезно, но твердо отказал ему в помощи, значит, остается только сесть на пароход до Кале, затем заехать во французскую столицу за женой и отправиться на «Восточном экспрессе» в Венецию. Так называемое «интересное» положение Лизы требовало, чтобы он все свое внимание посвятил ей - нужно отогнать подальше трогательный образ Виолет Достель, которая, разумеется, вскоре лишится скромных драгоценностей, завещанных ей бывшей певицей. Неясное ощущение провала быстро улетучится. Что ж, пожалуй!

Нервной походкой он вошел в холл «Ритца» и сразу направился к стойке для почты, за которой сидел служащий, помогавший клиентам в организации путешествий. Именно в этот момент молодая женщина, сидевшая в глубине холла, в кресле под сенью пальмы, быстро встала, подошла к нему и притронулась к его руке:

- Господин князь, прошу вас...

Круто обернувшись, он с удивлением узнал красивую молодую женщину, которую видел за обедом в парижском «Ритце» в обществе Алоизия Риччи. Но сейчас она выглядела не такой веселой, а в глазах ее застыло тревожное выражение. Было очевидно, что она вот-вот расплачется.

- Вы узнаете меня? - тихо спросила она.

- Увидев один раз, вас забыть трудно, - любезно ответил он. - Это было в Париже, и вы сидели недалеко от столика, где я обедал вместе с Джованни Болдини. А вашим спутником был американец с манерами не слишком приятными, если я не ошибаюсь.

- Вы не ошибаетесь. Умоляю вас, уделите мне немного времени! Мне, мне очень нужна помощь! - добавила она неуверенно. - Я очень долго ждала вас!

- Как долго?

- Со вчерашнего дня. Я только что приехала в Лондон, намереваясь обратиться за помощью к другу... По крайней мере, я считала этого человека другом. Проходя мимо этого отеля, я увидела, как вы вошли сюда. Тогда я вошла следом, сняла номер с целью убедиться, действительно ли вы остановились здесь, и с утра заняла наблюдательный пост в холле.

- Откуда вы приехали?

- Из замка недалеко от Оксфорда, где мне удалось сесть на лондонский поезд. Я почти не говорю по-английски, и это было нелегко, но мне нужно было уехать как можно дальше!

Морозини решил выяснить позднее причину такой спешки и спросил только:

- Вы француженка? Почему вы не сели на поезд, идущий в Дувр?

- Потому что Алоизий первым делом будет искать меня в Париже. Ему в голову не придет, что я решусь остаться в стране, где не знаю никого и ничего.

- Кроме этого друга, в котором вы не слишком уверены, если я вас правильно понял?

Она склонила белокурую голову, увенчанную крохотной шляпкой с изящным бантом в тон шоколадно-коричневому костюму, который украшала оторочка белого атласа. Из груди ее вырвался вздох:

- Да. Он ненавязчиво ухаживал за мной и даже дал мне свой адрес на тот случай, если я решусь расстаться с Алоизием, но, когда я приехала к нему, его не было дома, а слуга сказал мне, что он будет отсутствовать несколько дней. Тогда, не зная, куда пойти, я стала бродить по городу, остальное вы знаете!

Остальное Альдо знал, но его гораздо больше интересовали предшествующие события. Окинув взором роскошную анфиладу позолоченных арок из искусственного мрамора, украшавших первый этаж отеля, он посмотрел на часы и решительно взял молодую женщину под руку:

- Пойдемте! Сейчас время ленча, и нам будет гораздо удобнее беседовать за столиком в каком-нибудь тихом уголке.

Она покорно позволила увести себя и не сдержала вздох облегчения, заняв место в кресле с подлокотниками, которое предложил ей Альдо. Приглядевшись к ней повнимательнее, он обнаружил несомненные следы слез, плохо скрытые пудрой, главное же, горестную складку между бровей. Еще более странная вещь: она вела себя как изголодавшееся животное. Бархатный взгляд ее карих глаз не отрывался от хлебцев на соседнем столе, где обедали двое мужчин. Наклонившись к ней, он спросил:

- Вы хотите есть?

Она утвердительно кивнула, не сводя глаз с соседнего столика. И он понял, что его вежливый, почти формальный вопрос, на который часто отвечают лишь улыбкой, приобрел значение почти трагическое для этой женщины, которая действительно страдает от голода. Подозвав метрдотеля и заказав полный, но не слишком тяжелый обед, он попросил сразу принести

тарелку с хлебцами и маслом. Все было исполнено мгновенно. Эффект оказался поразительным: не в силах больше терпеть, девушка схватила хлеб и, забыв даже намазать его маслом, стала торопливо откусывать большие куски, одновременно запивая водой, отчего щеки ее покраснелись.

- Вы не в этом отеле сняли номер, - ласково сказал Альдо. - Где вы провели ночь?

Она подняла на него глаза, полные слез, потом опустила голову, выронив последний хлебец, и судорожно сжала руки:

- Почему вы так говорите?

- Потому что вы на самом деле изголодались, а в этом отеле подают довольно плотный завтрак. Так где же вы были?

- В зале ожидания на вокзале, недалеко отсюда. Вы понимаете, денег мне хватило лишь на то, чтобы купить билет на поезд и на омнибус до Пиккадилли. Тот, с кем я хотела увидеться, живет неподалеку... Я проходила мимо и увидела, как вы вошли...

- Хорошо! Давайте сначала пообедаем, а уж затем поговорим.

Пока оба - она уже не так поспешно, как хлеб, - поглощали лосося по рецепту маркизы де Севиньи, прославившего здешнюю кухню, он незаметно и не без восхищения рассматривал свою гостью. Несмотря на пережитые ею тяжкие часы, она сумела сохранить опрятный и свежий вид. Конечно, ей помогла в этом туалетная комната на вокзале Чаринг-Кросс, но тем не менее это был настоящий подвиг. Он убедился в этом еще больше, когда она наконец представилась: Жаклин Оже, родом из Дьеппа, двадцать три года, работала манекенщицей у Жана Пату. Три недели назад, во время показа мод на улице Сен-Флорантен, она познакомилась с Риччи, и тот сразу проявил интерес к ней, под предлогом будто она живой портрет его дочери, которая вот уже десять лет как умерла.

- Поначалу, - сказала Жаклин, - он показался мне чудесным. Он вел себя как настоящий отец и заявлял, что мне теперь не нужно тревожиться о будущем, поскольку всю заботу обо мне он возьмет на себя. И сразу приступил к делу! Он скупил для меня половину коллекции, которую я представляла, подарил мне вот эти часы, - добавила она, показав украшенный бриллиантами тоненький браслет на запястье, - велел мне выехать из комнаты на улице Батиньоль и поселиться вместе с ним в «Ритце». Он все готов был сделать для меня, и вы сами были свидетелем, как он пытался заказать мой портрет великому художнику, с которым вы обедали. Отказ привел его в ярость.

- Я вам верю: на следующий день после этой встречи дом Болдини загорелся, и его удалось спасти только чудом...

- Вы думаете, это он устроил пожар?

- Не он лично, а кто-то из его людей. Вы ведь познакомились с его окружением?

- Да. Я знаю секретаря, шофера и камердинера. Признаюсь, они мне совсем не понравились, особенно Агостино, камердинер. Он выглядит как самый настоящий злодей из кино. Тем не менее именно он посоветовал мне бежать и дал денег.

- Не так уж много, если вы не смогли снять номер в приличной гостинице.

- Он сделал, что мог. А что касается пожара в доме художника... Прежде я возмутилась бы, услышав, как вы обвиняете Риччи в причастности к преступлению, но теперь это меня не удивляет. И вы, возможно, правы.

- Что же произошло потом?

- Мы вернулись сюда, но в Лондоне не задержались. У вокзала Виктории ожидала машина, которая отвезла нас в Левингтон-Мэнор, недалеко от Оксфорда, куда Риччи и поместил меня, после того как в некотором роде похитил из дома моделей Жана Пату. Это красивый дом на берегу Темзы, отделенный от остальных огромным парком. Мне там совершенно не нравилось из-за общей атмосферы. Приезжало много мужчин, но ни одной женщины, и я поняла, что фактически это центр деловой активности Риччи в Англии. Некоторые из посетителей были англичанами, именно тогда я и встретила Дэвида Феннера. Он мне сразу приглянулся, и я ему тоже. Я наши отношения не афишировала, но думала, что мой «отец», быть может, благосклонно примет молодого человека, с которым сам связан, в качестве жениха. Между тем мы вернулись в Париж и там увиделись с вами. В тот же вечер мы вновь сели на лондонский поезд, а из Лондона сразу поехали в Левингтон-Мэнор. Дэвид появился там на следующий день, и я должна сказать, что до меня донеслись отзвуки бурного объяснения. Я очень расстроилась, но мне удалось поговорить с ним до его отъезда, и именно тогда он дал мне свою карточку со словами, что если мне понадобится помощь... Остальное вы знаете. Риччи же был взбешен, а когда я попыталась заступиться за Дэвида, разъярился еще больше. Вот тогда-то он со злобой объявил мне, что не хочет даже слышать о нем и надеется, что мне не придется в голову вторгнуться в него, потому что он сам хочет сделать меня своей женой. Да, да, добрый отец преобразился в жениха! Он сказал, что любит меня и что мы поженимся сразу после возвращения - очень скорого - в Соединенные Штаты. Напрасно я объясняла ему, что мои чувства к нему - а я действительно к нему хорошо относилась! - не имеют ничего общего с любовью. Он уперся: меня-де ожидает великая судьба, все мне будут завидовать, я получу великолепные драгоценности и в конце концов отвечу ему взаимностью. С этого момента он потребовал, чтобы я называла его Чезаре...

- А, та самая буква Ч, которая следует за Алоизиумом?

- Да. Насколько я понимаю, это его настоящее имя, второе он взял позже, чтобы больше походить на американца. Я очень старалась не доводить его до крайностей, но совершенно потеряла голову от страха, когда он позавчера объявил мне, что мы уезжаем через день, то есть сегодня, в Саутгемптон, где сядем на пароход. Я ничего ему не ответила, я просто онемела от ужаса. Чтобы успокоиться, я пошла прогуляться в парк. Наверное, подсознательно думала о бегстве. Вот тогда ко мне подошел Агостино. Он сказал, что я должна уехать, потому что в Америке со мной случится несчастье, я же ответила, что ничего другого и не желаю, однако не знаю, как это сделать. Он сообщил, что Чезаре будет отсутствовать до полудня, а потом спросил, умею ли я грести...

- Вероятно, у обитателей Оксфорда это вторая натура? - с улыбкой вставил Морозини.

Она несмело улыбнулась в ответ.

- К счастью, я умею, потому что родилась у моря. На следующее утро, когда Риччи уехал, Агостино посадил меня в лодку, которую ночью подогнал к границе парка. Я оделась так, как вы видите, потому что он посоветовал мне ничего не брать с собой, кроме сумки. Но я выбрала самую большую, чтобы спрятать небольшую шляпку. Агостино дал мне немного денег, и я спустилась на веслах по Темзе до Оксфорда, где бросила лодку и взяла билет на поезд...

- Почему, черт возьми, он это сделал?

- Я его об этом спросила. Он ответил, что делает это ради матери, которая была француженкой, как я. И еще он повторял, что не хочет для меня такой судьбы, как у других, но больше ничего не сказал. Впрочем, для разговоров момент был неподходящий. Я поблагодарила его и села в лодку.

Жаклин умолкла, чтобы воздать должное жаркому из ягненка, которое поставили перед ней. Альдо к своей порции не притронулся. Этот Риччи тревожил его все больше и больше. Предостережение камердинера, пусть и весьма загадочное, бросало дополнительный мрачный отсвет на портрет, который в черной краске, похоже, не нуждался. И, вспомнив про портрет, он спросил девушку:

- Если Риччи назначил отъезд на столь близкое время, каким образом сумел бы Болдини написать ваш портрет? Значит, ему пришлось бы задержаться в Париже?

- Вовсе нет! Он предложил бы художнику поехать в Оксфорд, а в случае отказа увез бы его силой. Он на это вполне способен.

- Ну, не стоит преувеличивать! Поднялся бы страшный шум, ведь я был свидетелем предложения. Я даже спрашиваю себя, зачем он его сделал?

- Не знаю!

- Ладно, пока оставим это! Теперь надо решить, что мне делать с вами... Ваш Дэвид, как вы мне сказали, будет отсутствовать несколько дней? Вы не знаете, когда он вернется?

- Нет. Я была так расстроена, так упала духом, что забыла даже спросить об этом.

- Ну, это мы уладим! Телефон у него, полагаю, есть?

- Разумеется!

Она вынула из сумочки визитную карточку и протянула ее Морозини.

- Подождите меня! - сказал Альдо, вставая.

Он направился в холл, попросил швейцара набрать номер, напечатанный на бристольском картоне, и занял место в самой удаленной кабинке. Через мгновение он услышал хорошо поставленный голос слуги, попросил позвать к телефону мистера Феннера и, получив ожидаемый ответ, воскликнул:

- Экая досада! Мне нужно увидеться с ним как можно скорее. Вы не могли бы сообщить мне, когда он вернется?

- Мне он сказал, что вернется в пятницу. Что-нибудь передать ему?

- Да, будьте добры, попросите его, чтобы он срочно позвонил в отель «Ритц». Князю Морозини!

Фамилия и титул произвели свой обычный эффект. Слуга клятвенно заверил, что выполнит поручение, и довольный Альдо вернулся в зал ресторана: сегодня была среда, значит, ждать осталось всего два дня. С учетом всех обстоятельств это неплохо: он воспользуется этой паузой, чтобы раскрыть тайну отношений Адальбера с дочерью невыносимой Авы Астор.

- Все складывается удачно, - весело объявил он своей спутнице. - Ваш приятель возвращается в пятницу вечером и сразу по приезде позвонит мне.

Сверкнувшая в глазах девушки радость мгновенно померкла.

- Но я же не смогу ждать его до пятницы!

- Прекрасным образом сможете. Вы теперь моя гостя: у вас будет комната в этом отеле, где вы благоразумно дождетесь субботы. Ради вашей безопасности еду вам будут подавать в номер, но сейчас вам, наверное, хочется что-нибудь купить? Предметы туалета, к примеру, ночную рубашку, сменное белье. Здесь недалеко есть нужный вам магазин, на противоположной стороне улицы, за Грин-Парк...

Она ошеломленно смотрела на него:

- Но почему вы это делаете? Это слишком...

Успокоительным жестом он быстро накрыл своей ладонью руку девушки:

- По той же причине, что Агостино: моя мать была француженкой, и мне очень не нравится господин Риччи. Поверьте, для меня большая радость - вырвать из его когтей такую очаровательную девушку, как вы. И не думайте, что я питаю какие-то сомнительные намерения: я буду вам как брат!

Девушка покраснела, и глаза ее наполнились слезами.

- Как мне вас отблагодарить? - прошептала она, но в голосе ее прозвучала легкая настороженность, которую Альдо уловил на лету.

Он засмеялся:

- Понимаю! Вы по горькому опыту научились не доверять людям, которые норовят сделать вас членом семьи. После отца - брат? Не тревожьтесь, я женат, очень люблю свою супругу и детей, которых она мне подарила. Давайте покончим с десертом, выпьем кофе и примемся за дело!

Через полчаса Жаклин получила комнату, не слишком удаленную от номера Альдо, и, проникшись теперь полным доверием к нему, согласилась взять несколько банкнот на самые насущные покупки. В порыве радостной признательности она звучно чмокнула его в щеку - не слишком изысканно, но зато искренне - и устремилась на оживленные тротуары Пиккадилли. Предоставленный самому себе, Альдо задумался о том, что ему следует сделать, и решил наконец вызвать такси, чтобы поехать к Адальберу. Он направился со своей просьбой к швейцару ровно в тот момент, когда с улицы донесся ужасающий скрип тормозов, затем послышались крики и восклицания, а посреди мостовой тут же возникла толпа.

- Что случилось? - спросил он у служащего в украшенном галунами мундире, который сбегал на место происшествия и теперь поспешно возвращался на свой пост. - Несчастный случай?

- Я бы сказал, скорее убийство, сэр! Молодую даму сбила машина, которая не остановилась и умчалась прочь. Какой позор!

Морозини ощутил ледяной холод в позвоночнике, это было нечто вроде предчувствия.

- Молодая женщина, говорите вы?

- Да. И пяти минут не прошло, как она вышла из отеля. Если господин желает такси...

- Не сейчас, спасибо. Я пойду взглянуть...

Он не без труда пробился сквозь толпу, и ему хватило одного взгляда, чтобы узнать женщину, над которой склонились полицейский в форме и какой-то мужчина: это была Жаклин, ее лицо было залито кровью, отчего изящная шляпка с бантом казалась особенно нелепой. Жаклин, которая уже никогда не встретится со своим любимым, с этим Дэвидом Феннером...

Врач выпрямился. Кто-то спросил:

- Она мертва?

Врач кивнул, и Альдо попятился. Первым его побуждением было выйти вперед и объявить, что он знает жертву, но ему тут же пришло в голову, что придется давать слишком много объяснений рядовым полицейским, которые вряд ли что-нибудь поймут. У него было лучшее решение: двинувшись в направлении Пиккадилли-Серкус, он быстро поймал проезжавшее мимо такси и велел отвезти себя в Скотленд-Ярд с намерением еще раз вторгнуться в кабинет Уоррена. Правда, на сей раз он позволил дежурному шествовать впереди. Впрочем, данное обстоятельство ничуть не смягчило раздраженного Птеродактиля:

- Опять вы! - проворчал он. - Вы что, собираетесь тут поселиться?

- Риччи только что и почти на моих глазах убил молодую женщину. Это вас интересует или нет? - холодно сказал Альдо.

- Что? А ну-ка, присядьте! Кажется, вы еще не вполне отошли! Вид у вас довольно бледный.

- И есть от чего!

Уоррен подошел к одному из своих шкафов, извлек оттуда бутылку виски и два стакана, плеснул в каждый из них щедрой рукой и протянул один из стаканов Альдо:

- Выпейте! Это хорошее снадобье, рассказывать будете потом!

Тон был еще брюзгливым, но голос звучал гораздо приветливее. Альдо взял предложенный стакан и залпом осушил содержимое.

- Вы даже не разбавили! - возмутился шотландец.

- Прекрасный напиток, - виновато произнес Альдо. - Плесните мне еще чуточку, и я воздам ему должное.

Получив новую порцию, он зажал стакан в руке и начал рассказывать. Поскольку у него не было склонности к долгим рассуждениям, он справился со своим делом быстро и четко. Уоррен, слушавший очень внимательно, записал что-то в блокнот, потом снял трубку телефона и попросил, чтобы его соединили с постом на Пиккадилли: в этом дуэте он исполнил партию, состоявшую лишь из междометий, но, связавшись с полицией округа Темз-Вэлли, распорядился послать людей в Левингтон-Мэнор и тут же принял еще одно решение:

- Вы поедете со мной на опознание! Это неприятное дело, но, пока мы не добрались до Риччи, вы остаетесь единственным человеком, который хоть немного знал несчастную девушку!

Пришлось через это пройти. Но опознание оказалось не столь тяжким, как думал Альдо. Лицо

Жаклин, очищенное от крови и грязи, выглядело неожиданно безмятежным, и на губах ее застыла легкая улыбка. Видимо, она так и не поняла, что случилось: когда ее сбил автомобиль-убийца, она бежала, полная надежд, навстречу новой жизни. Даже сам Уоррен расчувствовался.

- Похоже, она умерла счастливой благодаря вам, - пробормотал он. - Не каждому такое дано...

- Это не повод забывать об убийце.

- Я и не намерен!

Однако в Ярде Уоррена ожидали неутешительные новости. Полиция никого не обнаружила в Левингтон-Мэнор. Только сторож из местных жителей смог дать какие-то объяснения: Риччи, его секретарь, камердинер и шофер сегодня утром сели в Саутгемптоне на американский пароход «Левиафан», находившийся сейчас в открытом море. Один из бдительных прохожих успел запомнить номер преступной машины, который, как выяснилось, был снят с автомобиля, принадлежавшего настоятелю собора Святого Павла...

- Что ж, - пришел к заключению суперинтендант, - вот так можно с полной безнаказанностью совершить преступление в самом центре Лондона! У нас нет ни малейшей улики, чтобы атаковать Риччи. Мы с вами оба знаем, что это сделал он, но никто не выдаст ордер на его арест. К тому же, будучи пассажиром американского судна, он пребывает уже на их территории...

- А не слишком ли вы торопитесь? - взвился Альдо. - Разумеется, настоятель здесь совершенно ни при чем, но ведь сам автомобиль-убийца кому-нибудь да принадлежит, верно?

- Он наверняка краденый и, скорее всего, покоится сейчас на дне Темзы... Как его обнаружить?

- Хорошо, допустим! Остается этот Дэвид Феннер, чью карточку нашли в ее сумочке и который должен вернуться в пятницу вечером! Если он любил ее, возможно, что-нибудь расскажет?

- Это наш единственный шанс.

Уоррен не раскрыл всех своих мыслей. А именно: если этот молодой человек замешан в подозрительных делишках Риччи, вряд ли ему захочется рисковать своей репутацией ради женщины, которую он едва знал с точки зрения светской и совсем не знал с точки зрения библейской. Это было бы чистейшим безумием - особенно если он понимал, какая опасность грозит тому, кто выдаст Риччи полиции... Возможно, он рискнул бы, если бы Жаклин уцелела, но теперь...

Последующие события полностью подтвердили его опасения. Дэвид Феннер, предупрежденный слугой о том, что его разыскивает полиция, явился в Скотленд-Ярд сразу после приезда. Это был мужчина лет сорока, довольно привлекательной наружности, по профессии биржевой брокер. Мягким голосом, любезным тоном и в улыбочивой, насколько позволяли обстоятельства, манере он сообщил, что действительно проникся симпатией к «приемной дочери» мистера Риччи и предложил ей свои услуги в случае ее приезда в Лондон, намереваясь показать ей достопримечательности британской столицы. Он глубоко опечален трагической гибелью очаровательной девушки, но не видит, чем может быть полезен Скотленд-Ярду, поскольку встречался с американским бизнесменом - за исключением двух коротких визитов в Левингтон-Мэнор! - только по работе.

- Что вы думаете об этом? - спросил Уоррен, который разрешил Морозини присутствовать, при условии, что во время допроса тот не раскроет рта.

- Думаю, что он лжет! Я готов поклясться, что он был готов просить руки той, кого считал воспитанницей Риччи, но ее смерть раскрыла ему глаза, и он счел за лучшее отступить. Весьма вероятно, что он точно так же обошелся бы и с несчастной Жаклин: быстро сменил бы пластинку и посоветовал ей как можно быстрее вернуться домой. Его могла заинтересовать возможная наследница, но не беглянка, за которой охотится столь опасный Отелло. Это было бы смешно, если бы не было так мерзко!

- Разделяю ваши чувства. Именно поэтому я намерен установить скрытую слежку за этим типом. Характер его занятий, официальных или нет, может поведать о многом. Времени мы не пожалеем! А теперь, дорогой друг, настоятельно советую вам вернуться к супруге. Полагаю, она уже начинает беспокоиться...

- Наверное. Но прежде позвольте мне спросить: что вы собираетесь делать с телом?

Уоррен поднял одновременно и брови, и плечи:

- Естественно, похоронить! На кладбище для бедняков, поскольку мы знаем, что во Франции у нее родни не осталось.

- Позвольте мне отвезти тело на родину. Она была из Дьеппа, и даже если никто ее там не помнит, будет справедливо, если она упокоится в своей земле, - сказал Альдо, не обращая внимания на изумленный взгляд полицейского.

- Это вам будет стоить целое состояние, а вы едва с ней знакомы!

- Быть может, но знаете, мне кажется теперь, будто она отчасти принадлежит к моей семье. И если бы вы помогли мне уладить все формальности...

- С величайшей охотой! Я займусь этим прямо сейчас! Вы продолжаете удивлять меня, Морозини, но вы настоящий джентльмен! Уже завтра вы сможете выехать!

Альдо поблагодарил и на сей раз покинул Скотленд-Ярд с твердой уверенностью, что больше сюда не вернется. Сейчас ему очень хотелось побыстрее уехать из Англии и вернуться в Париж. Конечно, крюк в Нормандию задержит его, однако он знал, что никогда бы не простил себе, если бы оставил в чужой земле несчастную девушку, которая обратилась к нему за помощью.

Не имея больше никаких дел, он отправился в Челси. Было слишком глупо расстаться со своим лучшим другом после подобия ссоры, которая со временем могла бы приобрести излишнее значение. На всякий случай он велел таксисту подождать и мысленно поздравил себя с этим, так как в доме обнаружил лишь Теобальда. Тот сообщил ему, что Адальбер уехал в Хивер-Кестл, сопровождая госпожу княгиню к лорду Астору.

- Я был очень расстроен из-за господина князя, - вздохнул верный слуга, - и очень рад его возвращению. После того, что произошло, я не очень на это надеялся и боялся, что больше не увижу его.

Морозини так давно знал Теобальда, что ни на секунду не усомнился в искренности этих слов. Огорченная физиономия верного слуги Адальбера подсказывала, что он не слишком-то доволен новыми любовными поползновениями хозяина. Альдо одарил его самой обезоруживающей из

своих улыбок:

- Из-за такой безделицы со старым другом не ссорятся. У нас столько общих воспоминаний, что женщине, какой бы красавицей она ни была, их стереть не под силу.

- Но это все же ведет к некоторым потерям! - вздохнул Теобальд. - И я счастлив, что Вашему превосходительству пришла в голову счастливая мысль повидаться со мной.

Было видно, что на сердце у него тяжело и он жаждет одного: излить душу внимательному и надежному другу.

- У меня есть время, - помог ему Альдо. - Хотите, мы с вами немного поболтаем?

- О да! Если господин князь соблаговолит пройти в гостиную...

- Кухня вполне подойдет... и чашка кофе в придачу! Должно быть, на этом обездоленном острове вы один умеете варить его! И это напомнит нам прежние славные деньки, когда мы работали вместе! Похоже, они больше не вернуться?

- О, не будем зарекаться! Я каждый день молюсь, чтобы мой господин вернулся к реальности.

Не умолкая ни на секунду, он провел Альдо на кухню, усадил перед круглым столом, отполированным до блеска, и тут же приступил к приготовлению желанного напитка: вооружился кофемолкой и начал бешено вращать ручку. Между тем Альдо не желал упускать нить разговора:

- Он на самом деле влюблен в нее?

Продолжая крутить ручку, Теобальд возвел глаза к потолку:

- Увы! Дело обстоит еще хуже, чем в Стамбуле, когда он волочился за этой англичанкой! С княгиней же он познакомился в Луксоре, во время осмотра Зимнего дворца, и с той поры буквально молится на нее. Он видит в ней свою звезду...

- Иными словами, он сошел с ума! Вот только почему? Я видел эту даму: конечно, она очень красива, но он и не таких видывал.

- Таковую, которая уверяет, будто является новым воплощением знатной египтянки, он встретил впервые - на костюмированном балу, где она предстала в облике принцессы времен Рамзеса. А главное, ей дана мистическая власть пророчества, исходящая от ожерелья из золота и лазурита, которое было найдено в гробнице Тутанхамона...

Морозини расхохотался, хотя ему было совсем не до смеха:

- Нет, все это мне снится! Неужели египтолог такого калибра мог попасться на такую грубую уловку? Ожерелье Тутанхамона? Она его раздобыла в магазине каирского ювелира в лучшем случае, а в худшем - в лавчонке сомнительного, но красноречивого торговца. Пророческое кольцо, надо же! Только этого нам не хватало!

Постепенно его веселость преобразилась в гнев. Переждав бурю, Теобальд налил ему еще одну чашку кофе и подал сверх того печенье собственного изготовления, очень любимое гостем.

- К несчастью, проклятая драгоценность подлинная, - вздохнул он. - Эта дама присутствовала при вскрытии гробницы, и лорд Карнавон подарил ей ожерелье незадолго до своей смерти. Вот

почему она не только страшно гордится своим ожерельем, но и верит, что посредством его может переноситься в иную эпоху и перевоплощаться по собственному желанию в египетскую принцессу, которой была в прежней жизни. И мой господин, совершенно зачарованный ее красотой, чрезвычайно интересуется ее рассказами о прошлом... Он хочет написать книгу о пережитом ею периоде: она для него бесценный исторический материал – драгоценный именно тем, что живой.

- Британский музей, Лувр и прочие известные музеи просто лопнут со смеху! Если он не боится такого позора, значит, влип очень серьезно!

- Именно это я и пытаюсь втолковать господину князю. Ведь эта дама перевернет вверх дном всю нашу жизнь, и мне это так больно, так тяжело! Я наверняка умру от горя.

- К счастью, до этого еще далеко! – сказал Морозини, глядя на пышущую здоровьем, хотя и очень расстроенную физиономию Теобальда. – К тому же она не может претендовать на роль жены. Или князь Оболенский тоже призрак?

- О нет, он вполне реален, и у этой дамы, кажется, есть дети от него, однако время его прошло, и она подумывает о разводе с ним.

- Чтобы связать нашего друга нежными узами брака? Будь она благословенна, если принесет ему счастье, однако я в этом сильно сомневаюсь!

- Я тоже. Ваше превосходительство может быть уверено: если он на ней женится, я немедленно уйду...

- Вы никогда этого не сделаете, вы слишком к нему привязаны, – улыбнулся Альдо, растрогавшись при виде слезы, медленно сползавшей по щеке верного слуги.

- Я буду вынужден, ведь эта дама меня не любит. О, если я не найду достойного места, поеду к Ромуальду, моему брату-близнецу, и буду помогать ему возделывать сад...

- Вам это не подходит! Слушайте, Теобальд, я хочу сделать вам одно предложение: если брак будет заключен и вы не пожелаете остаться, я возьму вас к себе на службу ровно на то время, сколько продлится означенный брак. Вы знаете не хуже меня, что у этих американок развод в крови. Ведь наша дама уже на грани его. Как только она бросит вашего господина, вы снова займете свое место рядом с ним. Погостить в Венеции всегда приятно, конечно, есть еще близнецы, но...

- О, господин князь очень добр, и я ему от всей души благодарен!

Молитвенно сложивший руки Теобальд выглядел так, словно вновь увидел сквозь тучи блистающее на небе солнце.

- Значит, договорились, – продолжал Альдо, – а сейчас я должен оставить вас, мой добрый Теобальд. Однако не могли бы вы мне сказать, что делал в этих стенах суперинтендант Уоррен во время памятного ужина с княгиней Оболенской?

- Я в точности не знаю, мой господин молчит об этом, как рыба. Но мне кажется, ей нужна защита.

- Черт возьми! На таком уровне? Значит, дело серьезное. Как же так случилось, что вы ничего не знаете? Видаль-Пеликорн обычно всегда знакомил вас с проблемами такого рода.

- Но только не в этот раз! Мой господин, очевидно, понял, что я не слишком благосклонно воспринимаю его отношения с этой дамой.

- Вы с ней холодны?

- Скорее, да... и это очень печально! Ваше превосходительство еще останетесь здесь на какое-то время?

- Нет. Я и так слишком задержался. Моя жена ждет меня в Париже. Потом мы вернемся в Венецию. По крайней мере, я надеюсь на это.

По мере того как Альдо говорил, ему становилось ясно, что он сам в этом отнюдь не убежден. Мысль о возвращении домой раздражала и даже угнетала его, поскольку это означало, что убийца бедной Жаклин может спокойно заниматься своими отвратительными делишками. Вновь заняв место в такси, он все же позволил высказаться и разуму: прекрасно ощущать себя орудием Немезиды, но уж слишком похоже на безумие - как можно сражаться с человеком, имеющим все козыри на руках, тогда как он сам, не зная никого в этих краях, окажется без малейшей поддержки и помощи? Он просто обломает на этом зубы. А может быть, и не только зубы. А ведь у него семья: двое детей и жена, которая ждет третьего, - все, что нужно для счастья. Как смеет он рисковать таким счастьем ради того, чтобы разыгрывать донкихота в гостях у янки. К тому же на Адальбера больше рассчитывать не приходится. В общем, самоубийственная затея... Нужно как можно скорее забыть эту историю.

Но на следующий день, когда в порту Нью-Хейвен свинцовый гроб с телом Жаклин медленно опускали на кране в трюм корабля, плывущего в Дьепп, он понял, что забыть никогда не сможет. Его привел сюда Уоррен, который стоял рядом с ним, засунув руки в карманы своего неизменного «Берберри» [16] и натянув на брови твидовую кепку в надежде спастись от мелкого назойливого дождя, который лил не переставая с прошлой ночи. Морозини провожал взглядом постепенно исчезающий из виду ящик, где покоились останки молодой невинной женщины, с горечью и одновременно с яростью. Уоррен, закутанный в старомодный плащ с крыльями, делавший его похожим на доисторическую птицу, спокойно попыхивал своей короткой трубочкой и не говорил ни слова.

Лишь когда гроб исчез в корабельных недрах, он вынул из кармана белый конверт и протянул его Альдо:

- Держите! Возможно, вам это пригодится.

Морозини взглянул на него с недоумением:

- Что это?

- Моя визитная карточка с парой фраз в придачу. Если вы все-таки решитесь отправиться за океан, я настоятельно рекомендую вам заглянуть в Нью-Йорке к моему старому другу, шефу городской полиции Филу Андерсону. Это человек очень умный, очень компетентный, очень надежный, и к его советам стоит прислушаться. Кроме того, он отрастил длинный, как бивень слона, зуб на все, что имеет отношение к мафии, а ваш Риччи может принадлежать к ней.

- А почему вы предположили, что я туда поеду? - спросил Альдо, однако карточку взял и спрятал в карман.

- Без всяких причин! Просто мне пришла в голову такая мысль. Заметьте, я вовсе не подталкиваю вас к этому. А сейчас вам пора подниматься на борт, - добавил он, посмотрев на

часы. - Передайте мои наилучшие пожелания княгине. Возможно, как-нибудь я навещу вас.

- Это было бы лучшей из всех новостей! Наш дом всегда открыт для вас!

вернуться

16

Фирменное название габардина компании «Берберриз» и дорогого плаща той же марки. (Прим. пер.)

Мужчины обменялись рукопожатием, и Альдо направился к трапу, но, сделав три шага, обернулся:

- Прошу вас, постарайтесь удержать Видаль-Пеликорна от слишком больших глупостей! Он вообразил себя Марком Антонием, и его американская Клеопатра начинает всерьез меня тревожить!

Уоррен вынул трубку изо рта и скривил губы, что должно было означать улыбку:

- Представьте себе, меня тоже! Счастливого пути!

Через два дня Альдо уже был в Париже. Жаклин Оже отныне обрела вечный покой в родной земле, и благодаря принятым Скотленд-Ярдом мерам это произошло без каких-либо затруднений. Он мог только отдать должное организации дела. У трапа корабля его ожидали полицейские и похоронный катафалк. Таможенный контроль проявил оперативность и такт. После короткой службы в церкви гроб, усыпанный свежими цветами (Уоррен предусмотрел даже эту деталь), был опущен в могилу, где покоились родители девушки. Альдо осталось лишь оплатить счет и надеяться, что кто-нибудь придет помолиться к могильной плите, на которой по его распоряжению выгравировали имя и даты жизни. Вот почему на парижский поезд он сел с ощущением, что совесть его чиста. Однако разум бунтовал по-прежнему: нельзя было отделаться от мысли, что Риччи преспокойно наслаждается лучами солнца, после того как навсегда лишил этого счастья создание Божье, перед которым предстал в облике рождественского Деда Мороза, оказавшегося лишь маской безжалостного убийцы. Виновость сицилийца-янки в этом преступлении не вызвала у него никаких сомнений, даже если тот был непричастен к убийствам в «Ковент-Гардене» и в Багери.

Его возвращение на улицу Альфреда де Виньи ознаменовалось тремя улыбками и вздохами облегчения - хотя он несколько раз звонил специально для того, чтобы успокоить женщин. Это не помогло, ибо Лиза инстинктивно обрела старые привычки образцовой секретарши и раздобыла английские газеты, в которых широко освещалось «Загадочное убийство на Пиккадилли». Именно их и предъявили Альдо, когда он, избавившись от угольной и прочей дорожной пыли, присоединился к своим женщинам в зимнем саду, где маркиза на свой манер отмечала *five o'clock*, выпивая один-два бокала шампанского.

- Давно ты знаком с этой молодой женщиной? - спросила Лиза, протягивая «Дейли Мейл» мужу.

Вопрос был задан невинным тоном, но Морозини слишком хорошо знал жену, чтобы недооценить звучащее в голосе напряжение, однако, сознавая чистоту своих намерений, не желал получать выволочку - пусть даже от лучшей в мире супруги, восхитительной, как

никогда, в крепдешинном платье с набивкой из зеленых, желтых и белых геометрических фигур. Он нахмурился, а потом, сохраняя верность привычке, ответил вопросом на вопрос:

- Что это на тебя нашло? Ты покупаешь английскую прессу?

- Когда ты куда-нибудь уезжаешь, дорогой, я всегда покупаю местные газеты, - пропела она с совсем уже ангельской кротостью. - Редко бывает, чтобы там не было новостей о тебе. Ты такой интересный, яркий, заметный человек...

- Неужели там говорится обо мне? - проворчал он, увидев на первой полосе фотографию Жаклин. - Где, черт возьми, эти парни сумели ее раскопать?

- Твою фамилию полностью не называют, - вмешалась мадам де Сомьер, - но когда речь идет о князе М., а ты находишься где-то поблизости, все становится ясно. Лучше бы ты сам рассказал нам, не слишком присочиняя!

- Я никогда ничего не сочиняю, когда имею дело с вами, - парировал Альдо. Затем, увидев устремленные на него взгляды трех женщин, добавил: - Вы что же, решили судилище устроить? Я пережил несколько тяжелых дней, быть может, впереди меня ожидает кое-что похуже, а вы не нашли ничего лучшего, как подвергнуть меня допросу! Вы вполне заслужили, чтобы я вообще отказался от рассказа!

- Нет, не заслужили! - жалобно протянула готовая расплакаться Мари-Анжелин. - Это было бы слишком жестоко!

- Только чтобы доставить удовольствие вам, Анжелина! Узнайте прежде всего, что с Жаклин Оже я познакомился только в день ее смерти. До этого я видел ее только мельком, в «Ритце», во время обеда с Болдини, и, поскольку об этом я вам подробно рассказывал, вы должны это помнить.

- А, та самая блондинка! - воскликнула Лиза.

- Да. Та самая, только ее уже нет на свете! Теперь постарайтесь выслушать меня, не перебивая.

Времени на это ушло немного, но к концу рассказа тетушка Амели утирала слезы:

- Ты похоронил ее рядом с родителями? О, это очень хорошо, малыш!

- Я всегда знала, что вышла замуж за точную копию Дон Кихота, - сказала Лиза, более взволнованная, чем ей хотелось показать. - Что меня тревожит теперь, так это продолжение.

- Какое продолжение?

- Продолжение этой печальной истории. Ведь ты в скором времени посетишь Главную Трансатлантическую Компанию. Я права, не так ли? Ты думаешь именно об этом?

Альдо сел рядом с женой на ротанговое канапе с подушками, затянутыми в ткань Жуи, и взял ее за руку, чтобы по своей нежной привычке поцеловать ладонь. На ресницах ее подрагивали слезинки.

- Нет, если тебе это больно, сердце мое. Конечно, мне хотелось бы, чтобы мерзкий тип заплатил за свое преступление или преступления, хотелось бы найти драгоценности Бьянки

Капелло, ибо я убежден, что оба дела тесно связаны между собой. Но ты – самое дорогое, что у меня есть, и ни за что на свете я не желал бы причинить тебе страдания. Особенно сейчас! Вот если бы ты поехала вместе со мной...

– Это было бы верхом безумия! – вскричала Мари-Анжелин, чьи ноздри вздрагивали с того мгновения, как Лиза упомянула прославленную пароходную компанию. – Нельзя забывать о младенце! Зато мы могли бы с пользой сопровождать Альдо, ведь миссис Ван Бюрен уже пригласила нас в Ньюпорт.

– Я так и думала, что мы очень скоро услышим о ней, – иронически произнесла мадам де Сомьер. – Вы никогда не упускаете случая устроить ваши маленькие делишки, План-Крепен! Почему путешествие в Америку верх безумия только для Лизы? Конечно, она беременна, но я – старуха с хрупким здоровьем...

– Кому вы это пытаетесь внушить, тетя Амели? – произнесла Лиза, обретя способность улыбаться. – Вы сильны, как взвод мушкетеров.

– Спасибо, что меня не сравнили с каким-нибудь турком, – промолвила маркиза. – Но не будем отвлекаться. Если ты действительно решил поехать туда, Альдо, я, возможно, приму приглашение, о котором мне прожужжали все уши. В сущности, Лиза, и вы вполне могли бы сопровождать нас. Миссис Ван Бюрен, которая страстно увлекается геральдикой, будет на седьмом небе от счастья принимать в своем доме княгиню, сроки у вас еще ранние, морской болезнью вы не страдаете, а уж отсутствие комфорта вам точно не угрожает. Как жаль, что молодой Видаль-Пеликорн сошел с дистанции, волочась за своей шлюхой...

Тираду свою она завершила вздохом, и в этот момент вошел Киприан с серебряным подносом, на котором лежала телеграмма, адресованная Морозини. Тот взял ее, нетерпеливо вскрыл пальцем и прочел вслух:

«Пароход „Иль-де-Франс“, направляющийся в Нью-Йорк, пятнадцатого числа нынешнего месяца остановится в Плимуте. Места забронированы для моего господина и его спутницы. Почтительно кланяюсь. Теобальд».

– Великолепно! – воскликнула Мари-Анжелин. – Это все меняет! Нужно сразу...

Мадам де Сомьер воспользовалась тростью, чтобы отбить на паркете негодующую серию ударов:

– Спокойнее, План-Крепен! До пятнадцатого еще пять дней. В каютах, похоже, нет свободных мест, а палуба меня не прельщает!

– Но можно же попытаться? – жалобно сказала компаньонка. – Я верю в Альдо: он что-нибудь придумает.

– Минуточку! Ты едешь, Лиза? Я был бы так рад!

Она поняла, что в душе он принял решение и мыслями находится уже далеко от Парижа. И все-таки улыбнулась ему самым сердечным образом:

– Нет, не поеду, но ты можешь отправляться со спокойной душой. Не знаю, говорила ли я тебе, но я не люблю Америку. Кроме того, мне не нравятся приключения, даже если я ничем не стеснена.

- Что же ты собираешься делать? - спросил он с искренним огорчением.

- Во-первых, вернусь домой, чтобы забрать близнецов, а потом стану ожидать тебя у бабушки, в Рудольфскроне. Дети обожают это место, и мне там будет лучше, чем на борту парохода, каким бы он ни был роскошным. В начале беременности тошнота неизбежна, а на море - тем более.

- Ты самая изумительная женщина в мире! - убежденно сказал он. - И будь уверена, я совершу невозможное, чтобы ты получила своего супруга в целостности и сохранности... Впрочем, может быть, места нам не достанутся...

Мари-Анжелин, угадав его мысль, уже устремилась к телефону.

Вернулась она удрученной. Осталась только одна каюта первого класса, да и ту освободил внезапно занемогший пассажир.

- Я забронировала ее для Альдо, - вздохнула она, чуть не плача, - и билет ему доставят завтра утром, а вот нам разместиться негде...

- Невелика потеря! - сказала мадам де Сомьер. - Мы отправимся на следующем пароходе!

- Да, но это будет не «Иль-де-Франс»! Все, кто путешествовал на нем, в один голос говорят, что это изумительно... Настоящая мечта!

- Ну и что? «Пари», «Лафайетт» или «Франс» ничуть не хуже! Не все ли вам равно, где страдать от морской болезни?

- Мы знаем, что у меня ее никогда не бывает! Мы пускаемся в плавание не впервые...

Когда маркиза и ее «дуреха на все руки» затевали дискуссию такого рода, она грозила затянуться надолго. Поэтому Лиза сочла за лучшее вмешаться и сказала, что предпочитает не покидать Европу. Главное, что Альдо окажется на том же пароходе, что Адальбер. С их глупой ссорой пора кончать, а она будет чувствовать себя гораздо спокойнее, если рядом с ним будет верный друг!

Предоставив остальным возможность развивать этот сюжет, она взяла отложенную мужем газету и стала внимательно разглядывать фотографию на первой странице. Увидев это, Альдо подошел к ней.

- Это всего лишь бедная девушка, которой не повезло, - мягко сказал он. - Она заслуживала лучшего...

- Несомненно! Но ты разве ничего не заметил?

- Ей-богу, нет! Разве что газетная бумага не может передать подлинное лицо, она его искажает и не воздает должного! Но тебе, кажется, это не мешает?

- Хм! С учетом бумаги, как ты сказал, и другого стиля одежды... ты не находишь, что твоя протезе очень напоминает Бьянку Капелло на портрете работы Брондзино?

- Поскольку я никогда не видел этой картины, не могу подтвердить твою правоту.

- А ты мог бы: она находится в Лондоне, в Национальной галерее, да ведь тебя интересуют только драгоценности! В живописи, знаешь ли, есть свои хорошие стороны...

- Ты несправедлива: художники часто вдохновляли меня на новые идеи. Порой это было просто подготовкой почвы, но часто и сигналом к отъезду. Однако, если она так похожа на Бьянку, это должно было бы поразить Болдини, ведь мы оба видели Жаклин Оже.

- Болдини верит в свой собственный гений и специально не изучает старых мастеров, но для меня сходство очевидно, и я спрашиваю себя, не была ли невеста Багерии девушкой такого же типа? Судя по пересказанному тобой описанию Болдини, это вполне вероятно.

- О чем ты подумала?

- Сама не знаю. Просто пришла в голову мысль.

- Но ведь Солари была брюнеткой?

- Ты когда-нибудь видел, чтобы партию Тоски или Баттерфляй пели блондинки? Для того и существуют парики. Впрочем, это может быть простым совпадением: я не видела никого из них и позволила разгуляться своему воображению!

- Иногда оно делает тебя чрезвычайно проницательной, поэтому твои слова заслуживают всяческого внимания. Посмотрим, нельзя ли что-нибудь извлечь из этой идеи...

- Для меня, - вмешалась Мари-Анжелин, - главным связующим звеном остаются драгоценности: обе первые жертвы носили их в момент убийства.

- И убийца хотел ими завладеть, - кивнул Альдо. - Но ведь они не фигурируют в убийстве на Пиккадилли?

- Нет, зато есть девушка, похожая на Бьянку Капелло и...

Гневно стукнув тростью о паркет, тетушка Амели велела всем замолчать.

- Мы не можем поговорить о чем-нибудь другом? - пожаловалась она. - Остерегайтесь навязчивых идей! Если так будет продолжаться, мы начнем видеть эту женщину повсюду!

Часть вторая

Ярмарка тщеславия

Глава V

Пассажиры парохода «Иль-де-Франс»

Удобно расположившись в трансатлантическом поезде, который следовал в Гавр, Альдо мысленно признался себе, что рад совершить это путешествие в одиночестве, раз уж Лиза отказалась его сопровождать. Он обожал тетушку Амели и охотно признавал многочисленные таланты, а также безупречную преданность Мари-Анжелин, но предпочитал обойтись без них и их инициатив в тот момент, когда Адальбер под руку со своей пассией взойдет на борт парохода. Мужчины должны решать свои проблемы между собой, тем более что нынешняя ситуация представлялась чрезвычайно деликатной. В любом случае, он встретится с ними позже, в Ньюпорте, и, быть может, они обеспечат ему прочный тыл, которым никак нельзя пренебрегать на чужой или даже враждебной территории. Что же касается его прекрасной супруги, то разлука с ней, хоть и была очень тяжела, но развязывала Морозини руки. И освобождала разум, избавленный от необходимости постоянно думать о ней, поскольку она

находилась в уязвимом положении. Разумеется, ей всегда удавалось противостоять трудностям – свою предыдущую беременность, к примеру, она бодро перенесла в совершенно невозможных условиях, – но все же было куда спокойнее сознавать, что она вместе с близнецами находится в самом сердце австрийских гор. Тем более что ее пребывание в Америке неизбежно ослабило бы его самого, даже лишило бы мужества, поскольку он постоянно опасался бы навлечь своими действиями опасность и на нее. Тогда как теперь эта угадываемая им неизбежная опасность превращалась для него в то, чем была всегда: солью, сдабривающей одно из тех приключений, в которые он окунался с извращенным, как сам прекрасно сознавал, наслаждением и в которых тем не менее время от времени нуждался. Это был запретный и вместе с тем желанный плод, добавлявший перца в его скучное существование «лавочника». Даже если означенная лавка представляла собой венецианский дворец, а продаваемые там вещи все как одна достойны были стать экспонатом музея и пополнить королевскую сокровищницу. Только это и могло оправдать в его собственных глазах нелепую идею переплыть Атлантику в поисках драгоценностей, которые, вполне вероятно, находились вовсе не в Америке, и человека, которого он считал – не имея на то ни малейшего доказательства! – убийцей, хотя тот лично ему ничего дурного не сделал. Человека, принадлежащего, как он готов был ручаться, к мафии. Ради чего? Чтобы отомстить за гибель незнакомой девушки? Да, конечно, но также из-за спортивного азарта, подчиняясь своему нюху, почуявшему свежий след... И еще из-за Адальбера, чтобы тот не наделал глупостей: «египетская принцесса» отличалась необыкновенной красотой, однако она была дочерью Авы Астор, что не сулило ничего хорошего душевному спокойствию славного французского археолога. В сумме все это делало предстоящее путешествие довольно захватывающим, и Альдо поймал себя на том, что с довольной улыбкой смотрит на проносящиеся за стеклами холмистые берега Сены, одновременно закуривая десятую сигарету.

Добравшись до морской гавани Гавра, он невольно присвистнул от восхищения: пароход «Ильде-Франс» и в самом деле был великолепен! Последнее детище Главной Трансатлантической Компании с черным корпусом, белыми палубными постройками и тремя черно-красными трубами, возможно, нельзя было отнести к самым большим из действующих тогда пароходов – хотя двести сорок один метр в длину со счетов не сбросишь! – однако в нем блистательно сочетались величие и элегантность, а внутреннее убранство и обслуживание единодушно признавались несравненными. Один американский журналист написал, что «он красив без напыщенности, удобен без претенциозности, радушен без снобизма и воплощает собой на море то представление о Франции, какое сложилось в Америке». [17] Со своей стороны, Альдо же подумал, что путешествовать на таком изумительном судне – настоящее удовольствие, и убедился в справедливости своего предположения, когда у входа на трап его любезно встретил первый помощник капитана и тут же поручил заботам одного из грумов в форменной одежде цветов Компании, который проводил его в каюту первого класса, где ему предстояло провести пять следующих дней. Она оказалась вполне современной, большой, светлой и чрезвычайно удобной: меблировка из эбенового и лимонного дерева, кремовые занавески, темно-коричневая кушетка, сверкающая ванная комната, где было все необходимое, переливающиеся опаловым светом лампы.

вернуться

17

В разное время это был любимый пароход Джона Уэйна, Кирка Дугласа, Джона Форда, Дина Мартина, Хемфри Богарта и Лорен Бэколл. (Прим. авт.)

Морозини не в первый раз пересекал Атлантический океан, но было это еще до войны: тем не менее, хотя значительные изменения были очевидны, он не забыл правила поведения хорошего пассажира. Поэтому он вызвал звонком стюарда с целью распаковать багаж и уложить вещи в платяной шкаф, а также предъявить паспорт и подписать таможенную декларацию. Покончив с этим, он надел непромокаемый плащ, водрузил на голову фуражку и поднялся на палубу, чтобы присутствовать при отплытии. Небо было серым, дул легкий ветерок и моросил мелкий дождь, однако на пристани собралась целая толпа людей, которые махали платочками и что-то кричали. Корабельная сирена трижды загудела. Буксиры повлекли за собой оторвавшийся от причала «Иль-де-Франс». Полоса воды между ним и сушей постепенно расширялась, и вскоре показались фигуры тех, кто остался на берегу, тогда как прежде были видны только их головы и руки. Поскольку никого из близких Альдо здесь не было, он просто смотрел, как медленно удаляется порт, и думал о том, что для провожающих – многие из них плакали! – отплытие парохода приносит больше страданий, чем отход поезда, так как длится значительно дольше. Он всегда ненавидел проводы и радовался, что Лиза, как и он, не терпит такого рода прощаний – независимо от избранного способа передвижения. Вот почему она позавчера запретила ему даже показываться у спального вагона «Восточного экспресса», идущего в Симплон, взяв с собой на вокзал только Мари-Анжелин и Киприана, которые должны были убедиться, что отъезд прошел благополучно. Правда, на сей раз он пытался возражать, желая побыть с ней несколько лишних минут, но она, вырвавшись из его объятий, сказала ему, перед тем как сесть в машину на улице Альфред-де-Виньи:

- Нет никаких причин хоть в чем-то изменять нашим привычкам... разве что ты не надеешься вернуться? В любом случае, мы оба всегда не любили устраивать зрелище напоказ.

Последний поцелуй, на сей раз очень короткий, и она удалилась гордой поступью, держа спину очень прямо и не поворачивая головы, чтобы он не заметил ее слез. Воспоминание об этом пронзило Альдо в тот момент, когда пароход выходил в открытое море, и внезапно превосходный оптимистический настрой, не покидавший его во время путешествия из Парижа в Гавр, улетучился и уступил место ощущению, что он совершает непоправимую глупость, втянувшись в эту авантюру, ибо разлука с любимыми людьми может оказаться вечной. Возможно, он устремился бы к капитану с просьбой высадить его с корабля вместе с лоцманом, когда недоверчивый и одновременно радостный голос воскликнул:

- Нет, я сплю наяву! Ты что здесь делаешь?

Вздвогнув, он повернул голову: перед ним стоял его друг Жиль Вобрен, известный антиквар с Вандомской площади. Тот был настолько доволен встречей, что улыбался во весь рот. Благодаря ему все неприятные ощущения Альдо исчезли.

- А ты сам? – тут же парировал он, обменявшись с Жилем крепким рукопожатием.

Столь же высокий, как Альдо, но более дородный, Вобрен с его поредевшими волосами – в данный момент скрытыми под ирландским картузом – и тяжелыми веками в хорошем настроении походил на римского императора, а в плохом на Людовика XI. Всегда одетый с иголки (в костюмы, сшитые только в Лондоне), всегда со свежим в зависимости от сезона цветком в бутоньерке, он скрывал за своим величественным обликом лучший в мире характер – если только ему не наступали на ногу, – громадную эрудицию, утонченный вкус и замечательную деловую хватку в сочетании с необыкновенной щедростью и слабостью к красивым женщинам. У него вечно была какая-нибудь сердечная история, и соблазнять он умел: женщинам нравились его глуховатый голос и чарующая улыбка. На вопрос Альдо он ответил сразу:

- Я еду выкупать на аукционе выставленный наследниками предмет мебели, который вообще не должен был покидать пределы Франции, кресло из рабочего кабинета Людовика XV...

- Только и всего? - восхищенно присвистнул Морозини. - И, разумеется, ты готов разориться, ведь если оно тебе достанется, перепродавать ты не станешь?

- Разумеется, нет...

Восемнадцатый век в целом и Версаль в частности были главной страстью антиквара. Он мечтал восстановить с максимальной полнотой меблировку несравненного дворца, опустошенного Революцией: это стало его хобби, как скрипка для Энгра, и ему уже удалось добиться значительных успехов. Свою будущую коллекцию он намеревался завещать государству - при условии строгой сохранности! - в том случае, если умрет, не оставив детей. Поскольку он был закоренелым холостяком, закалившимся в общении с множеством вероятных тещ, такой исход был вполне вероятен. А беспокойство Альдо по поводу его денежной несостоятельности прозвучало явно иронически, ибо он был чрезвычайно богат. Пропустив мимо ушей это замечание друга, Жиль Вобрен предпочел вернуться к началу разговора: с какой целью Морозини сел на пароход, направлявшийся в Нью-Йорк?

- Чтобы найти драгоценности, которые исчезли при трагических обстоятельствах...

- «Красные», значит? - сказал Вобрен, используя термин, применяемый специалистами по отношению к драгоценностям, которые стали причиной убийства.

- Необыкновенно красные! И еще, чтобы попытаться наказать преступника!

- Отличная программа! Что это на тебя нашло? Ты поступил в полицию? Не слишком разумно для женатого человека и отца семейства!

- Ты даже сам не понимаешь, насколько ты прав! Но есть вещи, которые честный человек может вынести только до определенных пределов.

- У тебя будет время, чтобы все рассказать мне! Ах, дорогая баронесса! Вы здесь?

С этим возгласом Жиль Вобрен, совершенно позабыв о Морозини, устремился навстречу высокой, очень красивой брюнетке, которая своим дымчато-серым одеянием - начиная от замшевых туфель на длинных стройных ногах и кончая муслиновой вуалеткой на голове - походила на призрак некой странствующей императрицы. Рукой в перчатке она придерживала складки тонкой ткани, обрамлявшей лицо, которое могло бы показаться до приторности совершенным, если бы не рот с чувственными губами - слишком большой, слишком выпуклый, быть может, слегка мясистый и при этом ослепительно алый. Он настолько выделялся, что затмевал даже прекрасные глаза, серые и слегка раскосые. На протянутой антиквару руке со снятой перчаткой сверкал один, но великолепный алмаз.

- Ах, дорогой Вобрен! - сказала она. - Я знала, что вы на борту, и искала вас.

Голос у нее был необычный - низкий, бархатный, чуть хриловатый, соблазнительный ровно настолько, чтобы перед мужчиной открылись пугающие, но желанные горизонты. Неудивительно, что Жиль поддался ее чарам: эта баронесса, вероятно, напомнила ему Варвару Василевич, цыганку, в которую он так безумно влюбился в прошлом году... [18] Не сводя восторженного взора со своей дамы, он взял ее под руку с явным намерением увести как можно дальше от своего друга. С тяжким вздохом Альдо вновь обратился к созерцанию пейзажа. Нет, это просто невероятно! Сначала Адальбер, а теперь Жиль - который, между

прочим, так обрадовался встрече с ним! – бросили его ради женщины. Конечно, обе были изумительны, но всему есть предел!

Судно, выйдя из гавани, направилось в открытое море. Берега Франции постепенно исчезали из вида: город Гавр прежде всего, но также синие крыши Онфлёра, а еще дальше – бежевая кайма пляжей Ульгата, Довиля и Кабура. Ветер стал совсем прохладным, и Морозини уже собирался вернуться в каюту, когда внимание его привлекли шум мотора и крики пассажиров на другом конце палубы: маленький биплан «Blue-bird Blackburn» [19] кружился над пароходом, опускаясь так низко, что было видно, как пилот в открытой кабине машет платочком. На эти сигналы горячо реагировала группа людей, окружавших юную девушку, которая, в свою очередь, бешено размахивала голубым шарфом и посылала воздушные поцелуи пилоту, получая ответные с процентами. Видимо, это был жених прелестной девочки, решивший проститься с ней таким красивым способом. Пассажиры с энтузиазмом встретили смельчака, и Альдо тоже был очарован: ему понравился этот немного безумный поступок. На палубе звучали приветственные крики и смех, но все рано или поздно кончается: сделав последний круг, самолетик повернул к берегу. И внезапно на глазах у всех произошла драма: у биплана заглох мотор, и он вошел в пике. Палуба охнула в едином порыве, а девушка в ужасе закричала. Все с бессильным отчаянием смотрели на волны: до места трагедии было уже далеко – туда нельзя было добраться ни вплавь, ни даже на спасательной шлюпке! Некоторые женщины лишились чувств, а невеста, словно оцепенев, намертво вцепилась в перила и не сводила глаз с моря.

вернуться

18

См. роман «Жемчужина императора». (Прим. авт.)

вернуться

19

«Синяя птица Блэкберна» (англ.).

Вдруг наступила полная тишина, потому что шум двигателей умолк. Затем они заработали вновь: капитан принял решение вернуться назад в надежде спасти пилота. Пройдя две-три мили на полной скорости, корабль сбавил ход и медленно приблизился к месту, где самолет нырнул в волны, не оставив по себе никаких следов. Пассажиры парохода затаили дыхание, и на какое-то мгновение всем показалось, что надежды больше нет. Однако «Иль-де-Франс» упорно продолжал поиски. Уже наступали сумерки, когда с передней палубы раздался возглас:

– Вот он! Я его вижу...

Со своего места Альдо не видел ничего, кроме спасательной шлюпки, которую проворно спускали на воду. Мгновение спустя послышались крики:

– Его спасли! Он жив!

– Хвала Господу! – выдохнула дама в сером, оказавшаяся рядом с Альдо. – Бедняжка Дороти не пережила бы этой катастрофы.

- Вы с ней знакомы?

- Мы с ней даже родня. Ее зовут Дороти Пейн, она принадлежит к одной из наших лучших нью-йоркских фамилий, но летчик, ее жених, это француз по имени Пьер Лэр, сын богатейшего торговца хлопком... [20]

Баронесса говорила об этом самым естественным тоном, как будто знала своего соседа с давних пор, но при этом не смотрела на него, и Альдо с удивлением отметил про себя, что нигде не видно Жилия.

- Что вы сделали с моим другом Вобреном? - спросил он.

- О! Он побежал на мостик к капитану, но, полагаю, опытный моряк в его советах вряд ли нуждался. Это настоящий джентльмен! Повернуть такой большой корабль ради столь незначительного типа!

- Должно быть, он думает, что любая человеческая жизнь имеет ценность и нужно делать все возможное, чтобы спасти ее. Но вы правы, путешествовать на пароходе, которым командует такой человек, это большое счастье. А теперь мне, наверное, следует представиться...

Она засмеялась, и, несмотря на волнуемый низкий голос, смех у нее оказался заразительно веселым:

- Не стоит труда. Я уже спросила нашего друга. А вот моего имени вы не знаете!

- Я сожалею об этом с того момента, как увидел вас.

- Ах, как галантно это было сказано! Что ж, меня зовут Полина Белмонт, полгода назад я стала вдовой барона Франца фон Этценберга и теперь возвращаюсь домой, в Нью-Йорк.

Бешеные аплодисменты заглушили ее слова: молодого летчика, мокрого до нитки и завернутого в одеяло, подняли на борт. Двое матросов тут же понесли его в лазарет, где его должен был осмотреть врач. Сил у него хватило лишь на то, чтобы помахать своей невесте, которая снова плакала - на сей раз от счастья.

Тем временем вернулся Вобрен. Он был слегка уязвлен, увидев, что баронесса и Морозини беседуют как старые знакомые, но постарался ничем этого не показать. Его настолько переполнял энтузиазм, что места для более мелких чувств не осталось:

- Что за человек наш капитан! Какое хладнокровие, какая элегантность! Он меня вежливо выпроводил, но я на него не сержусь. Он составляет чудную пару со своим кораблем. [21] Быть может, нам пора подготовиться к ужину? - добавил он, предложив руку баронессе, которая покачала головой:

- Идите без меня! Я схожу узнать, как себя чувствует Дороти, и побуду с ней. Впрочем, никто и не переодевается для первого после отплытия ужина!

- А я так надеялся пригласить вас! - воскликнул Вобрен с гримасой разочарования. - Мы оба, разумеется! - добавил он так поспешно, что вызвал у Морозини улыбку.

- У вас будет масса времени, чтобы сделать это! И, полагаю, вам есть что рассказать друг другу, раз вы так давно не виделись.

- Это неплохая мысль, - тут же согласился Жиль. - Кажется, на борту две звезды и еще несколько известных лиц, которые в первый вечер не покажутся. Можно будет спокойно поговорить....

- Вот оно что! - прошептал Альдо, провожая взглядом Полину фон Этценберг, которая направлялась к лестнице. - Как приятно иметь такое средство для исцеления! Полагаю, ты опять влюбился? Должен признать, что твой выбор заслуживает всяческого одобрения.

- Разве она не великолепна? - вздохнул антиквар с таким чувством, что Альдо понял: ужин пройдет под аккомпанемент восхвалений прелестей красавицы-американки.

- Изумительна! И давно ты с ней знаком?

- Неделю. Я встретил ее в «Бёф-сюр-лэ-Туа», куда привел одного клиента из Швейцарии. Она была там с друзьями, а мой клиент, оказывается, хорошо ее знал. Он представил нас друг другу.

- Овдовела полгода назад и появилась в «Бёф-сюр-лэ-Туа»? Тебе не кажется, что с мужем распросились весьма поспешно?

- Он пил, как лошадь, и в пьяном виде поднимал на нее руку. Учитывая, что он всегда был под парами вина или шнапса, она, как ты понимаешь, не слишком о нем жалеет. Вместе с тем одевается она только в серое или в белое. Но что это с тобою случилось, отчего ты так придиричив? Надеюсь, у тебя все в порядке? Я имею в виду Лизу!

- В полном порядке. Она готовится подарить мне третьего ребенка, а сейчас должна быть в Австрии вместе с близнецами. Однако не могу отрицать, что стал несколько подозрительным. Не без причины...

- Ты мне расскажешь об этом за ужином! Пойдем вымоем руки, выпьем по стаканчику и вперед...

К парадным помещениям парохода в стиле чистейшего ар деко вела монументальная мраморная лестница с полированными медными перилами и зеркалами на стенах, соединявшая простоту линий с самой утонченной роскошью. Интерьеры создавались величайшими мастерами своего дела: Рюльману принадлежал общий салон, называемый также Чайным, со стенными панелями из светлой древесины ясеня, прошитыми полосками посеребренной бронзы; Ричарду Бауэнсу - громадный холл; Сю и Мару - Большой салон с его канопе, накрытыми обюссанскими коврами, на которых были изображены самые прекрасные дворцы парижского региона - Версаль, Шантийи, Ментенон, Нуайон; Анри Пакону - Большая кофейная терраса и Курительная комната трех уровней. Повсюду были великолепные украшения из кованого железа Раймона Сюба, громадную столовую Пату с потолком в три уступа освещали сто десять светильников Лелика из янтарно-желтого стекла, в середине ее возвышался удивительный фонтан Навара - пирамида из золотых и серебряных цилиндров. Именно около этого фонтана расположились Морозини и Вобрен, посетив предварительно бар со стенами красного дерева, уже заполненный американцами, которые жаждали воспользоваться благами страны, избавленной от ужасов сухого закона.

В столовой далеко не все места были заняты. Многие дамы, не только знаменитости, предпочли заказать ужин в каюту, чтобы лучше подготовиться к завтрашнему появлению. Удобно устроившись в красивых креслах из сикоморы, обтянутых переливчато-зеленой тканью Веронезе, оба друга с наслаждением углубились в изучение столь же разнообразного, сколь превосходного меню - при этом каждый клиент мог дополнить его по своему усмотрению,

заказав любимые блюда. Вобрен доверился рекомендации метрдотеля: ему принесли взбитые яйца с трюфелями и вино, которое он выбрал.

Как и предвидел Альдо, большая часть ужина была посвящена баронессе Полине, превозносимой ее воздыхателем до небес. Морозини узнал – хотя это уже было ему известно! – что она из Белмонтов, стало быть, принадлежит к одной из лучших нью-йоркских фамилий, а также – вот об этом он даже не подозревал! – что она талантливый скульптор, хотя еще не получила признания, прежде всего, разумеется, со стороны родственников, явно не одобрявших столь эксцентричных склонностей.

– Это не имеет значения, – радостно сообщил Вобрен. – Она совершенно независима, особенно после того как овдовела, у нее есть собственный дом и мастерская на Вашингтон-сквер, а состояние ее покойник не успел растратить. Но могу тебя заверить, что вещи она создает просто изумительные! Без преувеличения! Мне бы хотелось устроить ей выставку в Париже...

Так все и шло вплоть до десерта, когда несколько выдохшийся антиквар вновь проявил интерес к присутствию своего друга Альдо на пароходе. Тот был уже изрядно раздражен и потому изложил свои намерения в самых общих чертах: он разыскивает гарнитур из сокровищницы Медичи и одновременно надеется положить конец преступной деятельности лица, скорее всего, и завладевшего этими драгоценностями.

вернуться

20

Подлинное происшествие. (Прим. авт.)

вернуться

21

В истории навигации «Иль-де-Франс» остался примером необыкновенного благородства, за которое получил прозвище «Святой Бернар морей». Действительно, он девять раз приходил на помощь кораблям, терпящим бедствие, причем часто ему приходилось заметно отклоняться от курса. Последним его подвигом стало спасение итальянского парохода «Андреа Дориа» в июле 1956 года. Он был также самым роскошным пароходом в истории, его наградили орденом Почетного легиона и многими иностранными орденами. (Прим. авт.)

– А доказательства у тебя есть? – спросил Жиль Вобрен, удобно устроившись в комфортабельном кресле и прикурив ароматную гаванскую сигару о свечу в курительной комнате, куда они перебрались из столовой.

– Доказательства? Нет. Но у меня имеются сильнейшие подозрения, которые разделяет и главный суперинтендант Гордон Уоррен из Скотленд-Ярда, с которым, как ты знаешь, я уже давно нахожусь в дружеских отношениях.

– Кумекаю я, ты даром потратишь время! – сказал антиквар, который любил вставлять в свою речь простонародные словечки в ущерб классическому олимпийскому стилю. – И навлечешь на себя большие неприятности. Когда ты в последний раз был в Соединенных Штатах?

- В тринадцатом году! Признаю, что перерыв получился большой!

- Да уж! Это означает, что ты понятия не имеешь о нравах и обычаях, которые расцвели после войны, и если твой тип - мафиозо, тебя ждет верная гибель. Слушай, если хочешь, давай обсудим это завтра с Полиной. Она тебе скажет...

- Ради бога! - с возмущением оборвал друга Морозини. - Это мои дела, и я предпочитаю, чтобы они оставались в тайне! Пусть Полина становится центром твоей жизни, это касается только тебя, но я в твои любовные истории влезать не хочу, так что позволь мне удалиться! Я хочу спать!

- Похоже, характер у тебя совсем испортился! - сказал Жиль, ничуть не обидевшись. - Это потому, что на сей раз твой сумасшедший археолог не поехал с тобой?

Подобное определение никак не могло смягчить гнев Альдо. Он знал, что между двумя его друзьями существует некое соперничество, но Вобрен никогда прежде не высказывался на сей счет с такой откровенностью.

- Если ты действительно хочешь знать, он сядет на этот пароход сегодня вечером в Плимуте, но для меня будет совершенно бесполезен, поскольку с ним дело обстоит точно так же, как с тобой: он уподобился ученой собачке, танцующей на задних лапках перед красивой женщиной. Спокойной ночи!

- Неужели? Но тогда...

Продолжения Альдо не услышал: он уже спускался по большой лестнице с намерением вернуться в каюту, как вдруг ему захотелось выкурить сигарету на верхней палубе. Ночь была черная, без звезд, поднявшийся холодный ветер предвещал понижение температуры в зоне айсбергов, через которые предстояло пройти кораблю. Под черной обшивкой длинного корпуса плескались волны. На палубе никого не было, и Альдо наслаждался полным одиночеством. К несчастью, он забыл захватить пальто, и по спине у него пробежала неприятная холодная дрожь. Не хватало еще подхватить простуду в самый неподходящий для этого момент! Бросив за борт недокуренную сигарету, он вернулся в свою уютную плавучую комнату, почистил зубы, лег в постель и без всякой книги или газеты сразу же заснул, убаюканный далекими отзвуками бортового оркестра. Он спал так крепко, что даже не пошевелился, когда посреди ночи «Ильде-Франс» сделал остановку в Плимуте, чтобы забрать британских пассажиров. Завтра можно будет узнать, сел Адальбер на пароход или нет. Пока же ему было вполне достаточно новых любовных приключений Вобрена.

Тем не менее именно мысль об этом разбудила его, хотя атлантические волны продолжали мерно раскачивать судно, убаюкивая тех, кто еще нежился в постели. Он встал, принял душ, побрился и, облачившись в махровый халат с монограммой Главной Трансатлантической Компании, позвонил, чтобы ему принесли завтрак. Вскоре появился стюард с подносом всякой снеди, достаточной для прокормления целой семьи. Помимо кофе, которое Альдо попробовал не без тревоги и нашел превосходным, там были яйца вкрутую, апельсиновый сок, грейпфрут, мягкие булочки и хрустящие круассаны, безупречно поджаренные тосты, различные джемы, свежее масло, молоко, сметана и сыр.

- Желаете еще что-нибудь, мсье? - спросил предупредительный стюард.

- Вы хотите сказать, что если бы я вздумал заказать баранью ножку, то получил бы ее?

- Конечно, мсье! Правда, мне пришлось бы просить о снисхождении: вам пришлось бы немного

подождать.

- Великолепно, но успокойтесь, я ничего такого не сделаю. Превосходно... Послушайте! Где вы взяли эту газету?

Действительно, на подносе лежала свернутая газета, которую Альдо стал разворачивать, не прекращая вести разговор.

- Это «Атлантик», мсье, - газета, издаваемая на борту. Частично она печатается в Париже, но все основные материалы каждое утро выпускаются здесь: депеши и данные о биржевом курсе, которые мы получаем по радио, а также программа дня.

Поистине, все было продумано до мелочей: можно заняться спортом в гимнастическом зале со всеми мыслимыми снарядами и приспособлениями, или же пройтись по прогулочной палубе, или устроиться с книгой в одном из многочисленных шезлонгов, и ноги вам закутает пледом внимательный грум. Поскольку погода стояла прохладная, в одиннадцать часов пассажирам предложат горячий бульон. В полпервого начнется обед, за которым последует кофе, который будет подан в два часа в красивом салоне Рюльмана. В три часа - демонстрация «Джазового певца», первого звукового фильма. В четыре часа - представление театра марионеток для детей, в распоряжении которых имеются также игровые комнаты. В пять часов - чай с сэндвичами, мороженым и разнообразной выпечкой. В восемь часов - ужин. В девять часов - концерт польского пианиста с непроизносимой фамилией, после чего танцы до середины ночи с шампанским и другими напитками. На рассвете - праздничное угощение с луковым супом в качестве главной приманки.

- Скажите мне, неужели на этом пароходе все время едят? - с изумлением осведомился Морозини.

- Это французское судно, Ваше превосходительство. Мы делаем все, чтобы пассажиры оценили изысканность нашей кухни и вин. К тому же не забывайте про морской воздух! Ваше превосходительство представить не можете, до какой степени он возбуждает аппетит! Даже молодые дамы, которые очень заботятся о фигуре, не могут устоять...

- Счастье, что плавание длится меньше месяца! Иначе с трапа вашего корабля спускались бы толпы толстяков.

- На пароходах, обслуживающих Дальний Восток, кормят тоже неплохо, однако тамошние пассажиры не боятся ожирения, ну а для тех, кому изысканная пища вредна, всегда есть английские корабли! На них никому не грозит опасность переедания...

Не желая больше дремать, пусть даже в шезлонге с видом на океан, Альдо предпочел выйти на прогулочную палубу, огромную и огороженную перилами из тикового дерева, с раздвижной крышей, которую открывали в хорошую погоду. Сегодня утром об этом не было и речи: море, как и небо, отливало всеми оттенками серого, а ветер силой в шесть-семь баллов гнал дождевые облака к европейским берегам. Потому в «трансатлантических» шезлонгах было совсем немного людей: лишь около десятка пассажиров полулежали в удобных креслах у цинковой стены, окрашенной в кремовый цвет с чередованием матовых и блестящих полос. Отдыхающие надели твидовые или габардиновые костюмы: мужчины были в фуражках из такого же материала, женщины - в мехах или в узких фетровых или бархатных шляпках, но все без исключения закутали ноги шотландскими пледами идентичных цветов. Альдо бросил на них лишь мимолетный взгляд с целью убедиться, что там нет знакомых, и продолжил прогулку по кругу, радуясь, что встречает на пути только энергично вышагивающего американца,

выгуливающего на поводке трех жесткошерстных фокстерьеров, грума и няню с коляской, в которой восседала очаровательная девчушка лет двух: она одарила его радостной улыбкой и захлопала в ладошки, но тут же, без всякого перехода, разревелась, когда мимо нее прошел длинный пассажир в черной шляпе и в столь же темных очках на носу. Дойдя до конца верхней палубы, он с удивлением увидел там миниатюрный гидросамолет, тщательно укрытый брезентом и поставленный на катапульту. Один из моряков объяснил ему, что этот летательный аппарат, выпущенный в определенной точке маршрута, позволяет доставить почту на сутки быстрее. Он все еще беседовал с молодым моряком, когда к нему подошла баронесса фон Этценберг.

- Мне сразу показалось, что это вы, - сказала она так вместо вступления. - Вы принадлежите к числу смельчаков, предпочитающих поддерживать форму, чем нежиться под одеялом?

- Я никогда не был завзятым «шезлонгистом», - ответил он, склоняясь к протянутой ему руке. - Впрочем, я мог бы вернуть вам этот комплимент.

- О, я никогда не поступаю, как все! Сверх того, я настоящий морской волк и плавала на старом паруснике. Чего не скажешь о нашем друге. Я была свидетелем, как он сделал героическую попытку поупражняться в гимнастическом зале, но позеленел, как салат, и поспешно удалился в свою каюту.

- Бедняга Жиль! Наверное, мне следует заглянуть к нему, возможно, я смогу помочь?

- Ничего делать не надо, я только что попросила бортового врача зайти к нему. Очень славный человек, мне однажды понадобились его услуги, и он проявил себя с самой лучшей стороны.

- Вы уже путешествовали на «Иль-де-Франс»?

- Это мое четвертое плавание! Я обожаю этот корабль. Здесь чувствуешь себя как дома и даже лучше, потому что о тебе всячески заботятся. И атмосфера здесь именно такая, какую я люблю. А вы?

- О, у меня это в первый раз. Я не бывал в Америке с 1913 года.

- Это удивительно, ведь вас хорошо знают по обе стороны Селедочного моря! [22]

- Это так, но мне было достаточно Европы, тем более что ваши учтивые соотечественники приезжали на консультацию ко мне домой...

- Когда домом служит дворец, удивляться не приходится. Вкупе с вашей репутацией он составляет одну из достопримечательностей Венеции, отчего ваше присутствие на борту интригует еще больше. Чем вы намерены заняться у нас? - добавила она, дав волю своему любопытству и отбросив, как истая американка, ребяческие правила вежливости и такта, столь почитаемые в Европе. Но прямой до грубости вопрос не задел Альдо: быть может, потому что он чувствовал искреннюю симпатию этой женщины, которая не отводила взгляда и смотрела ему в лицо своими серыми глазами. Тем не менее ответил он уклончиво:

- Я еду, чтобы уладить одно дело.

- Какого рода дело?

Он отпрянул и сдвинул брови. Баронесса Полина, пожалуй, зашла слишком далеко... Впрочем, она и сама поняла это:

- Простите меня, если я проявила нескромность. Я задала этот вопрос только потому, что мне очень хочется по-настоящему подружиться с вами. Вы ведь много лет не бывали в Соединенных Штатах, а у нас «дела» часто решаются насилием или коварством, особенно когда речь идет о том, чем занимаетесь вы: исторические драгоценности, знаменитые или не очень, но всегда великолепные, иначе вы не обратили бы на них внимания, и, следовательно, чрезвычайно опасные.

- Надеюсь, в данном случае это не так, - улыбнулся Альдо. - Я просто хочу проверить одну гипотезу.

Вопреки его ожиданиям, Полина не попросила уточнить характер этой гипотезы, но молча и очень внимательно посмотрела на него, и в ее взгляде он прочел тревогу, которая показалась ему трогательной, поскольку эта женщина не пыталась соблазнить его: она только что говорила о дружбе, и это звучало искренне. Во всяком случае, Альдо поверил ей. Быть может, ему просто хотелось поверить? Наконец она спросила:

- У вас есть друзья в Нью-Йорке?

- Несколько клиентов... среди которых я обычно друзей не завожу. А почему вы об этом спрашиваете?

- Чтобы узнать, собираетесь ли вы остановиться в частном доме.

- Боже мой, конечно, нет! У меня нет предубеждений против отелей, и я даже люблю жить в гостинице, если она хорошего качества. Я забронировал номер в «Уолдорф-Астория»...

- Как все! Я готова была поклясться! Это просто смешно.

- Почему смешно?

- Не потому, что я ненавижу все, имеющее отношение к Асторам, и не потому, что ее скоро снесут... О! Кого я вижу?

Последнее восклицание относилось к княгине Оболенской, которая только что появилась на палубе. Альдо мог бы и не узнать ее в узкой бархатной шляпке гранатового цвета и в таком же пальто с серебристо-черным воротником из лисьего меха, если бы рядом с ней не вышагивал Адальбер в буром твидовом костюме и картузе - настоящая симфония! Парочка о чем-то оживленно переговаривалась.

- Вы знаете эту даму? - спросил Морозини у Полины.

- Она знаменита... или почти знаменита! Алиса Астор, дочь Авы, еще более безумной, чем она. Я ее не выношу. Возьмите меня под руку и проводите в радиорубку!

- Хотите подать сигнал SOS? - пошутил Альдо.

- Не надо меня подзуживать! Нет, мы просто переменим место вашего обитания: это будет отель «Плаза»! Единственный отель, который подходит человеку ваших достоинств. Кстати, наш друг Вобрен уже забронировал там номер...

Разумеется, этот аргумент был куда убедительнее, чем антипатии баронессы, и Альдо позволил увести себя, очень довольный в глубине души тем, какую мину скорчит Адальбер, когда пути обеих пар пересекутся.

Действительность намного превзошла его ожидания. Когда он проходил мимо, увлеченно беседуя со своей спутницей, Адальбер вытаращил глаза, застыл на месте и даже обернулся им вслед, тогда как обе женщины обменялись ледяным взглядом, одна презрительно выпятив губы – Полина! – другая с не меньшим пренебрежением пожав плечами. Альдо ограничился лукавой усмешкой, которую сразу заметила наблюдательная баронесса:

– Вы знакомы с этим человеком?

– Не только знаком, но даже считал его своим лучшим другом.

– Почему «считали»? Он вам уже не друг?

– Я сам задаюсь этим вопросом. После его знакомства с княгиней Оболенской у меня создалось впечатление, что он больше не хочет меня видеть.

– Потому что он влюблен в эту дуреху и далеко не так обольстителен, как вы? Чем он занимается в жизни?

– Он египтолог с блестящей репутацией...

Уже взявшись за ручку двери, ведущей в радиорубку, Полина расхохоталась:

– Тогда можете поставить крест на вашей замечательной дружбе! Алиса считает себя новым воплощением Клеопатры или чем-то в этом роде. Она проглотит его с потрохами...

Войдя внутрь, она все еще продолжала смеяться, но Альдо ее веселья не разделял. Эта любопытная женщина обладала способностью снимать шелуху с души, и, хотя ему самому никогда не приходила в голову мысль, что Адальбер мог увидеть в нем возможного соперника (полная дичь!), он стал всерьез опасаться, что, если она права, их почти братским отношениям нанесена смертельная рана. И это было совершенно невыносимо – особенно при его нынешнем состоянии духа. Логический вывод: им следовало объясниться со всей откровенностью, лицом к лицу, глаза в глаза и обязательно наедине!

В ожидании, когда баронесса покончит со своими радиограммами, он решил отправиться в бар вместе с парой художников, которые сели на пароход ночью, а затем пошел навестить Жиля Вобрена, дела которого оказались совсем не блестящими: бедняга лежал на постели, так и не сняв спортивного костюма, а цвет лица у него был все таким же зеленым. Над ним хлопотал стюард, [23] менявший ему холодные компрессы на лбу.

– Похоже, ты чувствуешь себя неважно? – констатировал Морозини.

– Зато у тебя все отлично! – со стоном отозвался Вобрен. – Ты выглядишь до отвращения здоровым, а вот я уподобился жалкому червяку... И я страшно боюсь, что меня увидят в таком состоянии!

Альдо мысленно согласился с ним: он сам ненавидел показываться на люди больным.

– Но я тебе не чужой человек, а старый товарищ, который, как и ты, прошел всю войну. Что тебе прописал врач?

– Раствор хлоралгидрата, будто бы действующий как снотворное, да только во мне он задержался всего на пару минут...

- Он тебя принял за девчонку? Впрочем, если ты смотрел на него таким взглядом, это неудивительно! Тебе следует поесть...

- Умолкни, несчастный!

- ...жареных хлебцев и бриошей... и запить все это ледяным виски с содовой!

- Откуда у тебя этот рецепт?

- Мой старый друг лорд Килренан, хоть и был старым морским волком, иногда все же страдал от этой пакости, и представь себе, адмирал Нельсон тоже. Он лечился только этим снадобьем. Заметь, он считал виски панацеей от всех недугов, начиная от головной боли и кончая мозолями на ногах. И он был не так уж не прав: как-то раз между Кале и Дувром мне пришлось прибегнуть к этому методу, и эффект оказался поразительным. Вашему доктору следовало бы это знать, - добавил Морозини, обращаясь к молодому стюарду.

вернуться

22

Шутливое название Северной Атлантики. *(Прим. пер.)*

вернуться

23

В то время Г.Т.К. (Главная Трансатлантическая Компания) предоставляла одного стюарда на две каюты класса люкс. *(Прим. авт.)*.

- Возможно, он опасается применять его к тем, кого не знает, чтобы американские власти не обвинили нас в подстрекательстве к потреблению алкоголя. Кроме того, если у вас слабая печень, мсье.

- Отчасти, - признался Вобрен, - но я предпочитаю умереть, чем так мучиться! Что подумает обо мне баронесса?

- Только самое хорошее, поверь мне! Она беспокоится за тебя, и это уже неплохой признак, верно? Оставайтесь с ним! Я схожу за лекарством сам, - сказал Альдо, направляясь к двери.

И он открыл ее так стремительно, что стоявший за ней человек успел лишь отпрянуть и тут же ринулся прочь, пробормотав какие-то извинения. Несколько озадаченный Морозини смотрел, как в конце коридора исчезла фигура в серо-бежевом габардиновом плаще, каких на пароходе встречалось немало. Из-за поднятого воротника и надвинутой на брови фуражки он не сумел разглядеть лицо незнакомца. И очень пожалел об этом, так как этот тип явно подслушивал под дверь, из-за чего едва не получил удар в лоб. Альдо все же погнался за ним, однако, добежав до поворота, никого не обнаружил. Должно быть, незванный визитер скрылся в одной из кают, но как определить, в какой?!

Направляясь в бар, Морозини продолжал гадать, отчего кто-то проявил такой интерес к больному, с утра не покидавшему постели, который, кроме краткой беседы с доктором и нескольких слов, адресованных стюарду, издавал лишь такие малопривлекательные звуки, как

бурчание в животе. Разве что любопытствующего субъекта занимал вовсе не Жиль, а он сам? Это означало, что за ним следили – вывод хоть и логичный, однако ничего не проясняющий.

Взяв в руки запотевший бокал, Альдо вернулся в каюту с целью лично вручить больному лекарство и, объявив, что заглянет завтра, пошел к себе, чтобы переодеться к обеду. Он завязывал галстук, когда в дверь постучали, но не успел он крикнуть «Войдите!», как Видаль-Пеликорн уже переступил порог. Глаза у него потемнели от гнева, светлая прядь воинственно торчала надо лбом, и начал он без всякой преамбулы:

- Нам нужно поговорить!

Его отражение появилось в зеркале, перед которым Альдо продолжал манипуляции с галстуком, как если бы ничего не произошло:

- Я придерживаюсь того же мнения, но ты мог бы для начала поздороваться!

- Ладно, если тебе так хочется, здравствуй!

- Это самое малое из того, что требуется, и я не буду настаивать на том, чтобы ты спросил меня: «Как поживаешь?»

- У тебя такой цветущий вид, что спрашивать необязательно!

- Опять! Сегодня меня попрекают этим уже во второй раз, и оба раза я слышу это от друга – или того, кто был им! Это становится утомительно.

- Кто же этот второй «бывший»?

- Жиль Вобрен.

- Он тоже здесь?

- А почему бы и нет? Ты же здесь? Ну, так что тебе нужно?

Убедившись в том, что галстук завязан идеально, Альдо отошел к столику у изголовья кровати, где оставил свой портсигар, тогда как Адальбер совершил маневр в противоположном направлении, и прислонился спиной к комоду, над которым возвышалось зеркало.

- Скорее я должен задать тебе этот вопрос! Почему ты меня преследуешь?

- С чего ты взял, что я тебя преследую?

- Сначала в Лондоне, когда ты ворвался в дом, словно молния...

- Я предпочел бы другое сравнение: упал как камень в мутное болото, где весело барахтались вы трое – Уоррен, твоя прекрасная дама и ты.

- ...а теперь на этом пароходе!

- На который я сел прежде тебя, еще в Гавре, совершенно не подозревая, что остановка в Плимуте принесет мне нежданное счастье общения с тобой! – солгал Альдо с неподражаемым апломбом. – А теперь, – продолжил он более жестким тоном, – мне хотелось бы узнать, что я тебе сделал дурного, кроме путешествия на пароходе, о котором не счел нужным уведомить тебя?

- Ничего, но...

- Неужели я настолько восстановил против себя, сам того не зная, дочь леди Рибблздейл? Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь ее мать ненавидит меня.

- Значит, я был прав, не доверяя тебе: ты побеспокоился о том, чтобы выяснить, кто она!

- Ты принимаешь меня за певчего из церковного хора? Разумеется, я «побеспокоился». Ты же не думаешь, что я подвергнул Уоррена допросу? Он просто удовлетворил мое любопытство!

Несмотря на свой загар – вечный, как у самого Морозини! – Адальбер побледнел.

- Что он тебе сказал?

- Кроме имени будущей экс-княгини Оболенской, абсолютно ничего! Правда, упомянул, что вы занимаетесь неким деликатным делом...

Из груди археолога вырвался вздох облегчения:

- Слава богу! Слушай, я могу сказать тебе только одно: она владеет бесценным украшением, за которой охотятся люди, готовые на все. Уоррен сделал все, чтобы защитить ее в Лондоне, но опасность была настолько велика, что она предпочла тайно отплыть в Соединенные Штаты. Вот почему мы сели на французский пароход ночью. Однако присутствие здесь самого знаменитого эксперта по историческим камням для нас просто губительно, ведь Алиса предпринимает невероятные усилия с целью убедить всех, что она рассталась с этой драгоценностью...

- Что это такое?

- Ожерелье, найденное в гробнице Тутанхамона и подаренное ей лордом Карнавоном...

- Никогда об этом не слышал! – вновь солгал Альдо. – Впрочем, египетские украшения меня не интересуют! Они слишком тусклые! Я люблю только блестящие вещицы из алмазов и их зелененьких братцев. Тебе следовало бы это знать!

- Украшение из золота и лазурита, обнаруженное в гробнице, о которой грезит весь мир? На тебя трудно угодить! Одно исключение ты мог бы сделать!

- Ну нет! О жемчужинах Клеопатры ничего не скажу, поскольку они живые и всегда считались лучшим украшением для женщины, но золотые бляхи, которыми фараоны закрывали брюхо, меня никогда не привлекали. Это твоя епархия!

- Ладно, ты меня убедил. Но чем же ты занимаешься здесь?

- ...и без тебя, хотя до сих пор мы всегда работали вместе, одолев вдвоем немалый путь! Видишь ли, я такой же коммерсант, как Вобрен, и у меня есть разные сложные дела...

Продолжая говорить, Альдо тихонько приближался к двери: знаком приказав своему другу молчать, он рывком распахнул ее. Там никого не оказалось, но в коридоре он увидел тот же силуэт, что прежде: видимо, звук приближающегося голоса испугнул любопытного.

- Ты думаешь, нас подслушивали? – спросил Адальбер.

- Как подслушивали под дверь Вобрена. И теперь я уверен, что все дело во мне.

- Почему? Ты занят поисками, которые могут кому-то повредить?
- А как ты полагаешь? Что могло бы заставить меня сесть на этот, конечно, вполне приятный пароход, в то время как Лиза возвращается в Венецию одна?
- Она могла бы поехать с тобой! Ей не нравится Америка?
- Не слишком. Кроме того, она ждет ребенка. Наконец, жену не берут с собой, когда идут по следам украшения и убийцы, чьи пути могут пересечься.
- Черт возьми! И что же это за украшение такое? – не удержался от вопроса Адальбер, стараясь говорить небрежным тоном.
- Успокойся! Это не ожерелье Тутанхамона, но опасность представляет не меньшую. Насколько мне известно, по крайней мере три женщины умерли из-за того, что владели этой драгоценностью... или надевали ее, поскольку речь идет о гарнитуре из ожерелья и серег. Ты удовлетворен?

Видимо, Адальбер не был удовлетворен, поскольку задал еще один вопрос:

- А эта дама, с которой ты прогуливался по палубе? Ты работаешь на нее? Она очень красива!
- Теперь мы перешли к инсинуациям? Нет, милостивый государь, я не работаю на нее. Это подруга Вобрена, с которой я познакомился только вчера. Но ты должен знать ее... Неужели твоя княгиня тебе не рассказала? Они друг друга не выносят.
- Алиса мне ничего подобного не говорила. Она на нее даже не взглянула.
- Тем не менее увидела! Ты хочешь мне еще что-то сказать? Надеюсь, что-нибудь разумное?
- Нет... Да! Если я правильно понимаю, мы оба занимаемся весьма деликатным делом и, возможно, нам не следует путаться под ногами друг у друга. Ради безопасности Алисы я предлагаю, чтобы во время этого путешествия мы делали вид, будто совсем не знакомы...
- Ну, разумеется, дружище, – сказал Альдо, стиснув зубы, чтобы сдержать нарастающий гнев. – И даже после! Каждому свои проблемы, каждому свой путь! Прекрасная мысль!

Повернувшись к двери, он распахнул ее настежь, показывая тем самым, что беседа окончена. Задетый за живое, Видаль-Пеликорн не двинулся с места.

- Я надеялся, что ты поймешь, – сказал он со вздохом, а потом направился к выходу. – Ты очень изменился, Морозини!
- Изменился? Я всегда был безнадежным идиотом! Неужели ты этого не знал?

Едва Адальбер вышел, Альдо с треском захлопнул за ним дверь и, схватив подвернувшуюся под руку пепельницу, швырнул ее об стену. Этим он немного облегчил душу, но одновременно ему захотелось плакать. Ведь Адальбер пришел лишь затем, чтобы приказать ему держаться подальше от своей драгоценной Алисы! Альдо мгновенно возненавидел эту шлюху, которой удалось поколебать дружбу, выкованную, как он думал, на века! Это было невероятно! Непостижимо! Главное же, очень неприятно, и Альдо, потерявший аппетит при одной мысли, что ему придется сидеть за одним столом с женщиной, похитившей часть – и не самую худшую – его самого, решил обойтись без обеда. Наверняка многие последуют его примеру, поскольку

погода не улучшилась. Ветер, налетевший из Исландии, встряхивал Северную Атлантику и одновременно судно, несмотря на все усилия конструкторов сделать его более устойчивым. [24] Альдо, всегда любивший шторм, до которого, впрочем, дело еще не дошло, подумал, что рокот бурных волн лучше согласуется с его настроением, чем светские разговоры или ватное безмолвие каюты. Надев непромокаемый плащ, он направился на корму – туда, где вздымалось древко трехцветного флага, и облокотился о перила как раз над глубокой длинной бороздой, постепенно закручивающейся в бант, который быстро исчезал в серо-зеленых, с бахромой белой пены, волнах. Вдалеке океан устилала полосы еще разрываемого ветром тумана, пока не загустевшего до зловещего «морского пюре», но и этого оказалось достаточно, чтобы Альдо ощутил, как в нем усиливается гнетущее чувство одиночества. Холод не давал ему вдохнуть полной грудью влажный соленый воздух. За его спиной было пустое пространство: обеда и морской болезни хватило, чтобы на палубах никого не осталось. Он видел только французский флаг, отяжелевший от влаги, и катапульту с гидросамолетом наверху, которая словно бы принадлежала к иному миру, как и отдаленный шум двигателей. И неумолимо расширялась водная гладь между ним и уже далекой Европой, между ним и всем, что он любил.

Внезапно его всегда настороженный слух подал ему сигнал о том, что кто-то приближается к нему легкой, быстрой, осторожной поступью, едва слышной благодаря обуви на резиновой подошве. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть того, кто показался ему матросом гигантского роста с темным лицом. В ту же секунду незнакомец, сжимавший в правой руке нож, бросился на него.

Отпрянув в сторону движением, достойным матадора, на которого мчится бык, Альдо сумел избежать смертельного удара, но не соприкосновения с мускулистым телом, источавшим запах пота, мокрой шерсти и еще какой-то аромат, чей характер он надеялся определить позднее, если сумеет выйти живым из этой передраги. Пока же ему пришлось полностью сосредоточиться на вынужденной схватке, которая вполне могла оказаться очень короткой. Помимо ножа, нападавший обладал недюжинной силой, и его целью было убийство. Не соглашаясь с ним в этом пункте, Альдо защищался, однако, несмотря на бицепсы, накачанные благодаря постоянным занятиям боксом, борьбой, фехтованием и плаванием, понимал, что будет очень трудно вырваться из рук столь мощного противника. Оба они уже катались по палубе, и незнакомец, отбросив нож, сдавил пальцами горло Морозини, который почувствовал себя, словно в тисках. Он задышался...

Глава VI

Вечер на борту

С энергией отчаяния Альдо попытался освободиться от навалившегося на него тяжелого тела, от стиснувших пылающее горло рук, однако он заметно уступал противнику в весе, и силы его неумолимо таяли. Он понял, что сейчас умрет здесь, в самый разгар дня, на набитом людьми пароходе, и через мгновение убийце останется только выкинуть его тело за борт, навсегда вычеркнув из списка живых.словно в фильме, крутившемся с бешеной скоростью, он увидел Лизу, детей, свою прошлую жизнь, мать... Но внезапно услышал у самого уха крик боли, и пригвоздившая его к земле тяжесть словно испарилась. В ушах у него гудело, перед глазами прыгали черные точки: он уловил запах духов, почувствовал, как чьи-то руки быстро срывают галстук, расстегивают воротник и начинают мягко массировать онемевшее горло. Подняв наконец веки, он разглядел черты лица, большой алый рот.

- Ну, кажется, я подросла вовремя! - послышалось контральто баронессы Полины. - Вот что, попробуйте глотнуть несколько капель моего эликсира!

И осторожно приподняв ему голову, она поднесла к его губам дорожную серебряную фляжку, в которой оказался напиток, обжегший ему рот и пищевод. Из глаз у него полились слезы, он закашлялся, но сумел сесть:

- Что это такое?

- Смесь моего изготовления: треть джина, треть виски и треть кальвадоса. Правда, эффективно? Я всегда держу ее при себе на случай упадка сил. Теперь попробуйте встать! Я помогу вам...

Это оказалось нелегко. Пароход проходил через зону сильного волнения, но, ухватившись за перила и руку Полины, необычно сильной для женщины, Альдо сумел вернуть себе вертикальное положение.

- Спасибо, баронесса! Вы гораздо сильнее, чем могло бы показаться...

- Я же скульптор. Материалы, которые я использую, намного тяжелее полотна художника, и мне очень трудно сохранять руки в пристойном виде, однако у каждой медали имеется своя обратная сторона. Как вы себя чувствуете?

- Лучше благодаря вам! Я обязан вам жизнью, но как вы сумели справиться с убийцей?

Полина фон Этценберг подняла свою эбеновую трость с рукоятью из слоновой кости, походившей на эфес, которая, собственно, и оказалась чем-то вроде шпаги, ибо в ножнах из черного дерева находился короткий и тонкий клинок.

- Я всадила это ему в спину, однако, похоже, угодила в ребро, потому что лезвие согнулось, а негодяй не только не рухнул, но бросился наутек, как заяц. Простите, что я не бросилась за ним: мне нужно было заняться вами. Вы меня страшно перепугали!

- А уж сам я как перепугался! - произнес Альдо. - Но каким чудом вы здесь оказались? И с какой целью?

- Очень просто: я искала вас. Вас не было в каюте, не было в столовой или в баре, однако где-то вы должны были находиться, а я заметила, что вы любите дышать свежим воздухом. Ну, а теперь пойдем к капитану! - добавила она, протянув ему руку.

- Зачем? Вы же не думаете, что напавший на меня человек состоит членом экипажа?

- Почему бы и нет? Разве не мог убийца затеряться среди стольких людей, обслуживающих корабль?

- Конечно, нет. Помимо того, что Компания нанимает только тщательно проверенных матросов и стюардов, среди них мало кто пользуется туалетной водой «Ветиве де Герлен». Убийца раздобыл где-то форменную одежду, каким образом, одному богу известно, но, можете мне поверить, это был пассажир. Так что незачем досаждать нашему капитану и посвящать его в эту историю!

- Но по какой же причине вас пытались убить? Это означает, что у вас на борту есть враги, иначе нападение лишено смысла...

- Враги на борту? Я ничего об этом не знаю. Однако при моей профессии они появляются неизбежно. Но вы-то сами! Как случилось, что вы гуляете с таким оружием в руках?

- В артистическом квартале, где я живу, женщине, которая любит выходить одна, лучше иметь при себе средства защиты. Впрочем, я далеко не всегда беру с собой трость. Сейчас пришлось, поскольку море слегка волнуется и раскачивает пароход, а мне совсем не улыбается растянуться на глазах целой толпы глупых снобов. Счастливая случайность, род вдохновения. Разве нет?

вернуться

24

Системы борьбы с морской качкой в те времена только начали создаваться. (Прим. авт.)

- Еще бы! Может быть, выпьем хорошего кофе? Я обнаружил, что на этом пароходе его умеют варить, а для меня это, поверьте, отнюдь не маленький комплимент!

Бар был переполнен в любое время суток. Все же им удалось найти столик подальше от компании игроков в покер. Молчаливые игроки в бридж имели в своем распоряжении специальный салон. Какое-то время Альдо и его спутница тоже молчали. Им нужно было прийти в себя. Он, естественно, нуждался в этом больше, чем она, и, хотя близость смерти не являлась для него каким-то новым ощущением, все случившееся выглядело удивительным: среди бела дня и на корабле, где было полно народу. А ведь он заказал билет на пароход в самый последний момент! Тем не менее обнаружилось уже два врага: тот, кто подслушивал, и тот, кто хотел сбросить его за борт. Это не мог быть один человек - разница в росте сразу же бросалась в глаза. Шпион казался скорее маленьким, в то время как убийца был выше его самого. Кроме того, если первый несомненно обитал в каюте люкс, второму ничто не мешало появиться из второго или даже третьего класса. В принципе пересекать границу первого класса не разрешалось, но всегда существуют способы обойти любой запрет. Тогда кто же? И почему? Ответа на эти вопросы не было. Главное же, главное - кто стоял за всем этим? Кроме Алоизия Ч. Риччи, он не видел никого, кто мог бы до такой степени ненавидеть его, чтобы подослать к нему убийцу. Неужели то, что он немного помог Жаклин Оже, стало для миллиардера смертельным оскорблением? Правда, за куда меньшую вину Болдини чуть не сгорел в своем доме, а Жаклин жизнью заплатила за бегство. В ближайшие дни надо быть очень, очень бдительным...

Погрузившись в раздумья, он забыл о посланной ему Провидением баронессе, но та и не думала обижаться. Она разглядывала его с вниманием энтомолога, заполучившего редкое насекомое, и наконец спросила:

- Что вы собираетесь делать теперь?

В ее прекрасном бархатном голосе звучала тревога, и он тепло улыбнулся ей:

- Что мне остается? Только ждать. Разве мы все не пленники на этом великолепном корабле? Я постараюсь завершить плавание самым приятным образом. Но приму меры предосторожности. А вы чем собираетесь заняться сегодня днем? Быть можем, пойдём в кино?

- Нет, спасибо. Я хотела бы написать несколько писем.

- В таком случае, я провожу вас в корреспондентский салон. Очень приятное место.

- Возможно, но я предпочитаю сочинять в одиночестве. В этой красивой комнате чувствуешь

себя, как в школе. Я вернусь к себе, и вам следовало бы поступить так же: только что вы чудом избежали смерти, а это как-никак серьезная встряска... Увидимся за ужином.

Она встала, и Альдо сделал то же с намерением проводить ее, но она попросила его остаться, и он поклонился ей, тогда как она непринужденно двинулась к выходу, опираясь на трость, которой нашла такое удачное применение. Положительно, это была необычная женщина, обольстительная и очень привлекательная! Ничего удивительного, что Вобрен влюбился в нее. Он сам, независимо от того, что был обязан ей жизнью, ощущал притягательность этого странного сочетания - исходивших от нее чувственности и надежности старого друга.

Прежде чем вернуться в свою каюту, он зашел к Жилю, чтобы посмотреть, как тот себя чувствует. На пороге он столкнулся с бортовым врачом, который сообщил, что их «общий» больной сладко спит:

- Завтра он будет свеж, как огурчик... если только его не скрутит похмелье.

И, поскольку Морозини смотрел на него с недоумением, служитель Гиппократы добавил с насмешливой улыбкой:

- Виски вещь хорошая, но полпинты, пожалуй, многовато! С приятными лекарствами такого рода всегда возникают проблемы: их часто перебирают!

Успокоившись на сей счет, Альдо пошел к себе. В каюте он обнаружил карточку с изображением «Иль-де-Франс» и приглашением отужинать за столом капитана. Это был еще один довод в пользу того, чтобы истребить все следы последнего злоключения! Он тщательно запер дверь на ключ и, задернув занавески, растянулся на постели.

В восемь часов Альдо, облаченный в безукоризненный черный смокинг, превосходно сшитый и подчеркивавший его аристократическую статью, шел за метрдотелем по направлению к почетному столу через огромный зал, сверкающий хрусталем и серебром, украшенный цветами и ярко освещенный кессонами матового стекла на потолке с лепниной и торшерами в форме вазы, излучавшими более мягкий и рассеянный свет. Громадная лестница, по которой медленно спускались дамы в ослепительных платьях и сверкающих драгоценностях, подчеркивающих строгую простоту черных мужских фраков, представляла собой феерическое зрелище. мода изменилась, и платья-рубашки, едва прикрывавшие колени, остались в прошлом: в этот сезон преобладающей была длина платьев до щиколотки. Прямой крой также уступил место гибким линиям, благодаря которым ткань плотно облегла тело - к великому отчаянию женщин, не обладавших идеальной фигурой. Некоторые декольте были головокружительными, а вырезы на спине доходили до поясицы, но излишнюю откровенность нарядов сглаживали длинные атласные или муслиновые шарфы, отделанные кружевами и перьями. А какими роскошными были ткани! Расшитые золотом или серебром парча и перламутровый атлас, креп с жемчужинами, стразами или блесками, муслин и газ, взлетающие воздушными полосками, похожими на языки пламени, или собранные в складки на бедрах. В моде была асимметрия, и платья, оставляя обнаженным одно плечо, удерживались на другом драгоценной брошью или букетиком цветов. В прическах также царил разнообразие, позволявшее показать красоту волос, которые струились волнами или слегка завивались, что давало возможность вновь украсить голову диадемой... Все это походило на бесконечно красивый танец, словно некий режиссер, обожавший элегантность и искусство жизни, поставил ритмическую павану на величественных мраморных ступенях, покрытых красным ковром.

Альдо, замороженный сценой, в которой сам играл лишь незначительную роль, восхищенно

следил за шествием, не зная, что его ожидает. И навстречу ему с радостной улыбкой двинулась Полина фон Этценберг, великолепная в своем креповом платье с крохотными эполетами на плечах: оно было выдержано в любимых ею серых тонах и при каждом движении переливалось хрустальными блестками, цвет которых варьировался от снежно-белого до иссиня-черного. Ее блестящие темные волосы были собраны в шиньон, слегка оттягивающий назад голову на гордой шее, не отягощенной ожерельем или каким-либо иным украшением. Лишь несколько алмазных звездочек сверкало в волосах, а лицо обрамляли длинные серьги из тех же камней.

Взяв Альдо под руку с изящной непринужденностью светской дамы, она шепнула ему:

- Вы пришли вовремя, поэтому успеете переварить сюрприз до появления звезд.
- Какие же звезды у нас будут?
- Адольф Менжу, киноактер, а главное, бесподобная Сесиль Сорель и граф де Сегюр в качестве ее мужа. Что касается сюрприза...
- Спасибо, я уже вижу...

Действительно, усевшись на указанное ей метрдотелем место по левую руку от капитана, прекрасная Алиса принялась поигрывать своей жемчужной цепочкой, тогда как склонившийся к ней Адальбер что-то шептал ей самым интимным образом.

- О да! - вздохнула Полина. - Мы будем ужинать вместе! Вот что значит принадлежать к знаменитым американским семьям! Но, хвала Господу, мне не придется сидеть напротив этой мегеры. Вы тоже окажетесь не слишком близко от вашего «друга». И от меня, - добавила она, надув губы. - Моим соседом будет ваш египтолог, и, поскольку он лишился общества своей красотики, боюсь, меня ожидает скучный вечер.
- Это меня удивило бы. Он блестящий собеседник и, поверьте мне, в целом совершенно очаровательный человек. Кто еще будет с нами?
- Вчерашнее развлечение: моя маленькая кузина Дороти и ее летающий рыцарь.
- Он решил остаться на пароходе?
- А что ему остается? В любом случае, даже если у него нет ни единого су, в средствах он стеснен не будет. Капитан у нас настоящий джентльмен и обращается с ним, как с самым дорогим гостем, даже одолжил ему смокинг. Есть еще одна прелесть молодая пара: Кирилл Иванов с женой Кэролайн. Он русский, получивший американское гражданство, а она принадлежит к одной из лучших наших фамилий - Ван Дрейсенам.

Они уже приближались к столу, где предстояло выдержать обряд взаимных представлений, чему Альдо втайне радовался, но тут весь зал встал и разразился овацией: по большой лестнице неторопливо шествовал хозяин корабля, которого сопровождали молодой Ван Лэр и Дороти Пейн, необыкновенно хорошенькая в как нельзя более целомудренном платье из белого тюля с букетиками мелких, подобранных под цвет лица роз, - она переживала мгновение славы вместе со своим героем. Подойдя к столу, капитан начал знакомиться с приглашенными.

Суровый на вид, с красивым энергичным лицом и густыми седеющими волосами, капитан Бланкар славился галантностью и учтивостью. Равно как мужеством и доблестью. Многие до сих пор с восторгом вспоминали о первом плавании в Гавр парохода «Иль-де-Франс», только что сошедшего со стапелей верфи в Сен-Назере: старший офицер, подписав все необходимые

бумаги, отдал приказ сниматься с якоря, но тут по чьей-то преступной оплошности заработали двигатели. Корабль находился в узкой гавани, где развернуться было невозможно, и огромный брус, похожий на подъемный мост, преграждал путь в открытое море. Распоряжение заглушить двигатели последовало мгновенно, однако пароход продолжал движение по инерции. Все это очень напоминало саботаж, который мог бы свести с ума любого посредственного капитана, но Бланкар был не из таких. Прокричав в рупор требование поднять брус, он сам встал за штурвал и направил «Иль-де-Франс» прямо к выходу в надежде, что это смелое решение позволит преодолеть невероятное стечение обстоятельств и проход завершится для судна минимальным ущербом. И он оказался прав: брус поднялся почти перед форштевнем, корабль проскочил узкую горловину, не получив ни единой царапины, под восторженные крики толпившихся на набережной людей.

Именно этот моряк с немного застенчивой улыбкой, но с повадками светского льва, принимал теперь своих гостей и представлял их друг другу. Помимо Альдо, Полины, княгини Оболенской и Адальбера, Ван Лэра и Дороти Пейн, там была и американо-русская молодая чета: граф и графиня Ивановы. Они являли собой прекрасную пару: муж, великолепный красавец огромного, как сказали бы в прежние времена, гренадерского роста, жена – урожденная Кэролайн Ван Дрейсен – высокая, светловолосая, очаровательно-веселая и элегантная в бархатном черном платье и с очень красивым рубиновым ожерельем. Пока мужчины обменивались рукопожатием и целовали ручки дамам, явился улыбчивый говорливый Менжу, который извинился за опоздание, сославшись на превратности игры в покер. После этого приглашенные расселись за столом.

- Пришли не все? – осведомился капитан, увидев пустующее место напротив и еще одно между Кэролайн Ивановой и летчиком.

Полина только рассмеялась в ответ:

- Когда приглашают Селимену, [25] капитан, нужно быть готовым к тому, что она явится, когда театр будет полон и занавес поднят. Великая Сорель не может просто войти, как вы или я.

- Наверное, но, поскольку эта дама не глава государства и не коронованная особа, у меня нет причин томить ожиданием других дам, и я сейчас распоряжусь, чтобы подавали на стол...

Мгновение спустя в зале воцарилась полная тишина в знак приветствия актрисе, которая, по правде говоря, вполне этого заслуживала. На лестнице, только что совершенно пустой, возник величественный и дерзкий силуэт той, которая в «Комеди Франсез» затмила Сару Бернар эксцентричной пышностью и продолжала выступать – на пятом десятке, но с каким блеском! – в таких ролях, как Селимена, Федра или Андромаха. В длинном платье с серебряными полосками, запахнувшись в некое подобие кардинальской мантии, гордо вскинув голову, украшенную алмазным ободком и пурпурным султаном, положив длинную руку на плечо своего супруга, графа Гийома де Сегюра, она на мгновение застыла, роскошная и необычная, высокомерно презирающая моду и разглядывающая зал словно бы со сцены самого знаменитого из французских театров. Вспыхнули аплодисменты, и Селимена с благородной грацией спустилась к подножию лестницы, где ее встретил куртуазный по духу и по должности капитан.

Когда она заняла место рядом с Альдо – ему была оказана честь стать ее соседом, – он мысленно признал, что она все еще красива: светлые волосы с венецианским пепельным отливом, большие голубые глаза, искусно увеличенные макияжем, большой алый рот и прекрасные, быть может, излишне ровные зубы. Эта новоявленная графиня де Сегюр источала аромат, как благовонная восточная курильница. Сверх того, она изъяснялась хорошо

поставленным голосом – чтобы слышно было даже на галерке! – и со слегка подвывающей интонацией, как будто находилась на сцене. Едва она села за стол, все разговоры стали невозможными. Подобно королеве, приветствующей свой двор, великая Сесиль повела беседу, одарив каждого из сотрапезников приличествующей случаю похвалой, которая показывала, что она прекрасно знает тех, кто оказался с ней за одним столом.

– Наверное, изучила список приглашенных, – прошептала Полина, ухитрившаяся сменить место, чтобы сесть рядом с Альдо, и удостоившаяся одобрения за то, что «владеет резцом скульптора, как Мольер пером...». – Это очень разумно: комплименты всем нравятся.

Каждый был так или иначе благодетельствован, и последним удостоился приветствия Альдо, занятый разделкой омара термидор, которым актриса величественно пренебрегла. К своему удивлению, он попал в фавориты. Громко и внятно поименовав его во всеуслышание «чародеем роскошных празднеств прошлого», великая Сесиль заметно понизила голос и спросила, решившись одновременно приступить к дегустации обитателя морских глубин, с которым прочие приглашенные, пользуясь благодетельной тишиной, могли покончить спокойно, что именно ему известно о судьбе «остальных» алмазов из ожерелья королевы. Она была убеждена, что один из них достался ей и в подтверждение показала безымянный палец, на котором красовался великолепный камень, окруженный другими поменьше. Склонившись над вытянутой прекрасной рукой, Альдо внимательно рассмотрел кольцо.

– Возможно, вы правы, мадам. Ваш алмаз должен весить три карата. В знаменитом ожерелье таких было восемь, а всего их насчитывалось, если мне не изменяет память, двадцать шесть. Это были круглые камни: один в одиннадцать каратов, четырнадцать – в десять, три – в пять, восемь – в три. И, конечно, не стоит забывать о восемнадцати камнях грушевидной формы, а также о совсем мелких камешках – их было шестьсот три. Весьма вероятно, что ваш алмаз входил в число восьми. Где вы его приобрели?

– В Лондоне, у одного антиквара, чье имя я забыла. Он заверил меня в его подлинности. Следовательно, об этом камне говорить нечего: меня интересует, что случилось с другими.

– Кроме тех, которыми владеют герцоги Сазерленд и Дорсет, остальные рассеялись по свету и были использованы для других украшений...

– О, как бы мне хотелось это выяснить! Видите ли, я мечтаю купить еще несколько таких камней, и, если бы вы мне помогли, я была бы вам бесконечно благодарна...

«Так и есть, – подумал Альдо. – Опять меня принимают за частного детектива, которому нечего делать, как только сидеть в ожидании клиентов!» В этот момент он поймал взгляд Адальбера, который, будучи отделен от своей пассии почти всем пространством стола, явно томился и предпринимал сверхчеловеческие усилия, чтобы поддержать разговор со своей соседкой. Перед самым ужином Альдо обменялся с ним вежливым рукопожатием, хотя к княгине Оболенской все же не был допущен. Сейчас в глазах друга блеснуло нечто, похожее на прежнее понимание, но продолжалось это лишь мгновение, а затем Видаль-Пеликорн вновь устремил взор на Алису, которая вела оживленную беседу с капитаном Бланкаром. Морозини вздохнул. Однако надо было что-то отвечать своенравной актрисе:

– Вы требуете невозможного, мадам. Если только один из двух герцогских домов, которые я вам назвал, не выставит камни на продажу – что мне кажется совершенно невероятным! – я не представляю, как искать разрозненные алмазы, которые могли получить другую огранку и войти в состав других украшений. Разве что чудо...

вернуться

25

Возлюбленная Альцеста в комедии Ж.Б. Мольера «Мизантроп». (Прим. пер.)

- Но вы же и есть чудесник, творящий чудеса? - вмешался Кирилл Иванов, не упустивший ни единого слова из этого разговора. - Держу пари, что ваше присутствие на этом пароходе объясняется поиском какой-либо драгоценности! Я не ошибся?

Иванова отличала холодная красота греческой статуи, но улыбка его была очаровательна. Морозини улыбнулся в ответ в своей непринужденной манере:

- И вы, несомненно, проиграли бы пари. Быть может, я хочу осмотреть частную коллекцию... или оказать любезность важной особе, лишенной возможности передвигаться, к примеру, из-за преклонного возраста?

- Как владелец «Стандард-Ойл»? Джон Рокфеллер действительно очень стар. Но в свои девяносто лет он все еще играет в гольф на полях в своем имении «Покантико-Хиллс»...

Альдо коротко рассмеялся:

- Он или кто-нибудь другой! А почему бы не предположить, что я предпринял это путешествие просто из желания увидеть вновь Соединенные Штаты, где я в последний раз был до войны? Слухи о необыкновенном процветании Америки...

- О, это совершенно верно! - с энтузиазмом откликнулся молодой человек. - После избрания президента Гувера мы переживаем невероятное время. Уровень жизни постоянно растет. Подумайте только, согласно недавним опросам, средний американец имеет около двадцати костюмов, двенадцать шляп, восемь пальто и двадцать четыре пары обуви!

- Полагаю, у вас этого добра гораздо больше? - спросил Морозини с едва уловимой дерзостью.

- Ей-богу, не знаю! Я часто обновляю гардероб, но одно совершенно очевидно: состояния сколачиваются у нас с невероятной скоростью! С тех пор как Крайслер ввел торговлю в кредит, роскошные автомобили заполнили улицы Нью-Йорка, а если говорить о сфере ваших интересов, князь, то в конце прошлого года Блэк Старр и Фрост, ювелиры с Пятой авеню, выставили на продажу необыкновенное кольцо из розовых жемчужин, оценив его в шестьсот восемьдесят пять тысяч долларов. Не прошло и недели, как появился покупатель, пожелавший остаться неизвестным, но, по словам продавцов, речь идет об обладателе недавнего и скромного состояния! Все продается, все покупается, и даже в газетах помещаются рекламные объявления, восхваляющие соболей ценой в пятьдесят тысяч долларов!

- В самом деле, поразительно!

- И абсолютно точно, - подтвердила Полина, - но вам следовало бы добавить, что все это процветание основано на безудержной спекуляции. Stock Exchange [26] постоянно лихорадит, и я порой спрашиваю себя, не опасно ли это? Иногда мне кажется, что мои соотечественники в той или иной степени сошли с ума.

- Почему же? - воскликнул Иванов. - Разве это не естественно, что каждый человек всегда

стремится к б*!*у*!*льшему комфорту, к б*!*у*!*льшему богатству? А поскольку все это можно обрести на рынке, совершенно нормально, что все пытаются использовать его!

- Я порой спрашиваю себя, - мягко вмешался капитан, - не происходит ли это от того, что американцы скучают...

- Что вы хотите сказать?

- О, это просто: сухой закон не дает им пить, тотализатор и азартные игры запрещены законом, вот они и ударились в спекуляцию. Этот способ взбодриться ничем не хуже других...

Полина согласилась с ним, ее поддержал киноактер, но поскольку Иванов, с негодованием отвергнув такое предположение, разразился гневной филиппикой, которая грозила перерасти в отповедь служащему компании, облагодетельствованной реками американского золота, капитан прервал поток его красноречия, попросив Адольфа Менжу рассказать о последних новостях и фильмах Голливуда. Тот ответил с присущей ему добродушной любезностью, а затем Селимена взяла инициативу в свои руки и больше ее не упускала, довольно ловко переведя разговор на тему искусства вообще и театра в частности. Все приняли участие в беседе, после чего приглашенные разбились на отдельные группы. Сорель болтала с актером, граф де Сегюр - массивный и довольно молчаливый мужчина - общался с летчиком и Кэролайн Ивановой, Полина - с Альдо, который краем глаза следил за Адальбером. Тот ни с кем не разговаривал, опустошал бокал за бокалом - явный перебор! - и пристально смотрел на Алису, которую капитан Бланкар расспрашивал о Египте. Все это крайне не нравилось Морозини, хотя он по опыту знал, что археолог пить умеет. Однако во время памятных «пьянок» с участием Альдо Адальбер всегда сохранял хорошее настроение, что было, впрочем, нормальным для него и при других обстоятельствах. Но сейчас унылой тоской веяло от этого человека, который наливался алкоголем, глядя, как его египетская принцесса кокетничает с капитаном. Что с ним случилось, отчего у него такой голодный, жадный взгляд? До какой степени поддался он чарам дочери бесчувственной Авы и что она дала ему - или притворилась, будто дает! - взамен? Они стали любовниками? Или она обещала выйти за него замуж с целью завладеть хотя бы частью его глубоких археологических познаний? И что же теперь делать, если Адальбер лишил Альдо всех привилегий дружбы? И, прежде всего, права прийти на помощь!

Когда все поднялись из-за стола, Видаль-Пеликорн, даже не взглянув в его сторону, направился все еще твердым - хотя излишне напряженным и механическим - шагом к молодой женщине, которую уже взял под руку Иванов, чтобы проводить в салон, где должны были состояться концерт и танцы. Альдо увидел, как он властно и не слишком вежливо отстранил соперника, а затем повлек за собой Алису, которая подчинилась с улыбкой, словно озарившей скорбное лицо несчастного влюбленного.

подавив вздох, Альдо хотел последовать за ним, но тут Полина нежно прикоснулась к его руке:

- А не послушать ли нам Равеля вместе? - предложила она. - Мне кажется, так будет забавнее. Или я тоже этого не заслуживаю?

- Простите меня! Но удовлетворит ли вас столь скучный кавалер?

- Вы? Да по сравнению с вашим другом вы просто искривитесь весельем, дорогой князь! Сегодня вечером он наводит тоску на всех, и я даже готова пожалеть эту шлюху Алису. Послушав «Павану для умершей инфанты» в обществе такого мрачного типа, можно сразу уходить в монастырь кармелиток!

- Не будьте жестоки, баронесса! Это не похоже на женщину, у которой столь прекрасный искренний взгляд и столь великодушная улыбка! Лучше бы вы помогли мне осуществить операцию по спасению, которая с каждой секундой становится все более необходимой. Адальбер, играющий роль измученного страдальца и чуть ли не Отелло... Тут можно было бы разрыдаться от смеха, но хочется просто рыдать...

- Она до такой степени его изменила?

- Вы даже не представляете. Если бы вы его знали...

- О нет, не надо так! - возразила она. - Он ведь не умер, насколько я знаю, и нет никаких причин предаваться отчаянию. Тем более что мы способны это предотвратить...

- Мы? Значит, вы предлагаете мне союз?

- Почему бы и нет? Ничто не доставило бы мне такого удовольствия, как вырвать добычу из когтей дорогой Алисы. Знаете, - продолжала она с характерной для нее грубоватой откровенностью, - я была любовницей Сергея Оболенского, и мы собирались пожениться, когда она выкрала его у меня из-под носа. Такие вещи не забываются.

- Если судить по ее взгляду, брошенному на вас, она вас тоже не слишком любит?

- Потому что у нее нет чувства юмора. Мы с Сергеем время от времени встречаемся, и она это знает. Давайте послушаем хорошую музыку! Это превосходное средство возвысить душу!

Отказавшись от мысли понять душу по крайней мере американских женщин, Альдо позволил увести себя в салон, где погрузился в удобное кресло и едва не заснул, убаюканный торжественным ритмом «Паваны» в интерпретации чешского квартета с непроизносимым названием. Но по крайней мере он получил время для раздумий. Полина как истинная меломанка бешено аплодировала во время каждой паузы, однако по ходу исполнения хранила полное молчание. Адальбер и Алиса сидели на два ряда впереди, и Альдо мог видеть, как склоняются друг к другу их головы. Это давало такую пищу для размышлений, что в конце концов ему совсем расхотелось спать... Что же делать, как развеять эти чары?

вернуться

26

Нью-йоркская биржа. (Прим. авт.)

После концерта гости капитана перешли на танцплощадку большого салона, ярко освещенную лучами света, которые падали, словно золотой дождь, из позолоченных кессонов на потолке, тогда как столики, где можно было передохнуть за бокалом шампанского, оставались в приятном полумраке. Равеля сменил джаз, и судовой оркестр с явным удовольствием стал исполнять то зажигательные, то медленные композиции.

Альдо пригласил Полину на довольно томный танец и не прогадал, потому что молодая женщина оказалась прекрасной партнершей. Исходивший от нее причудливый аромат тонких духов делал особо приятными моменты сближения, но во время одного из них на плечо Альдо легла чья-то рука:

- Если позволишь, теперь моя очередь!

И Жиль Вобрен, разодетый в пух и прах, как обычно, решительно привлек Полину к себе. Та рассмеялась:

- Похоже, мы видим воскресшего из мертвых? Но как же вы красивы!

- Я должен был присоединиться к вам! Мысль о разлуке с вами стала для меня невыносимой. Ты не обидишься, если я займу твое место? - обратился он к Альдо несколько желчным тоном и, не дожидаясь ответа, исчез вместе с Полиной в толпе танцующих.

Морозини смирился и, сев за столик, подозвал официанта, чтобы заказать свой любимый коньяк. Некоторое время он наблюдал за прекрасным зрелищем: шелестели и переливались всеми оттенками цветов платья, открывая красивые ножки в светлых шелковых чулках, лаковых лодочках или тонких сандалиях с золотыми или серебряными каблуками. Когда танец закончился, Вобрен повел Полину к столику, расположенному по другую сторону площадки. Что до Адальбера и Алисы, их нигде не было видно. Подумав, что лучше будет пойти спать, Альдо допил свою рюмку и встал из-за стола. Внезапно он почувствовал, как на него без видимых причин навалилась усталость. Скорее моральная, чем физическая. После отступничества Адальбера - и, несомненно, именно из-за него! - отступничество Вобрена казалось особенно неприятным. Он чувствовал себя словно зачумленный, от которого шарахаются ближайшие друзья.

Бросив последний взгляд на освещенную площадку, где танцующие пары сплетались в самом аргентинском из всех танго, он направился к выходу, но тут его остановил Иванов.

- Вы уже уходите? Да ведь сейчас только одиннадцать! - воскликнул он с неожиданной сердечностью.

- Мне кажется, это самый лучший час для того, чтобы лечь в постель, - ответил Альдо, думая, что молодой человек начнет восхвалять прелести ночной жизни, однако тот и не подумал возражать:

- Как же вам везет! Я бы хотел сделать то же самое, но моя жена любит танцевать, и мне нужно быть поблизости от нее.

- Так вы не танцуете?

- Нет, я не люблю! Знаю, это может показаться странным, потому что русских всегда представляют весельчаками, которые пляшут впрысдку, выбрасывая ноги направо и налево, скрестив руки на груди и испуская вопли команчей. Но мне все эти антраша и раньше были не по нраву, а уж когда я стал американцем, тем более... Я предпочитаю бейсбол и домашние тапочки.

- С такой красивой женой уклоняться от светской жизни весьма не просто, - поддержал разговор заинтригованный Альдо. - Чем же вы занимаетесь, пока графиня танцует?

- Я произношу выпренные речи в честь моей новой родины и играю. Бридж вас не соблазняет?

- Тут моя очередь сказать: я не люблю.

- А как насчет покера?

- Тоже нет! Я очень плохо блефую, и меня всегда ощипывают. Я предпочитаю аукционы: когда имеешь дело с алчным и упорным соперником, это очень увлекательно...

- Вполне вам верю. Давайте возьмем в баре по последнему стаканчику, и вы мне расскажете об этом! Вы совершите акт благотворительности: все места в партиях уже заняты, и я не знаю, чем мне заняться!

Трудно отклонить приглашение, сделанное с таким мягким юмором! Тем более что Иванов все больше и больше нравился Морозини. Что редко случается, когда имеешь дело с красавцами. Подобные любимцы судьбы, всегда окруженные женщинами, склонны воображать себя пупом земли. А этот Иванов походил на мальчишку, которому все интересно, и, когда «последний стаканчик» превратился во второй, он буквально засыпал Альдо вопросами о ювелирном искусстве, об аукционах и особенно о знаменитых камнях, которые тот сумел приобрести или хотя бы видел своими глазами. Возможно, он разбирался в этих вещах чуть лучше, чем хотел показать, ибо, заказав третью порцию спиртного (Альдо отказался!), неожиданно сказал:

- Меня очень заинтриговала одна вещь. Я люблю читать французские и английские газеты, и мне запомнились некоторые дела, в которых вы принимали участие - дело Фэррэлса несколько лет назад, а в прошлом году эта история с жемчужиной Наполеона! - вместе с неким Видаль-Пеликорном, египтологом по профессии. Однако сегодня за ужином присутствовал человек с такой же фамилией, но вы оба, казалось, были не знакомы друг с другом. Надеюсь, я не проявил нескромность?

У него оказалась слишком хорошая память, и захваченный врасплох Альдо, чтобы выиграть время, открыл свой портсигар и закурил сигарету.

- Нет, - сказал он, затянувшись в первый раз и выпустив дым изо рта. - Просто в последнее время мы несколько охладели друг к другу.

Кирилл Иванов расхохотался и ударил кулаком в ладонь, как самый настоящий янки:

- Десять против одного, что тут не обошлось без очаровательной супруги моего кузена Оболенского!

- Она ваша кузина?

- Была короткое время, поскольку они оформляют развод. Она красивая женщина, но сильно повредилась рассудком с тех пор, как побывала в Египте. Специалист в данной области для нее настоящий подарок, так что ваша ссора к лучшему.

- Почему же?

- Потому что, если вы предоставите ей свободу рук, не пройдет и полгода, как ваш бывший друг возомнит себя Рамзесом II. Как странно, что вы оказались на одном корабле!

- Простое совпадение, к тому же я сел на пароход раньше, чем это сделал он во время остановки в Плимуте.

- Я знаю: прекрасная Алиса, ее тридцать чемоданов и новая собачонка поднялись на борт вместе с нами. Будем надеяться, что бедняга сумеет вернуться на землю, пока не станет слишком поздно. Надеюсь, вы поможете ему в этом?

- Разумеется, нет! - отчеканил Морозини, вставая. - Я еду в Нью-Йорк по делу. Завершив его, я

вернусь в Европу первым же пароходом.

- Если вы давно не бывали в Америке, это очень жаль. Позвольте нам, мне и моей жене, показать вам, какой она может быть обольстительной!

- Спасибо за предложение! Мы еще поговорим об этом... А теперь, с вашего разрешения, я вас покину: мне действительно очень хочется спать!

- Мне тоже, и я сейчас взгляну, как идут дела у Кэролайн!

Обменявшись рукопожатием, мужчины разошлись в разные стороны.

За три последующих дня у Альдо сложилось впечатление, что он не только живет в своем особом мире – это было вполне нормально! – но и что этот мир вывернут наизнанку. Хотя он находился на одном пароходе со своими лучшими друзьями, общаться ему приходилось с совершенно незнакомыми людьми, такими как супруги Ивановы, Ван Лэр с невестой, французский актер, очаровавший его своим юмором и природной элегантностью. Особенно тяжким было отчуждение Адальбера, который попросту игнорировал его. Вобрен все еще выказывал прежнюю сердечность, но лишь когда они были одни. Стоило баронессе Полине появиться на горизонте, как антиквар бросался к ней с такой стремительностью, будто Альдо был снарядом замедленного действия, грозившим подорвать ее. Это явно забавляло молодую женщину, которая не протестовала, но дружески подмигивала ему издали. Ни она, ни Альдо не желали причинять боль славному Жилю, павшему жертвой очередной всепожирающей страсти. В другое время Альдо отнесся бы к этим выходкам добродушно, но на сей раз пришел в раздражение. Перед последним ужином накануне прибытия в Нью-Йорк он завершил свой вечерний туалет быстрее, чем обычно, и направился к каюте своего друга, который невероятно долго готовился к выходу на люди. Постучав в дверь, он вошел, не дожидаясь ответа.

Антиквар был занят тем, что тщательно завязывал белоснежный галстук, представлявший собой последний и важнейший штрих вечернего костюма. При виде Альдо он вздрогнул, неудачно затянул бант и рассерженно бросил:

- Ты мог бы и постучаться! Что тебе нужно?

- Во-первых, я постучался. Во-вторых, я должен задать тебе вопрос.

- Какой?

- Ты помнишь мою жену?

- Ну да! – произнес ошеломленный Вобрен.

- Ты не забыл, надеюсь, ее лицо, ее фигуру, ее обаяние?

- Ну... Нет!

- Я бы так не сказал. Неужели ты искренне полагаешь, что с такой супругой может возникнуть желание волочиться за любой красивой женщиной в пределах досягаемости? Мне надоело, что вы оба, ты и Видаль-Пеликорн, относитесь ко мне, как к прокаженному. Вам следовало бы исполнять партию Отелло дуэтом!

Вобрен отбросил в сторону измятый галстук, сел в кресло и закурил. Руки у него немного

дрожали.

- Ты прав, это идиотизм. Но я хочу, чтобы ты знал: я не тебя боюсь - я боюсь ее! Я прекрасно знаю, что ты любишь Лизу и никогда не стал бы флиртовать с пассией друга. Вот только у пассии этой имеются глаза, и я сам все время невольно сравниваю нас и всегда не в свою пользу. Когда ты рядом, я кажусь себе Квазимодо...

- ...а меня ты принимаешь за этого дурака Феба? Благодарю покорно! Но скажи мне, это ведь у тебя что-то новенькое? Ты часто знакомил меня со своими возлюбленными и никогда не испытывал этого комплекса, кстати говоря, смехотворного!

- Согласен, и ты, конечно, прав, но, видишь ли, на этот раз все очень серьезно! Знаешь, я ведь ее по-настоящему люблю! - тихо сказал Вобрен.

- Ну и чудесно! Женись на ней, а я буду твоим шафером. Это изумительная женщина! Она говорила тебе, что спасла мне жизнь?

И Альдо рассказал о том, что произошло на задней палубе на второй день плавания.

- Она владеет клинком, как покойный д'Артаньян, - заключил он. - Настоящая амазонка и к тому же творческая личность... Вы будете чудной парой!

Продолжая говорить, Альдо копался в отделениях дорожного чемодана, нашел наконец новый галстук и подошел к своему другу:

- Позволь мне! У тебя дрожат руки...

- Ты осознаешь, что означает твой рассказ? Кто-то пытался убить тебя, и ты не счел нужным предупредить капитана?

- Это ни к чему бы не привело. Нападавший затерялся в массе людей и второй попытки не сделал. Держись прямо и подними подбородок!

Под ловкими пальцами Альдо белоснежная бабочка обрела совершенную форму, однако Вобрен даже не улыбнулся.

- Кто на этом пароходе может желать твоей смерти?

- Я по-прежнему не знаю. Как ты понимаешь, я держался настороже и принял меры предосторожности, но ничего подозрительного не заметил. У меня даже возникла мысль, не стал ли я жертвой нападения по ошибке?

- Иными словами, тебя спутали с кем-то другим? Трудно поверить! Мало найдется мужчин, похожих на тебя.

- Может быть, описание оказалось неточным. Убийца мой был явно всего лишь исполнителем.

- Или же он не посмел попробовать еще раз, но как только ты сойдешь на сушу, тебе следует смотреть в оба... если это все-таки не ошибка. И знаешь, ты должен был рассказать мне об этом раньше! Я же твой друг, черт побери!

И Вобрен со слезами на глазах крепко обнял Морозини, выдав тем самым свои чувства. Этот последний вечер они оба очень весело провели в обществе Полины. Настроение Альдо заметно улучшилось после того, как он обрел своего прежнего Вобрена: ему казалось, что тиски

разжимаются...

На следующий день все трое стояли на верхней палубе и смотрели, как приближается американский берег.

Стоя между двумя мужчинами и облокотившись о перила, Полина фон Этценберг, закутанная в громадный тонкий шарф серо-жемчужного цвета, концы которого развевались на ветру, смотрела, как из золотистого утреннего тумана постепенно проступают небоскребы, заполонившие в течение полувека остров Манхэттен. [27] «Иль-де-Франс» сбавил ход и неторопливо двигался по спокойным водам громадной бухты Нью-Йорка, тогда как на палубах пассажиры щелкали затворами фотоаппаратов, чтобы увековечить статую Свободы, подаренную некогда Францией и ставшую символом Америки.

Неподалеку остановился красивый черно-красно-белый корабль, который спустил шлюпку с таможенниками и врачами. В Соединенные Штаты допускали лишь тех, кто мог доказать свою благонадежность, а кандидатам в эмигранты предстояла длительная проверка на расположенном поблизости острове Эллис-Айленд с его низкими строениями и четырьмя башенками. [28] Для тех, кто видел в медной женщине с факелом воплощение своих надежд, это печальное обстоятельство несколько портило впечатление от прекрасного солнечного утра.

Забыв о своей немецкой фамилии и превратившись вновь в стопроцентную американку, баронесса показывала друзьям самые известные здания и называла их: Вулворт, Нью-Йорк телефон, Либерти, Кьюнард, Стандарт ойл, Пулитцер, Парк-Роу, Банк оф Манхэттен и, разумеется, внушительное муниципальное сооружение, где размещалась городская мэрия. Полина была так счастлива, что казалась помолодевшей лет на пятнадцать и стала похожа на восторженного подростка. Когда Альдо с улыбкой сказал ей об этом, она ответила без всякого смущения:

- Вы правы. Я обожаю Европу, но каждый раз, увидев мой город, спрашиваю себя, как я могла жить вдали от него.
- Я думал, вы любите Париж, - произнес Вобрен тоном, выдававшим досаду и разочарование.
- Конечно, я люблю Париж! Разве можно его не любить? Это изумительный и такой занятный город, где у меня много друзей и куда я непременно вернусь еще не раз, но вигвам свой после завершения немецкого эпизода я намерена поставить именно здесь...

Несчастный влюбленный ничего на это не ответил, но вздохнул так выразительно, что Альдо проникся состраданием к нему. Сначала недоступная и неуловимая цыганка, а теперь эта своенравная американка, которую ему, возможно, удастся сделать любовницей, но никак не супругой, о чем он уже начал мечтать! Эти размышления прервало шумное появление четы Ивановых и Дороти Пейн, донельзя оскорбленной тем, что ее летающий рыцарь, у которого, разумеется, не было и не могло быть визы, вступил в конфликт с иммиграционными службами. Полина тут же устремила на помощь девушке, обратившейся в фонтан слез. Все пытались утешить ее, но она ничего не желала слушать.

- Мы решили увести ее оттуда, - объяснил Иванов. - Она едва не расцарапала физиономию чиновникам, когда те заявили, что ее Венсан не имеет права сойти на берег. Тщетно капитан Бланкар и первый помощник Виллар просили за него, да и мы все готовы были дать поручительство, но закон есть закон. Ван Лэру придется вернуться во Францию.

Казалось, ничто не могло осушить слез Дороти. Крохотных носовых платочков из кружевного батиста, которыми располагали обе дамы, для этого оказалось явно недостаточно.

- Дайте мне ваш платок, Кирилл! - распорядилась Кэролайн, и тот со смехом исполнил приказ, но между ним и его женой стоял Морозини, который сразу уловил аромат, исходивший от белого прямоугольника. Платок был надушен, он мог бы поклясться в этом, туалетной водой «Ветиве де Герлен». И вопрос тут же слетел с его губ:

- Какой знакомый запах! - сказал он. - Вы сохраняете верность Герлену?

- К несчастью да, дорогой друг!

- Не вижу здесь трагедии...

- И напрасно! На этот платок я истратил последние капли из последнего флакона. Так что теперь я остался без туалетной воды: флакон, купленный до отъезда и положенный в чемодан про запас, был украден, а на пароходе достать его невозможно. Отныне я безутешен...

- Подумаешь, какая драма! - вмешалась его жена. - Будто, кроме французской туалетной воды, ничего на свете не существует. Особенно если речь идет о мужчине! Что предпочитаете вы, князь?

- Английскую лаванду, - почти машинально отозвался Альдо.

- Ну, вот видишь, Кирилл!

вернуться

27

В то время собирались сносить старый отель «Уолдорф-Астория», чтобы построить на этом месте эмпайр-стейт-билдинг, самое высокое здание в мире. Панорама Манхэттена, весьма внушительная и тогда, все-таки не была еще такой сногшибательной, как сегодня. (Прим. авт.)

вернуться

28

Остров Эллис-Айленд в Нью-Йоркской гавани служил сортировочным центром для иммигрантов с 1892 по 1924 г.

- Если ты родился в России, только французская туалетная вода...

Между супругами разгорелся спор, идущий под аккомпанемент рыданий Дороти, но Альдо, потеряв интерес к разговору, отошел на несколько шагов в сторону. На одно мгновение ему показалось - хотя это и выглядело невероятным! - что на него напал Иванов. Рост, сила - все совпадало! Причину, по которой этот блестящий молодой человек, женатый на богатой наследнице, собирался вычеркнуть его из списка живых, понять было невозможно, как, впрочем, и мотивы анонимного убийцы, промышляющего воровством в каютах класса люкс и выкидывающего людей за борт!

- О чем ты задумался? - спросил Вобрен, который подошел к нему и предложил сигарету.
- Ты хочешь знать? Я подумал, что мне надо вернуться домой как можно скорее, потому что уже сейчас у меня возникает вопрос, чем мне предстоит заниматься в этой стране.
- Своим ремеслом, полагаю?
- Нет. Я влез в дело, которое меня не касается.
- Как? Неужели тут нет даже малюсенькой драгоценности?
- Разумеется, есть, но я не уверен даже в том, что эта драгоценность действительно находится здесь! И мне не нравится, что священный огонь, судя по всему, покинул меня с тех пор, как мы вышли из Гавра...
- А этот священный огонь зовется случайно не Видаль-Пеликорн?
- В конце концов, и такое возможно! Вся эта история кажется мне слишком абсурдной!
- О, в этом я с тобой вполне согласен! Поворачиваться спиной к такому другу, как ты, чтобы доставить удовольствие женщине, это полный идиотизм, - совершенно серьезно произнес Жиль Вобрен, и в голосе его прозвучало столь искреннее негодование, что Альдо внезапно воспрянул духом. Хлопнув Жилия по плечу, он весело сказал:
- Не беспокойся! Я справлюсь...

Ведомый на буксире прекрасный властитель морей поднимался теперь по Гудзону, направляясь к пирсу Главной Трансатлантической Компании. На палубу ринулась обычная свора журналистов, готовых атаковать знаменитых людей, чьи имена значились в списке пассажиров. Гранд-дама «Комеди Франсез» и Адольф Менжу получили свою долю, но кое-что досталось и Алисе Астор. Со своего места Альдо мог видеть, как она шествует под руку с Адальбером посреди вспышек фотоаппаратов. А вот к нему подбежала только одна девушка с блокнотом и ручкой наготове. За ней неторопливо трусил фотограф.

- Князь Морозини, полагаю? Я Нелли Паркер из «Нью-Йоркер». Не могли бы сказать несколько слов?

Он посмотрел на нее в крайнем удивлении: впервые представители прессы встречали его в чужой стране, и эта маленькая журналистка была совершенно очаровательна в своем непостижимом шотландском берете, из-под которого выбивались буйные пряди рыжих волос.

- Вы не ошиблись, мадемуазель, но чем я мог заинтересовать вас?
- Вы шутите?
- Ни в коей мере.
- Вы прославленный знаток драгоценностей, и наши читатели жаждут узнать о вас все. Какова цель вашего путешествия? Это деловая поездка, да? Вы привезли какую-нибудь редкую вещьцу одному из наших миллиардеров или, наоборот, собираетесь что-то купить? У нас этого добра хватает, знаете ли!
- Прежде всего, я никогда не занимаюсь «доставкой». Если клиент покупает у меня драгоценность, он забирает ее сам. Затем - я путешествую ради своего удовольствия. Уже

давно я не бывал в этой прекрасной стране и решил наверстать упущенное.

- Без вашей супруги?

- Без супруги, но с друзьями. Вот они перед вами: господин Жиль Вобрен, известный парижский антиквар, и баронесса фон Этценберг. Они-то и убедили меня, что путешествие на «Иль-де-Франс» – это несравненное удовольствие.

- И других причин нет? Я знаю, что все пассажиры этого парохода не устают петь дифирамбы...

- Они поют еще недостаточно! Все просто: за исключением аллеи для любителей верховой езды, асфальтированного шоссе для фанатов автомобильных гонок и лужайки для обожателей прогулок в лесу, на «Иль-де-Франс» есть все, чтобы сделать жизнь приятной. Из этого следует: я в отпуске, мадемуазель! И очень тому рад!

Нелли сдвинула брови, и в ее голубых глазах появилось настороженное выражение.

- Я вам не верю! – заявила она без обиняков.

- Ваше право! Но это сущая истина!

- Разумеется, нет! Если живешь во дворце в Венеции...

- Когда же мне перестанут тыкать в нос этим клише? Дворец в Венеции – это ровно то же самое, что замок во Франции или апартаменты на вашей Пятой авеню: всегда наступает момент, когда хочется их ненадолго покинуть. Особенно если они тесно связаны с работой...

- Вы намерены задержаться надолго?

- Еще не знаю. Спросите у господина Вобрена! – коварно добавил Альдо.

- А почему не меня? – вмешалась Полина. – Я возвращаюсь в Соединенные Штаты, чтобы остаться здесь, и хочу приобщить друзей к некоторым нью-йоркским развлечениям... в частности, празднествам и балам, – добавила она, взяв под руку обоих мужчин, что позволило фотографу сделать отличный снимок. – Мы желаем развлечься!

Для Альдо было очевидно, что юная журналистка верит баронессе не больше, чем ему. И она попыталась разыграть свою последнюю карту:

- Они останутся у вас, на Парк-авеню?

- У моего отца? Конечно, нет. Что до меня, я живу на Вашингтон-сквер, и моя мастерская занимает почти все свободное место. Но здесь ведь много превосходных отелей, – иронически парировала Полина, более чем когда-либо войдя в образ баронессы. – Ну вот, теперь вы знаете все...

Журналистка явно не разделяла эту точку зрения. И не думая уходить, она продолжала что-то лихорадочно записывать в свой блокнот.

- Например? – осведомилась она, не глядя на троих друзей.

- «Плаза»! – бросил Морозини с раздражением. – А теперь, мадемуазель, нам хотелось бы попрощаться с капитаном Бланкаром и поблагодарить его, прежде чем мы сойдем на берег...

- Да ради бога! - сказала Нелли, захлопнув блокнот и одарив Альдо широкой улыбкой. - Приятных вам развлечений!

Решительно нахлобучив на лоб яркий берет, придававший ей шаловливый вид и несколько не защищавший от ветра, она присоединилась, по-прежнему в сопровождении фотографа, к своим собратьям и пассажирам, толпившимся у трапа. На набережной народу собралось не меньше, чем при отплытии. Лица, правда, были другие, и уже ощущался бешеный пульс Нью-Йорка: какофония сирен, клаксонов, рычащих моторов, строительных работ и еще какой-то неясный гул - голос города, который никогда не спит.

Задержавшись на палубе, Морозини увидел, как Видаль-Пеликорн спустился одним из первых вместе со своей спутницей, вокруг которой поднялась такая суматоха, словно она была звездой Голливуда, и как вслед за ней он сел в громадный черный лимузин с шофером в белой ливрее. Он спросил себя, собирается ли прекрасная Алиса отвезти его в какой-нибудь отель или же удостоить своим гостеприимством? И он понял, что размышлял вслух, когда Полина ответила ему:

- У Асторов более двух тысяч домов в штате Нью-Йорк. Можете быть уверены, она поселит его если не у себя, поскольку с учетом бракоразводного процесса это вопрос деликатный, то где-нибудь под рукой. Об отеле и речи быть не может, ведь там он мог бы столкнуться с вами!

- Хотелось бы мне знать, что я ей сделал? Она смотрит на меня так, словно я ее заклятый враг!

- Вы ее соперник, и она ненавидит вас тем сильнее, что в другое время и при других обстоятельствах она бы из кожи вон вылезла, чтобы соблазнить вас и приковать к своей колеснице. Если вы позволите мне дать вам совет, забудьте на время о своей дружбе. Либо я плохо знаю Алису, либо она бросит его, лишь когда вытянет все соки. Вот тогда вы сможете подобрать то, что останется от вашего египтолога.

- Я не собираюсь торчать здесь вечно, - жестко сказал Альдо.

- Она тоже, не сомневайтесь. Это слишком далеко от ее драгоценного Египта и обожаемой Европы. Как только сезон в Ньюпорте закончится, ручаюсь, она повезет своего песика в Париж, если только уже не сняла с него ошейник и не отправила подвывать куда-нибудь подальше!

Прозвучало это не слишком утешительно, но Альдо решил последовать совету и как можно скорее изгнать Адальбера из своих мыслей. Это было нелегко, однако ему следовало сохранять - помимо ясности мыслей! - свободу передвижения, ибо он находился на той же территории, что Алоизий Чезаре Риччи и (возможно!) драгоценности Венецианской колдуньи. Через несколько минут он уже катил в желтом такси в отель «Плаза» вместе с Жилем Вобреном, тогда как большой серый «Крайслер» - менее внушительный, чем черный лимузин! - с подобающим шофером увозил домой баронессу фон Этценберг. За машиной следовал багажный фургон, так как Полина, которую сопровождала еще и горничная, имела в своем распоряжении пусть не тридцать, но все же двенадцать чемоданов. Весьма нетипичный кортеж для скульптора. Ее мастерская, разумеется, сильно отличалась от мансард нищих художников на Монпарнасе или даже на Монмартре.

Глава VII

Три шага в Нью-Йорке

Воздвигнутый в тысяча девятьсот седьмом году на углу Пятой авеню и 59-й улицы, отель

«Плаза» считался одним из шедевров стиля французского неоренессанса, причем шедевр этот насчитывал девятнадцать этажей и восемьсот номеров. Пройдя сквозь вращающуюся дверь, посетитель попадал в атмосферу нереального безмолвия, чрезвычайно успокоительного после царящего на улицах гама. Франко-итальянский интерьер с коврами из Обюссона, люстрами Баккара, мебелью и канделябрами эпохи Людовика XVI в сочетании с каррарским мрамором, равеннской мозаикой, позолоченными дубовыми панелями, белыми кариатидами до потолка создавали у европейских гостей приятное впечатление, что они не только оказались у себя дома, но и внушили туземцам мысль о прочности своих исторических корней, а также понятие о роскоши старого континента. Еще большее очарование придавал отелю находившийся перед ним большой многоуровневый фонтан, названный именем Пулитцера, и расположенный неподалеку Централ-Парк с его роскошной растительностью.

Альдо поселился в номере на шестом этаже, где его встретила репродукция – но все же чуть уменьшенная! – «Весны» Боттичелли. Пока лакей распаковывал багаж и развешивал одежду на плечиках в шкафу, он решил принять ванну, что оказалось куда приятнее, чем на борту парохода. Здесь можно было понежиться в душистой пене, и он воспользовался этим, чтобы привести в порядок свои мысли. Выкурив сигарету и высушив волосы, он оделся, отправил портье каблогранму, что все в порядке, попросил служителя послать три дюжины роз баронессе фон Этценберг, у которой должен был ужинать, затем спустился в бар, где печальный Жиль уже сидел за столиком, на котором стояла бутылка лимонада. Несчастный антиквар даже не притронулся к ней, и при виде его расстроенной физиономии в глазах Морозини зажглись веселые огоньки.

- Похоже, ты приспособился к местному режиму воздержания! – сказал он.

- Не вижу повода для шуток! Ты тоже с этим столкнешься. Пока плывешь на корабле, и представить себе не можешь, насколько тягостен их сухой закон. Что ты возьмешь?

- А что предлагают?

- Молоко, чай, лимонад, кофе или какой-нибудь сок?

- Нет, спасибо. Пойдем лучше обедать.

- Если ты воображаешь, что это будет веселее, то заблуждаешься! Европейская кухня, пожалуйста, но, увы, нет и намека на вино, без которого она немислима. Как же это странно!

- Но ведь ты знал, что тебя ждет? Ты же не в первый раз в Америке, с тех пор как она завязала с выпивкой.

- Именно что в первый! Я действую, как ты. Меня отнюдь не привлекают трансатлантические путешествия, и если бы не этот версальский стул, который я надеюсь вернуть...

- Ты бы остался дома, поближе к наслаждениям «Ритца», и никогда не познакомился бы с баронессой!

- Это правда! К несчастью, она хочет обосноваться здесь навсегда!

- Ну, тебе достаточно переселиться к ней. Я готов поспорить на что угодно, что сегодня вечером тебе не придется пить воду.

- Ты думаешь?

- Готов поклясться! Женщина, которая имеет при себе на случай «упадка сил» фляжку с таким сногшибательным напитком, каким она меня угостила, никогда не удовлетворится одной лишь водой. У нее наверняка есть свой погребок.

Воскрешенный этой надеждой, Вобрен последовал за Альдо в «Оук-Рум», ресторан отеля, полностью обшитый темными дубовыми панелями, что делало его довольно мрачным, несмотря на вазы с цветами, мягкое освещение и сверкающие приборы из хрусталя и серебра. Окон здесь не было, только большие овальные фрамуги у самого потолка.

Величественный метрдотель принял у них заказ – моллюски под соусом из взбитых сливок, цыпленок на гриле – и без тени улыбки предложил запить все это бутылкой лимонада из канадского ранета. Поскольку он был француз, Вобрен, почти задохнувшись от негодования, спросил его:

- И вам не совестно?

- Абсолютно нет, мсье, и я полагаю, что наш «канада драй» вам понравится. Это довольно приятный напиток!

- Ну, раз вы говорите! Попробовать всегда можно.

Они попробовали, и олимпийская физиономия парижского антиквара вновь расцвела улыбкой: в банальной бутылке из-под шипучего напитка скрывалось вполне приличное красное вино, бургундское пино-шардонне. Когда Альдо сделал комплимент величавому служителю, тот позволил себе слегка улыбнуться:

- Мы стараемся порадовать наших европейских клиентов, которые проявляют некоторое недовольство. Добавлю, – тут он заметно понизил голос, – что определенный сорт чая, который подают в номер согласно оговоренному коду, произрастал на берегах Шаранты или Твида, в зависимости от желания. Сверх того, – перешел он почти на шепот, – на 58-й улице есть некое заведение, где также не умирают от жажды. Если господа пожелают, наш портье представит их хозяину.

- Да нет же, – заявил Вобрен. – Нас вполне устраивает ассортимент отеля.

Кофе тоже оказался превосходным, и, насладившись им, друзья разошлись, каждый по своим делам. Через портье Морозини отправил шефу полиции свою карточку с просьбой об аудиенции, подкрепленной рекомендацией Уоррена, а затем в ожидании ответа решил прогуляться, чтобы возобновить знакомство с Нью-Йорком. Сначала он хотел перейти площадь, чтобы взять напрокат коляску и совершить неторопливую прогулку по Централ-Парк, но погода в этот нежаркий летний день стояла прекрасная, и он предпочел подняться на площадку одного из больших зеленых автобусов, которые спускались по Пятой авеню до Вашингтон-сквер в южной части Манхэттена. Этот способ передвижения казался очень спокойным и вызывал почти детскую радость: легкий ветерок ласково обдувал лицо, и можно было без всяких помех разглядывать находившийся справа парк. С другой стороны располагались самые богатые особняки города, среди которых нашлось место для музея Нью-Йорка и «Метрополитен». Альдо решил обязательно посетить их. Проезжая мимо зоопарка, он услышал радостные крики детей и рычание львов, слышимое даже на фоне уличного шума. Затем, когда зеленые насаждения остались позади и автобус въехал в бурлящий центр гигантского мегаполиса, он вновь увидел собор Святого Патрика и огромные здания перед ним, принадлежащие Колумбийскому университету, которые уже начали сносить. По словам Полины, такая же участь ожидала и находившийся поблизости старый отель «Уолдорф-

Астория». Наконец, его взору предстали роскошные магазины, в том числе и ювелирный «Тиффани», куда он собирался заглянуть больше из любопытства, чем из желания что-либо приобрести. Он знал, что Лизу больше обрадует какая-нибудь старинная вещь, а не драгоценность.

Он вышел из автобуса на Вашингтон-сквер. Это был зеленый прямоугольник, окруженный старинными кирпичными домами, где закладывались основы нью-йоркской элегантности. На соседних улицах стояли величественные здания, в салонах которых хранились сокровища конца прошлого столетия. Он помнил, что некогда тут царили самые грозные дамы высшего света, но сейчас Сквер превратился в интеллектуальный и артистический центр Гринвич-Вилидж. Именно здесь жила Полина фон Этценберг. Из своих окон она, наверное, могла видеть триумфальную арку, возведенную в честь Джорджа Вашингтона, и Альдо понял, почему женщина, творившая под именем Полина Белмонт, предпочла поселиться в доме, больше походившем на человеческое жилище, чем громадные особняки промышленных магнатов. Сухой закон здесь был совершенно ни при чем...

Внезапно Альдо вышел из состояния задумчивости. Он увидел Вобрена, который, с тростью в руке и в шляпе с широкими полями, шествовал по тротуару, приближаясь к резиденции Полины. В такой момент показываться не следовало. Этот чертов Жиль стал сейчас таким подозрительным, что никогда не поверит, будто друг его оказался в здешних местах в качестве обыкновенного туриста. Впрочем, на сегодня и с прогулкой пора было кончать. Альдо остановил такси и велел отвезти себя обратно, в отель «Плаза».

Он мысленно поздравил себя с этим решением, когда портье передал ему послание от Филадельфии: шеф полиции извещал, что с удовольствием встретится с ним в половине шестого. Альдо бросил взгляд на часы: было без четверти пять.

- Далеко отсюда до Главного управления полиции?

- Довольно далеко, но такси доставит вас вовремя. Муниципальный центр, в который входит штаб-квартира полиции Нью-Йорка, находится на юге Гринвич-Вилидж.

Иначе говоря, Альдо предстояло отправиться почти туда же, где он побывал: умнее было бы предварительно навести справки, чем болтаться по улицам без дела! Он быстро поднялся в свой номер, чтобы взять письмо Уоррена, и через несколько минут ехал в такси на юг Манхэттена...

Когда он почти выбежал из дверей отеля, чтобы скорее сесть в машину, то чуть не сбил с ног девушку, которую не успел даже рассмотреть, бросив ей только: «Простите великодушно!»

Но даже если бы он успел приглядеться, вряд ли бы узнал ее. При всей своей эксцентричности Нелли Паркер идиоткой не была и сменила вызывающе яркий шотландский берет на коричневую фетровую шляпу-колокол, полностью закрывшую огненные волосы. Когда Морозини исчез, она обратилась к швейцару:

- Этот торопыга, куда он так помчался?

- К копам!

- На такси и так спешит? Что это на него нашло?

- Понятия не имею. Единственное, что могу вам сказать, мисс Паркер: он едет к боссу, потому что пригласили его на Бэкстер-стрит.

- Ого! Что же он там собирается делать?

Швейцар многозначительно развел руками, тогда как усеянный веснушками маленький носик журналистки сморщился от усиленных размышлений. Наконец она сказала со вздохом:

- Ух! Я гонялась за ним весь день и начинать заново нет смысла. Когда я появлюсь там, он уже уедет. Наверное, лучше подождать его здесь? Что скажешь, Вилли?

- Конечно, он в конце концов вернется сюда, но, с вашего позволения, мне непонятно, чего вы так надрыгаетесь. Этот тип настолько интересен? Согласен, внешне он вполне ничего, но...

- В данном случае это не так важно, хотя... Что касается того, интересен ли он... Да, чрезвычайно! Куда бы он ни приехал, вокруг него всегда расходятся волны, и я уверена, что благодаря ему раскопаю груды сенсационного материала!

- А почему же тогда здесь нет никого из ваших коллег?

- Потому что их интересует только кино, бейсбол и политика. Ладно! Так что мне делать?

- Заходите и присаживайтесь в холле! Это словно главная ложа в театре: вы сразу увидите, как он войдет...

- Почему бы и нет? Я закажу себе чашку кофе. А тебе спасибо за помощь, Вилли!

- Само собой, мисс Паркер! Я помню добрые старые времена: здорово у нас тогда все получалось...

Весь административный аппарат города был сосредоточен к северу от Фоли-сквер в квартале, построенном в конце девятнадцатого века. Здания большей частью относились к стилю неоклассицизма. Штаб-квартира полиции Нью-Йорка располагалась еще севернее, в квадрате, ограниченном улицами Хестер-стрит, Грэнд-стрит, Броум-стрит и Бэкстер-стрит, где находился главный вход с двумя огромными бронзовыми фонарями по обеим сторонам. [29]

Таксист, высадивший Альдо перед дверью, охотно согласился подождать своего клиента, поскольку, будучи болтлив и любопытен, как почти все члены его корпорации, он так и не сумел выяснить, зачем этому элегантному джентльмену понадобились копы.

Главное управление полиции, конечно, уступало в монументальности нью-йоркской мэрии, которая походила на пятнадцатизэтажный свадебный пирог с колоннами, увенчанный тремя цилиндрами - также в окружении колонн! - и статуей Гражданской славы. Но все же это было внушительное здание с большой лестницей, занимавшей б*!*у*!*льшую часть первого этажа. Но царившая здесь атмосфера оказалась совершенно такой же, как в Скотленд-Ярде или на Кэ дез Орфевр: лихорадочная суета, запах табака и хронически скверное настроение. Некоторое различие обнаружилось только в размерах офисных помещений: кабинет Фила Андерсона оказался вдвое больше, чем кабинеты Ланглуа и Уоррена, вместе взятые. Правда, первый был крупной шишкой, а двое последних нет. В шкафах до потолка, полностью скрывавших стены, в беспорядке лежали груды папок, вымпелы и призы, в одном углу стоял флаг Соединенных Штатов. Над громадным письменным столом, занимавшим центр комнаты, вились клубы дыма, посреди которых восседал, подобно Будде в завитках благовоний, шеф городской полиции - с полузакрытыми глазами за очками в черепаховой оправе.

Держа в левой руке сигару, он ухитрился извлечь свое дородное тело из вращающегося кресла

и протянул правую, широкую, как лопата, гостю с сердечностью, которой Морозини – по опыту общения с его коллегами по ту сторону Атлантики – отнюдь не ожидал. На кожаном бюваре, стоявшем перед ним, лежала карточка Уоррена.

- Добро пожаловать! – прогремел он густым басом. – Очень рад видеть одного из друзей Уоррена! Как поживает наш любимый старый крокодил?

- Превосходно. Во всяком случае, когда я встречался с ним несколько недель назад, – ответил Альдо, которого позабавило это прозвище.

- Отлично! Присаживайтесь и расскажите мне вашу историю! Уоррен пишет, что вы схлестнулись с этим мерзавцем Риччи? Чем он вам досадил?

Андерсон скорее выплюнул, чем назвал эту фамилию. Одновременно его веселая, круглая и весьма упитанная физиономия с маленькими глазками, походившими на яблочные косточки, заметно помрачнела.

- До настоящего времени лично мне он ничем не досадил. Просто я оказался замешан в одно мерзкое дело, в котором он, по моему убеждению, играет главную роль. Вместе с тем, – с улыбкой добавил Морозини, – я не хотел бы, чтобы вы приняли меня за пылкого южанина с разыгравшимся воображением...

- Не беспокойтесь, мой мальчик! Я знаю, кто вы такой!

- Да? Я удивлен и польщен!

- Я много раз бывал в Европе и всегда интересовался драгоценностями, как большинство моих соотечественников. В среде ювелиров, особенно тех, кто занимается старинными украшениями, ваш авторитет непререкаем. Порой некоторые из этих вещей попадают сюда, и случается с ними разное, так что мои пристрастия идут на пользу работе. А теперь расскажите, что вам известно о Риччи. Где вы с ним познакомились?

- В Париже, когда я обедал в «Ритце» с моим соотечественником, художником Джованни Болдини...

Андерсон повернул голову, чтобы выплюнуть кусочек сигары.

- С ним я тоже знаком! Приятно узнать, что он еще жив.

- Жив, конечно, но сильно постарел, и недавний пожар, едва не разрушивший его дом, подействовал на него самым удручающим образом.

- Дело рук Риччи?

Морозини ответил неопределенным жестом:

- Я в этом уверен, однако доказательств у меня нет.

- Когда имеешь дело с ним, доказательств никогда не бывает. В этом его сила. Но продолжайте! Я больше не буду вас прерывать!

Он сдержал слово, и только манера курить выдавала его чувства: дым из открытого рта, походившего на кратер вулкана, выходил либо яростными клубами, либо спокойными кольцами. Когда Морозини завершил свое повествование рассказом об отъезде из Ньюхейвена

вместе с телом Жаклин, Фил Андерсон какое-то время молчал, откинув голову на высокую спинку черного кожаного кресла и устремив взор в потолок. Чтобы не мешать его размышлениям, Альдо тоже закурил сигарету, что не улучшило атмосферу в комнате, но позволило слегка расслабиться. Наконец шеф нью-йоркской полиции произнес, больше размышляя вслух, чем обращаясь к гостю:

- Несчастливая все равно не прожила бы долго, если бы последовала за Риччи в эту страну. Брак с ним не приносит счастья, и на сегодняшний день он, несомненно, овдовел бы уже в третий раз...

- Что вы хотите сказать?

Прежде чем ответить, полицейский позвонил и попросил принести кофе, предварительно удостоверившись, что Морозини составит ему компанию. По собственному почину он величаво прошествовал к окну и открыл его, чтобы проветрить комнату. Впрочем, сигару свою он уже докурил. Пока в кабинет не принесли поднос, он наслаждался свежим воздухом и уличным шумом, потом закрыл окно, вернулся к столу, разлил кофе по чашкам, отдал одну из них Морозини, предоставив тому возможность самому решать, сколько следует положить сахара, уселся в кресло, залпом опорожнил свою чашку и достал очередную сигару, кончик которой попросту откусил. С удовольствием затянувшись и выпустив первое кольцо, он развалился поудобнее и заявил:

вернуться

29

В старых кварталах Нью-Йорка улицы сохранили свое первоначальное название и имеют более причудливые изгибы, чем в районах новой застройки, где все магистрали пронумерованы с юга на север. *(Прим. авт.)*

- Ну, а теперь я расскажу вам одну необычную историю. Примерно четыре года назад Риччи с большой помпой отпраздновал свадьбу в своем дворце в Ньюпорте, в графстве Род-Айленд, которое...

- Я знаю. Не тратьте силы, описывая мне это место, я побывал там в тринадцатом году.

- Прекрасно! Стало быть, вы знаете, что все представители высшего нью-йоркского общества имеют в этом графстве роскошные резиденции и устраивают там не менее роскошные празднества. Поскольку корни у Риччи весьма сомнительные, ему стоило немало труда добиться признания. Однако все знали, что он очень богат и обладает большим могуществом, так как у него, по слухам, есть нечто вроде тайной гвардии. Кроме того, он проявил такую щедрость по отношению ко всякого рода благотворительным организациям, что некоторые дамы из числа самых влиятельных сначала приняли приглашение посетить его, а затем дали ему шанс на ответный визит. Они провозгласили его оригиналом: это, мол, один из тех странных, но забавных американцев-иностранцев, которые по счастливой случайности не только ни в чем не нуждаются, но и готовы швырять деньги на ветер. Поэтому, когда он объявил о женитьбе, все сливки почтили свадьбу своим присутствием. Тем более что празднество обещало стать незабываемым зрелищем, поскольку как для приглашенных, так и для самих супругов были приготовлены итальянские костюмы шестнадцатого века.

- Вот как! - процедил Морозини сквозь зубы.

- По его словам, таким элегантным способом он хотел почтить своих флорентийских предков и одновременно предков своей невесты, также родом из Флоренции. Ее звали Маддалена Брандини. Она танцевала в одном ревю на Бродвее. Изумительная была девушка: блондинка с темными глазами, с осанкой королевы и соответствующей фигурой. Возможно, умом она не блистала, но красотой своей сводила с ума. Мне довелось увидеть ее незадолго до свадьбы и чуть позже. Я был тогда инспектором, и меня откомандировали из Нью-Йорка в распоряжение шерифа Уильямса в Ньюпорте для розысков одного мошенника, который вполне мог оказаться и убийцей. Итак, я оказался там во время свадьбы, и скажу вам, что само празднество удалось на славу! Невеста была буквально вся в золоте – под цвет своих волос! – и в старинных драгоценностях, которых нигде не увидишь, кроме как в европейских музеях...

- Большой крест из алмазов, жемчуга и рубинов в сочетании с такими же длинными серьгами? – воскликнул Морозини, словно вдохновленный властным внутренним голосом.

И он ничуть не удивился тому, какой эффект произвели его слова на собеседника.

- Откуда вы знаете? – ошеломленно спросил тот.

- Просто пришла в голову мысль! После визита в Англию у меня не осталось сомнений, что именно у Риччи находятся драгоценности, которые я разыскиваю, и что именно он приказал убить Терезу Солари и, возможно, невесту Павиньяно. Значит, следует допустить, что украшения на какое-то время ускользнули от него, иначе как объяснить их появление у певицы? Но продолжайте же, прошу вас, и простите, что я вас перебил.

- Беда здесь небольшая, более того, ваше замечание не лишено интереса, однако вернемся к свадьбе! Около середины ночи супруги удалились, приглашенные также, а спустя неделю обнаженное и изуродованное тело Маддалены нашли на одном из пляжей к югу от Ньюпорта. Я бы сказал, что ее не просто убили, а замучили... Даже мне было трудно вынести это зрелище.

- Как же случилось, что Риччи все эти четыре года не сидит за решеткой? – пробормотал Альдо, содрогнувшись от ужаса.

- По той простой причине, что он не мог быть преступником. В момент убийства он находился во Флориде. Уехал утром, сразу после свадебных торжеств, и предъявил целую толпу свидетелей, один другого серьезнее.

- Подкупленных, разумеется?

- Нет. Это все были люди добропорядочные: владельцы отелей, официанты, машинисты поездов и тому подобное.

- ...точно так же, как он оказался на борту «Левиафана» в тот момент, когда машина сбила Жаклин Оже перед отелем «Ритц»... Если он не совершал преступления сам, то выступал в роли заказчика. Вы, несомненно, провели расследование. Что-нибудь удалось обнаружить?

- Ничего! Ровным счетом ничего! – сказал Андерсон, щелкнув ногтем по зубам. – Мы осмотрели его громадную виллу, Палаццо Риччи, как он его назвал, от подвала до чердака, но не нашли ни единой улики, ни одного следа. В садах и эллингах для яхт тоже. Обыскали комнаты слуг, подвергли их строжайшему допросу, и вот что выяснилось: они видели, как Маддалена вошла в брачные покои под руку с Риччи, но после этого никто из них больше не видел молодую женщину.

- Как это может быть?

- Да, она не выходила из спальни. По крайней мере, так показали свидетели, хотя она должна была выйти, поскольку неделю спустя ее тело обнаружили на пляже у гряды скал. Что до Риччи, то он, выказывая несомненное огорчение, объявил, что вынужден уехать, и отправился на яхте в Нью-Йорк, а там уже сел на поезд, идущий во Флориду. Естественно, перед отъездом он велел слугам всячески заботиться о жене, но, когда утром горничная пришла разбудить Маддалену и принесла ей завтрак, в спальне никого не оказалось, а сама комната выглядела точно такой, какой она видела ее в конце дня, когда пришла проверить, все ли в порядке. Постель не разобрана, вещи не тронуты, свадебное платье разложено на кресле. Не хватало только драгоценностей, ночной рубашки, кружевных трусиков и красных бархатных тапочек.
- Иначе говоря, Маддалена отправилась прогуляться в этом, надо сказать, довольно легком наряде - кстати, когда все это произошло?
- В июле, иными словами, в разгар лета, и погода стояла знойная - предгрозовая и душная жара.
- Этим можно объяснить желание прогуляться ночью, когда стало прохладнее, однако после любого торжества слуги обычно торопятся все прибрать, и кто-нибудь должен был ее увидеть, когда она, что правдоподобнее всего, спускалась к морю?
- Однако ее никто не видел, а народу там, поверьте мне, было немало: только в самом дворце не меньше двадцати слуг, а ведь была еще и охрана снаружи. В целом около пятидесяти человек...
- И она исчезла именно в таком виде: в ночной рубашке и тапочках, но с драгоценностями? Что произошло дальше?
- Мужа известили телеграммой, и он явился, выказывая все признаки великого горя: выглядел полубезумным, требовал, чтобы провели самое тщательное расследование, обещал солидную награду тому, кто обнаружит убийцу, и должен вам сказать, желающих нашлось более чем достаточно, но, как всегда, эти добровольцы больше мешали нам, чем помогали.
- Охотно вам верю. И вы говорите, ее нашли обнаженной, а драгоценности, разумеется, были украдены?
- Именно так! Тогда появилась версия, что несчастная сбежала к любовнику. Каким способом, непонятно, разве что она сумела раздобыть у колдуньи волшебное помело или у нее отросли крылья...
- У колдуньи? - переспросил Морозини с едва заметной улыбкой. - Это звучит заманчиво! Вы знаете, что я назвал знаменитый гарнитур Бьянки Капелло Драгоценностями колдуньи? И ведь Сайлем [30] расположен не так уж далеко от Род-Айленда? Но вы что-то говорили о вероятном любовнике...
- Это не так уж удивительно, когда девушка вступает в удачный брак с мужчиной намного старше ее. Утолив страсть и желая избежать неприятностей, любовник мог убить свою возлюбленную и удрать вместе с драгоценностями...
- Конечно, такое вполне возможно...
- Но в высшей степени невероятно, ибо два года спустя драма повторилась: точно такая же и почти в то же самое время... Итак, через двадцать четыре месяца Риччи, не снимавший траура столь долгое время, принял решение жениться вновь. На сей раз он выбрал американку,

девятнадцатилетнюю девушку, с которой познакомился в Центральном парке, когда она кормила птичек. Ее звали Энн Лэнгдон, и она работала продавщицей в магазине Вулворта...

- ...чуть рыжеватая блондинка с прекрасными темными глазами, у которой не было никаких родных.

вернуться

30

Намек на знаменитый процесс над сайлемскими ведьмами в XVII веке. (Прим. пер.)

- Откуда вы знаете?

- Я не знаю: я предполагаю. Это совпадает с общей тенденцией.

- Действительно, она была настоящей Золушкой, из которой Риччи сделал ослепительную красавицу. И все пошло по тому же сценарию. Объявили о свадьбе, которая, как и предыдущая, должна была состояться в шесть часов вечера и завершиться балом.

- В тех же самых исторических костюмах, да?

- Именно так. Риччи попросил гостей об этой небольшой услуге в память о своей первой невесте, столь трагически погибшей.

- И все согласились на это?

- Почти все. Первая свадьба была великолепной, неслыханно роскошной. И оставила такие же воспоминания - даже в столь баснословно богатом месте, как Ньюпорт! Многим хотелось пережить это еще раз. Я приехал туда из чистого любопытства, поскольку никто меня не приглашал, и должен признать, что зрелище было феерическим.

- Невеста носила какие-нибудь драгоценности?

- Естественно, но драгоценности были другие, не те, что в первый раз.

- Вот как? А я-то предположил...

- Не давайте воли воображению: если драгоценности Маддалены украл убийца, как мог бы Риччи подарить их своей второй невесте? На груди у нее сверкал огромный бриллиант, висевший на золотой цепочке с жемчужинами и рубинами поменьше, в ушах и на запястьях ничего, но на безымянном пальце правой руки - кольцо с рубином такой же величины.

- И что произошло потом?

- Сценарий практически не изменился. Риччи удалился с молодой супругой в спальню. Через полчаса вынужден был покинуть ее, так как его вызвали телеграммой в Новый Орлеан. Выглядел очень расстроенным, но дело опять оказалось очень важным. И он уехал, приказав слугам проявлять величайшую бдительность.

- Здесь есть что-то, чего я не понимаю. Флорида, как и Луизиана, славится своим приятным климатом: почему же он не мог взять с собой жену? Чем не свадебное путешествие? Странно,

что никто не задался этим вопросом...

- Да нет же, все было расписано заранее: медовый месяц молодожены предполагали провести в Италии - в первый раз, в Париже - во второй. Судя по показаниям слуг, обе женщины не рвались совершить эту чисто деловую поездку, особенно после такого утомительного дня. Итак, после отъезда супруга дверь спальни закрылась за Энн, как за Маддаленой, и живой больше никто ее не видел. К утру она исчезла, оставив только свадебное платье и ничего не тронув в комнате.

- Она ушла в ночной рубашке, как и в первый раз?

- И с драгоценностями. Через четыре дня ее тело, изувеченное точно так же, как и в первый раз, было найдено на краю острова. Можете представить, какое впечатление это произвело. Поднялся страшный переполох, и тогда за дело взялось ФБР. Преступника нашли...

- Вот как? И кто же это был?

- Местный рыбак. Красивый парень, между прочим, в которого вполне могла бы влюбиться женщина, особенно если сравнить его с Риччи, при этом анахорет, который жил один с матерью в домишке на берегу, молчаливый и, как говорили, чуть придурковатый.

- Короче говоря, идеальный виновник! - саркастически произнес Морозини. - Удалось вырвать у него признание?

- Даже и не понадобилось! Около его хибарки нашли закопанные драгоценности. Его судили и казнили!

- И нашелся суд, который приговорил его к смерти, тогда как все, по моему мнению, указывало на Риччи?

- Я ваше мнение разделяю, но приходится повторить, что его не было в Ньюпорте. Никто не пытался выяснить, каким образом Питер Баскомб - так звали рыбака - ухитрился завлечь к себе молодых женщин. Следствие исходило из того, что они приходили к нему по собственной воле...

- Это не выдерживает никакой критики! Разве они были знакомы?

- Некоторые свидетели утверждали, будто видели, как он разговаривал с Энн, когда та вышла на прогулку.

Не в силах спокойно усидеть на месте, Морозини встал и принялся расхаживать по кабинету шефа полиции, как если бы находился у себя дома. Эта была немислимая, необъяснимая история, а он питал священный ужас ко всему необъяснимому.

- Но попытались хотя бы выяснить, как они выбрались из спальни? Через окно?

- Окна, естественно, были по летнему времени открыты, но для женщин там слишком высоко. Палаццо Риччи представляет собой уменьшенную копию дворца Питти, резиденции великих герцогов Тосканских во Флоренции. Это означало бы, что наш приятель дважды подряд женился на опытных альпинистках, способных балансировать на карнизе в элегантно неглиже с оборками и кружевами... и не говорите мне о стенах: мы прощупали их сверху донизу, не найдя абсолютно ничего. Никаких тайников, никаких скрытых проходов!

- Это какое-то безумие! Я не понимаю, как они могли выбраться из спальни без сообщников. Слуг проверяли? Им можно доверять?

- У меня сложилось впечатление, что все они тряслись от страха перед хозяином. В большинстве своем это были итальянцы, и он, похоже, каким-то образом держал их в крайней строгости.

- Наверное, но ведь вы сказали, что обе женщины были очень красивы. Хорошенькая девушка может добиться от возлюбленного всего, что хочет...

- Как бы там ни было, ни полиция, ни ФБР не нашли ровным счетом ничего, а поскольку предполагаемый виновник казнен, делом больше никто не занимался...

- Его надо открыть вновь в память о Жаклин Оже, потому что ей предстояло стать третьей супругой и, следовательно, третьей жертвой, ибо я готов руку положить в огонь: именно он убивает их или приказывает убить.

- Она и «есть» третья жертва, не считая несчастного Баскомба, которого тоже убили. Единственное, в чем ему повезло: его смерть была быстрой и легкой в отличие от несчастных женщин. Вы не могли бы постоять спокойно? Когда я смотрю на вас, у меня кружится голова!

- Простите!

Альдо вновь сел в кресло и, закулив очередную сигарету, спросил:

- А вы не знаете, где Риччи сейчас?

- Не знаю, но это выяснить несложно.

Сняв трубку с одного из телефонов, стоявших на письменном столе, Андерсон пролаял в нее какое-то распоряжение и затем стал задумчиво следить за завитками дыма от своей сигары. Примерно через две минуты ему ответили.

- Он здесь: завтра мэр торжественно открывает построенное им здание на Лексингтон-авеню. Что вы задумали?

- Ничего определенного. Разве что мне бы хотелось посетить Ньюпорт, пока его там нет. Полагаю, сезон еще не начался?

- Нет. Откроется через несколько дней. Боюсь, ничего существенного вы не найдете. Полиция прочесала там все.

- Свежий взгляд может порой обнаружить то, что ускользнуло от опытных профессионалов. Я также хотел бы увидеть место, где жил Баскомб.

- Ну, это я могу устроить...

Андерсон написал несколько строк на чистом листке, вырвал его из блокнота и протянул своему гостю:

- В сущности, это почти все, что я могу для вас сделать. В Род-Айленде вы будете вне пределов моей юрисдикции, ибо там все подчинено полиции города Провиденса в целом и шерифу Ньюпорта в частности. И в том, и в другом случае вы столкнетесь с ожесточенным сопротивлением всему, что может нарушить покой округа, особенно в разгар модного сезона.

- Риччи, однако же, это сошло с рук!

- Да, но вы всегда должны помнить, что он очень богат, очень ловок и очень щедр по отношению к благотворительным организациям, которых развелось видимо-невидимо. Вплоть до настоящего дня его упорно считают несчастным человеком, ставшим жертвой безжалостной судьбы. Так что, когда отправитесь туда на розыски, будьте настороже и внимательно смотрите себе под ноги!

С этими словами Андерсон, желая показать, что с его точки зрения разговор окончен, вновь извлек свое грузное тело из кресла, и Альдо вынужден был сделать то же самое. Тем не менее ему хотелось спросить еще кое о чем:

- Я правильно понял, что Риччи сейчас в Нью-Йорке, стало быть, у вас? Вы не могли установить за ним наблюдение... тайное, разумеется?

Его собеседник затрясся от смеха.

- Неужели вы думаете, что я не использовал это средство? Подобно вам, я убежден, что это опаснейший преступник, каких редко встретишь даже здесь, у нас, ведь он, помимо прочего, занимается продажей спиртного, опиума и парочкой пустяков в том же духе. Поэтому, если вы сумеете раздобыть мне хоть одно доказательство, позволяющее покончить с ним, я буду вам вечно признателен и, быть может, сумею обеспечить вам похороны за государственный счет. Но не пытайтесь просить помощи у Дэна Морриса, шерифа Ньюпорта: он кормится с руки Риччи. Это понятно?

- Яснее выразиться невозможно! Спасибо за ваши ценные советы, шеф Андерсон. Я запомню их...

Действительно, забыть было трудно! Альдо вновь, как и прежде, в одиночку вступил в схватку с врагом, о могуществе и размахе преступной деятельности которого даже не подозревал. Ничего утешительного в этом не было, однако он, несмотря ни на что, получил одно - только одно! - удовлетворение: Риччи на самом деле владел драгоценностями Колдуньи и, следовательно, был несомненным убийцей невесты Павиньяно, а также певицы из «Ковент-Гарден». Морозини сознавал, что ставит на кон свою жизнь, но, по крайней мере, игра стоила свеч. Жаль только, что он не сможет рассчитывать на ловкие пальцы Адальбера в поисках креста и серег. Равно как на ум, ровный характер, спокойное мужество - на все, что делало Видаль-Пеликорна несравненным товарищем в тяжелом и опасном предприятии.

Как всегда в последнее время, у него резко испортилось настроение, стоило ему подумать об Адальбере, поэтому по прибытии в отель он был совсем не расположен любезничать. Убедиться в этом пришлось Нелли Паркер, которая ринулась за ним и догнала его у лифта:

- Прошу вас, мистер Морозини! Одно словечко!

Он бросил на нее угрюмый взгляд. Несмотря на то что она сменила наряд, он узнал ее, а нацепленная ею дурацкая шляпка скрывала единственное, что могло бы примирить его с ней: рыжие волосы, которые даже издали напоминали ему о Лизе.

- Какое? Я не уверен, что сумею найти вежливое по отношению к вам.

- Я постараюсь и этим удовлетвориться, - сказала она, робко улыбнувшись и показав маленькие белые зубки, совсем как у девчонки, вызывавшие в памяти съеденный тайком шоколад и вылизанную дочиста банку варенья. - Может быть, присядем на пару минут?

- Если бы хотели узнать именно это, то нет. Я тороплюсь!
- Вы бы слегка передохнули, ведь после ленча вы все время на бегу.
- Очень мило, что вы проявляете ко мне такой интерес, но передохнуть я могу в своем номере и в одиночестве! Ну как, эти слова вам подходят? Полагаю, вам хотелось не только попросить меня присесть?

В чистом взоре девушки появилась мольба:

- Расскажите мне о причинах вашего пребывания у нас!
- Я уже говорил вам: отпуск!
- Нет, мне нужна настоящая причина! Никто не начинает отпуск с фараонов!
- Почему же? Я всегда начинаю отпуск с визита в местную полицию. Эти люди лучше всех осведомлены о положительных и негативных сторонах своего региона, к тому же они, поверьте мне, отвечают на все вопросы с безупречной вежливостью. Рекомендую удостовериться в этом, как только вам захочется куда-нибудь съездить! Всего хорошего, мисс!

И, не оставив ей времени на размышление, он устремился к лифту, двери которого тут же закрылись. На короткое мгновение он успел увидеть Нелли, застывшую на месте с плаксивым выражением лица, как у маленькой девочки, упустившей свой красный шарик. Он невольно улыбнулся, и ему чуть полегчало. Перед этой взбодрившей его встречей он уже почти решил предоставить Вобрену право поужинать одному у баронессы Полины, но теперь подумал, что общение с друзьями поможет ему отвлечься от мрачных мыслей. Что было бы невозможно, останься он в номере, где можно было только кружить по комнате и слушать радио. Утвердившись в этом намерении, он разделся, долго простоял под душем, надушился своей любимой английской лавандой и побрился. Затем сменил белье, натянул черные шелковые носки, надел выходные брюки в полоску и лаковые черные ботинки, расчесал свои густые темные волосы, чуть больше, как ему показалось, поседевшие на висках, быстро и ловко завязал черную шелковую бабочку под воротником с отогнутыми краями, поправив перед тем манишку, усеянную крохотными сапфирами в золотой оправе, и, наконец, облачился в смокинг с шелковыми лацканами, в карманы которого положил бумажник и золотой портсигар с выгравированным гербом – без этих двух вещей он никогда не выходил из дома. Погода стояла такая теплая, что можно было обойтись без пальто, поэтому он взял только чистый платок, шляпу и перчатки, затем смахнул невидимую пылинку с рукава, в последний раз взглянул на себя в зеркало и спустился в холл, где его должен был ждать Жиль. Он думал, что увидит Вобрена, сияющего от радости в предвкушении встречи с Полиной, но ничего подобного: Жиль, хоть и являл собой воплощение элегантной величавости, был явно чем-то расстроен. О причинах своей печали он поведал Альдо, едва лишь друзья сели в такси. Оказалось, что кресло Людовика XV недавно переехало в Бостон, что совершенно не устраивало антиквара.

- Иными словами, ты пересек океан зря? – спросил Альдо.
- Не совсем так: я не потерял шансов заполучить его и в любом случае не зря совершил это путешествие, поскольку познакомился с баронессой, – добавил он с таким восторженным видом, что Морозини захотелось треснуть его по голове.

Но он ограничился ворчливой констатацией:

- Я знаю. Лучше расскажи мне о кресле! Как оно оказалось в Бостоне?

- Оно принадлежит теперь Диане, старшей дочери старика Лоуэлла, который там живет. Ей удалось включить его в свою часть наследства под предлогом, что так обещал отец.
- Это означает, что она его не продаст.
- Ты не угадал. Больше всего она хочет провести аукцион. Ей известно о моем приезде, и она сказала своему нотариусу, что ждет меня. Мне придется ехать туда, – произнес Вобрен с таким тяжким вздохом, словно ему предстояло путешествие в Патагонию.
- Ну и что? Бостон это отнюдь не край света. Всего-то чуть больше пятисот километров отсюда...
- Знаю, и если бы речь шла просто о поездке туда и обратно, не стал бы даже упоминать об этом, но я очень боюсь, что мне придется застрять там надолго. Я надеялся купить кресло до того, как завещание вступило в силу, но если все будет зависеть только от Дианы, дело сильно затянется. Мне придется вести бесконечные переговоры...
- Ты имеешь в виду торговаться? Однако это на тебя не похоже. Когда ты что-нибудь хочешь – в частности, для своей коллекции! – то всегда платишь! Сам ставишь последнюю точку!
- К несчастью, в данном случае все не так просто. Хобби этой женщины – французский восемнадцатый век, и, поскольку ей не часто удается встретить собеседника моего калибра, она воспользуется обстоятельствами и станет всячески заманивать меня на беседу.
- Но ведь она должна знать, что у тебя есть и другие занятия? Не будешь же ты вечно сидеть с ней за чаем и рассуждать о Людовике XV?
- Не о Людовике XV – о Помпадур! Она питает к маркизе настоящую страсть. Даже старается подражать ей!
- Разве у тебя нет какой-нибудь безделицы из имущества маркизы, чтобы предложить в качестве разменной монеты?
- Есть, конечно! – мрачно ответил антиквар. – Маленький письменный столик из замка Шуази, но мне не хотелось бы расставаться с ним. Кому, как не тебе, это понять? К тому же, если я выставлю свою красивую вещицу на размен, она наверняка пожелает лично отправиться за ней, и как можно скорее. Можешь быть уверен, она меня уже не отпустит, и мне придется вернуться в Европу первым же пароходом. Однако...
- Однако это тебя не устраивает?
- Совершенно! Я бы хотел задержаться в Нью-Йорке на две-три недели. Бейли вполне справляется с парижским филиалом, и я, возможно, смогу здесь кое-что присмотреть...

Он нервничал все больше, и Альдо с грустью подумал, что для него это тоже тяжелый удар и что эта проклятая Америка похищает у него одного за другим самых дорогих друзей. Поэтому возразил он Жилю очень мягко:

- Боюсь, этого тебе будет недостаточно. Две-три недели пролетят быстро, и раньше или позже тебе придется возвращаться. Разве что ты ухитришься перетащить Вандомскую площадь на Вашингтон-сквер!

Он попал в самую точку, и Жиль только вздохнул вместо ответа. Но, когда они позвонили в

дверь Полины, на Альдо внезапно снизошло озарение, и он тут же объявил:

- Вот что я тебе скажу: все эти неурядицы очень действуют на нервы. Я в таком же положении, как ты... То есть нет, я не в таком положении, поскольку мне нужно скорее вернуться в Венецию. Тем не менее я уже завтра отправляюсь в Ньюпорт. И не забавы ради. Наоборот, я бы предпочел, чтобы сезон вообще не начинался.

Его догадка была верна: когда дверь распахнулась, открыв залитый светом холл, лицо Вобрена внезапно расцвело улыбкой, словно полусохшая бегония под струей из лейки. Стало ясно: больше всего славный Жиль опасался, что друг Альдо будет нежиться под нью-йоркским солнцем в обществе его пассии, тогда как сам он надолго застрянет в северных туманах. Это доказывало, что любовь и разум не всегда пребывают в согласии: в городе было предостаточно в высшей степени соблазнительных мужчин, однако бедный малый, подобно Адальберу, не нашел ничего лучшего, как избрать главной мишенью для подозрений старого друга, хотя прекрасно знал, что после женитьбы тот не представляет никакой опасности. Просто уму непостижимо!

Тем не менее вечер они провели чудесный.

Жилище Полины окончательно убедило Альдо в том, что он замечал и раньше. А именно: статус художника в Соединенных Штатах не имел ничего общего с таковым в Париже. И на Монпарнасе, и на Монмартре – вершинах искусства! – художники были почти нищими. Здесь же таланту не обязательно было укрываться под дырявой крышей или в жалкой развалюхе.

Не имело ничего общего это жилище и с громадными отелями на Пятой авеню с их почти удушающей роскошью и неизменной позолотой. Дом не отличался большими размерами, и преобладал в нем колониальный стиль: простая, но красивая старинная мебель, которая удачно сочеталась с творениями современных и старых и даже древних мастеров – таких как одна из сверкающих на солнце «Крыш» Эдварда Хоппера, кстати, жившего по соседству с Полиной, «Уголок сада» Клода Моне, картина Ван Донгена, набросок Родена, фигурки из золота и слоновой кости работы Шипарю, «Нью-йоркская улица» Прендергаста, бронзовая голова римской матроны и несколько странных статуэток с далеких Кикладских островов, изготовленных в незапамятные времена. Такая коллекция могла принадлежать натуре творческой, обладающей не только вкусом, но и богатством. Неброская обстановка и светлые тона интерьера подчеркивали ценность произведений искусства и одновременно эстетические пристрастия самой Полины, которая надела для этого вечера длинное простого покроя платье из черного бархата с длинной ниткой великолепных жемчужин.

Не было здесь и армии лакеев. Всего три слуги – английский «butler», [31] исполнявший также обязанности шофера, французская кухарка и американская горничная – обеспечивали повседневную жизнь дому, более похожему на обитель мужчины, чем женщины. Заняв место вокруг стола из темно-красного дерева, на чьей блестящей, словно бы атласной, поверхности отражались пламя свечей в серебряных подсвечниках, бокалы из богемского хрусталя и белые орхидеи в большой вазе, оба гостя рассыпались в искренних похвалах хозяйке.

- Находиться у вас – подлинная радость, баронесса, – сказал Жиль Вобрен. – Здесь чувствуешь себя как дома, но, наверное, вы уже устали выслушивать такие комплименты от своих друзей?

- Я не часто даю повод это повторять. Друзей у меня мало, а принимаю я совсем немногих. Я устала от сборищ, где люди оттаптывают друг другу ноги, орут во весь голос, чтобы перекричать других, и пьют всякую дрянь. Во всяком случае, после введения сухого закона.

- Это вовсе не «дрянь», - произнес Альдо, приблизив к носу хрустальный бокал, наполовину заполненный прекрасным мерсо...

- У моего покойного супруга было одно достоинство - и я часто спрашивала себя, имелись ли у него еще какие-нибудь помимо внешних данных, - он любил вина и умел выбирать их. Благодаря ему я обладаю превосходным винным погребом.

- Я знаю по опыту, - сказал Альдо, - что сухой закон вас не слишком тяготит. Мне представилась возможность отведать укрепляющее средство, которое баронесса берет с собой в путешествие, - добавил он, обращаясь к Жилю. - Как же вам удается обходить законы?

- У меня двойное гражданство, австрийское и американское, что дает мне определенные преимущества, но, главное, я принадлежу к тем, кого наши соотечественники считают своей аристократией, основанной на древности рода и богатстве. Только самый невежественный мужлан осмелился бы заглянуть в бокал одного из Белмонтов. Примите к сведению, господа, что мой дом открыт для вас, и мне будет очень приятно, если вы будете заходить почаще...

- К несчастью, - вздохнул Вобрен, - мне придется расстаться с вами уже завтра, чтобы отправиться в Бостон. Я говорил вам, баронесса, о кресле, которое хочу купить, и надеялся быстро покончить с этим делом, однако теперь не обойтись без поездки в Массачусетс. Завещание о наследстве вступило в силу быстрее, чем я ожидал, и...

- ...и составлено оно было в пользу Дианы Лоуэлл, - угадала Полина, залившись веселым смехом. - Что ж, мой бедный друг, желаю вам хорошо поразвлечься! Впрочем, вы можете и отказаться, пока не поздно. Она с наслаждением вонзит зубы в такое изысканное блюдо, как вы.

- Я надеюсь ускорить дело, предложив ей нечто вроде обмена. Поскольку вы с ней знакомы, вам известен ее интерес к маркизе де Помпадур...

- Будьте осторожны! Она способна исхитриться, чтобы получить обе вещи разом...

Продолжая говорить, она повернулась к Альдо, который поспешил сообщить, что намеревается сесть на тот же поезд, что его друг. Не дав ему времени для дальнейших объяснений, Полина раздраженно хлопнула по блестящей столешнице:

- Что же это такое? И вы едете в Бостон?

- Нет. В Ньюпорт. Я сойду с поезда в Провиденсе, - сказал Альдо, раздобывший нужную информацию в отеле.

- ...где вам придется сесть на автобус, который доставят на остров паромом, а затем проделать такой же путь обратно и вернуться в Нью-Йорк поездом? Это идиотизм!

- Да? Почему?

- Потому что человек ваших достоинств не должен путешествовать, как рядовой коммивояжер. Все люди, обладающие недвижимостью на острове, добираются туда на яхте. Наша семья не исключение, и я могу предоставить вам...

- Нет, дорогая баронесса! Это замечательное предложение, но я не могу принять его. Мне никак нельзя приезжать туда с большой помпой...

- Какая помпа? Прекраснейшие суда восточного побережья стоят на приколе почти весь год. Наоборот, это самый простой способ! Кроме того, вы остановитесь у нас!

Чтобы прервать этот поток красноречия, Альдо на мгновение накрыл ладонью руку Полины.

- Спасибо, спасибо и еще раз спасибо, но я вынужден отклонить все, что вы предлагаете. Мне очень важно сохранить инкогнито. Я буду никому не ведомым туристом, к примеру художником, - решил он внезапно, вспомнив сыгранную в Австрии роль, когда ему пришлось отправиться в Хальштадт за опалом императрицы Елизаветы.

- Вы владеете кистью?

- В определенной мере. Ровно настолько, чтобы выдать себя за человека творческого и не превратиться в посмешище. Вот почему я намерен путешествовать в качестве мистера Неизвестно Кто и остановиться в отеле. Или в старинной таверне, что еще лучше. Как мне помнится, в Ньюпорте таковые есть.

- Разумеется, есть! Особо рекомендую одну из них: таверну «Белая Лошадь», которая была построена еще в начале восемнадцатого века. Спальные комнаты во флигеле, маленькие, но приятные, да и кухня там совсем неплохая, - согласилась Полина, - но...

- Никаких «но», прошу вас! Это очень важно, и спорить здесь не о чем.

- Это означает, что вы не хотите рассказать мне о причинах этой таинственной поездки?

- Именно так. Умоляю вас простить меня.

- Какой же вы загадочный человек! А у вас, - повернулась она к Вобрену, который выказывал легкие признаки нетерпения из-за того, что о нем никто не вспоминает, - у вас есть хоть какие-то предположения на сей счет? Что хочет найти там наш друг? За исключением неприятностей, всегда возникающих при любой игре в прятки?

- Ни малейших. Уже давно я научился удовлетворяться тем, что сам Морозини сообщит мне по своей доброте, и советую вам последовать моему примеру. Представьте, что он идет по следу какого-нибудь необыкновенного украшения и намеревается тайно проникнуть в один из дворцов Ньюпорта... Какой урон эта история могла бы нанести вашей репутации! Лучше уж пребывать в неведении: и вам, и мне от этого будет только лучше!

вернуться

31

Дворецкий (*англ.*).

Веселым тоном и улыбкой Жиль словно призывал оценить должным образом свое остроумие, но Полина даже не улыбнулась. Перебирая жемчужины колье своими ловкими длинными пальцами, она задумчиво изучала отблеск свечей на своем бокале.

- Я с вами не согласна, - сказала она. - Напротив, это может быть чрезвычайно увлекательным. И даже захватывающим...

Затем, поскольку мужчины, демонстрируя трогательное единодушие, хором заверили ее, что

неразумно и даже опасно воспринимать в слишком романтическом духе «простое» дело, она залпом осушила свой бокал, внимательно посмотрела на обоих и заявила, что лишь по доброте душевной принимает близко к сердцу заботы так называемых друзей, которые настолько ей не доверяют.

- Но я всецело доверяю вам, баронесса...

- Зовите меня Полина! И вы тоже, - добавила она, взглянув на Вобрена, который покраснел от радости, несмотря даже на то, что первым милости удостоился Альдо.

- Пусть будет так! Итак, я вам всецело доверяю, дорогая Полина. И мне крайне неприятно отказывать вам после всего, что вы для меня сделали. Однако...

- О, как я не люблю это слово! Оно всегда означает ограничение!

- Вовсе нет! Я лишь хочу вам напомнить то, что вы мне говорили во время нашего морского путешествия о нравах делового мира, царящих в сегодняшней Америке...

- Как они царили в Америке вчерашней, - проворчал Вобрен и пожал плечами, - и будут властвовать в завтрашней...

- Наверное, но, как вы говорили и как я сам успел заметить, нравы эти стали очень жесткими, и я никоим образом не хочу, чтобы столь удивительная женщина, как вы, и, сверх того, творческая личность, пострадала бы из-за моих дел. А мои дела нередко приводят к весьма неприятным последствиям.

- Что неудивительно, поскольку речь идет о драгоценных камнях и особенно таких, которые имеют историческую ценность, верно?

- Именно так.

- Понятно. Мне остается лишь гадать, следы каких старинных сокровищ надеетесь вы отыскать в Ньюпорте, этой ярмарке тщеславия. Поистине, несчастная Америка! - вздохнула баронесса. - Она тратит безумные деньги и лезет из кожи вон, чтобы раздобыть какой-нибудь из шедевров старой Европы, но та не желает с этим смириться и посылает самых одаренных своих отпрысков с целью вернуть их назад. Королевское кресло и неведомое мне украшение! Вы должны бы, напротив, поблагодарить нас за то, что мы спасаем ваши ценности от всевозможных бедствий...

- О, но мы чрезвычайно признательны Джону Рокфеллеру, который столь щедро субсидировал реставрацию кровли в Версальском дворце, - сказал Жиль. - Он выказал величие души и, я уверен, одобрил бы мои действия по возврату мебели и другой утвари, глупейшим образом разбазаренной тупой революцией...

- Ну, а драгоценности, - продолжал Альдо, - настолько зачаровывают, что бедствия, иными словами, уничтожение им не грозит. Зато они сами часто становятся причиной зачастую непредсказуемых катастроф. Вот почему, - добавил он с очаровательной улыбкой, - я считаю богоугодным делом оградить от несчастья любимых друзей.

Полина засмеялась и ничего не сказала. Она медленно переводила взгляд с одного на другого, но, когда взор ее остановился на Альдо, улыбка стала шире. По завершении ужина все трое перешли в салон, где два почти идентичных букета стояли напротив друг друга, на двух одинаковых столиках с гнутыми ножками. Полина закурила, щелкнув тоненькой золотой

зажигалкой, а потом кивнула в сторону пурпурных благоуханных цветов:

- Они великолепны, - произнесла она, - и я еще не поблагодарила вас. Как вы сумели, не сговариваясь, угадать, что больше всего я люблю красные розы?

- Все остальные казались мне недостойными вас, - со значением проговорил Вобрен, тогда как Альдо просто заметил, что они очень подходят хозяйке дома.

- И весь дом похож на вас, - добавил он. - Вы окажете нам милость и покажете свою мастерскую?

- Нет. Не обижайтесь, но я еще никого туда не допускала и даже уборку там делаю сама... Когда вспоминаю об этом!

- Но вы все же позволяете любоваться своими творениями, - сказал Вобрен, показав на странную статую из керамики, изображавшую коленапреклоненную слепую женщину и созданную в отчетливо кикладской манере. - Я знаю, что это вылепили вы.

- Не думала, что вы меня так хорошо изучили! Это правда, я выставляюсь, но очень редко и всегда с благотворительной целью. Что касается мастерской, это место, где я раскрываюсь полностью, доверяюсь всем своим инстинктам и порывам, испытываю все муки творчества. И это принадлежит только мне! Оставьте мне право на тайну! Эти розы свидетельствуют о том, что вы отчасти ее разгадали. Разрешите мне не договаривать остальное, цветы же позволят мне думать о вас, когда вы уедете...

Жиль Вобрен сгорал от желания спросить, о ком она будет думать больше, но не посмел сделать этого. Ему и так была неприятна мысль, что они с Альдо прислали одинаковые букеты. Он опасался, что ответ Полины не оправдает его ожиданий, но утешился в момент прощания, когда благоговейно приник к ее руке и услышал, как она шепнула:

- Не позволяйте Диане Лоуэлл надолго завладеть вами и, главное, не говорите ей, что мы друзья. Она вас не выпустит из своих когтей, и я буду очень огорчена!

Морозини она бросила лишь короткую фразу «Берегите себя!», отчего влюбленный пришел в полный восторг. И вполне искренне огорчился, когда по возвращении в отель «Плаза» Альдо обнаружил жалобное письмо от Мари-Анжелин дю План-Крепен: мадам де Сомьер слегла с тяжелейшим бронхитом, поэтому трансатлантическое путешествие отменяется и вряд ли состоится вообще: «Мы простудились за те три дня, что провели в Ментеноне у Ноайлей, когда совершили долгую прогулку без зонтика, невзирая на предостережения старшего садовника. Мы промокли до нитки, но, вернувшись в замок, отказались лечь в постель. Вы же знаете, дорогой Альдо, какие мы! Мы велели Люсьену отвезти нас в Париж, где у нас начался сильный жар. Такой сильный, что профессор Делафуа опасается воспаления легких, которое в нашем возрасте может оказаться роковым. Не могу выразить вам, как я обеспокоена. Обычно мы не выносим постельный режим, однако на сей раз покорно соглашаемся на все...»

Сквозь очень характерный для Мари-Анжелин стиль пробивалась искренняя тревога, полностью вытеснившая сожаления о прекрасном путешествии, во время которого старая дева надеялась не только увидеться с Альдо, но и принять участие в одном из его захватывающих приключений. Сейчас над всем доминировал страх потерять маркизу, хотя близкие привыкли считать ее неуязвимой для болезни и старости. И этот страх передался Альдо, заставив его побледнеть. Он угадывал не высказанный словами призыв о помощи.

- Быть может, она уже... - проговорил он, не решаясь произнести роковое слово. - Письмо было

отправлено неделю назад...

- Если бы это случилось, Мари-Анжелин отправила бы тебе телеграмму по радио или по английскому кабелю, который прекрасно работает. Подумай сам: прежде чем вызывать тебя, она обратилась бы к Лизе...

- Ты, конечно, прав, но я все же спрашиваю себя, не следует ли мне немедленно отплыть обратно на «Иль-де-Франс». Если случится худшее, а я окажусь в Ньюпорте, меня будет очень трудно разыскать...

- ...и ты в любом случае приедешь слишком поздно. Слушай, пошли завтра утром телеграмму с просьбой ответить немедленно, и тогда ты сможешь решить с полным знанием дела, возвращаться тебе в Париж или продолжить поиски здесь. В конце концов, ты потеряешь только один день, но зато узнаешь все новости.

Это было мудро. Тем не менее Альдо провел очень скверную ночь и к утру принял решение вернуться во Францию. Никакая охота, сколь бы увлекательной она ни была, не могла устоять перед его любовью к близким. Он мог бы вернуться сюда позже. Отправив свое послание утром, еще до завтрака, и зная, что ответа придется подождать, он проводил Жюль Вобрена на вокзал, где тот должен был сесть на бостонский поезд.

- Чем ты намерен заняться сегодня днем? - спросил антиквар.

- Ждать, конечно! Чем же еще мне заниматься? А затем помчусь в Трансатлантическую компанию, чтобы забронировать место на пароходе. - Внезапно дав волю дурному настроению, он раздраженно добавил: - Ты что, боишься, что отправлюсь за утешением к баронессе Полине?

- Это не самый худший вариант: она надежный друг и может дать хороший совет, - ответил Вобрен таким серьезным тоном, что Морозини стало стыдно. - Лучший адрес, если нужна серьезная помощь. А вот тебе мой, - сказал он, вырвав из блокнота листок, на котором написал несколько слов: адрес отеля в Бостоне и телефон. - Мне бы хотелось, чтобы ты держал меня в курсе.

- Обещаю, что до отъезда обязательно позвоню тебе!

- Спасибо. И еще, если все обойдется и ты все-таки поедешь в Ньюпорт, ты мог бы вызвать меня телеграммой в связи с неотложной необходимостью. Ты оказал бы мне большую услугу!

Несмотря на всю свою озабоченность, Альдо едва удержался от смеха. Этот хитрец Вобрен никогда не забывал о своих интересах и, доказав величие души советом обратиться за утешением к баронессе Полине, не видел ничего дурного в том, чтобы Альдо помог ему как можно скорее вернуться к своей страсти.

- Неважно каким образом, но я это сделаю, не сомневайся, - заверил он своего друга. - Если останусь здесь, просто позвоню.

Жюль был настолько растроган, что обнял его.

- Я искренне надеюсь, что ты сможешь остаться и выполнить все задуманное, но все-таки будь осторожен... не забывай, куда ты намерен сунуться!

Вернувшись в отель, Альдо, к своему изумлению, обнаружил послание от Лизы, которое, судя

по всему, разминулось с его телеграммой: «Ничего страшного, – писала молодая женщина. – Мари-Анжелин слишком переполошилась – точка. Заканчивай свою работу, но возвращайся скорее – точка. Не выношу, когда ты далеко от меня – точка. Нежно целую. Лиза».

Альдо почувствовал облегчение при известии, что тетушка Амели вне опасности, но в глубине души слегка огорчился, что у него больше нет самого весомого предлога для отказа от дела, которое нравилось ему все меньше и меньше. Теперь надо было реализовывать намеченный план. Он выяснил, когда отходит ближайший поезд на Провиденс, и, отправившись в Гринвич-Вилидж, чтобы закупить необходимый художнику материал, принял решение в пользу гуаши и акварели, более подходящих для воплощения приглянувшихся ему пейзажей, а главное, не таких громоздких в сравнении с инвентарем для работы маслом на полотне.

Сделав это, он вернулся обедать в отель, написал одно письмо Лизе и другое Мари-Анжелин, вынул из чемодана только самые необходимые вещи и уложил их в небольшой саквояж, спустился вниз и расплатился с портье, которого попросил приглядеть за остальным багажом, затем вызвал такси и поехал на Центральный вокзал. Теперь ему не нужно было ехать до Провиденса, чтобы составить компанию Жилю на три четверти пути, поэтому он сел на поезд со всеми остановками, поднимавшийся по восточному побережью, и вышел на станции Наррагансетт. Это был симпатичный рыбацкий поселок на берегу одноименной бухты с паромом, на котором завтра утром ему предстояло преодолеть расстояние примерно в десять миль до Ньюпорта.

Глава VIII

Обитатели Род-Айленда

Сняв спальный номер в таверне «Белая Лошадь» на Мальборо-стрит, недалеко от Френдз-Митинг-хаус, старинного дома собраний, напоминавшего о важной роли квакеров в семнадцатом веке, Альдо открыл новый для себя Ньюпорт, не похожий на тот, с каким он познакомился до войны. Тогда его привез сюда один из друзей, который также был всего лишь гостем, однако без малейших затруднений получал доступ в роскошные и порой экстравагантные виллы, расположенные вдоль Бельвью-авеню или Оушен-Драйв. В те времена самыми роскошными из них считались «Брейкерз», впечатляющий итальянский дворец Вандербильтов с мраморными колоннами и алебастровыми пилястрами, и стоявший по соседству французский замок «Болье», возведенный Джоном Астором для своей капризной супруги Авы. В любом случае, вилла Ньюпорта могла быть только итальянским ренессансным дворцом, французским замком или, в крайнем случае, английским в стиле Тюдоров. Строительство любой из них обходилось в несколько миллионов долларов, а внутреннее убранство составляли мраморные статуи, ковры или гобелены из Обюссона, венецианские зеркала, хрустальные люстры, картины старых мастеров и резная позолоченная мебель на гнутых ножках. Ко всему этому полагался отряд слуг в ливреях с серебряными или золотыми галунами. В специально сооруженной гавани красовались самые красивые яхты – моторные и особенно парусные, которые выступали против Англии в борьбе за Кубок Америки, столицей которого был [32] Ньюпорт. Сам Альдо прибыл тогда на яхте Вандербильтов, способной пересечь любой океан с такой же легкостью, как трансатлантический пароход: сразу же закружившись в вихре празднеств и разнообразных развлечений, он практически не видел острова и его жителей. Обитатели Оушен-Драйв и Бельвью-авеню составляли особый мир – даже маршрут маленького трамвайчика, курсирующего по городу, был проложен так, чтобы обходить эти роскошные проспекты стороной.

Не столь значительные люди с куда меньшим состоянием – те, что не родились с золотой ложкой во рту и не принадлежали к числу Четырехсот, которые одни только и имели право

доступа в этот священный круг (исключение могли сделать лишь для очень богатых, очень знатных или очень знаменитых чужаков) – могли годами дожидаться приглашения на бал или на пикник. Что касается местных уроженцев, на них высшее общество взирало с еще большим презрением. Их ласково именовали «наш подлый люд», и позволялось им ходить только на пляж Истон, называемый «общим», но категорически запрещалось пересекать границу фешенебельного Бейли-Бич, который, впрочем, во время сезона бдительно охраняли лакеи в ливреях всех цветов.

Альдо помнил, что ему показался в высшей степени смехотворным этот своеобразный феодализм под американским соусом, лишенный всякой исторической основы, однако в то время он хотел только развлечений. Сейчас он смотрел на мир другими глазами, и, оказавшись в центре старого Ньюпорта с его очаровательными белыми колониальными домами, шпилем баптистской церкви Троицы, огородами и садами с узловатыми яблонями и хрупкими вишнями, большими треугольными крышами, английскими окнами с квадратными рамами, наконец, гаванью, где рыбацьи лодки соседствовали с прогулочными парусниками, он испытал куда большее удовольствие, чем когда входил в золоченые двери роскошных вилл. Для него, чистокровного отпрыска старого континента и аристократа по рождению, эти фальшивые дворцы были муляжами, которым недоставало одухотворенности патрицианских особняков Старого Света. И как прекрасно смотрелся Ньюпорт на фоне громадной бухты Наррагансетт с ожерельем зеленых островов среди голубых сверкающих волн! Погода стояла великолепная, ярко светило солнце, но жару смягчал легкий ветерок, насыщенный запахами моря, и в безоблачном небе безмятежно парили морские птицы.

Когда Альдо переступил порог старинной таверны с низкими потолками и неровным, но весьма почтенным полом – дом был построен в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году! – ему показалось, что он внезапно попал в прошлое, в атмосферу «Острова сокровищ» или «Моби Дика». Однако таверна ничем не походила на мавзолей или музей. Напротив, в этих стенах, обшитых сосновыми досками, которым время придало красивый оттенок кленового сиропа, царил шум и суета. Множество людей сидели за столами, накрытыми белыми скатертями – заведение содержалось превосходно! – и оживленно беседовали, попивая чай, кофе, лимонад или нечто вроде пива, настолько легкого, что крепость его вряд ли превышала два градуса. Блюда были преимущественно местные: небольшие омары и рыба, запекаемые в угольной печи, которая стояла за стойкой бара рядом с плитой, где в котелках варились моллюски – главная приманка здешней кухни. Между столами сновали с подносами в руках официантки в накрахмаленных чепчиках и белых фартуках на широких красных юбках по старинной моде. Одна из них углядела вновь прибывшего и его багаж, доставленный посыльным сразу после прихода парома в гавань. Она тут же подошла и, узнав, что ему нужно, позвала хозяина, который обслуживал посетителей за стойкой, но немедленно вышел встретить гостя.

вернуться

32

И остается по настоящее время. (Прим. авт.)

Примерно сорока лет, не слишком высокий и при этом плотный, с ясными голубыми глазами и широким загорелым лицом, на котором при улыбке появлялось множество мелких морщинок, Тед Моос с искренней радостью приветствовал постояльца-иностранца, желавшего поселиться у него до начала сезона, когда приезжих было еще совсем мало. Мистер Морозини – в данном случае титул являлся скорее помехой, чем козырем! – получил заверения в том, что так

готовить, как здесь, нигде не умеют и что спальная комната в соседнем доме – в самой таверне ночлег не предоставлялся – обеспечит ему полный комфорт и, сверх того, покой, столь необходимый для его творческой натуры. Действительно, Альдо по зрелом размышлении решил выдать себя за писателя с художественной жилкой, который хочет собрать материал для книги о Войне за независимость и о том, какую роль сыграли в Ньюпорте войска французского короля, в частности отряды под командованием маркиза де Лафайета и графа де Рошанбо. Идея была удачной, поскольку этот период истории Соединенных Штатов, как выяснилось, чрезвычайно интересовал Теда Мооса. Со своей стороны, Альдо имел французского предка, принимавшего участие в экспедиции, и французского же гувернера, просветившего его на сей счет, а потому вполне мог поупражняться в ораторском искусстве на эту тему.

Итак, лед между ним и хозяином таверны был сломан быстро. Тед, любивший поговорить, мысленно поздравлял себя с тем, что заполучил явно состоятельного клиента, с которым можно вдобавок приятно провести вечер в беседе у камина. Даже летом, если не случалось сильной жары, камины разжигали нередко, поскольку климат этого северо-восточного побережья, мимо которого проходило холодное течение Лабрадор, отличался большими перепадами температур, и солнце часто сменялось дождем. В первый же вечер Тед с трубкой во рту подошел к столику редкого для здешних мест клиента. В руках у него был поднос, где стояли кофейник и две чашки. Разлив темный – и прекрасно пахнущий! – напиток, он опустил на стул и, прежде чем завести разговор, положил ноги на камень у очага.

- В это время здесь бывает потише, и можно спокойно поболтать. С чего начнем?

- Ей-богу, сам не знаю. Много ли сохранилось следов Революции? [33]

- Немало, начиная с этого дома, который гораздо старше ее, но есть и другие, особенно в центре города, где почти все строения возникли в то время: синагога – самая старая в Соединенных Штатах, церковь Троицы, дом квакеров, музей, Хантер-хаус, Брик-маркет и особенно Оулд-Колони-хаус. Это место почитаемое и знаменитое: именно здесь в тысяча восемьсот семьдесят первом году встретились наш великий Вашингтон, ваш Рошанбо и шевалье де Терне, командир французской эскадры. Потом в этом здании разместилось правительство. К счастью, нью-йоркские миллиардеры завалили своим мрамором южную часть острова, а центр города не тронули.

Сказано это было желчным тоном. Альдо спросил небрежно:

- Похоже, вы их не очень любите?

- За некоторыми исключениями, нет, не люблю. Они нас считают услугой, ставят чуть выше рыбаков. Живут своим мирком и всех прочих в упор не видят. За что же нам их любить? Похоже, вы с ними никогда не сталкивались?..

- Да нет, приходилось. До войны один из моих друзей привез меня погостить в «Брейкез».

Тед слегка присвистнул, и во взгляде его выразилось явное понимание того, что писатель этот шишка непростая.

- К старику Вандербильту? Он лучший из этой банды. Ну, и еще Белмонты. Это ведь миссис Белмонт «запустила» Ньюпорт вместе с Уордом Маккалистером, однако затем старый плут переметнулся к миссис Кэролайн Астор, которую называли «той самой» миссис Астор, ибо она стала королевой Нью-Йорка и Ньюпорта. Я видел ее, когда был маленьким, и вы не представляете, сколько алмазов она таскала на груди. И всем распоряжалась, и единолично

принимала решения, и диктовала законы высшему обществу! Но оставим этих людей, поговорим лучше о Революции!

- Еще одно словечко на эту тему, поскольку данный персонаж меня интригует с тех пор, как я услышал о нем в Европе. Вы знаете Алоизия Ч. Риччи?

Альдо показалось, что веселая физиономия хозяина помрачнела, но это длилось лишь секунду, и хорошее настроение вернулось к Теду.

- Его все здесь знают. Станный тип! - проворчал он, опорожнив трубку в камин, прежде чем снова тщательно набить ее табаком.

- И это все? Мне говорили, что он построил здесь уменьшенную копию дворца Питти во Флоренции. Между тем, побывав здесь в тринадцатом году, я видел несколько сооружений в итальянском стиле, но ничего похожего на резиденцию великих герцогов Тосканских.

- Потому что дворец был построен после войны. Кроме того, он стоит за пределами Золотого Круга, ближе к окраине острова, где берега гораздо круче. Очень мудрое решение, так как поначалу на Риччи здесь смотрели косо, но затем ему удалось приобрести связи и устроить роскошные свадебные торжества, хотя оба раза дело кончилось плохо. Не знаю, что будет дальше: я не удивился бы, если бы после таких драм он вообще оставил бы эти места.

Не показывая своей осведомленности, Альдо потребовал дополнительных объяснений, которые Тед охотно дал и сказал, что с удовольствием покажет «Палаццо», если это интересно гостю. Он добавил, что дворец днем и ночью, независимо от времени года и присутствия или отсутствия хозяина, охраняют люди средиземноморского типа, очень похожие на гангстеров, так что с ними лучше не связываться. Впрочем, Тед слышал от многих, что дом Риччи буквально набит сокровищами.

На следующий день, пожертвовав все утро на исполнение роли, для чего пришлось обойти старый город и заглянуть в библиотеку, которая оказалась куда богаче, чем Альдо ожидал, он взял напрокат велосипед - самое распространенное в здешних местах средство передвижения - и, укрепив на багажнике свой художественный инвентарь, отправился на разведку. Руководствовался он сведениями, полученными от Теда, и собственной памятью, подсказывающей ему названия и облик тех мест, которые он видел много лет тому назад.

Первым делом он направился в Истон-Бич, на «общий пляж», откуда начиналась дорога, которой пользовались в основном рыбаки и таможенники: она шла вдоль берега, расположенного напротив порта, к южной окраине острова, расщеплявшейся на несколько кос. С этой дороги, протянувшейся на четыре-пять километров, были видны тыловые фасады роскошных домов, где его некогда принимали: «Брейкез», «Марбл-Хаус», еще одна резиденция Вандербильтов, построенная по образцу Малого Трианона в Версале, но с лепными украшениями из литого золота, «Роузклифф», «Бичвуд» и «Белмонт-Кастл», а также другие, названий которых он не запомнил. Можно было поехать и по Бельвью-авеню, начинавшейся от библиотеки и образующей становой хребет шикарного квартала, к которому тяготели прочие «виллы», однако он подумал, что на пути вдоль побережья легче обнаружит нужное ему место. Повсюду ощущалось близкое открытие сезона. Окна были открыты настежь, внутри происходила интенсивная уборка, в парках и садах высаживали цветы и подстригали лужайки, стараясь сделать их ровными и мягкими, как бархат. В других местах чистили теннисные корты.

Добрую дюжину километров Альдо крутил педали, не сворачивая с тропинки, кружившей

между владениями, которые располагались все ближе к косам на окраине. И он понял сам, не нуждаясь в подсказках, что добрался до места, когда перед ним открылся океан. То, что он искал, стояло на выступе посреди поросшего соснами склона. Сойдя с велосипеда и опершись правой рукой о руль, он какое-то время смотрел на «это» со странной смесью гнева и презрения. Нужно быть полным безумцем, чтобы создать копию – весьма скверную! – символа могущества великих герцогов Тосканских. На тех, кто не был знаком с оригиналом и никогда не видел, как циклопические камни отливают золотом под нежным флорентийским солнцем, это жалкое подобие могло бы произвести впечатление, однако без двух галерей, огибающих благородный почетный двор, без двух-трех окон с каждой стороны копия являла собой тяжеловесное трехэтажное каменное здание с более короткой надстройкой на четвертом, что освобождало место для двух террас. Все остальное: высокие сводчатые окна, балюстрады и балконы – было воспроизведено точно, хотя и в миниатюре. Но как смехотворно выглядела каменная корона на вершине – словно вишенка на торте! А позолоченные решетки на окнах первого этажа и такие же входные ворота! Будучи истым венецианцем, Морозини никогда не любил флорентийские дворцы и считал их громоздкими, словно сейфы банкиров, которым в большинстве своем они и принадлежали! Дворец Питти был исключением лишь благодаря великолепным садам с роскошной средиземноморской растительностью и изумительными по красоте фонтанами. Этот же сад больше походил на английский, чем на итальянский, хотя расположенный перед фасадом дома многоступенчатый фонтан с не работающими пока устройствами для пуска воды был создан с явной целью несколько облагородить общий облик имения.

вернуться

33

В Америке так называют Войну за независимость. *(Прим. авт.)*

Зато никакой суеты, связанной с уборкой, здесь не происходило, нигде не копались в земле садовники. Все казалось вымершим, безмолвным, слепым и глухим, а темно-серый песчаник, почерневший от зимних холодов и штормовых ветров, придавал зловещий вид сооружению, которое при должном уходе могло бы обрести своеобразную красоту.

Рассмотрев здание во всех деталях и убедившись в видимой заброшенности места, Альдо подумал, что было бы любопытно взглянуть на внутреннее устройство дома. Ведя велосипед рядом с собой, он двинулся вдоль стен, усеянных осколками стекла и спускавшихся до скал, которые служили границей владения. Здесь наверняка существовал служебный вход, и в поисках его должна была помочь узенькая тропинка, бежавшая через сосновый и ольховый лес, между густых зарослей кизила.

Действительно, примерно на высоте дома Альдо обнаружил в толстой стене небольшую низкую дверь, почти полностью скрытую плющом. Естественно, она была закрыта, и он наклонился, чтобы изучить замочную скважину. Не обладая виртуозным мастерством Адальбера, чьи проворные пальцы, казалось, способны были справиться с запором любой сложности, он все же приобрел некоторый опыт – такое умение всегда может пригодиться! – и в самых простых случаях мог надеяться на удачу. Этот старый замок, видимо, не принадлежал к разряду слишком хитроумных, и, внезапно преисполнившись оптимизма, он стал рыться в багажной сумке велосипеда и извлек оттуда железный крючок, которого обычно вполне хватало. Он уже собирался вставить его в скважину, но тут на запястье ему легла возникшая ниоткуда рука.

- Не делайте этого! На вас накинется свора демонов!

Он выпрямился и увидел, что рядом с ним стоит не мужчина, как ему показалось из-за низкого голоса и коротко стриженных седых волос, а женщина неопределенного возраста, чье лицо утратило свежесть молодости, но еще не испытало разрушительного воздействия старости. Кожу уже изрезали морщины, как на начинающем сохнуть яблоке, но отвислых щек и второго подбородка еще не было. Казалось, ее вытесали из тех же камней, что Палаццо, однако при этом она слегка напоминала Полину, поскольку в одежде – блузка, юбка, вытянувшийся свитер – предпочитала серые тона. Но серыми у нее были и глаза, в которых угадывались сила и решимость.

- Что вы хотите сказать?

- Что, если вы вставите вашу отмычку в скважину замка, раздастся пронзительный звон, который взбудоражит весь дом.

- Не вижу в том большой беды: здесь никого нет!

- Вы так думаете? Что ж, попробуйте!

Судя по всему, она не шутила. Как ни хотелось Альдо осуществить задуманный план, он взглянул на свой крючок с некоторым сомнением.

- Но ведь двери и существуют для того, чтобы в них входили. Как же мне попасть внутрь?

- Вскарabкаться по стене, если у вас хватит мужества, или же попробовать раздобыть ключ, который есть у слуг. Сигнал раздается лишь тогда, когда дверь пытаются взломать.

Похоже, женщина знала местные обычаи. Следовало воспользоваться этим.

- А у вас случайно нет ключа? – спросил он с самой располагающей из своих улыбок, но ответом ему были презрительный взгляд и едкое замечание:

- Вы полагаете, что я служу демонам? В таком случае, мне не о чем с вами говорить. Делайте, что хотите!

Незнакомка круто развернулась на каблуках своих болотных сапог, служивших надежной защитой от колючек и змей, с явным намерением скрыться в лесу, но Альдо почти бросился на нее с целью удержать: женщина, которая зачислила Риччи в ранг демона, могла оказаться чрезвычайно полезной!

- Не уходите, прошу вас! И, главное, простите меня! Я иностранец и практически никого здесь не знаю. Вы, наверное, экономка?

- Вы находите, что я похожа на экономку? – сказала она с язвительной усмешкой. – Действительно, вы скорее всего иностранец... или простак! И какого же рода иностранец?

- Я из Венеции...

- Итальянец, значит? Еще один! – проворчала она. И Альдо подумал, что она не слишком жалуется на соотечественников.

- Мы, венецианцы, – произнес он, – и я, в частности, не признаем, что у нас может быть одна родина с Муссолини. Нет, подданные Светлейшей Республики Венеция не считают себя

итальянцами.

- Как вас зовут?

- Морозини! Альдо Морозини... А вас? - несмело спросил он, сознавая, что женщина эта произвела на него сильное впечатление.

- Не думаю, что это могло бы вас заинтересовать, - ответила она, пожав плечами.

- Почему же нет?

- Вы ведь не думаете, что мы будем поддерживать знакомство? Я не знаю, зачем вы сюда явились... Вы, собственно, кто? - добавила она, бросив взгляд на мольберт, привязанный к багажнику. - Художник? Здесь есть места куда более красивые, чем этот проклятый дворец...

- Я художник только по воскресным дням, а вообще-то я писатель и антиквар!

Седые брови женщины взлетели вверх на добрых два сантиметра.

- Я начинаю понимать! Вы понадеялись, что дом пустой, и решили порыскать здесь в поисках дармовых побрякушек?

Такими словами нельзя было бросаться в адрес Морозини, который мгновенно забыл о вежливости:

- Вы что же, приняли меня за грабителя?

- А что здесь необычного? Пусть вы хорошо одеты, хорошо воспитаны и весьма недурны собой, у вас вполне может быть легкая на поживу рука и склонность к делам такого рода. Ладно, хватит болтать! У меня своих забот хватает, и я с вами прощаюсь!

На сей раз она метнулась прочь так быстро, что он не успел задержать ее. Ему оставалось только крикнуть ей вслед:

- Клянусь вам, я не грабитель! Скажите мне хотя бы, как вас зовут?

- Это вас не касается! Зачем вам мое имя?

- Все равно скажите! Вы не любите Риччи так же, как я, я чувствую это... Мы могли бы стать друзьями!

Он услышал ее смех:

- Если это так, послушайте дружеского совета: убирайтесь отсюда и никогда не возвращайтесь! Здесь нехорошее место...

Звук ее удаляющихся шагов быстро стихал в глубине леса. Невзирая на сапоги - и возраст? - она продвигалась с быстротой козочки. Ошеломленный Альдо застыл, пока до слуха его не донеслись вновь лишь крики морских птиц. Тогда он повернулся к «Палаццо», где все словно вымерло. И было так тихо! Настолько, что казалось невероятным, будто внутри есть хотя бы одно живое существо. Незнакомка, конечно, ошибалась: никого там не было, поскольку и сам Риччи по-прежнему пребывал в Нью-Йорке. Но, пожалуй, следует все-таки удостовериться.

Альдо стал изучать местность. Велосипед он положил на землю под кустом и принялся искать

поблизости дерево, на которое можно было бы легко взобраться. И обнаружил вполне подходящую сосну с густой кроной. Затем без малейшего колебания вставил в скважину крючок и с рекордной скоростью оказался на дереве, слушая завывания сирены, пронзительной, как труба Ангела в день Страшного суда.

Сосна оказалась укрытием превосходным, хотя и не слишком комфортабельным из-за шероховатой коры и колких иголок. Однако Альдо, увлеченный захватывающим зрелищем, ничего не замечал. Сигнал тревоги произвел такой же эффект, как если бы ногой разворошили муравейник: с обоих концов здания появлялись люди, одетые как лакеи или рабочие. Были среди них даже повара во главе с шеф-поваром, но, как бы ни различался их облик, все они вместо орудий труда держали в руках огнестрельное оружие, с которым явно умели обращаться.

Они подбежали к границам владения, и один из них распахнул дверь, которая привела в действие сирену. Внимательно оглядевшись, он пожал плечами и с ворчанием закрыл вход.

- Опять эти проклятые ублюдки рыбаков! Им нравится выманивать нас отсюда!

- Следовало бы наведаться к родителям, чтобы те объяснили им, что к чему, пока они не получили порцию картечи в задницу, - отозвался другой. - Вот тогда станет спокойнее.

- Да, только до приезда патрона лучше этого не делать! Он не любит, когда проявляют инициативу...

- Что ж, будем надеяться, он скоро появится! Мне все это надоело до черта!

Скоро голоса умолкли. Дом вновь опустел, и безмолвие опять вступило в свои права, однако Альдо решил выждать, пока все не успокоится, и только тогда рискнул пошевелиться. Он медленно спустился с дерева, поднял с земли свой велосипед и, ведя его рядом с собой, также углубился в лес, чтобы выйти на прибрежную дорогу через Форт Уильямс, откуда можно было добраться до таверны другим путем. Шел он в глубокой задумчивости. Незнакомка была права: швырнув камень в болото, он вспугнул лягушек. И узнал вдобавок, что Риччи пока нет на месте. Но не только это: выяснилось, что нелепый дворец охраняют надежнее, чем Форт Нокс, [34] и было бы чистейшим безумием сунуться туда с тем оружием, которым он располагал - сумка с инструментами и швейцарский нож! Что же будет, когда появится сам хозяин, ведь Морозини по опыту знал, что этот сицилиец без внушительной свиты не показывается?

вернуться

34

Федеральное хранилище золотого запаса Соединенных Штатов. (Прим. пер.)

Впервые в жизни Альдо потерял уверенность в себе. К кому обратиться? Где найти необходимую помощь? Чтобы хоть на стражу кого-то поставить, если ему удастся проникнуть в дом. Даже это выглядело чертовски сложным. А может, устроиться туда на службу?

Идея выглядела заманчивой, и некоторое время он так и эдак обдумывал ее. По-итальянски он изъяснялся ничуть не хуже, чем эти люди, хотя выговор его, конечно, немного отличался от сицилийского. Возраст? Да, для лакея он был староват - но и должность эта внушала ему отвращение! Зато он выглядел достаточно представительно, чтобы стать дворецким или

парадным шофером. К несчастью, все это было возможно только в отсутствие Риччи, который сразу бы узнал его, да и сомнительно, чтобы его люди имели право нанимать кого-нибудь без ведома хозяина. Разве что одного-двух подручных.

Ощущая подступающую мигрень и желая воспользоваться наконец установившейся хорошей погодой, он повернул к Истон-Бич, приобрел купальные принадлежности, зашел в кабинку, чтобы раздеться, бегом пересек песчаную отмель и нырнул головой в волны. Вода оказалась холодной, чем и объяснялось малое количество народа на пляже, но для него это было чрезвычайно взбадривающим средством. Как истый сын Адриатики, он научился плавать чуть ли не раньше, чем ходить, и обожал море. Он превосходно усвоил все стили и теперь в течение получаса с наслаждением «плескался», радуясь тому, что постепенно исчезает легкая боль в голове и расслабляются напряженные мышцы. И, ступив вновь на твердую землю, ощутил такой прилив сил, что дал себе обещание продолжить дело. Да и вообще, наступило лето, и когда еще доведется ему попасть на курорт в разгар сезона!

Приободрившись, Альдо поехал по направлению к таверне и увидел, что Тед Моос, стоя у порога, разговаривает с давешней странной женщиной. Он испытал живейшее удовлетворение: это была желанная возможность узнать, как ее зовут и кто она такая. Чтобы быстрее добраться до парочки, он прибавил ходу, но в тот момент, когда собирался спрыгнуть с велосипеда, незнакомка сдвинула брови, попрощалась с хозяином таверны и удалилась быстрым шагом, высоко держа голову и помахивая пустой корзинкой, которую держала в руке.

- Неужели я напугал эту даму? - обратился Альдо к Теду, который приветствовал его широкой улыбкой. - Мне было бы очень жаль...

- Нет, - ответил Моос, провожая женщину взглядом. - Бетти настоящая дикарка. Надо признать, - добавил он, словно для самого себя, - ей пришлось хлебнуть много горя...

- Неужели?

- Да, да... Впрочем, вряд ли вам это интересно, - вздохнул Тед, опустив руку, которой прикрывал глаза от солнца.

- Вы ошибаетесь! Все, кто страдает, имеют право рассчитывать на мое сочувствие, если я ничего не могу сделать, и на мою помощь, если это в моей власти. Что с ней случилось?

- Она потеряла сына при трагических обстоятельствах: он был обвинен в двух гнусных преступлениях, которых не совершал. И его казнили! Это было ужасно!

В голосе Теда звучало самое искреннее негодование, а в голове у Морозини словно бы что-то щелкнуло. Возможно, здесь следовало рискнуть, и он решил разыграть эту карту:

- Кажется, я знаю, о чем вы говорите. Ее фамилия Баскомб, верно?

- Кто вам сказал?

- Я только что узнал это. Видите ли, я встретил эту женщину поблизости от дворца Риччи, когда пытался проникнуть туда, - пояснил Альдо безмятежным тоном.

В глазах Теда мелькнула растерянность, и он сердито насупился:

- Что вы там искали? И кто вы, собственно, такой? Полицейский?

- Вы так думаете? - спросил Альдо с лукавой улыбкой. - Я что, похож на полицейского?

- Нет, но...

- А что, если я тот человек, который хочет отомстить Риччи за смерть молодой женщины, которую он недавно убил в Англии? За ее смерть, за смерть Маддалены Брандини, Энн Лэнгдон и, возможно, других?

- Я бы сказал, что вы сумасшедший, но давайте-ка перейдем в другое место!

Схватив Альдо за руку, Тед повлек его через зал таверны и свой кабинет в заднюю комнату, где имелись два удобных кресла по обе стороны камина, диван с подушками и покрывалом из лоскутной ткани, книжный шкаф и коллекция трубок.

Показав на одно из кресел, Тед нагнулся к нижней полке книжного шкафа и извлек оттуда пузатую бутылку, в которой плескалась явно не вода. Наполнив до половины два стакана, он протянул один гостю:

- Это вам не канадское виски! - сказал он гордо, усаживаясь во второе кресло. - Это шотландское, его везут через Ньюфаундленд...

Янтарный спиртной напиток был тем, в чем Альдо нуждался больше всего, и он с превеликим удовольствием стал потягивать действительно отличное виски. Тед, прищелкнув языком от удовольствия, развалился со стаканом в руке в потертом кожаном кресле.

- И как же собираетесь приступить к делу? - спросил он. - У вас что, целая армия имеется?

- Вовсе нет. Я один, и это создает некоторые проблемы, тем более что я не могу ожидать никакой помощи со стороны вашего шерифа. Кажется, его зовут Моррис? Он по-прежнему занимает свой пост?

- Увы, да! Может быть, вы и сумасшедший, но сведения у вас точные. Кто вам их предоставил?

Неожиданный вопрос показывал, что Тед еще не вполне доверяет своему гостю. Поэтому Альдо решил не уваливать от ответа:

- Андерсон, шеф полиции Нью-Йорка, которому рекомендовал меня мой старый друг Уоррен, главный суперинтендант Скотленд-Ярда...

- Вы знакомы со стариной Филом? Тогда можете рассчитывать на меня. Он был здесь во время тех событий, о которых вы упомянули, и можете мне поверить, все это ему сильно не понравилось. Мне тоже. Я хорошо знал молодого Питера Баскомба. Он был красивый и славный парень, но с бандой Риччи тягаться не мог, и они с ним просто расправились: все улики указывали на него, и я почти уверен, что адвоката, желторотого мальчишку, либо купили, либо запугали! И беднягу Питера вздернули на виселице!

- А его мать? Ее не пытались притянуть к делу?

- На это они пойти не осмелились. Ее не тронули, и она по-прежнему живет в своем домишке в Джудит-Пойнт. Ловит рыбу, чтобы прокормиться, как это делал Питер, в общем, справляется. Здесь - я имею в виду старый город! - ее все знают и все жалеют. Она обожала сына и не покончила с собой только потому, что боится Господа и надеется отомстить врагам, но что она может сделать с Риччи и его бандой?

- Кстати говоря, отчего это в отсутствие патрона дворец кишит народом? Обычно на виллах есть охрана - и охрана надежная, если учесть, какие сокровища там хранятся! - но зачем там повара? Не многовато ли их, чтобы кормить прислугу?

- Сейчас объясню: никто никогда не знает, на месте Риччи или нет. Естественно, бывают заезды, которые я бы назвал торжественными, когда в порт прибывает «Медичи».

- Он дал своей яхте имя Медичи? В апломбе ему не откажешь!

- А кто скажет хоть слово поперек? В общем, иногда он появляется официально, и об этом знают все, однако мне известно, что иногда он приезжает чуть ли не тайком: темной ночью в бухту заходит неизвестное судно, высаживает его, а потом забирает тем же манером. Дом стоит запертый, и только по свету в окнах можно догадаться, что внутри кто-то есть.

- Как вам удалось выяснить это?

- Очень просто: однажды миссис Швоб пришла заказать пирог с устрицами моему повару Эдгару, который изумительно его готовит, и не совладала с языком - надо вам сказать, она не отказывается пропустить со мной стаканчик! Так вот, по ее словам выходило, что она только что разговаривала с Риччи. Понимая, что сглупила, она попыталась как-то выкрутиться, но по своему простодушию еще больше ухудшила дело. Я прогулялся в сторону Палаццо и на рассвете увидел, как из бухты выходит «Медичи»...

- Кто же эта миссис Швоб и откуда она столько знает?

- Это жена Нефтали Швоба, немецкого еврея, сколотившего состояние на железках. Ему принадлежит вилла «Оукс» на Оушен-Драйв. Оба они немолоды, детей у них нет, антипатии ни у кого не вызывают. Это единственные близкие друзья Риччи, которого они знают с давних пор. Благодаря им он и появился в здешних местах...

- И они же убедили представителей высшего общества принять приглашение на свадьбу?

- Некоторым образом. Миссис Швоб входит во все мыслимые и немыслимые благотворительные комитеты. Впрочем, она отличается большой щедростью, и, поскольку Риччи также сделал крупные взносы, одна из старых дам высшего света решила пригласить его, за ней последовала другая, и в конце концов любопытство подвигло весь бомонд принять участие в свадебных торжествах. Во всяком случае, в первый раз. Во второй раз количество желающих поубавилось. А что такое вы говорили о женщине, убитой в Англии?

- ...накануне ее отъезда в Америку, где она должна выйти замуж за Риччи. Он сначала задурил ей голову, заботясь о ней как о приемной дочери, но, узнав, что ей предстоит стать его женой, она сбежала от него, тем более что была влюблена в другого человека. Какая-то машина сбила ее посреди Пиккадилли.

- И его не арестовали?

- В тот момент, когда она скончалась, он находился на борту «Левиафана».

Последовала пауза, которой Тед воспользовался, чтобы налить еще одну порцию виски. Отхлебнув добрую треть стакана, он тяжело вздохнул:

- В каком-то смысле ей повезло, особенно если она умерла сразу! Я спрашиваю себя, что случилось бы с ней, если бы она приехала сюда?!

- Я уже думал об этом. Но давайте поговорим об этих тайных приездах... Как вы их объясните? Зачем ему это нужно?

- Для контрабанды. Я убежден, что он занимается этим делом с большим размахом и наверняка предпочитает лично присмотреть за разгрузкой или же принять у себя поставщиков, что проще сделать здесь, чем в его офисах в Нью-Йорке, где с него глаз не спускает Фил Андерсон. А теперь скажите, что вы собираетесь делать?

- Мне нужно поразмыслить! Еще один вопрос... Он приезжает только во время сезона?

- Всегда! Остается здесь на три недели или на месяц и обязательно на День поминовения.

- Это означает, что он объявится в самое ближайшее время... Могли бы вы убедить миссис Баскомб поговорить со мной? Я чувствую нутром, что она знает об укладе этого дома гораздо больше, чем кто-либо.

- Попробовать можно. Я отвезу вас завтра на пикапе, но задержимся мы ненадолго: только чтобы завязать разговор. Потом, если получится, вы будете действовать самостоятельно.

Однако на следующий день отыскать Бетти Баскомб не удалось. Не было видно и лодки, обычно стоявшей на якоре недалеко от дома - в сущности, просто деревянной хибары, которую содержали, однако, в безупречной чистоте, а побеленные известью стены освежались не реже одного раза в год.

- Наверное, она в море, - заключил Тед, - но это неважно. Вы теперь знаете, где она живет, и я дам вам записочку для нее...

- Красивое место, - одобрительно сказал Морозини, разглядывая узкую и очень тихую бухточку с такими обрывистыми берегами, что места для песчаного пляжа нигде не было. - Как это здешние миллиардеры не позарились на этот чудесный уголок?

- Никто бы не посмел! Баскомбы здесь с семнадцатого века, как и моя таверна. Ведь когда Питера арестовали, здесь едва революция не произошла. Потому и Бетти не тронули. На нее просто не обращают внимания, а она большего и не просит.

- А что же сам Риччи? Насколько я его знаю, он бы избавился от нее без всяких угрызений совести...

- Нет, тут он бессилён! Попытка свести счеты с Бетти подтвердила бы его преступления, и ему бы устроили суд Линча. И он это знает!

- Странное все-таки это разделение между старым городом и вызолоченным Ньюпортом! В этом и есть источник процветания?

- Сейчас это уже не так заметно, как в прежние времена, ведь наш остров был землей контрастов всегда, с тех самых пор, как сюда пришли первые колонисты. В начале, если следовать Библии, были угнетенные меньшинства семнадцатого века, квакеры и евреи. Однако основой процветания стало рабство, на котором держалась вся торговля с южными штатами.

- Рабство?

- Именно! В такой же степени и даже больше, чем в Чарлстоне, Саванне или Новом Орлеане. Предки наши создали превосходно отлаженную систему: они строили корабли, отправляли их в

Африку, набивали трюмы живым товаром и везли его в Вест-Индию, где обменивали на сахар, патоку и золото. Затем возвращались сюда и делали из патоки изумительный ром. Ничто не могло сокрушить этот замкнутый круг. Кроме того, мы были в прекрасных отношениях с богатыми плантаторами-аристократами Юга, а через них – с богатыми английскими плантаторами на Ямайке. К нам приезжали летом, спасаясь от жары. Но никто не строил подобия дворцов или замков. Все жили в простых колониальных домах Старого Ньюпорта, однако приемы здесь следовали за приемами. Так продолжалось в течение всего восемнадцатого века и даже после Войны за независимость, которая изгнала англичан. Что касается южных плантаторов, они исчезли после Гражданской войны.

- А у ваших плантаторов были рабы?

- И не только у них. Великий Вашингтон держал рабов в Маунт-Верноне, а Джефферсон – в Монтчелло. Это были виргинские вельможи. Кстати говоря, мы последними приняли Декларацию независимости, и на нас пришлось сильно нажать, чтобы мы согласились послать своих ребят на войну с южанами. Здесь всегда жили дружно, и деления никакого не было. Затем, уже после войны, явилась миссис Огастес Белмонт с Уордом Маккалистером, полным безумцем, который превратил наши невинные пикники в «сельские празднества» с золочеными лакеями. Шампанское текло рекой на лесных опушках или пляжах, кружевные скатерти расстилали прямо на земле, посуду подавали серебряную, строили беседки из цветов, в кустах играли спрятанные музыканты. Ужин на сто персон был обычным делом, а самый простенький бал обходился в сто тысяч долларов. Потом началось царствование «той самой» миссис Астор. Именно она постановила, что высшее общество должно состоять из четырехсот человек, поскольку именно такое количество народа вмещает бальная зала и в Нью-Йорке, и здесь. Полагаю, остальное вам известно, но мы, жители Старого города, никогда не принимали участия в развлечениях этой ярмарки тщеславия, большей частью довольно безвкусных. Вы знаете, что в прошлом году Гарри Лер устроил ужин для собак, на который пригласил сотню друзей с их домашними любимцами?

- Чем же их угощали? Костями?

- Вы попали пальцем в небо! Фрикасе из курятины, жареная говяжья печенька и прочие лакомства. Все расселись на земле, и пирушка завершилась скандалом, потому что люди умеют лицемерить, а собаки никогда не скрывают, кто им нравится, а кто нет! Это и видно, и слышно!

Морозини смеялся от всего сердца, но Моос не разделял его веселья. Скрестив руки, он подошел к тропинке, бегущей между скал и ведущей на деревянный причал. И стал вглядываться в ярко-синий океан, на волнах которого грациозно скользили яхты с белыми парусами.

- Вы скажете, – вздохнул он наконец, – что полтора месяца пролетят быстро. До и после сезона мы с радостью любимся самыми прекрасными кораблями во вселенной, чьи владельцы – прежде всего моряки, а уж потом богатеи, с ними мы охотно имеем дело и счастливы видеть их здесь. Смотрите-ка! Да ведь это... Неужели?!

Тед прервал свою речь, нахмурился и, приложив ладонь козырьком к глазам, стал вглядываться в горизонт.

- Что такое? – спросил Морозини.

Вытянув левую руку, Тед ткнул пальцем в какую-то точку:

- Вон там! Дымок! Белый корпус яхты! Но ведь первой по традиции всегда бывает «Нурмахал», стимер Винсента Астора, а он никогда не прибывает в порт раньше или позже двенадцатого июля...

У Морозини было острое зрение, но Тед видел куда лучше, если сумел разглядеть яхту во всех деталях. Пока роскошное судно приближалось, хозяин таверны молчал, а затем воскликнул:

- Это же «Медичи»! И яхта идет прямо в порт, не заходя в свою берлогу! Надо посмотреть поближе! Пойдемте! Мы возвращаемся!

Альдо не стал возражать и быстро забрался в пикап, который тут же рванул с места и помчался на полной скорости. Он не понимал, отчего Теду так важно присутствовать при заходе яхты в порт, но не стал задавать вопросов, заметив свирепое выражение лица своего спутника, полностью сосредоточенного на дороге.

В Ньюпорт они влетели пулей, и через несколько секунд тормоза завизжали, когда машина остановилась у причала, где должна была пришвартоваться вновь прибывшая яхта. Тед выругался сквозь зубы при виде невероятно роскошного черного «Роллс-Ройса» с надменным шофером и камердинером в белой ливрее с галунами.

- Так я и думал! У этого типа точно есть рация...

- Потому что его людей предупредили и они выехали навстречу? Но разве он не мог известить их обычной телеграммой? - осторожно спросил Альдо.

- Она приходит на почту, и ее доставили бы сегодня утром. Но никаких телеграмм не было...

- Откуда вы знаете?

- Я люблю быть в курсе событий, и у меня есть своя небольшая разведка... Это не вполне законно, согласен с вами, - добавил Тед, покосившись на своего пассажира, - но вы не представляете, как это полезно для моего бизнеса! Я всегда знаю заранее, что...

Он не договорил, и Альдо тактично промолчал, не настаивая на дальнейших объяснениях. Действительно, он уже начинал привыкать к мысли, что в этой занятой стране с драконовскими законами национальным спортом стало умение обходить их. Впрочем, предположение о частной радиостанции показалось ему притянутым за уши.

- Когда я осматривал Палаццо, не заметил ничего похожего на антенну ни на самом здании, ни на пристройках...

- Потому что вы ни о чем таком не думали и антенну не искали. Когда специально не присматриваешься, заметить что-либо трудно.

- Но в таком случае ее могли бы обнаружить вы? Полагаю, вам случалось бывать там?

- Я редко заглядываю в те места, но вы правы: я тоже ничего не заметил. Однако антенну могли спрятать.

Альдо не стал возражать. Тонкий нос белого стимера показался теперь между плоским островом Коут-Айленд, защищавшим самую старую часть порта, и мысом Кингз-парк. На набережной собралась небольшая толпа из тех, кто решил поглазеть на вновь прибывших. Альдо и Тед смешались с ней. Ждать пришлось недолго. Как только матросы подали трап, яхту

покинули четверо человек: во-первых, Алоизий Ч. Риччи, затем две женщины, которым он подал руку, чтобы помочь спуститься, и, наконец, мужчина почтенного возраста, как и одна из дам, которая скорее всего была его женой. Так подумал Альдо, и его догадка тут же подтвердилась.

- Смотри-ка, - заметил Тед, - он взял с собой супругов Швоб! Обычно они добираются сами, на своей яхте. А вот девушку я не знаю... Это не их дочь, у них детей нет...

Действительно, вторая женщина выглядела намного моложе миссис Швоб, хотя обе были одеты, в соответствии с модой и сезоном, в светлые шелковые платья - голубое у первой, сиреневое у второй, а также в соломенные шляпки. Со своей стороны, мужчины были в белых брюках и морских блейзерах. Сорочки не были крахмальными, но зато наличествовали галстуки цветов яхт-клуба.

Все четверо, похоже, пребывали в прекрасном настроении. Риччи и чета Швоб оказывали усиленные знаки внимания своей младшей спутнице, которая отчасти походила на королеву в окружении придворных, но королеву очень изящную и грациозную.

- Восхитительное создание! - произнес Тед, внезапно воодушевившись. - Мне не терпится узнать, кто она такая...

Альдо не ответил: ему казалось, будто он видит кошмарный сон. Поверить в это было нельзя, и, пока группа направлялась к «Роллс-Ройсу», дверцу которого камердинер держал открытой, он буквально пожирал глазами молодую особу. Быстрым жестом она сняла шляпку и рассмеялась, когда морской ветер растрепал ее великолепные светлые волосы с рыжеватым венецианским отливом. И Альдо понял, что не ошибся, хотя этот оттенок едва не сбил его с толку. Тонкий силуэт, длинные стройные ноги, танцующая походка, по-английски свежий цвет красивого лица с ямочками, голубые глаза - возможно, чуть более темные, чем помнилось ему, но, вероятно, это было следствием искусного макияжа! - могли принадлежать только одной женщине, которую он вряд ли сумел бы забыть, даже если бы прожил тысячу лет. Женщине, ворвавшейся в его жизнь в «Восточном экспрессе», из которого она на его глазах в одно прекрасное утро сошла в Стамбуле под руку с Адальбером. С той поры у него накопилась масса причин для ненависти к ней, но он хорошо знал, на что она способна, и испытывал чувство - чрезвычайно приятное! - что развитие ее отношений с Риччи сулит самые неожиданные сюрпризы.

Тем временем невероятно возбужденный Моос, проводив взглядом автомобиль, увозивший молодую женщину и ее спутников, вернулся к грузовичку. Заняв свое водительское место, он доверительно сказал Морозини:

- Сегодня же вечером я узнаю, как ее зовут. Мне достаточно послать миссис Швоб пирог с устрицами или парочку омаров по случаю возвращения.

- И часто это с вами случается? - спросил Альдо с искренним изумлением.

- Что именно?

- Удар молнии при виде совершенно незнакомой женщины? Она очаровательна, не спорю, но впадать в такой раж...

Тед пожал своими широкими плечами и свирепо нажал на педаль сцепления:

- Уж так я устроен! Если девушка мне нравится, я пойду на что угодно, чтобы ею овладеть. Вы

понимаете теперь, почему я не женат, однако ради этой я бы отправился на край света вплавь. Она такая, такая...

В своем энтузиазме Моос не находил слов. Он сильно покраснел, глаза его метали молнии, и Альдо подумал, что недурно было бы устроить ему холодный душ, как это делается при тепловом ударе. Например, рассказать, что, когда он сам впервые повстречал прекрасную незнакомку, она называла себя Хилари Доусон, хотя полиция всей Европы знала эту виртуозную воровку международного класса под прозвищем Марго-Пирожок.

Не успев достаточно изучить характер хозяина таверны и не зная, как тот воспримет откровения такого сорта, Морозини посчитал более разумным оставить эту информацию при себе и спросил только:

- А вас не смущает, что она явилась сюда вместе с Риччи и приходится ему неизвестно кем? Быть может, она его любовница?

- Вы бредите? Такая девушка и с этим?! Вообразить подобное может только извращенный ум.

Тут он явно переборщил. Альдо перешел в наступление:

- Как выглядели погибшие невесты Риччи? Они были дурнушками?

- О нет! Но...

- Никаких «но»: этот человек достаточно богат, чтобы купить любую понравившуюся ему женщину.

- Только не эту! - возмущенно воскликнул Тед. - Я готов признать, что у него куча денег и этим он может прельстить многих, но женщина такого типа, с таким взглядом, с такой улыбкой никогда не отдастся подобному типу, пусть даже он купается в золоте. Она примет от него лишь знаки внимания и восхищения, не больше! Я готов руку положить в огонь!

Альдо хотел было сказать, что эдак можно запросто лишиться руки, но решил промолчать. Он знал, что Хилари - ведь ему она была известна именно под этим именем - умеет обольщать. Он помнил, какой вздор нес Адальбер в течение нескольких месяцев, однако этот американец бил все рекорды! Впрочем, кое-что все же нужно было сказать:

- Несмотря ни на что, вы правы, что привлекли мое внимание к этой теме! Бедняжка явно не знает, с каким подонком имеет дело! За ней нужно внимательно присматривать, чтобы вовремя прийти на помощь, если в том возникнет необходимость.

В это мгновение пикап подкатил к «Белой Лошади», и Тед врезал по тормозам с такой силой, что шины завизжали. Потом он с широкой улыбкой повернулся к своему пассажиру:

- Уверен, что сегодняшней день станет вехой в моей жизни, так что стоит отметить его белым камнем!

- Ну, раз вы так говорите! И что же вы намерены делать? Разжечь праздничный огонь?

Широкая лапа американца с грубоватой сердечностью хлопнула по аристократической спине гостя:

- Пока еще рановато! Посмотрим, что будет дальше. Я уже угощал вас старинным ромом,

который гнали во времена работорговли? Ручаюсь, ничего подобного вы еще не пробовали!

Глава IX

Беглец

Миссис Адела Швоб действительно очень любила пирог с устрицами, ибо Тед, вернувшись с виллы «Оукс», куда лично доставил фирменный пирог, излучал удовлетворение всеми порами кожи. Он не только узнал имя своей красавицы, но и видел ее! И она с ним заговорила. И даже улыбнулась ему, когда Адела представила их друг другу со словами, что он не только представитель здешнего старого дворянства и хранитель кулинарных традиций острова, но также владелец дома, обладающего двойным преимуществом: это исторический памятник и одновременно место для общения, которых в наше время почти уже и не осталось. Она добавила даже, что в некотором смысле его можно назвать живой памятью Ньюпорта.

- Ее зовут Мэри Форсайт, - блаженно выдохнул влюбленный. - Она англичанка из прекрасной семьи, которую Швобы знают с давних пор, и приехала в Нью-Йорк, чтобы принять наконец их приглашение провести здесь сезон. Уверен, она станет здесь королевой. Вы не представляете, насколько она хороша! Мужчины начнут драться из-за нее...

- Если это будет кулачный бой, у вас есть все шансы, - раздраженно бросил Морозини, - однако со шпагой и пистолетом вы не смотрите. А какую роль играет Риччи?

- Он? Да никакой! Просто Мэри и ее друзья приняли его приглашение, иными словами, он предоставил свою яхту с целью прокатить их.

- Как и вас тоже, кстати говоря! Слушайте, Тед Моос, чего вы намерены добиться? Брака? После того, как уложите наповал всех предполагаемых конкурентов?

- Почему бы и нет? - обиженно сказал хозяин таверны. - Разве для нее это плохая партия? Я богат и, хоть не принадлежу к высшему обществу, зато являюсь частью истории, говоря словами миссис Швоб. Разве не мы, потомки первых колонистов, представляем собой истинную знать Соединенных Штатов?

- Это не подлежит сомнению, - примирительно сказал Альдо. - Что ж, мне остается пожелать вам удачи, друг мой! Я искренне желаю, чтобы ваши желания осуществились.

Завершив ужин и оставив Теда предаваться мечтам, Альдо вышел пройтись, прежде чем вернуться в свою приятную спальню, окна которой выходили в сад с цветущими ломоносами и штокрозами. Ночь не только согнала с неба солнце, но и принесла мелкий, едва осязаемый, но упорный и монотонный дождь, похожий на те, что идут в Венеции ранней весной. И стало почти холодно. Это не смутило любителя одиноких прогулок: зайдя к себе за непромокаемым плащом, он спустился в гавань, где все лавки уже закрылись, а зеваки и отдыхающие разошлись по домам. Порт словно бы обрел свою суть, и редкие светящиеся вывески не могли соперничать с маленьким маяком, чей луч скользил по черным водам бухты.

Подняв воротник и засунув руки в карманы, похожий на любого припозднившегося моряка, он неторопливо подошел к «Медичи», уселся на тумбу для канатов и стал всматриваться в яхту, словно надеялся получить от нее ответ на свои вопросы, первый из которых звучал так: с какой целью приехала в Ньюпорт Марго-Пирожок под невинным и внушающим доверие обликом юной подружки старой четы торговцев железом? Для тех, кто ее знал, ответ был очевиден: с целью заняться привычным ремеслом и собрать щедрую жатву дорогих драгоценностей.

Возможно, не у тех, кто дал ей пристанище, но уж наверняка в роскошных виллах по соседству, где уже готовятся к балам, празднествам и прочим развлечениям, в которых она, несомненно, будет принимать участие. Когда соберется пресловутое «общество четырехсот», она сумеет утолить свой ненасытный аппетит. Остается выяснить, кто намечается в жертву.

Ответ предстал перед ним в названии яхты «Медичи», однако Хилари – он не мог называть ее иначе! – несомненно, составила список тех, кто коллекционирует ценные украшения, а Риччи к их числу не принадлежал. Следовательно, у нее не было никаких причин проявить к нему особый интерес...

Внезапно в голову ему пришла мысль, которая заставила его улыбнуться: не может быть настоящего сезона без Асторов – хотя бы двух-трех членов клана! – и если прекрасная Алиса заявится сюда со своим новым песиком, будет забавно понаблюдать за Адальбером, который окажется между новой и старой пассией! А если Хилари вдобавок пронюхала о знаменитом ожерелье Тутанхамона, ситуация сложится уникальная!

Из раздумий Альдо вывел целый залп итальянских ругательств. За его спиной одетый в черное человек, лицо которого нельзя было разглядеть, вышел – или его выкинули? – из портовой таверны, где некогда охотно взбадривались любители спиртного, а теперь подавали только кофе, чай, молоко, лимонад и другие безалкогольные напитки. Впрочем, незнакомец именно на это и жаловался:

- Подлая страна! Ик! Нельзя даже... Ик! глотнуть чуточку... Ик!.. чтобы поднять тонус!

Судя по речам незнакомца, он уже успел глотнуть свою «чуточку» и желал продолжения. Подойдя к нему, Альдо увидел, что он размахивает пустой бутылкой и едва держится на ногах. Поскольку изрыгаемые им проклятия были итальянскими, Морозини успел схватить его за руку в тот момент, когда он едва не проломил себе череп о стену дома.

- Эй, полегче! Куда это вы так торопитесь?

При свете одного из редких уличных фонарей Альдо разглядел смуглое и довольно красивое лицо, мокрое не столько от дождя, сколько от слез.

- Пить! – проревел пьяница. – Пить! И ничего другого не желаю!

- Вы уже достаточно набрались, и, если будете так буянить, вас арестуют. Где вы живете?

- ...А тебе какое дело?! И не живу я больше нигде!

Подняв голову, он уставился на Морозини мутным, но отнюдь не злобным взглядом:

- Ты кто? Ты сицилиец, как я? Нет! Ты не сицилиец. У тебя выговор резкий!

Было ясно, что даже в таком состоянии он сохранял остатки здравомыслия, подобно многим выпивохам, которые теряют разум лишь после чрезмерных возлияний.

- И все же я итальянец, – сказал Альдо, отказавшись в данном случае от своего излюбленного противопоставления. Его очень заинтересовал тот факт, что пьяница был сицилийцем, и он спросил: – Тебя как зовут?

- Агостино! И мне надо выпить, а потом слинять отсюда прежде, чем это произойдет!

- Что?

- Свадьба!.. Я этого больше видеть не хочу!

Словно от удара молнии в черном небе, в голове Альдо все мгновенно прояснилось, едва он услышал это не слишком распространенное имя, которое назвала ему в «Ритце» Жаклин Оже. Это был камердинер Риччи – тот, что помог ей бежать и дал немного денег. А теперь сам готовился дать деру? Решение было принято мгновенно:

- Идем со мной! – сказал он, схватив за руку сицилиец, который попытался вырваться, однако особого рвения не проявил, поскольку был ниже ростом и далеко не так силен, как сухощавый, но мускулистый Альдо.

- Я не хочу никуда идти! Я хочу выпить!

- Ты получишь выпивку!

- Куда ты меня тащишь?

- В таверну! Там ты найдешь все, что тебе нужно! Я буду тебя поддерживать, но ты старайся идти сам.

Последнее замечание было излишним. Если бы Агостино отказался, Альдо просто оглушил бы его ударом кулака и унес на своих плечах. Этот сицилиец оказался подлинным даром небес, и его следовало укрыть в надежном месте, пока не спохватятся другие подручные Риччи. Через несколько минут оба были в таверне, причем Морозини предварительно осмотрелся. К счастью, последние посетители сегодня не задержались из-за плохой погоды, и в зале практически никого не было. Тед также отсутствовал, но Альдо, решив, что тот удалился в свое укрытие, поволок туда своего драгоценного пьянчугу, постучался и вошел, не дожидаясь разрешения. Действительно, Тед с задумчивым видом сидел в кресле и курил. Он тут же вскочил, намереваясь высказать все, что об этом думает, но Альдо опередил его:

- Я принесу извинения позже! Этот парень надрался, как настоящий поляк, хотя сам он сицилиец! И рассказывает удивительные вещи!

Без особых церемоний Альдо свалил свою ношу на диван, отчего пьяница блаженно засопел, а затем спросил Теда:

- У вас не найдется для него чего-нибудь покрепче?

- Вы же сами сказали, что он мертвецки пьян! Разве ему не хватит?

- Совсем немного алкоголя, чтобы я сдержал слово. Потом можно будет влить в него побольше кофе!

Пока Тед наливал в стакан свое драгоценное виски, Альдо рассказал о вырвавшихся у Агостино словах, о его очевидном страхе и намерении бежать. При слове «свадьба» хозяин таверны изменился в лице:

- Это означает, что Риччи намерен жениться в третий раз?

- А вы как думаете? И еще... По вашему мнению, кого он поведет к алтарю?

Загорелое лицо Теда посерело, а в глазах отразился ужас:

- О нет! Это не может быть она!

- Боюсь, что может. Конечно, поселилась она не в Палаццо, но означает ли это, что у нее нет желания там жить? Англичанка никогда не осталась бы в доме своего жениха до свадьбы. Впрочем, то же самое относится и к представительницам других наций.

- Но ведь предыдущие невесты жили там!

- Ну и что? Этой девушке необходимо демонстрировать добропорядочность, поскольку она далеко не такая невинная простушка, какой вы ее вообразили. Она твердо решила выйти замуж за Риччи...

- Почему вы в этом уверены?

- Из-за цвета волос. От природы ваша Мэри Форсайт блондинка прекрасного скандинавского типа, с серебряным отливом...

- Так вы ее знаете?

- О да! Простите, что не сразу открыл вам это, но прежде у меня не было причин откровенничать с вами. Я никак не ожидал, что Марго-Пирожок остановит свой выбор на Риччи, ведь в ближайшие дни Ньюпорт заполнят богатеи, увешанные драгоценностями.

- Марго-Пирожок?!

- Да. Или Марго-воровка. Такое прозвище дали ей полицейские разных европейских стран, которым никак не удается схватить ее. Она попала лишь в Палестине, три года назад, но сумела-таки улизнуть, уж не знаю каким образом. Добавлю, что специализируется она по преимуществу на старинных и исторических украшениях, так что это не какая-нибудь заурядная мошенница: она очень образованна, очень ловка и холодна как лед во всем, что касается ее ремесла. И не зная того, что известно нам обоим, я мог бы даже пожалеть Риччи, угодившего в ее сети: она способна обогнать его до нитки!

Несчастный Тед внезапно оказался посреди осколков своей разбитой мечты. Однако он с таким подозрением уставился на своего странного гостя, что тот невольно поежился.

- Как вы ухитрились все это разузнать? - медленно проговорил хозяин таверны. - Это ведь имеет мало общего с Войной за независимость, французским отрядом и всем прочим, о чем вы мне столь живописно рассказывали.

- Все верно, отрицать не буду. Хотя по материнской линии я действительно происхожу от одного из офицеров Рошанбо, действительно люблю рисовать акварели и даже писать маслом, но у меня нет ни времени, ни желания сочинять книжку о вашей революции.

Моос выпрямился во весь рост и сжал кулаки:

- Полагаю, вы обязаны сказать мне всю правду! - отчеканил он. - Кто вы такой?

- Альдо Морозини. Это истинная правда. Венецианец, что тоже правда. Однако профессия моя - эксперт по историческим украшениям. Почти как у Марго, но только я покупаю, а не ворую. Именно занимаясь поиском двух тысячелетних изумрудов в Иерусалиме, я повстречал женщину, которая именовала себя достопочтенной Хилари Доусон, специалистом по древней керамике и сотрудником Британского музея.

Спокойствие Альдо, небрежная элегантность, с которой он закурил очередную сигарету, казалось, произвели впечатление на американца. Однако сдаваться Тед не собирался:

- Чем вы докажете, что сейчас говорите правду?
- Я покажу вам свой паспорт, который вы тактично не попросили предъявить. Кроме того...
- Где вы, Тед Моос? - раздался женский голос из зала. - Покажитесь! Мне нужно с вами поговорить...

Хозяин таверны, двинувшись на зов, открыл дверь, и перед ним предстала обладательница характерного контральто, которое Альдо узнал сразу: Полина! Действительно, это была она - в белом костюме, соответствующем сезону, но никак не погоде сегодняшнего вечера!

- А, вот и вы! - вскричала она, увидев Теда, лицо которого вновь осветилось улыбкой:
- Мисс Полина? В такой час? Чем могу служить?
- Я выбралась сюда, как только смогла, мой славный Тед, ведь решение об отъезде было несколько неожиданным!
- Но сейчас вы одна?
- Пока да. Завтра днем яхта отправится за моим братом и невесткой, которая отказалась ехать, чтобы не нарушить традиций, опередив «Нурмахал». Вот чем объясняется мое появление ночью.
- Для меня это большое удовольствие. Вы будете ужинать?
- Нет, спасибо! Я пришла взглянуть, что вы сделали с моим другом Морозини?
- Он ваш друг?
- Вам следовало бы знать: ведь это я направила его к вам. А, вот и он!

Действительно, услышав свое имя, Альдо вышел из задней комнаты и поцеловал протянутую ему руку. Впрочем, эти нежности не уменьшили подозрений Теда Мооса.

- Я вижу, что вы на самом деле его знаете, и поэтому хочу спросить, кто же он такой? Художник, писатель, антиквар или еще кто-то? Возможно, детектив? Он проявляет интерес к...

Баронесса осуждающе подняла брови:

- К чему вам задаваться такими вопросами, если он здесь по моей рекомендации?
- Я не сказал ему об этом, дорогая Полина. Я подумал, что так будет проще сохранить инкогнито. Явившись сюда в известном вам обличье, я развил преступную деятельность, в чем и был уличен...
- Да, но теперь эти игры можно прекратить! Вы вновь станете самим собой, да я и приехала, собственно, с тем, чтобы забрать вас... Вы будете жить у нас!
- Об этом не может быть и речи! Я вам бесконечно признателен, но вы уже знаете о моем желании не привлекать к себе внимания...

- Лучше всего удастся не привлекать к себе внимания в толпе! Среди людей, устремившихся сюда в поисках развлечений, найдется несколько человек, которые вас все равно узнают. Начиная с вашего друга-археолога и Алисы Астор... а они появятся очень скоро. Сверх того, Фил Андерсон наверняка посоветовал бы вам принять мое приглашение.

Внезапно самолюбивый Тед Моос обнаружил еще один повод для обиды:

- Лучше, чем у меня, нигде быть не может, и старина Фил это знает!

Было очевидно, что начинается диалог глухих, и баронесса решила положить этому конец. Она возвысила голос, заполнив все помещение своим великолепным звучным контральто:

- Давайте проясним все до конца, иначе других встреч не будет. Во-первых, отвечая на ваш вопрос, дорогой Тед, скажу, что ваш клиент - не просто мистер Морозини, а князь Альдо Морозини, и он, конечно, антиквар, но при этом всемирно известный эксперт по старинным драгоценностям. Во-вторых, он приехал сюда по делу, в суть которого не посвятил даже меня, но связано оно с личностью одиозной...

- Алоизий Ч. Риччи, знаю, - проворчал Тед. - С которым у него будто бы какие-то счета...

Услышав имя хозяина, Агостино, сладко спавший на диване, свернувшись клубком, словно сытый кот, в испуге открыл глаза и сделал трогательную попытку подняться. Он едва ворочал языком, но кое-что можно было понять:

- Ри... Риччи!.. Еще одна свадьба!.. Бежать!.. Бежать!

- Спокойно, - приказал Альдо, вновь укладывая его на диван. - Мы с этим разберемся.

- Кто это? - спросила Полина.

- Агостино, слуга Риччи, которому, похоже, претит мысль о еще одной свадьбе. Я бы сказал даже, что подобная перспектива приводит его в ужас. Кстати говоря, его патрон только что прибыл сюда с супругами Швоб, кажется? Так?

- Так! - подтвердил Тед.

- Иными словами, я опоздала. Шеф Андерсон просил передать вам, Альдо, что тот, за кем вы охотитесь, собирается покинуть Нью-Йорк вместе с молодой англичанкой, на которой хочет жениться. Стало быть, он уже здесь... Тем хуже! Андерсон полагает, что невесте грозит большая опасность. Зная, что мы с вами друзья, он решил хоть чем-то помочь вам. Вот почему ему пришло в голову, что у меня вы будете в большей безопасности... по крайней мере, хоть кто-нибудь обеспокоится в случае вашего исчезновения.

- Значит, - жалобно произнес Тед, - он собирается жениться на ней?

- Ну да! - сказал Альдо. - Надо вам сказать, дорогая баронесса, что наш друг Тед безумно влюбился в женщину, которая величает себя Мэри Форсайт...

- Это не настоящее ее имя? - спросила Полина. - А ведь Фил Андерсон...

- Не в курсе того, что происходит на старом континенте, иначе он бы слышал о Марго по прозвищу Пирожок, неуловимой воровке, питающей слабость к алмазам.

- Это она?

- Именно! Я, увы, знаю ее с давних пор.
- В таком случае, – произнесла баронесса, – если ей, как вы считаете, угрожает опасность в случае этого замужества, имеется очень простой способ ее спасения: пусть ее арестуют!
- Без доказательств? И где – здесь?! И кто ее арестует – шериф, абсолютно преданный Риччи?
- О-ла-ла! Как все это сложно! Дорогой Тед, не найдется ли у вас капельки того эликсира, который вам привозят из Ньюфаундленда вместе с соленой треской? Нам нужно прочистить мозги!

На сей раз хозяин таверны проявил больше рвения, быстро наполнив стаканы для баронессы, Альдо и самого себя. Они выпили в молчании, как и подобало обращаться с напитком столь почтенного возраста.

- Как хорошо! – вздохнула Полина, поставив стакан на стол. – Уже поздно, и всем нам не мешало бы немного поспать. Сходите за своей зубной щеткой, Альдо, я забираю вас с собой! Кроме нее, вам ничего не нужно, поскольку все ваши вещи уже находятся в «Белмонт-Кастл».
- Как это? – изумился Морозини.
- Отель «Плаза» просто-напросто передал их мне.
- Но это же противоречит закону! Они не имели права!
- Возможно, но я из семьи Белмонтов, и у меня есть их акции. Кроме того, я ведь могла им и понравиться? – сказала она с победоносной улыбкой. – Ну, а теперь пойдете!
- Мне очень жаль, Полина, но я остаюсь, – твердо произнес Альдо. – Разве что Тед сочтет меня нежелательным гостем?
- Конечно, нет! – проворчал тот. – Мы уже начали понимать друг друга, так что можем продолжить.

Мадам фон Этценберг открыла было рот, чтобы возразить, но Альдо опередил ее:

- Поймите же, баронесса, мне нужно сохранить полную свободу рук, а это невозможно в обществе вашего брата и невестки. Сверх того, мне нужно заняться этим человеком, – добавил он, показав на Агостино, снова заснувшего на диване.
- Что вы намерены делать с ним? – спросила Полина.
- Сначала отрезвить его, а потом задать несколько вопросов. И я помогу ему покинуть остров, поскольку он сам этого хочет, но его, видимо, уже ищут, так что задача будет непростой...
- Напротив, очень простой, – перебила Полина, протянув свой стакан Теду за небольшой добавкой. – Я уже говорила, что на рассвете наша яхта «Мандала» отправится в Нью-Йорк за остальными членами нашего племени. Она доставит его туда, но вот дальше...
- Он как-нибудь выкрутится сам, и его судьба уже не будет нас касаться. А вам большое спасибо, баронесса!

- Не за что! Тед, вы хорошо знаете капитана Блейка, который командует на «Мандале». Он возьмет вашего типа, не задавая вопросов. Но все-таки скажите, что это моя просьба. Впрочем,

он всегда может позвонить мне. На этом я покидаю вас, господа. Очень хотелось бы остаться и узнать, что он расскажет. Наверняка это будет нечто захватывающее, но мне надо вернуться в гнездо. Баронесса, овдовевшая столь недавно, не имеет право всю ночь разгуливать неизвестно где. Слуги начнут судачить, и моему брату это не понравится.

Пока Альдо провожал Полину к ожидавшей ее перед таверной большой спортивной машине, за рулем которой была она сама, Тед отправился на кухню, где сварил очень крепкий кофе. Он захватил также пустое ведро, кувшин холодной воды и салфетки.

Трудное это оказалось дело: вливать чашку за чашкой черного, как чернила, напитка в горло человека, твердо намеренного спать клубочком на диване, и заставлять ходить, чтобы привести в чувство. На церковных часах пробило час ночи, когда Агостино, выблевав большую часть выпитого кофе в ведро, приступил к плотной закуске, которой настоятельно требовал его желудок. Альдо уселся напротив и стал намазывать хлеб маслом.

- Вы по-прежнему хотите покинуть остров? - спросил он, не обращая внимания на мрачный взгляд сицилийца.

- У меня нет выбора. Если меня найдут, я покойник!

- Разве слегка промочить горло такое большое преступление?

- Пить нам запрещено дважды: по закону, это само собой, главное же, по приказу патрона. Все равно каким способом, но я должен уехать как можно дальше отсюда...

- Мы посадим вас на яхту Белмонтов, которая доставит вас в Нью-Йорк.

- Правда?

На смуглом лице беглеца отразилось величайшее облегчение.

- Правда! Сумеете потом выкрутиться без нас?

- Надеюсь. Главное, убраться отсюда незамеченным, а это непросто.

- Мы сделаем так, чтобы это вышло. Кроме того, я дам вам немного денег.

Агостино уставился на своего собеседника, и во взгляде его вновь появилось тревожно-недоверчивое выражение:

- Почему вы мне помогаете? Кто вы?

- Это неважно. Я помогаю вам потому, что вы пытались помочь Жаклин Оже.

- Вы с ней знакомы?

- Был знаком. Очень короткое время, признаю. Просто пообедал с ней, слегка приободрил, а потом ее убили почти у меня на глазах.

- Она умерла? О нет!

- А вы этого не знали?

- Каким образом я мог бы узнать? На следующий день после ее побега я вместе с патроном сел

на «Левиафан». Вы говорите, ее убили?

- Не так, как других. Ее сбила машина, но она тем не менее мертва. И похоронена: я отвез ее тело во Францию. И теперь хочу кое-что выяснить...

Агостино смахнул рукавом предательскую слезу и засопел, чтобы не разрыдаться:

- Что вы от меня хотите? Я знаю не так много, как вы можете подумать.

- Об этом я буду судить сам. Вы были - и являетесь сейчас - камердинером Риччи?

- Да.

- Следовательно, вы с ним практически не расставались. Как долго вы находитесь у него в услужении?

- Больше десяти лет. Поначалу мне не на что было жаловаться, потому что платил он щедро и я сумел скопить денег, которые спрятаны в надежном месте.

- Иными словами, вы присутствовали на двух свадьбах с одинаковой концовкой: вечером он объявлял, что вынужден уехать, что позволяло избежать обвинения в убийствах, происходивших после его отъезда. Вы сопровождали его?

- Да, и я мог не кривя душой отвечать полиции, что он действительно находился в том месте, о котором говорит. Впрочем, для подтверждения своего алиби он не нуждался в моем свидетельстве: то же самое заявляли многие люди - железнодорожники, служащие отелей, солидные бизнесмены, с которыми он встречался.

- И тем не менее вы знаете, что убийца именно он. Значит, он просто отдавал приказ убить?

- Нет.

- Как это - нет? - вмешался Тед Моос, с неослабным вниманием слушавший разговор.

Агостино поочередно взглянул на двух склонившихся к нему мужчин, и в искренности его взгляда нельзя было усомниться.

- Я знаю, в это трудно поверить, однако могу только повторить: он не убивает и не дает приказа убить. Он женится и уезжает до наступления брачной ночи...

- Согласитесь, подобное трудно представить! - сказал Альдо. - Вы же не станете верить нас, будто верите в виновность этого несчастного Питера Баскомба?

- Конечно, нет. Я уверен, что он никогда и близко не подходил к обеим жертвам, да и возможности такой у него не было.

- Если вы в этом уверены, почему не сказали об этом на суде? - проворчал Тед.

Экс-камердинер невесело рассмеялся:

- Вы полагаете, что мне позволили бы выступить с обвинением против патрона? После этого я бы недолго прожил. Таков закон омерта. Закон молчания, которому подчиняется вся мафия.

- А Риччи, полагаю, мафиозо высокого ранга, тогда как ваше место в иерархии куда ниже. Но

тогда зачем же вы ударились в бега? Не лучше ли было сидеть тихо и ни на что не обращать внимания?

Тут Агостино вдруг стал рыдать, бормоча какие-то невразумительные слова, среди которых можно было разобрать только имя Божие. Дав ему выплакаться, Морозини схватил его за плечи и встряхнул так сильно, что слезы высохли у него на щеках:

- Боишься Господа всемогущего, а? Страшного суда и вечного адского пламени? Вот что тебя терзает!

На искаженное лицо Агостино было жалко смотреть.

- Да! - выкрикнул он. - Мне уже сорок лет, и я хочу жить в ладу со своей душой. Помогая Жаклин бежать, я надеялся предотвратить новое преступление, новое убийство, предотвратить надолго, потому что она была очень похожа на двух первых жертв. И вот появляется еще одна...

- Ты имеешь в виду Мэри Форсайт? Но она же ничем не напоминает Жаклин?

- Отчасти напоминает. Волосы, глаза, овал лица...

Он не ошибся, ведь именно по этой причине Альдо на мгновение заколебался и не сразу узнал Хилари. По причине, известной только ей, она добилась некоторого сходства с портретом Бьянки Капелло. И от этого тайна стала еще более непостижимой.

- Где он с ней познакомился? У Швобов?

- Нет. Швобы, преданные ему по-собачьи, сам не знаю почему, охотно согласились выдать ее за свою кузину. На самом деле он встретил ее на пароходе, и это был удар молнии. Надо признать, она сделала все, чтобы этого добиться. Очень волевая девушка: она знает, чего хочет, и я сразу понял, что ей нужен он. Для меня это загадка. Если не считать денег, в нем нет ничего привлекательного...

- Этого более чем достаточно. Для такой женщины, как она, усыпанный золотом мужчина намного красивее Аполлона Бельведерского!

- Это ее дело! Что бы ни случилось, он женится на ней, а я не вынесу еще одной драмы.

- Чем это тебе грозит? Тебя же не будет здесь, когда она умрет, ты окажешься в Сан-Франциско, в Мехико или на Северном полюсе. Ведь Риччи уедет до того, как ее умертвят?

Агостино стала бить дрожь: он попросил еще одну чашку кофе и залпом осушил ее.

- Возможно, но я уже видел два трупа, а потом мне снились кошмары. Сил у меня больше нет! Я предпочитаю смыться отсюда. Вы и вправду отведете меня на яхту?

Он попытался встать, однако Морозини удержал его:

- Не спеши так! Мы еще не договорили! Ты утверждаешь, что Риччи сам не убивает, что сомнению не подлежит, и вместе с тем не отдает приказа убить? Кто же тогда это делает?

- Об этом я ничего не знаю! Клянусь спасением души, мне это неизвестно!

- Это невозможно, - взорвался Тед, явно потерявший терпение. - И меня это не устраивает!

Парень, либо ты нам все расскажешь, либо я тебя выкину отсюда, и тогда спасай свою шкуру, как хочешь.

- Полностью согласен, – сказал Морозини. – Вернемся к брачной ночи! Когда праздничные торжества завершаются, молодую супругу провожают в спальню, как некогда поступали с принцессами. Супруг должен войти, лишь когда она уже лежит в постели. Однако, вместо того чтобы насладиться своим счастьем, он садится на пароход, поезд и бог знает что еще. Если я правильно понял, никто больше не видит молодую жену, пока ее изувеченный труп не находят где-нибудь в скалах, на солидном расстоянии от дворца и только три-четыре дня спустя. Итак, исчезает она именно из этой комнаты. И, скорее всего, через окно. Но полиция, которую все же нельзя обвинять в полном идиотизме, не обнаружила никаких следов на стене – а без веревки из простыни остается только прыжок с большой высоты! – и в парке. Как все это объяснить? Если ты считаешь Риччи невиновным, значит, тебе известно что-то еще.

- И ты нам скажешь это прямо сейчас, иначе, клянусь, ты с этого острова не выберешься никогда...

У Агостино не осталось выбора. Его буквально трясло от ужаса, но боялся он не этих двух людей, которые задавали ему вопросы. Он переводил испуганный взгляд с одного на другого, стараясь определить, в ком найдет больше сочувствия, однако на лицах обоих видел только напряженное внимание и решимость. В полном отчаянии он сглотнул слюну, перевел дух и еле слышно произнес:

- Я могу рассказать лишь то, что знаю... В Палаццо на первом этаже есть комната, куда никто не имеет права входить и которая постоянно заперта на ключ. Именно она располагается под апартаментами для молодоженов, и их открывают только в день свадебных торжеств.

- Это не спальня самого Риччи?

- Нет. Его спальня находится в другом крыле дворца. Она довольно просто обставлена, тогда как эта комната отличается невероятной роскошью: вся в золоте и парче, достойной королевы.

- Если апартаменты открывают только в канун свадьбы, там должна трудиться целая армия уборщиков, – саркастически заметил хозяин таверны.

- Нет. Никто и никогда там не убирается, но содержат ее в превосходном состоянии.

- Кто же этим занимается? Привидение, что ли? – насмешливо улыбнулся Альдо.

- Те, кого никто не видит. Известно лишь, что они существуют. Это хранители Святого Святых.

- Что это еще за штука? – спросил Тед. – Часовня, где поклоняются уж не знаю какому демону? Или античному божеству?

- Молоху, жаждущему крови? – добавил Альдо.

- Я не знаю и никогда не пытался узнать. Тех, кто пытался, больше нет на свете, так что рассказать они ничего не могут. И умерли они такой смертью, что ни у кого больше не возникает желания выведать хоть что-нибудь. Могу лишь сказать, что патрон иногда проводит там ночь и, когда утром выходит, кипит идеями и планами, отдает множество приказов, словом, развивает бурную деятельность. Но порой он выглядит мрачным и подавленным, словно наказанный мальчишка.

- Ты намекаешь, что истинный глава организации не он? Что мозг ее скрывается в стенах Палаццо?

Агостино понурился и развел руками в знак своего бессилия:

- Я могу сказать лишь то, что знаю, а я знаю немного... если не считать того, что настоящий патрон вовсе не Риччи. Всех слуг отбирали из самых послушных, самых надежных, самых решительных людей... таким был и я, но больше служить не хочу. И не хочу искать разгадку тайны, потому что боюсь. Я жить хочу, неужели вы не понимаете? Хочу бежать как можно дальше из этого ада, пока не поздно. Сжальтесь надо мной, помогите мне! Я не хочу сойти с ума, а это случится, если я вновь увижу, как молодая и красивая женщина переступит порог своих апартаментов после свадьбы.

- Еще один вопрос! - произнес Морозини. - Ты говорил о хранителях Святого Святых. Значит, есть слуги, которые живут отдельно и не вступают в контакт с такими, как ты?

- Да, и мы никогда их не видели. Они жрецы сокрытого бога...

- Все священнослужители, обитающие во вселенной, состоят из плоти и крови. Эти представляют собой исключение? Они чистые духи? И ничем не питаются?

- Для этого в Палаццо есть специальные повара. Кухни располагаются в подвальном помещении, и блюда ставят в особый подъемник - не тот, что обслуживает гостиные...

Наступило молчание. Каждый из трех собеседников мысленно взвешивал и оценивал сказанное. Альдо расправил плечи и взглянул на часы. Время летело быстро, и, чтобы посадить несчастного на «Мандалу», нужно было выходить немедленно. Но один вопрос он все же задал:

- Только ли из-за этой кошмарной тайны вы решили спасти Жаклин Оже или есть здесь что-то еще?

- Вы хотите узнать, любил ли я ее? У меня нет причин скрывать это: да, я любил ее и проклинал себя за то, что не бежал вместе с ней, но она, возможно, не поверила бы мне, если бы я признался ей в этом. И потом, я подумал, что при удаче смогу немного задержать розыски и у нее появится шанс.

- Хорошо! Если вы не против, Тед, мы могли бы уже двинуться в путь. Держите, - добавил он, достав из бумажника несколько банкнот и протянув их Агостино, который взял деньги со слезами на глазах.

- Вы спасли мне жизнь, сэр, и я верю, что Господь вознаградит вас. Знайте, я никогда никого не убивал, кроме как на войне...

- Я надеялся на это. Теперь я в этом уверен!

Когда они вышли из таверны, наступил самый темный час ночи, предшествующий рассвету. Дождь, прекратившийся на какое-то время, стал поливать еще сильнее из-за холодного северного ветра, пригнавшего облака.

- Очень скверно начинается сезон! - сказал Тед Моос. - Обычно в это время погода стоит скорее жаркая.

- Вы опасаетесь, что пострадает светская жизнь?

- Да нет. Будут немного иначе устраивать приемы. В садах натянут тенты, и шампанское все равно будет литься рекой...

- Шампанское? А как же сухой закон?

- Вы же не думаете, будто элита нью-йоркского общества начнет проповедовать воздержание и услаждать себя лимонадом? У нас говорят даже, что налажена прямая линия по доставке виски из Канады. Полиция хорошо знает, с какой стороны намазывать масло на хлеб. Да и закрывать глаза ей придется всего полтора месяца...

Препоручив Агостино капитану яхты, мужчины вернулись домой: Тед в таверну, Альдо в спальню, под окнами которой цвели штокрозы. На прощание Тед сказал:

- Не знаю, как вам, а мне надо поспать два-три часа, чтобы в голове все прояснилось. Ну и история! Вы в это верите?

Перед ними покачивались на прохладном утреннем ветру мачты свежеекрасенных парусников. Элегантные окна и двери в домах на набережных были увиты плющом, и первые фуксии уже раскрывали бутоны в розоватой дымке занимающегося дня. Несмотря на серое небо и порывы ветра, картина создавалась приятная, полная старинного очарования, с которым ничего не могла поделать агрессивно-красная бензоколонка. Альдо, запахнувшись в непромокаемый плащ, зябко передернул плечами:

- Трудно поверить, когда вокруг все так красиво, верно? Однако я убежден, что этот парень сказал правду, даже если нам она кажется нелепой. Любой свет скрывает тени, а змеи порой ползают среди роз.

- Сейчас слишком уж рано для поэзии, - проворчал Тед. - Пойдемте спать! Вам это необходимо так же, как мне!

Подобно театральному занавесу, который поднимается под удары жезлом, прибытие «Нурмахала» взорвало тишину и относительное спокойствие, царившие на острове. Следом появились другие яхты, а доставленные паромами спортивные автомобили, кабриолеты и лимузины - все как один отвечавшие последнему писку моды - разъезжались по имениям, урча моторами и вздымая пыль, которая вскоре превратилась в грязь. Впрочем, вскоре показалось красное солнце, предвестник ветра, благоприятного для гонок на воде, чему страшно обрадовались участники регаты, собравшиеся на террасе Яхт-клуба, где на ветру трепетали вымпелы и флажки. Одновременно зазвучала духовая и джазовая музыка, возвестившая, что сезон в Ньюпорте начался и с развлечениями следует поспешить, так как шесть недель пролетят быстро.

Альдо, которому быстро наскучила суматоха, решил сделать новую попытку поговорить с Бетти Баскомб. Эта женщина, так часто бродившая в окрестностях Палаццо и имевшая столь вескую причину для ненависти к его владельцу, должна была знать о нем гораздо больше, чем другие обитатели острова. Поскольку Теда сегодня невозможно было найти, Альдо подумал, что можно обойтись и без рекомендации, оседлал свой велосипед и двинулся в путь, стараясь держаться подальше от Бельвю-авеню и других слишком многолюдных мест. Благодаря Теду и карте, пришпиленной к двери таверны, он достаточно изучил конфигурацию острова и не боялся заблудиться.

На сей раз Бетти оказалась дома. Сидя на одной из ступенек деревянной лестницы, ведущей в дом, и обняв руками согнутые колени, она всматривалась в океан и, погруженная в раздумья,

не увидела, как он подъехал, однако повернула голову на скрип тормозов. Опасаясь, что она сбежит или запрется у себя, Альдо заговорил сразу, еще не успев прислонить велосипед к стволу сосны:

- Миссис Баскомб, окажите мне милость и позвольте поговорить с вами! Я недавно побывал здесь с Тедом Моосом, у которого снимаю комнату, но вы были в море.

- Поговорить о чем?

- О человеке, который принес вам столько зла. Случай предоставил мне возможность выяснить кое-какие подробности, которые могли бы вас заинтересовать.

- Если вы пришли с известием о смерти Риччи, добро пожаловать. Если нет, ступайте своей дорогой!

- Моя дорога уже давно пересеклась с вашей и сейчас привела меня прямо к вам. Нам нужно поговорить. Это очень важно.

Она пожала плечами, но подвинулась, освободив ему место рядом с собой и знаком пригласив сесть. Одновременно она стала рыться в карманах своей бесформенной кофты, извлекла оттуда пачку сигарет, сунула одну из них в рот и собралась прикурить, но Альдо опередил ее, и пламя его зажигалки вспыхнуло у края тонкой трубочки, набитой табаком. Зажигалка была золотой, и Бетти подняла брови:

- Красивая штучка! Похоже, художники нынче не бедствуют? – спросила она с легким презрением.

- Я уже говорил вам, что я также... и прежде всего антиквар. Добавлю: специальность моя – драгоценные камни с историческим прошлым!

- Ага, понятно! Именно поэтому вы и хотели тогда пробраться к нему. Вы хотели их увидеть?

- Перестаньте считать меня вором. Если я чего-то хочу, плачу полновесной монетой! Что касается Риччи, меня привлекают не сокровища его, а он сам: он убил одного из близких мне людей почти на моих глазах. Молодую женщину, которую намеревался привезти сюда, чтобы жениться на ней, но она сбежала от него, и на следующий день ее сбила машина в центре Лондона. Однако я приехал, чтобы рассказать вам о другом: на рассвете мы с Тедом отправились в Нью-Йорк на яхте камердинера Риччи, охваченного паникой при мысли, что готовится новая свадьба.

Бетти вздрогнула. На сей раз в ее панцире появилась трещинка.

- Он собирается взять в жены еще одну? Должно быть, он спятил, ведь моего бедного Питера уже нет... на кого же он свалит свое преступление?

- Спятил, не спорю, однако не может сопротивляться более мощной воле, полностью покорившей его. Послушайте лучше, что мы с Тедом узнали сегодня ночью!

Она слушала безмолвно, без единого слова или восклицания, но когда Альдо завершил рассказ, обхватила голову руками, запустив пальцы в свои короткие седые волосы и закрыв ладонями лицо. Альдо не стал нарушать молчания и спокойно ждал, пока она заговорит. Наконец она опустила руки, вновь обняв колени.

- Вы сказали, что Тед тоже знает эту историю?
  - Мы выслушали ее вместе.
  - И что вы об этом думаете?
  - Честно говоря, проведив Агостино на яхту, мы сами не знали, что подумать. Это кажется просто безумным, но у него не было никаких причин выдумывать столь нелепую историю с целью уменьшить вину - в любом случае, тяжкую! - человека, которого он боится до такой степени, что ставит на карту жизнь, лишь бы навсегда расстаться с ним. А вы поделитесь со мной своим мнением?
  - Я полагаю, что он прав. В этом проклятом дворце есть какая-то тайна. Это могло бы объяснить постоянное присутствие людей, которые никуда не отлучаются, даже когда самого Риччи нет. Для охраны дворца хватило бы трех-четырех человек, а их там, говорят, множество. Они стерегут что-то другое. Я очень часто наблюдала за Палаццо и потому не сомневаюсь в словах вашего Агостино.
  - Но в таком случае кто это, как вы полагаете? Безумец?
  - Безумец, который держит Риччи стальной хваткой и требует от него беспрекословного подчинения? Я бы сказала, что это скорее мозг организации... Быть может, главарь всей американской мафии?
  - Чтобы совершать такие преступления, нужен извращенный ум, а я плохо представляю этого грубого, циничного и бессовестного человека, владыку настоящей финансовой империи, в подчинении у безумца...
- Бетти Баскомб поднялась, машинально отряхнув юбку, и со скрещенными на груди руками встала перед Морозини:
- Короче говоря, чего вы хотите добиться?
  - Сначала мне нужно найти исторические драгоценности, которыми он завладел дважды, убив ради этого двух женщин. Затем сделать все, что в моих силах, чтобы отомстить за убийство еще одной женщины...
  - Вы один в мире, у вас нет семьи?
  - Есть. Я женат и счастлив. У меня дети...
  - Тогда я повторю вам то, что уже сказала при первой нашей встрече: уезжайте отсюда! То, что здесь происходит, вас не касается, и вы погубите себя без всякой пользы. Разве что у вас много союзников...
  - Никого, кроме Теда и вас, на что я очень надеюсь.
  - Иными словами, никого за вами нет. Это моя собственная война, и я могу потерять в ней лишь свою жизнь, которая нужна мне только для мести. Что касается Теда, он крепко стоит ногами на земле, и я буду сильно удивлена, если он влезет в авантюру, где может все потерять... особенно после того, как услышал рассказ этого Агостино. До вашего приезда он был вполне доволен своей судьбой. Не заблуждайтесь: вы один, и никто вам не поможет! Прощайте...

Бетти легким шагом поднялась в дом и тщательно закрыла за собой дверь. Альдо услышал, как она опустила засов. Несколько грубоватый намек на то, что разговор окончен и продолжения не будет.

Он медленно подошел к своему велосипеду, оседлал его, но затем на мгновение застыл, привалившись плечом к стволу сосны и разочарованно всматриваясь в безмолвный дом. Он надеялся на эту женщину и по-дурацки воображал, будто она примет с распростертыми объятиями неожиданного союзника, искренне желающего вступить в схватку вместе с ней, однако ничего у него не вышло. Хотя схватка ей предстояла неравная – глиняный горшок против железного! – она хотела сражаться одна. Да и не скрывала этого: ведь ему было сказано, что это ее собственная война – безжалостная вендетта, за которую она была готова заплатить жизнью.

Заклучив, что больше здесь делать нечего, Альдо вернулся в таверну «Белая Лошадь». Тед за стойкой протирал старинные пивные кружки и поднимал их на свет, чтобы проверить блеск. Гостя он встретил гримасой, которую при желании можно было принять за улыбку.

- Хорошо спалось? Завтракать будете?

- Я уже давно позавтракал и даже успел нанести визит миссис Баскомб, но вот кофе выпью с большой охотой!

За исключением многочисленных итальянских эмигрантов, Тед Моос, возможно, был единственным американцем, способным сварить приличный кофе, и Альдо старался почаще использовать это приятное обстоятельство. Тед сразу приступил к делу, но даже спина его выражала неодобрение, хотя ни единого осуждающего слова он не произнес. Лишь поставив перед Морозини чашку с обжигающим напитком, он спросил:

- Удалось вам вытянуть что-либо из нее?

- Ничего, кроме решительного отказа принять мою помощь.

- Вы рассказали ей историю, которую мы узнали прошлой ночью?

- Естественно. Она заметила только, что это многое объясняет. И ничего больше.

- Вот как? Только это и сказала?

- Это ее собственные слова. Вас это удивляет?

- Да, немного удивляет!

Тед налил кофе в свою чашку и поставил локти на полированную стойку бара, чтобы лучше видеть лицо Альдо:

- Я так и не сумел заснуть, когда мы вернулись. Зато я всю ночь размышлял. Знаете, мы с вами влезли в дело, которое нас не касается.

- Серийные убийства и казнь невинного касаются любого человека, достойного называться таковым, – жестко произнес Морозини. – Неужели вы решили отступить?

- А что еще можно сделать? Вы учли соотношение сил? Если то, что рассказал нам Агостино, правда, Палаццо служит убежищем главному крестному отцу мафии, которая, как известно,

обладает большей властью, чем президент Гувер, и имеет филиалы по всей стране! Да стоит только пальцем пошевелить против нее, мигом окажешься с петлей на шее или с ножом между лопаток. И это еще в лучшем случае – о худшем лучше даже не задумываться.

- А если это неправда? Ведь вы, похоже, сомневаетесь?

- У Риччи все равно есть грозная армия, тогда как мы не дождемся никакой помощи от шерифа Морриса, разве что он засадит нас в кутузку, ведь никаких доказательств мы предъявить не в состоянии! А я должен продолжать традицию предков и заниматься таверной, которая мне дороже жизни.

Выслушивать все это дальше не имело смысла. Бетти Баскомб была совершенно права: Тед отнюдь не жаждал принимать участие в деле, где ничего не выигрывал, но потерять мог все. Кофе, казавшийся Альдо таким вкусным еще мгновение назад, вдруг обрел горький вкус одиночества, который отбил у него охоту просить добавки. Между тем Тед продолжал:

- Вдобавок предпринимать какие-либо действия во время сезона – это чистое безумие. У меня будет забот сверх головы, да и у вас, полагаю, тоже! Если хотите последовать доброму совету, примите приглашение баронессы и войдите в высшее общество, к которому и так принадлежите...

- Я приехал сюда не танцевать или играть в теннис, – жестко отрезал Альдо.

- Я знаю, но если вы будете вращаться в этих кругах, сможете и с Риччи познакомиться, ведь он часто здесь бывает. Быть может, вам удастся уговорить его продать драгоценности, которые вы ищете?

Только этого еще не хватало! С трудом сдерживая неприязнь, Альдо бросил:

- Благодарю вас за советы, но к таким средствам я никогда не прибегал, ибо они противоречат моим принципам. Я не намерен платить бешеные деньги за украшение, покрытое кровью по крайней мере двух женщин и попавшее в руки бандита в результате омерзительного грабежа! А теперь извините меня, дорогой Тед, но мне надо собрать вещи! Пожалуйста, приготовьте счет!

- Вы уезжаете?

- Да! Ведь вы именно этого хотите, не так ли?

- Вы действительно уезжаете?

- А вот это уже не ваше дело! Прошу вас дать мне счет!

Собственно, Альдо еще ничего не решил: противно было спасаться бегством от врага и еще больше – просить приюта у Полины, после того как он отказался от ее гостеприимства. Конечно, ему рекомендовали один из здешних отелей, но сейчас все гостиницы наверняка были забиты туристами. Да и баронесса могла не на шутку обидеться. Но, с другой стороны, ему стала надоедать эта история, где все едва приоткрывшиеся двери с каким-то злокозненным удовольствием захлопывались у него перед носом.

Он отправился в свой флигель и начал складывать вещи, когда под окнами внезапно появилась серая машина Полины, из которой тут же выскочила сама баронесса.

- На сей раз, - заявила она, величественно отбросив все светские условности, - я вас увожу. И пожалуйста, не спорьте! Хватит вам играть в анонимных туристов, настала пора вновь облачиться в броню. Я помогу вам собраться...

Всегда одетая с иголки, она на сей раз предстала в неожиданном виде: в плиссированной юбке, белом свитере и теннисных туфлях. Эластичная повязка на голове с трудом удерживала ее густые взлохмаченные волосы.

- И в чем же причина этого похищения?

- Не будьте фатом! Гораздо более интересные вещи происходят в шикарном квартале, чем в таверне Теда Мооса.

- Какие, например?

- Я вам скажу позднее! А пока нам нужно кое-что сделать и поторопиться, если мы хотим все успеть: и устроить вас на новом месте, и одеться должным образом для выхода к столу!

Не дожидаясь согласия Альдо, Полина устремила в комнату, водрузила на середину комнаты большой чемодан, сумку для обуви, саквояж для предметов туалета и начала укладывать все, что попадалось ей под руку, тогда как Альдо, полностью смирившись и одновременно сгорая от любопытства, занялся материалами для живописи, которыми почти не воспользовался.

Через несколько минут все было уложено, комната обрела первозданный вид, а Морозини оказался в «Паккарде», который тут же стремительно рванул вперед, отчего пустилась в бегство зазевавшаяся кошка, а проходивший мимо пастор застыл перед входом в музей. Крепко вцепившись в руль, нахмутив брови и поджав губы, Полина смотрела только на дорогу и вела машину на полной скорости, как если бы от этого зависела ее жизнь. Лишь вырулив на красивую песчаную аллею, огибавшую громадную идеально ровную лужайку перед виллой «Белмонт-Кастл», она расслабилась и сбавила ход, чтобы не въехать в группу из трех сикомор, отбрасывающих тень на гостиную в саду. Мгновение спустя она остановила автомобиль перед воротами виллы, представлявшей собой довольно хорошую копию замка Мезон-Лаффит.

- Уф! Спасены! - выдохнула она, с удовлетворением взглянув на своего пассажира. - Вы теперь у нас, и вам больше нечего опасаться!

- Опасаться чего? Спасены от кого? Ваши речи отдают беллетристкой, дорогая Полина! Это чистой воды хитроумные метафоры, абсолютно недоступные моему пониманию.

К автомобилю подбежали слуги: один из них придержал дверцу, уже открытую Альдо, другие занялись багажом, а величественный дворецкий склонился перед ним и предложил пройти в вестибюль, который, к полному его изумлению, был украшен во французском стиле: четыре орла с распростертыми крыльями по углам и четыре античных бюста, между которыми располагались большие картины с итальянскими пейзажами. Если бы издали не доносились суховатые звуки банджо, наигрывающего модную мелодию, Альдо мог бы подумать, что сейчас к нему выйдет Людовик XIII, кардинал Ришелье или д'Артаньян, однако появился - бегом - человек в купальном костюме, закутанный в большое махровое полотенце, посиневший и стучавший зубами от холода. Издав гнусавое приветствие и чихнув, он устремился к лестнице.

- Мой брат Джон-Огастес! - представила Полина. - Когда он здесь, то половину времени проводит в воде, независимо от температуры воздуха. И, поскольку сильной жары пока не предвидится, он рискует оказаться в постели с бронхитом. Идемте, я покажу вам вашу комнату.

Спальня оказалась именно такой, какую и следовало ожидать в подобном доме: большая, с коврами на стенах и кроватью с колоннами, флорентийским секретером и двумя креслами с высокой спинкой, которые несли вахту перед громадным камином, где были уложены желтые полешки из дрока. Английское окно выходило на балкон с перилами, откуда открывался вид на сады – ничуть не походившие на творение Ленонтра [35] с его цветниками и клумбами – и на соседнее имение с роскошным замком также во французском стиле, но только шестнадцатого века. Там царил какой-то суматоха, сновали люди в форме и стояли две полицейские машины.

вернуться

35

Архитектор, создавший сады Версаля. (Прим. пер.)

Машинально взглянув в окно, Альдо, естественно, осведомился, что происходит.

- Это «Болье», - сказала Полина, также подойдя к окну, - имение Авы Астор, которое она оставила детям, чтобы сохранить за собой «Бичвуд» на другой стороне. Наша подруга Алиса прибыла вчера на яхте своего брата и в обществе вашего бывшего лучшего друга, а также Ивановых, которых вы, вероятно, помните.

- Помимо того, что у меня превосходная память, плавание наше завершилось совсем недавно, баронесса. Но почему там оказалась полиция? Надеюсь, - добавил он, почувствовав, как у него внезапно сжалось сердце, - ничего серьезного не случилось?

- Ну, не до такой степени, однако для Алисы это настоящая катастрофа: у нее украли ожерелье Тутанхамона.

- Опять? Когда все мы были в Лондоне, оно тоже пропало, но Гордон Уоррен сумел найти его. Собственно, для спасения своего бесценного сокровища она и отправилась в Соединенные Штаты.

- Что ж, в намерениях своих она преуспела, однако вам известно далеко не все. Ожерелье обнаружили в вещах вашего бывшего лучшего друга, и час назад шериф Дэн Моррис, который, между прочим, терпеть не может французов, с величайшим наслаждением арестовал его. Он едва не разрыдался от привалившего ему счастья...

Глава X

«Мы, Белмонты...»

Альдо мало интересовали личные пристрастия шерифа, которого он, получив предостережение Фила Андерсона, заранее возненавидел. А вот судьба Адальбера, угодившего в столь неприятную историю, взволновала его донельзя.

- Могу я узнать, каким образом все это произошло? - осведомился он.

Полина разбирала вещи, сложенные весьма поспешно, и укладывала их в гардеробной, при виде которой позеленел бы от зависти любой английский король. Содержимое двух больших чемоданов уже перекочевало на полки. Продолжая копаться в шкафу, она ответила:

- Очень просто! Вчера вечером Алиса надела свое египетское ожерелье, чтобы провести

очередной сеанс вдохновенного пророчества, ставший ее специализацией. Когда все завершилось, она ощутила легкую усталость и оставила украшение на туалетном столике, а проснувшись утром, не нашла его. Естественно, была поднята боевая тревога, дом перевернули вверх дном, а потом Кэролайн Иванова вспомнила, что видела на рассвете археолога, который крадучись выходил из спальни Алисы. Так она сказала. У него провели обыск и обнаружили искомый объект.

- Это не выдерживает никакой критики!

- Что вы говорите? - крикнула Полина, которая так глубоко залезла в шкаф, что не слышала уже ничего.

- Я говорю, что это не выдерживает никакой критики! - прокричал Альдо. - И, во имя любви к небу, оставьте мои вещи в покое! Я достаточно большой мальчик, чтобы разложить их самостоятельно.

В следующее мгновение баронесса вылезла из шкафа, держа в руках «браунинг», отливающий синевой в солнечных лучах.

- Что мне делать с этим? Вы всегда путешествуете с оружием?

- А вы нет? - парировал Альдо, завладев револьвером и тут же сунув его в задний карман брюк. - Помнится, именно у вас в руках я видел очень занятную тросточку!

- Эта штука гораздо хуже.

- Вас это пугает? Позвольте вам не поверить. Впрочем, вы имеете право знать, что при моей профессии жизнь свою приходится защищать гораздо чаще, чем вы думаете. А теперь вернемся к Адальберу. Где он?

- Где он может быть? В офисе шерифа, под стражей!

- Тогда прошу вас проводить меня туда: я не знаю, где это.

- Проводить вас туда? Да вы просто бредите, друг мой. Как вы полагаете, почему я примчалась забрать вас из вашей таверны? Потому что не хотела, чтобы за вами пришли и прихватили с собой, как невинную маргаритку! Здесь вам опасаться нечего: все - включая меня! - подтвердят, что вы гостите у нас уже... уже...

- Уже четверть часа! Как вы думаете, что скажет Тед Моос, когда его начнут расспрашивать? Или вызовут на официальный допрос? Извольте также объяснить, отчего меня считают сообщником по так называемой краже, которая явно была подстроена! Я спокойно сидел в своей таверне...

- ... вы спокойно поджидали своего сообщника с добычей, чтобы затем без промедления отправиться в Нью-Йорк на первом же пароме!

На какую-то секунду Альдо онемел от изумления, быстро сменившегося яростью. Он, в свою очередь, ринулся в гардеробную, достал чемодан и принялся укладывать вещи, но тут Полина встала между ним и шкафом, который первым подвергся разорению:

- Послушайте, прекратите это! Что на вас нашло?

- На меня нашло то, что, если вы так думаете обо мне, я ни секунды не останусь у вас, вернее, у вашего брата, который совершенно не обязан укрывать в своем доме скупщика краденого.

Не выдержав, Полина тоже повысила голос:

- Перестаньте глупить, Альдо! Ни я, ни мои родные так не думаем. Я просто изложила вам факты и причины, по которым вам лучше считаться нашим другом. Для Дэна Морриса это не пустяк!

- Но каким образом он мог узнать, что мы с Адальбером давние друзья? Невероятно, чтобы он прочел старые европейские газеты, в которых, кстати говоря, мы не так уж часто фигурируем.

- Он знает это, потому что ему рассказали.

- Кто же?

- Алиса, разумеется, ведь Адальбер пару раз все-таки упоминал ваше имя. А также Кирилл Иванов, который, судя по всему, хорошо осведомлен о ваших совместных похождениях...

Внезапно Альдо вспомнил, как они с молодым человеком пропустили «стаканчик» в баре на «Иль-де-Франс», пока Кэролайн танцевала в большой гостиной. Тогда Иванов сначала дал понять, что интересовался их приключениями, а потом спросил, почему за столом капитана Бланкара они делали вид, будто не знакомы друг с другом. Он ответил, что между ними пробежала кошка, однако русский американец ему явно не поверил...

Пока он обдумывал это, Полина двигалась в другом, хотя и очень близком направлении, о чем решила наконец высказаться вслух:

- Странно, что он так много выложил шерифу. Я спрашиваю себя, не пришла ли ему в голову мысль, когда он увидел вас на пароходе, что вы оказались там не случайно и хотите помочь привычному сотоварищу завладеть этим проклятым ожерельем... Кроме того, вы сейчас упомянули о моей трости, и я четко вспомнила человека, напавшего на вас. Фигура, рост, сила... все совпадает! Не наш ли красавец Кирилл облачился в поношенную матросскую одежду?..

- ...и надушился туалетной водой «Ветиве де Герлен», чей слабый аромат я уловил, невзирая на запах пота, жира и угля? Неужели именно он напал на меня? Но почему?

- С целью сразу вывести вас из игры, чтобы было легче изолировать воздыхателя Алисы. Это могло бы объяснить, каким образом удалось ему так быстро скрыться: вероятно, Кэролайн поджидала его поблизости с плащом, фуражкой и шарфом, которые были вполне уместны по тогдашней погоде. Ибо она его сообщница, можете не сомневаться. Вы не знаете, что от своего отца она унаследовала сильное увлечение Египтом - столь пылкое, как у Алисы, однако возможностей утолить свою страсть у нее гораздо меньше.

- Не слишком ли быстрой была их реакция? Они не могли знать, что я нахожусь на пароходе. Ведь они поднялись на борт в Плимуте.

- Вы ошибаетесь! Они сели на пароход в Гавре. Я видела их...

- Ясно, что все это необходимо обдумать. Особенно если вы уверены, что он действует в сговоре со своей женой...

- У меня в этом сомнений нет.

- В таком случае, именно она могла бы, облачившись в мужской плащ, подслушивать под дверью Жилия Вобрена и моей собственной, когда Адальбер пришел поговорить со мной! Я попытался догнать любопытного незнакомца, но тот исчез за дверью одной из кают, которая, видимо, и принадлежала Ивановым. Кэролайн – женщина высокая, и, как я теперь припоминаю, она вполне может сойти за юношу чуть выше среднего роста.

Полина и Альдо безмолвно переглянулись, слегка ошеломленные тем, что раскрылось им, когда они сопоставили свои наблюдения и размышления. Первой опомнилась все же баронесса, когда взгляд ее скользнул по старинным часам, стоявшим на камине.

- Если вы не против, мы продолжим наш разговор позже. Уже давно пора переодеваться к ужину. Не беспокойтесь, сегодня вечером нас будет только трое: мой брат, вы и я. Синтия, моя невестка, которая не пропускает ни одного светского развлечения, готовится к собственному балу, который состоится через неделю, сегодня ночью будет танцевать с друзьями в Яхт-клубе.

- В отсутствие вашего брата?

- Как вы сами могли заметить, Джон-Огастес считает себя великим спортсменом. Он следит за своей формой и чаще всего ложится спать засветло. Даже здесь! Смокинг он надевает лишь для того, чтобы не нервировать Беддоуза, нашего дворецкого, и других слуг. Не будь их, он выходил бы к столу в банном халате. И не старайтесь придумывать темы для разговора. Он начнет обсуждать Кубок Америки, когда подадут аперитив, и не умолкнет вплоть до кофе. В утешение скажу вам, что погреб у него изумительный и в винах он разбирается... И что я очень его люблю!

Альдо убедился, что пророчество Полины относительно ужина было абсолютно точным. Джон-Огастес казался неиссякаем. Альдо выслушал всю историю знаменитого приза начиная с Викторианской эпохи, что искупалось великолепными блюдами, двумя бутылками превосходного бургундского и приемом настолько теплым, словно они были друзьями детства, а не людьми, встретившимися впервые в жизни.

Белмонт предложил своему гостю совершить с ним прогулку на новой яхте, которую он подарил самому себе перед регатой Яхт-клуба, однако Полина напомнила ему, что Альдо, судя по всему, предстоит разговор с шерифом, и будет крайне неприятно, если означенный служака обнаружит, что подозреваемый находится вне пределов досягаемости.

- Вы же знаете, какой у него скверный характер, – добавила она.

- У меня характер еще хуже, особенно когда дело касается близких мне людей. Если эта скотина так хочет встретиться с нашим гостем, пусть приходит сюда. Прикажите Беддоузу позвонить ему! Какое время вы предпочитаете, дорогой друг?

- Это значения не имеет, я могу сам посетить его офис! – произнес Альдо, которого, впрочем, подобная перспектива совсем не привлекала.

- Ни за что! Вы его не знаете! Вцепиться зубами в настоящего князя стало бы для него подарком, а мы, Белмонты, не имеем обыкновения скормливать наших гостей скотам! Если он желает поговорить с вами, пусть сам и пошевелится. Беддоуз!

- Не надо! – вмешалась Полина. – Я возьму это на себя. И постараюсь слегка умаслить его.

- Вы с ума сошли! Он способен напроситься на ужин!

- Ну, не будем преувеличивать!

Однако Джон-Огастес не так уж ошибся в своих предположениях, ибо Полина, вернувшись в гостиную после разговора по телефону, объявила, что шериф явится незамедлительно.

- Надеюсь, вы сказали ему, что мы уже поужинали? - проворчал Белмонт, дороживший своей идеей.

Через двадцать минут Дэн Моррис появился в роскошной гостиной, освещенной золотыми кессонами на потолке. Это был человек лет сорока, с костистым лицом, большим носом, светло-голубыми глазами навыкате и узким лбом, который казался еще ниже из-за густых темных волос, завитых в тугие бараньи кудряшки. Его бегающие глазки сразу определили положение трех участников сцены: Полина в платье из черного муслина с белыми вставками, зажав между пальцев мундштук с сигаретой, непринужденно развалилась на широком канapé, по бокам которого стояли мужчины в смокинге: Белмонт - сплетя пальцы за спиной и набычившись, словно перед атакой, и Альдо - сунув одну руку в карман и слегка подбрасывая зажигалку другой.

Шериф коротко поздоровался с хозяевами дома, но взгляд его с самого начала был устремлен на Альдо.

- Вас, кажется, зовут Морозини?

Альдо жестом удержал Полину, которая намеревалась скорректировать столь дерзкое обращение, как если бы титул способен был произвести впечатление на человека такого сорта.

- Да, это так. Чем могу быть вам полезен, шериф?

- Я хочу получить ответ на некоторые вопросы. К примеру, какова причина вашего отсутствия здесь?

Джон-Огастес неодобрительно фыркнул и сказал с усмешкой:

- Такая же, как у всех прочих бездельников, которые приехали гульнуть и поплясать в этом чудесном месте вместе с сердечными друзьями, которых мы ежедневно встречаем в Нью-Йорке, где имеем привычку гулять и плясать все остальное время года! И мы приглашаем кое-кого из них сюда, чтобы они тоже насладились этим зрелищем. Вам бы следовало знать это, Дэн Моррис!

- Этот господин входит в число ваших друзей?

- Не знаю, что бы он делал тут, не будь он таковым.

Ноздри у шерифа задрожали, что показывало, насколько он не одобряет юмор миллиардера, на которого сестра взглянула с изумлением, ускользнувшим от внимания полицейского.

- Как случилось, что ваш друг прибыл намного раньше вас?

- Это объясняется очень просто, - вмешался Альдо. - До войны я уже бывал в Ньюпорте, и мне захотелось увидеть его вновь до начала празднеств. Кроме того, я интересуюсь его историей, потому что один из моих предков сражался на стороне Джорджа Вашингтона.

- И это я посоветовала нашему другу остановиться у Теда Мооса, поскольку именно в его таверне лучше всего ощущается атмосфера прежних времен. Но вы так и не хотите присесть, шериф? - добавила Полина, указав на кресло, отвергнутое полицейским, который не желал оказаться ниже по-прежнему стоявших возле канапе мужчин.
- Вероятно, вы не знаете, что ваш гость связан с более чем сомнительным типом, которого я арестовал за кражу бесценного ожерелья мисс Алисы Астор.
- Естественно, знаем! - сказала Полина, презрительно пожав плечами. - Зато вы явно не знаете, что ваш подозрительный тип - это французский ученый-археолог с безупречной репутацией.
- Это доказывает лишь то, что он хитрее, чем вы думаете, и, поскольку его взяли с поличным, дело не представляет никаких затруднений. Он спрятал ожерелье в своем дорожном несессере.
- Ну и тайник для грабителя-виртуоза! - иронически воскликнул Альдо. - Неужели он не мог придумать что-нибудь получше?
- О, я уверен, что он нашел тайник получше... У вас, например! Вы невинно поджидаете его в таверне Теда, а когда он передает вам украшение, тут же отправляетесь в Нью-Йорк, что вы, по словам Мооса, и хотели сделать.
- И я принял такое решение, не имея ожерелья, которое находится у вас в руках?
- Не принимайте меня за идиота, Морозини! Естественно, вы не знали, что кража уже раскрыта. Вы делали вид, будто поссорились со своим сообщником, и поэтому не могли назначить ему встречу в таверне. Следовательно, вы должны были сойтись с ним в каком-нибудь укромном месте, где он и передал бы вам драгоценность.
- Между домом Теда и причалом парома нет никаких укромных мест! - с раздражением возразил Альдо.
- Сверх того, именно в этот момент я приехала за князем Морозини, чтобы он поселился наконец в своей комнате, где его ждет почти весь багаж, привезенный нами на «Мандале».
- Последний факт, видимо, поразил полицейского, который не сразу нашелся что сказать, но этого человека было нелегко выбить с занятых позиций. Криво улыбнувшись, он кротко произнес:
- Если только вы не приехали с целью сообщить ему о поимке его друга?
- Почему же вы не добавили: «Но вам это не удалось»? Ведь именно это вы и хотели сказать, шериф? - возмутилась Полина.

Поднявшись с места и устремив пристальный взгляд на лицо Морриса, она хотела продолжить свою обличительную речь, но тут Джон-Огастес, встав между ней и шерифом, слегка подтолкнул ее к канапе:

- Потому что, даже если он и не слишком хитер, то все равно знает, что с нами, Белмонтами, не стоит заходить слишком далеко. Иначе мы, Белмонты, следуя своему дурному обыкновению, взываем к другим членам нашей семьи, таким как Генеральный прокурор Верховного суда, который является нашим любимым кузенком. Засим полагаю, шериф, что на сегодня вы нас

осчастливили достаточно, и вам лучше последовать нашему примеру: пойти спать...

- Минутку, пожалуйста! - вмешался Морозини. - Есть одна вещь, которую я хотел бы узнать.

- Я пришел сюда не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы! - проворчал Моррис. - Это ваша обязанность.

- С какой стати? Вы не имеете против меня решительно никаких улик и действуете, исходя из обвинений, источник которых мне хорошо известен. Сходным образом вы арестовали и господина Видаль-Пеликорна: на основании того, что вам рассказали супруги Ивановы. Не будь их, вам бы в голову не пришло рыться в вещах гостя мисс Алисы. Отсюда всего один шаг до предположения, что именно они спрятали ожерелье. А теперь скажите мне, подала ли сама мисс Алиса жалобу против господина Видаль-Пеликорна?

- Разумеется! Она получила явное доказательство того, что он на самом деле собой представляет!

- Что он собой представляет на самом деле, я знаю гораздо лучше вас, и это известно не только мне, поскольку у него много друзей в Англии. К примеру, главный суперинтендант Скотленд-Ярда Гордон Уоррен, который по моей просьбе может сообщить вам о злочлечениях ожерелья Тутанхамона. В Вашингтоне также есть люди, способные замолвить за него слово, и я немедленно обращусь к послу Франции.

- Вы блефуете!

- Свяжитесь со Скотленд-Ярдом и увидите! Пока же я посоветовал бы вам освободить из-под стражи господина Видаль-Пеликорна...

- ...которого мы, Белмонты, с громадным удовольствием примем у себя, - медовым голосом пропел Джон-Огастес и улыбнулся самой очаровательной из своих улыбок.

- Нет, если мисс Алиса не отзовет свою жалобу!

- Вы не имеете права отказывать, если я внесу залог...

- Решение примет судья, но я буду настаивать на сумме в сто тысяч долларов!

- Как вам угодно. Если судья согласится с вашим требованием, вы завтра же получите чек, - отрезал Альдо.

Сколь ни был уверен в себе полицейский, этого удара он вынести не смог. В его холодном взгляде отразилось презрительное недоверие:

- Вы? Трудновато вам будет найти такие деньги. Знаем мы, чего стоят эти благородные промотавшиеся аристократы-европейцы, которые приезжают к нам за богатыми невестами, и я думаю, вы не исключение.

Прозвучало это как утверждение. Не посмеяв все же взглянуть баронессе в лицо, Моррис произнес свою тираду, слегка повернувшись к ней:

- Прежде чем болтать все, что бог на душу положит, научитесь разбираться в людях! - бросил Альдо, не стараясь больше скрывать своего отвращения к шерифу. - Я не только женатый человек, но еще и отец семейства.

Однако янки не желал так легко сдаваться:

- Вы что, никогда не слышали о разводе?

Если бы эта скотина не держала в своих лапах Адальбера! Последнее обстоятельство заставляло Альдо сдерживаться, иначе он с величайшим удовольствием врезал бы по этой упрямой злобной роже. Между тем Джон-Огастес явно начинал томиться. Прочистив горло, он возгласил:

- Мы, Белмонты, не считаем себя умнее большинства наших сограждан, но когда нам все четко разъяснят, мы в простоте своей этим удовлетворяемся. Вам надо попробовать эту методику, шериф: постарайтесь иногда верить тому, что вам говорят.

- Да? Например, тому, что этот прекрасный сеньор может запросто выложить сто тысяч долларов? Хотел бы я знать, где он их возьмет?

- В банке Моргана, любезный! Его президент Томас У. Ламонт без малейших затруднений оплатит любой чек за моей подписью. Надеюсь, этого вам достаточно? - сказал Морозини, пожав плечами.

- Посмотрим!

- Пора бы вам внять голосу разума, шериф, - лениво протянул Джон-Огастес. - Состояние князя Морозини намного превышает сто тысяч долларов. А будь это не так, я бы с удовольствием одолжил ему требуемую сумму. Что скажете, шериф?

Дэн Моррис, взбешенный еще больше от того, что потерпел - по крайней мере, на данный момент! - полное поражение, круто повернулся на каблуках и почти побежал к двери, но на пороге обернулся:

- Все так же великодушны и щедры, мистер Белмонт? Однако не торопитесь так! Следствие еще не закончено, и я не пожалею времени, чтобы виновный предстал перед судом. А пока он останется в тюрьме, если только мисс Алиса не отзовет свою жалобу! Что меня, признаться, крайне удивило бы...

Выпустив эту парфянскую стрелу, он удалился, а у троих сотрапезников осталось весьма неприятное ощущение угрозы.

- Я часто думал, что этот тип чем-то напоминает бульдога, - вздохнул Джон-Огастес. - Если уж он схватил кость, отобрать ее невозможно.

- И мне так кажется, - подтвердил Альдо. - Но в данном случае костью является мой старый друг. Завтра же я отправлюсь к мисс Алисе. А сейчас позвольте поблагодарить вас обоих за помощь, хотя вы меня почти не знаете.

Полина рассмеялась и поднесла сигарету в мундштуке к золотой зажигалке, предложенной Альдо.

- У нас, Белмонтов, - сказала она, - есть одно замечательное качество. Нам достаточно один раз взглянуть на человека, чтобы понять, чего он стоит, и мы никогда не ошибаемся. Поэтому не сокрушайтесь так из-за клыков Дэна Морриса, мы заставим его выпустить добычу. А теперь я бы с удовольствием пошла спать, - добавила она, прикрыв ладонью зевок.

Джон-Огастес и Морозини не замедлили последовать ее примеру.

Этой ночью Альдо спал гораздо хуже, чем в своей маленькой спальне, под окнами которой цвели штокрозы. Несмотря на солидные расстояния между виллами, в ночном воздухе слышались отзвуки джазовых оркестров, играющих почти повсеместно для любителей потанцевать, а также смех, крики, песни. Казалось, одни Белмонты не праздновали, но и это продолжалось недолго: около двух часов дюжина автомобилей доставила в «замок» гостей Синтии, и вскоре мелодия регтайма заполнила весь дом. Конечно, здесь были толстые стены, но Альдо позавидовал слугам, которые размещались в отдаленном флигеле рядом с конюшнями. Впрочем, никто из них и не подумал выйти, так как по общему правилу участники ночных развлечений должны были сами заботиться о себе. Однако когда Джон-Огастес около восьми утра выбежал на первое свидание с голубоватыми волнами океана, уборка шла вовсю.

- Я никогда не пойму, - доверительно сказал он Альдо, когда оба они сели завтракать, - что заставляет людей, танцующих где-то под хороший оркестр, являться в частный спящий дом, чтобы делать то же самое под граммофон, предварительно опустошив кухню. Но моя жена это обожает! Правда, во время сезона раньше полудня она не встает!

- А сейчас не слишком холодная вода?

- Холодная? Ледяная! Зато превосходно укрепляет нервную систему, а мы, Белмонты, всегда стремимся поддерживать нервы в хорошем состоянии!

- Говорите только за себя! - сказала Полина, появившись в этот самый момент в белом свитере и белой плиссированной юбке. - Вы, несомненно, единственный член нашей семьи, обладающий темпераментом полярного медведя. Наш отец терпеть не мог холодную воду, а наша дорогая мамочка за всю жизнь не потрогала пальчиком воду ни в одном из морей, хотя дважды совершила кругосветное путешествие.

- Быть может, на меня снизошло откровение? Вода превосходит все другие стихии! Что вы об этом думаете, Морозини?

- Я принадлежу к народу, который всегда бороздил моря, этим все сказано. Кроме того, я люблю плавать и обязательно пойду окунуться, но чуть позже!

- Вы не правы. Кстати, вчера вы говорили, что собираетесь нанести визит нашей соседке из «Болье»?

- Да, и чем скорее, тем лучше.

- Беддоуз вам это устроит. Он непревзойденный мастер по свиданиям, настоящий бог!

- Почему вы не сделаете своим секретарем его вместо этого мертвенно-бледного холодного карпа, который всегда словно скользит мимо и выглядит как фамильное привидение вашего нью-йоркского дома? Я никогда не смогу привыкнуть к нему!

- Потому что вы не учитываете психологию. Верно, что Купер похож на привидение, именно за это я его и ценю: ему нет равных, когда надо устрашить тех, кто является клянчить денег, и прочих докучных посетителей. Едва он показывает в улыбке свои длинные почерневшие зубы, как они обращаются в бегство с воплем «Спасите!». С тех пор как он у меня появился, я живу гораздо спокойнее! Но в случае нужды готов одолжить его вам.

- Я же сказал, что никогда не смогу привыкнуть к нему. Мои слуги тоже, а мне они очень

дороги.

Как бы там ни было, дворецкий подтвердил свою репутацию телефонным звонком в десять утра: княгиня Оболенская будет ожидать князя Морозини ровно в четыре. Но она сможет уделить ему лишь несколько минут по причине чрезвычайно насыщенной программы дня.

- Наверное, ей предстоит свидание со всеми мастерами своего дела. Забота о красоте отнимает у нее бесконечно много времени и стоит целое состояние. Какая жертва, если парикмахеру или массажисту придется подождать пару минут! Я бы охотно поехала с вами, Альдо, но это лишь ухудшит дело. Машина будет подана без десяти четыре.

Без двух минут четыре белый «Роллс-Ройс» с шофером и лакеем, также одетыми в белое, величественно катился по главной аллее «Болье», а еще через минуту лакей в ливрее ярко-синего цвета открыл дверцу перед Альдо, одетым в безупречный английский фланелевый костюм – серый в тонкую белую полоску – с шелковым галстуком, подобранным в тон. Поскольку ему были ненавистны модные в это время шляпы-канотье, на голове у него сидела лихо заломленная панама, которую он отдал вместе с перчатками вышедшему навстречу дворецкому. Его провели в небольшую, вызолоченную сверх меры гостиную в стиле Людовика XV, где на стенах, обитых расшитой розовой парчой, висело несколько картин. Он не успел их рассмотреть: часы на подставке розового мрамора и позолоченной бронзы начали бить, и на четвертом ударе дверь напротив той, что впустила его, распахнулась, и время отступило вспять – на три тысячелетия назад. Прекрасная египтянка, шествующая с расчетливой неторопливостью, могла быть и Клеопатрой, и супругой Рамзеса II. Все было продумано до мелочей: длинная белая льняная туника с тонкими складочками, позолоченные сандалии на ногах, густые черные волосы, разделенные надвое пробором – почти наверняка парик! – украшения из золота и лазурита, среди которых выделялось ожерелье с изображениями Овна, источник неприятностей Адальбера. Как человек тонкого вкуса, он оценил – даже при том, что час для бала-маскарада был неподходящий! – совершенство любовно создаваемого облика. Эта женщина была еще красивей, чем во время его последней встречи с ней на пароходе, и от нее исходил опьяняющий аромат духов, чей сложный состав не поддавался определению.

Он поклонился ей с безупречным изяществом светского человека, но, когда выпрямился, сверкнувшая в глазах искра и ироническая усмешка ясно выразили его отношение к хозяйке дома. Тем не менее он вежливо произнес:

- Не будучи египтологом, мадам, я не знаю, как следует приветствовать создание, явившееся из глубины веков. Возможно, следовало бы упасть ниц? Или это слишком?

- Столь многого от вас не требуется! Что вам нужно?

Сухой властный голос нарушил несомненное очарование, исходившее от великолепного облика, и Альдо сразу вспомнил Аву, ее мать. Невероятно, чтобы она говорила таким тоном с любовниками, иначе ей никогда бы не удалось поработить Адальбера.

- Побеседовать с вами, если позволите, – ответил он с еще более язвительной улыбкой.

Алиса вздернула выше свой маленький упрямый подбородок:

- Если речь пойдет об этом злополучном глупце, который притворился археологом, чтобы украсть у меня ожерелье, вы напрасно потеряете время.

- Это он напрасно потерял время, – сказал Морозини с внезапной резкостью, – посвятив вам столько дней и ночей, в которых французская археология нуждалась куда больше, чем вы. В

любом случае, для дамы, претендующей на столь тесную связь с глубокой древностью, у вас удивительно короткая память.

- Что вы хотите сказать?

- Не так давно «этот злополучный глупец, притворившийся археологом», - я цитирую ваши слова! - обеспечил вам помощь самого блестящего полицейского Скотленд-Ярда. Или вас уже сумели убедить, что и Гордон Уоррен самозванец?

- Я никогда так не думала, но, поскольку драгоценность у меня украли, этому типу было очень важно вернуть ее, иначе он не смог бы завладеть ею. Я полагала, что он старался ради меня, на самом же деле он работал на себя.

- ...а Уоррен проникся таким расположением к вору, что согласился отужинать у него и общался с ним как со своим другом? Вы сами были тому свидетельницей. Или его вы тоже считаете кретином?

- Во все нет, он просто был обманут, как и я. Признаю, что свою роль этот негодяй сыграл превосходно. Он великий актер...

- А я, его друг в течение многих лет, пригласивший его стать крестным отцом моего сына, кто же я, по-вашему? Сообщник или простофиля?

«Египетская принцесса» взяла сигарету из малахитовой шкатулки, закурила и небрежно откинулась на канapé Людовика XV, из-за чего мгновенно потеряла священное величие, превратившись в красивую женщину в маскарадном костюме. Потом, не предложив гостю присесть, она окинула его странным взглядом:

- Так ведь совершенно очевидно, что вы его сообщник! Вы прекрасно разыграли свою маленькую комедию на борту «Иль-де-Франс»: сделали вид, будто вы в ссоре с ним, тогда как на самом деле просто дожидались, когда он передаст вам похищенное ожерелье...

Подумать только, эта женщина показалась ему умной! Глупая курица, столь же тщеславная и ограниченная, как ее мать!

- ...и именно по этой причине, - продолжал он, подлаживаясь под ее тон, - уже на следующий день после отплытия ваш «дальний родственник» Иванов пытался заколоть меня кинжалом и столкнуть за борт?

- Вы с ума сошли?!

Она выкрикнула это с некоторым запозданием, и одновременно Альдо прочел ужас в больших черных глазах, казавшихся огромными из-за ее макияжа. Понимая, что случайно он коснулся большого места, хотя она вряд ли знала о покушении на него, он решительно развил эту тему:

- Если это вы попросили его оказать вам небольшую услугу, следовало объяснить ему, что не следовало пользоваться туалетной водой «Ветиве де Герлен», если хочешь преобразиться в довольно грязного матроса. Это немыслимое сочетание!

Она мгновенно вскочила с канapé:

- Убирайтесь! Вон из моего дома, или я прикажу слугам вышвырнуть вас! Как вы посмели обвинить меня в подобном злодеянии? Вы - презренное существо...

- Немного терпения, я должен сказать вам еще кое-что...

- А я не желаю вас больше слушать! Прочь, самозванец, гнусный лжец! Вы пришли только для того, чтобы встретиться со своим сообщником и подготовить новые мерзости! Лишь такие тупицы, как Белмонты, могли принять вас в своем доме, но они скоро расскажут...

Обезумев от ярости, она ринулась на него, но инстинктивно он успел уклониться от направленных ему в лицо ногтей, схватил ее за руки и сильным толчком вернул на канапе.

- Ну, хватит! - жестко произнес он. - Вы сумасшедшая, право слово, и вас следовало бы лечить! Говорят, это ожерелье погружало вас в транс, и я начинаю верить, что это правда!

- Да, это правда! Но исходит от него только истина и справедливость.

Похоже, она собиралась с силами для новой атаки, но в этот момент ожерелье соскользнуло с ее шеи и упало на ковер. Быстро наклонившись, Альдо подобрал его и одарил Алису насмешливой улыбкой:

- Что ж, посмотрим, как вы заговорите, лишившись своего талисмана?

Она вновь устремилась вперед, но он оттолкнул ее левой рукой, а правой поднес ожерелье к глазам. Его внимание привлекла одна деталь.

- Стойте спокойно и дайте мне посмотреть! - приказал он.

Его холодный тон отрезвил ее.

- Что вы хотите посмотреть? Верните мне ожерелье!

- Подождите, говорю вам!

Он вынул из кармана маленькую, но сильную ювелирную лупу, с которой не расставался никогда, и стал внимательно рассматривать реликвию Тутанхамона. Первое беглое впечатление не обмануло его. Он положил лупу в карман и вернул ожерелье Алисе.

- Можете вы мне объяснить, с какой стати знаменитый археолог стал бы воровать и прятать фальшивую драгоценность?

Ему показалось, что она сейчас задохнется от негодования:

- Фальшивую?.. Вы бредите, - взвизгнула она. - Я получила это ожерелье из рук самого лорда Карнавона!

- Только не это! Подаренное вам наверняка было подлинным, но если в вещах Видаль-Пеликорна нашли именно эту подделку, я могу вас заверить, что она не имеет никакого отношения к Тутанхамону. Если вы не верите мне, обратитесь к своим ювелирам. А затем вам придется отозвать свою жалобу: она безосновательна и одновременно несправедлива.

- Нет. Это еще не ясно. Быть может, он принес подделку, чтобы заменить подлинное ожерелье?

- Очень правдоподобно! Вы начитались романов, мадам, и я не буду мешать вашим грезам, но прежде мне хочется задать вам последний вопрос... Любили ли вы Адальбера, пока не выбросили его, как надоевшее платье?

Внезапно она прониклась величайшим интересом к своим наманикюренным ногтям, хотя пурпурный лак был наложен безупречно. И наконец произнесла с глубоким вздохом:

- Думаю, я очень его любила! Он был так забавен и так удобен!

- Удобен? - переспросил Альдо, шокированный этим определением.

- Конечно! Он так много знал, рассказывал такие интересные истории! Слушать, как он говорит о моем обожаемом Египте, было настоящим счастьем! Должно быть, он немало прочел? - добавила она, сдвинув брови.

- Госпожа Оболенская, - с раздражением ответил Альдо, - орден Почетного легиона, академические лавры и место в Академии не дают человеку, который небрежно просматривает научно-популярные книжонки с единственной целью поразить женщину, подобную вам!

- О, награды, сколько людей получают их, не имея на то никакого права!

Можно ли быть такой красивой, такой вздорной и такой тупой? Впервые в жизни Альдо захотелось ударить женщину. Хотя бы для того, чтобы убедиться, затрещит ли погремушка, заменяющая ей мозги... Отбросив надежду договориться с ней, он коротко поклонился и двинулся к выходу, утопая в коврах, устилающих мраморный пол. Ему также хотелось выяснить, что стало причиной поднявшейся в вестибюле суматохи, но едва он подошел к двери, как та запахнулась, чуть не врезавшись ему в лицо, и раздался голос - для него незабываемый:

- Мне сказали, что ты здесь, доченька? Ну да, так и есть! Какая удача! Ты займешься разными мелочами. Разумеется, предварительно переодевшись: этот лен в складочку очень мил, но непрактичен. А что это за парик? И зачем тебе понадобился парик? Неужели ты лысеешь? Это было бы ужасно, хотя моя горничная знает чудодейственное средство...

Волна слов затопила гостиную. Одновременно Алиса, испытывающая несказанные муки, с каждой секундой словно бы усыхала на глазах.

- Мама! - пролепетала она наконец. - Зачем вы приехали сюда и что вы собираетесь делать?

- Как это что? Я собираюсь проследить за организацией нашего грандиозного летнего бала, как делала это всегда.

- Кроме прошлого года, когда вы были в Монте-Карло, и позапрошлого, когда вы неизвестно чем занимались в Стамбуле.

- Ты полагаешь? В конечном счете это возможно, но время от времени мне необходимо вспоминать о моих обязанностях, об этом доме, где я всегда чувствую себя хозяйкой...

- Мама! Теперь дом принадлежит мне!

- Что это ты мне поешь? Разумеется, законным собственником является твой брат Венсан, не спорю, но у меня тем не менее возникла масса премилых идей в связи с нашим любимым домом. Ну-ну, мои деточки, потише, потише! - добавила она, обращаясь к своре из пяти тойтерьеров, ворвавшихся в гостиную и носившихся туда-сюда с целью размять лапы.

Один из них проявил особый интерес к Морозини. Зачарованный выступлением своей старой знакомой и ее экстравагантным обликом, он застыл около двери, а собачка, вознамерившись

прогнать его оттуда, атаковала отвороты брюк. Эта активная деятельность привлекла внимание хозяйки, которая поспешила на помощь к Альдо.

- Ну же, мое гадкое сокровище! Этот господин пришел сюда не для того, чтобы играть с тобой и...

Отгаскивая своего терьера назад, она подняла голову, и лицо ее тут же озарилось широкой радостной улыбкой.

- Да это же мой маленький князь-гондольер! - воскликнула она. - Каким добрым ветром вас принесло, дорогой мой? Я совсем недавно вас вспоминала!

- Леди Рибблздейл, примите мои уверения! - пробормотал Альдо, удрученный появлением знаменитой и невыносимой Авы Астор, которая не желала отказываться от этого титула, хотя после брака с лордом успела развестись, выйти замуж еще раз и даже овдоветь. Эта манера именовать его «маленьким князем-гондольером» с самого начала вызывала у него желание отхлестать ее по щекам. [36] Однако она никогда не забывала о его ремесле и при каждой встрече надоедала ему просьбами раздобыть тот или иной знаменитый алмаз. Вместе с тем, невзирая на свои шестьдесят лет, она в значительной степени сохранила ту ослепительную красоту, которая делала ее королевой везде, где бы ей ни доводилось бывать. Королевой, правда, очень невоспитанной, ибо, будучи эгоисткой до мозга костей, почти лишенной сердца, она глубоко презирала большую часть своих современников и даже не думала этого скрывать.

- Вы знакомы? - подала слабый голос Алиса.

- Конечно, мы знакомы! Мы даже большие-большие друзья, когда он соглашается исполнять мои желания. Что случается редко, должна признать, хотя ради других он совершает настоящие чудеса.

- Так он не самозванец?

Леди Рибблздейл, не без труда согнав двух собачек с кресла, на которое хотела сесть сама, смерила дочь пренебрежительным взглядом:

- Кто сказал тебе такую глупость? Если ты сама вышла замуж за фальшивого князька, не следует думать, будто других не бывает. Вот этот князь настоящий, и, сверх того, он лучший эксперт по историческим алмазам. Говорят, его венецианский дворец - просто чудо какое-то. Кстати говоря, - добавила она, повернувшись к Альдо, - будущей осенью я намереваюсь пригласить себя к вам.

- Минутку, мама! - перебила Алиса. - Если вы так близки с ним, то, возможно, знаете и одного из его друзей? Так называемого египтолога...

- Человек с непроизносимой фамилией? Алиса, доченька моя, ты стала полной дурой? Я давно знала, что кровь Асторов гроша ломаного не стоит, и только благодаря нашей породе Лоулов Уиллингов ты и твой брат хоть немного похожи на приличных людей. А теперь скажи мне: ты не заболела манией преследования? Тебе повсюду мерещатся самозванцы! А как он поживает, этот... этот...

- Адальбер Видаль-Пеликорн, леди Ава! Он в тюрьме. Княгиня Оболенская...

- Оболенская? Фу!

- ...обвиняет его в краже вот этого ожерелья...

- Какой идиотизм! Эта фитюлька даже и не особо красива, хотя у моей дочери великолепные драгоценности! Ведь она унаследовала, например, диадему, которая принадлежала моей свекрови и чудесно подходила мне. Кстати, об украшениях... Наверное, у вас на примете есть что-то интересное? Конечно же, вы приехали сюда, чтобы купить уникальную вещь? Вы не привыкли утруждать себя ради пустяков. Тем более так далеко от Венеции... Что это такое, признавайтесь?

По мере того как она говорила, Альдо все меньше и меньше жалел о ее присутствии, хотя поначалу воспринял ее появление как катастрофу. Не исключено, что эта дама была посланцем небес. И он не пожалел для нее самой ослепительной своей улыбки:

- Это еще туманный проект, леди Ава, возникший на основе не вполне точной информации, которую следует проверить.

- Но что же это? Что? - вскричала она, сразу же приходя в страшное возбуждение.

- Крест из алмазов, рубинов и жемчуга с серьгами из тех же камней...

Она скорчила гримасу:

- Как вы сказали... Крест?

- ...который принадлежал великой герцогине Флоренции и, по крайней мере, одной из королев Франции: Марии Медичи. Роскошные драгоценности! Крест вот такой величины, - продолжал он, показав приблизительный размер.

- Да? О, это хорошо! Даже очень хорошо! И где же этот гарнитур?

- Я твердо убежден, что украшение находится в Нью-Йорке, но не знаю, кто им владеет.

- Вероятно, я могла бы помочь? Я знаю почти все драгоценности, которые хранятся в шкапулках у дам, жаждущих блистать на балах...

вернуться

36

См. роман «Роза Йорков». (Прим. авт.)

- Благодарю вас за предложенную помощь, леди Ава, несомненно бесценную для меня, но на сей раз я бессилен, поскольку не могу рассчитывать на своего привычного ассистента. Перед отъездом домой я хотел добиться лишь одного: вытащить моего друга Адальбера из когтей шерифа Морриса и из ловушки, в которую его заманили Ивановы. Мадам, ваша дочь отказывается признать очевидный факт того, что эти люди вознамерились опорочить его в ее глазах, хотя знает - я только что сообщил ей об этом, - что это ожерелье фальшивое.

- Ивановы? Это еще кто такие?

- Наши родственники! - злобно выкрикнула Алиса, нашедшая убежище на канapé. - Кэролайн Ван Дрейсен и ее муж.

- Эта молодая дуреха и ее казак? Если ты с ними породнилась, дело твое, но меня не припутывай! Их даже ничтожествами назвать нельзя! И ты доверилась этим людям? Как будто ты не знаешь, что Кэролайн страшно завидует тебе, а ее болван-казак делает все, что она пожелает...

- В данном случае они оказали мне услугу! - заявила Алиса, застыв в своем плиссированном облачении наподобие статуи фараона.

- Я бы такого слова употреблять не стала! И вообще, ступай переоденься! Скоро подадут чай, а у тебя совершенно невозможный вид! Ну, а вы пойдете со мной, я увожу вас!

Она взяла Альдо под руку и властно повлекла за собой. Все это произошло так быстро, что он не успел даже попрощаться с ее дочерью. Оказавшись в огромном холле, где дюжина слуг занималась переноской ее бесчисленных чемоданов, она прижала его к апельсиновому дереву в кадке из китайского фарфора.

- Если я вытащу вашего египтолога из тюрьмы, вы продолжите поиски гарнитура?

Она сразу устремилась туда, куда он намеревался ее завлечь. Поэтому он только ради приличия сделал вид, будто размышляет над этим предложением:

- Нет сомнений, это придаст мне мужества. Не стану скрывать, сейчас мне его отчасти не хватает.

- Черт возьми, встряхнитесь, мальчик мой! Если я верну вам вашего белого как снег друга, который, полагаю, ни сном ни духом не замешан в эту безумную историю, вы должны обещать мне, что продолжите поиски вместе с ним!

- Я могу поручиться лишь за самого себя. Возможно, он захочет прежде всего вернуть настоящее ожерелье с изображениями Овна законной собственнице...

- Почему бы и нет? Одно не мешает другому, и вы могли бы вести совместное расследование, имея в виду обе цели!

Невероятная женщина! Она говорила об этом так беззаботно, как будто речь шла о походе на рынок за вишнями и яблоками. Но помощь свою она предложила очень вовремя. И он решительно произнес:

- Даю вам слово, леди Ава. Верните мне Адальбера, и я вновь примусь за дело.

- Bravo! Но скажите-ка мне вот что... В каком направлении движутся ваши поиски? У вас уже есть какие-нибудь идеи?

- Возможно. Но для откровений момент неподходящий, да и час тоже.

Действительно, дом буквально содрогался от ударов гонга, который можно было услышать даже с дороги.

- А! Чай подан! - расшифровала леди Рибблздейл. - Мне нужно переодеться, но мы скоро увидимся... Вы знаете «Гузберри-Айленд-Клуб»?

- Нет. А что?

- Мы могли бы встретиться там завтра за обедом. Это очень занятный клуб для джентльменов,

которые купаются, пьют и ловят рыбу нагишом! О, не беспокойтесь, – добавила она, наслаждаясь ошеломленным видом Альдо, – когда на ленч приглашены дамы, они одеваются.

Если бы он не знал ее так хорошо, то мог бы довериться невинному выражению лица, но ему меньше чем когда-либо хотелось быть свидетелем ее эксцентричных выходов.

– Это и в самом деле было бы ужасно занятно, однако в интересах расследования я стремлюсь насколько возможно не привлекать к себе излишнего внимания. Быть может, мы сумеем улучшить момент во время какого-нибудь приема? Они происходят каждый день.

– Почему бы нет? Где вы остановились?

– Рядом с вами, у Белмонтов!

Леди Рибблздейл сделала гримасу и фыркнула совсем не аристократическим образом, но Альдо был к этому готов.

– Вы могли бы найти что-нибудь получше! – заявила она. – Впрочем, если иметь дело лишь с теми людьми, которые нам нравятся, пришлось бы сидеть дома и никуда не ходить. Скоро увидимся, пока!

Обращенная в бегство вторым залпом ударов гонга, она устремилась к лестнице. Альдо, взяв шляпу и перчатки, пошел к своей машине. Очень вовремя: не меньше дюжины «Бентли», «Паккардов», «Даймлеров» и прочих «Роллс-Ройсов» двигалось по аллее, которая, к счастью, была достаточно широкой, чтобы разминуться.

Впервые за долгое время Альдо чувствовал себя умиротворенным и почти счастливым. Он больше не сомневался, что Адальбер очень скоро выйдет на свободу. В надежде заполучить королевские драгоценности Ава Астор была способна на все. Она могла бы даже свалить правительство любой страны, лишь бы добиться своей цели. Дочь значила для нее гораздо меньше, чем перстни на ее красивых руках, всегда сверкающих алмазами. Оставалось узнать, как поведет себя Адальбер по выходе из тюрьмы. Вернется ли он в «Болье», если ему принесут подходящие случаю извинения, или же все мосты были сожжены между ним и Алисой – по его собственной воле или по желанию молодой женщины?

Выяснить это можно было только одним способом: позаимствовать у Джона-Огастеса подзорную трубу, устроиться у окна своей спальни и никуда не отлучаться, чтобы не пропустить важные события, которые произойдут в «Болье» в ближайшие часы. Альдо с трудом подавил желание встретить Адальбера у офиса шерифа, опасаясь унижить друга.

Полина, которую он ввел в курс дела, полностью одобрила его действия. Несомненно, Ава не затратит много времени на то, чтобы вразумить Алису, и, скорее всего, уже завтра узник обретет свободу, так как чайный церемониал и вечерние развлечения – бал в «Роузклифф» – не слишком благоприятствовали семейной разборке, особенно с участием таких персонажей, как Ава Астор и ее дочь. Но Альдо решил занять наблюдательный пост незамедлительно.

– Реакцию этой псевдоегиптянки предсказать невозможно, – сказал он баронессе. – А телефонный звонок много времени не занимает. Если Алиса позвонит шерифу, Адальбер выйдет на свободу уже сегодня вечером. В таком случае шериф либо привезет его сюда, либо просто отпустит, однако без багажа своего он обойтись не сможет. А его вещи, конечно, все еще здесь...

– Вне всякого сомнения. В таком случае, идите! – подытожила Полина и распорядилась, чтобы

ему принесли великолепную подзорную трубу на медном треножнике, настолько мощную, что из нее можно было бы наблюдать и за звездами.

Как превосходная хозяйка дома, знающая привычки своих гостей, она велела подать ему очень крепкий чай и объявила, что попозже придет ужинать в его комнату.

- Вам будет не так скучно, - улыбнулась она.

- Но что скажут ваши брат и невестка?

- Ничего. Насколько я знаю Джона, он присоединится к нам. Он любопытен, как сестра-послушница, и без ума от вас. Ну а Синтия уже отправилась развлекаться.

Все вышло, как было задумано. Ужин накрыли в комнате Морозини, а в соседнем доме тем временем зажигались окна, хотя сегодняшний бал давало семейство Стьювесент Фиш. Но именно таким образом оповещала о своем присутствии леди Рибблздейл: где бы она ни находилась, ее жилище должно сверкать всеми огнями. Контраст со спокойным «Белмонт-Кастлом» был поразительным, и Альдо встревожился:

- Вы наверняка получили приглашение на сегодняшний вечер? Не считайте себя обязанными оставаться дома из-за меня!

- Я терпеть не могу эти грандиозные приемы, - провозгласил Джон-Огастес, - а моя жена делает все, чтобы наша семья была достойно представлена в свете. Что касается Полины, она уже выросла и может решать за себя сама.

- Не терзайтесь угрызениями, дорогой Альдо, и вспомните, что миссис Стьювесент Фиш пригласила тех же самых людей, которых вы завтра встретите у Дресвелей, послезавтра у Ван Эленов, а на будущей неделе у нас. Я стараюсь тщательно выбирать время и место своего появления, - заключила она с лукавой улыбкой.

Все же этим вечером в «Болье» кое-что произошло: около восьми часов Полина и Альдо увидели, как Ивановы погружаются в одну из принадлежащих Асторам машин со всем своим багажом. По выражению их лиц легко можно было догадаться, что случилось.

- Ого! - воскликнула баронесса. - Как видно, теперь в доме верховодит Ава!

Сомневаться в этом не приходилось. Она стояла на крыльце собственной персоной, скрестив руки на груди, и удалилась, лишь когда машина, сопровождаемая багажным фургоном, выехала за пределы владения.

- Это похоже на экзекуцию, - сказал Альдо. - Графиня Иванова плакала...

- Разумеется. Насколько я знаю Аву, она должна была распорядиться, чтобы слуги перевернули все вверх дном в их комнате... и очень возможно, что им удалось найти ожерелье.

- И она отпустила их, вместо того чтобы вызвать шерифа?

- Просто из уважения к семье Кэрлайн. Даже если она клептоманка - а я всегда это подозревала! - Ван Дрейсены не заслужили позора публичного ареста. Ава предпочитает, чтобы они получили по заслугам где-нибудь в другом месте.

Помимо отъезда Авы и ее дочери, сверкающих как рождественские елки, на бал к семейству

Стьювесент Фиш, больше в этот вечер ничего не произошло. В конце концов наблюдатели решили лечь спать, но Альдо, поднявшись на рассвете, принял душ, побрился и оделся, чтобы быть в полной готовности. Он уже занял наблюдательный пост, когда появилась Полина в теннисном костюме и с подносом для завтрака. Она светилась радостью жизни и в белом свитере с короткой юбкой походила на девочку, какой была когда-то. Альдо не преминул заметить это, целуя протянутую ему руку:

- Кажется, сегодня утром вы в прекрасной форме, баронесса?

- Это правда, и я сама не знаю почему, но внутренний голос говорит мне, что нас ожидает хороший день. Что нового?

- Я вижу только, как светит солнце и зеленеет трава, - вздохнул он, процитировав жалобные слова «сестрицы Анны» из «Синей Бороды».

- В принципе что-то должно произойти. Если следовать здравой логике, мы скоро увидим, как шериф привезет вашего друга или же за ним отправят машину.

- Быть может, он не захочет возвращаться туда, где ему нанесли столь незаслуженное оскорбление? Кроме того, вернуть его потребовала леди Рибблздейл. Ее дочь, судя по всему, не очень-то с ней согласна.

- А поскольку обе они отличаются страшным упрямством... О, вот и машина!

- И это вы называете машиной?

Действительно, посреди армии садовников с граблями и лейками ко входу в замок «Болье» неторопливо двигался багажный фургон. Слуги вынесли из дома большой чемодан, саквояж и дорожную сумку, сразу же опознанные Морозини.

- Это вещи Адальбера! - вскричал он. - Что все это значит?

- Что он не вернется к Алисе. Пойдемте! Моя машина готова к выезду, мы последуем за фургоном.

Они вихрем пронеслись вниз по лестнице, и мгновение спустя Полина рванула мощный «Паккард» с места вслед за облаком пыли, поднятой грузовичком, в котором место пассажира занял дворецкий Алисы. Фургон направлялся к административному центру Ньюпорта, где рядом с мэрией располагался офис шерифа. Обе машины остановились перед ним, но Полина сохранила дистанцию в несколько метров. Никто не пошевелился: все ждали.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут дверь распахнулась и на пороге появился Видаль-Пеликорн в сопровождении шерифа Дэна Морриса, явно недовольного развитием событий. Адальбер выглядел неважно: в помятой одежде, разумеется, небритый, с осунувшимся из-за недосыпания лицом и волосами, взлохмаченными больше, чем всегда. Взгляд у него был равнодушный и пустой, как будто он потерял интерес к чему бы то ни было. Крушение иллюзий подействовало на него сильнее, чем арест.

Быстро выйдя из машины, Полина и Альдо подошли настолько близко, что услышали, как Дэн Моррис сообщил заключенному об освобождении, а дворецкий Алисы спросил, в какой отель следует доставить багаж - быть может, сразу на причал, откуда отправляется паром? Альдо едва не ринулся вперед, чтобы оградить друга от этого дополнительного унижения, но мощная длань Полины удержала его, а сама баронесса провозгласила звучным голосом:

- Доставьте ко мне! Если эти выскочки Асторы так мелочны, что не способны признать свою неправоту по отношению к прославленному ученому, которому они нанесли оскорбление, мы, Белмонты, просим его почтить наш дом своим присутствием!

Эта несколько театральная тирада сумела пробить апатию Адальбера, который даже попытался улыбнуться молодой женщине:

- Благодарю вас, мадам, но вы без труда поймете, что у меня осталось только одно желание: как можно скорее уехать отсюда! Причал парома – это то, что мне нужно.

- Но не мне! – произнес Альдо, выступив из-за спины Полины. – Ты уедешь, когда захочешь, но с воинскими почестями. И только так. Не как лакей, изгнанный за нерасторопность! Эта шлюха должна принести тебе извинения!

- Пусть оставит их при себе! Это меня не интересует!

- И ты не хочешь выяснить, куда подевалось это проклятое ожерелье Тутанхамона? Раньше ты проявлял больше любопытства...

- Нет... Нет, видишь ли, я даже это не хочу выяснять. Возможно, потому, что уже знаю...

- Иванов, конечно? Он пытался убить меня на Иль-де-Франс, так как считал, что я сел на пароход с целью забрать ожерелье после того, как ты его подменишь...

- Не может быть?!

- Нет, может! Спроси у присутствующей здесь баронессы фон Этценберг, гостеприимство которой я умоляю тебя не отвергать!

- Сжался надо мной, позволь мне уехать! Я по горло сыт всей этой историей! Почему ты заставляешь меня остаться?

Альдо положил руку на плечо Адальбера и, притянув его к себе, поглядел ему прямо в глаза:

- Потому что ты мне нужен! И ты сам не представляешь, до какой степени...

Глава XI

Праздник у Синтии

Адальбер слишком хорошо знал своего друга, чтобы хоть на секунду усомниться в его словах, когда тот попросил о помощи. Поэтому он без всяких протестов сел в автомобиль. Труднее оказалось убедить дворецкого Алисы отвезти багаж в «Белмонт-Кастл»:

- Я сильно опасаюсь, – заявил он Полине, – что и госпожа княгиня, и леди Рибблздейл будут крайне недовольны мной, если я нарушу отданный мне приказ. Последствия могут быть таковы...

- Что выставят вас за дверь? Да, насколько я их знаю, они на это вполне способны. Но в таком случае вы могли бы поступить на службу к нам!

- С величайшей радостью, госпожа баронесса может в этом не сомневаться, но... вашему Беддоузу это может не понравиться, да и мне самому не хотелось бы оказаться под его началом. К тому же есть еще и Клементина, горничная госпожи княгини...

- С которой вы не желаете расставаться? - со смехом сказала Полина. - Что ж, я вас вполне понимаю! Хорошо, я позвоню означенному Беддоузу, пусть придет наш грузовичок. Вы переложите багаж в него, а затем спокойно вернетесь в «Болье» и с чистой совестью скажете, что оставили вещи господина Видаль-Пеликорна перед офисом шерифа! Ваша хозяйка будет вполне довольна...

Через несколько минут Адальбер с некоторой робостью вошел в дом Белмонтов. Его появление прошло почти незамеченным. По-прежнему незримая Синтия все еще спала, Джон-Огастес находился на своей яхте, а великолепный Беддоуз с присущим ему сверхъестественным тактом сделал все, чтобы никто из слуг не увидел Адальбера в облике человека, только что выпущенного из тюрьмы. Комнату ему дворецкий подготовил в крыле, противоположном «Болье», а тем временем Морозини отвел его к себе, где он мог бы заняться своим туалетом, не дожидаясь прибытия чемоданов. Альдо позаботился даже о подносе с закуской, чтобы Адальбер перекусил перед еще далеким ленчем.

Адальбер безмолвно принял эти знаки внимания и сразу заперся в ванной комнате Альдо, который в нервном ожидании стал курить сигарету за сигаретой и издал вздох облегчения, когда его друг появился в голубом махровом халате, чисто выбритый, с влажными волосами и наконец-то ожившим взглядом: было ясно, что прежний Адальбер возродился. Он выпил три чашки кофе подряд, съел столько же тостов с маслом и толстым слоем апельсинового мармелада, выкурил предложенную Альдо сигарету, развалился в кресле и наконец сумел улыбнуться.

- Прежде всего благодарю тебя за то, что ты сделал! - сказал он. - У меня нет уверенности, что я это заслужил, поэтому чувствую себя полным идиотом! Да и выглядел я, наверное, не самым лучшим образом...

- Перестань, прошу тебя! Когда ты вытащил меня из турецкой тюрьмы в Стамбуле, я тоже был весьма несвеж! Ну что, забудем все и начнем сначала?

- С наслаждением! - воскликнул Адальбер. - А теперь рассказывай! На пароходе ты говорил мне о каком-то гарнитуре и убийце, у которого на совести как минимум три жертвы.

- Браво! Ты хоть почти не слушал меня, однако же все запомнил! Мне остается только объяснить тебе все обстоятельства дела...

В своей спокойной и точной манере, не упустив ни единой детали, Альдо стал излагать своему другу все события, ощущая себя чуть ли не Тераменом, [37] но Адальбер слушал его с таким напряженным вниманием, что постепенно он сам воодушевился. Когда рассказчик дошел до признаний Агостино, археолог не выдержал:

- Это какая-то безумная история! В ней есть нечто средневековое. Каким образом в наше время и тем более в этой стране, слишком молодой и потому грубой, воскресла древняя легенда о девственницах, отдаваемых на заклятие спрятанному Минотавру? Меня не удивляет, что шериф подкуплен и закрывает на все глаза, но ведь есть другие полицейские более высокого ранга, есть прокуратура...

- Есть также мафия с ее зловещим могуществом. Если твой Минотавр - кстати говоря, мне это сравнение очень нравится! - принадлежит к подобной тайной организации, к нему не подступишься...

- И ты, бедняга, безвинно вляпался в эту трясиину?

- Вот почему я сказал тебе, что мне нужна твоя помощь. Риччи в очередной раз собирается жениться, и есть все основания предполагать, что сценарий повторится: непосредственно перед брачной ночью его вызовут куда-нибудь по срочному делу, а через несколько дней будет обнаружен окровавленный труп. Я хочу предотвратить такую развязку и все еще пытаюсь найти способ пробраться в этот смехотворный флорентийский дворец...

- Но ведь мы всегда можем что-нибудь предпринять вдвоем? Мне хочется поближе присмотреться к этому месту. Когда состоится свадьба?

- Не знаю, но оба предыдущих раза это всегда происходило 22 июля.

- В праздник Марии-Магдалины, евангельской грешницы? Такое совпадение не может быть случайным. Значит, жертвы - женщины легкого поведения, заслуживающие кары?

- О двух первых ничего не могу сказать. Но несчастная Жаклин в любом случае под это определение не подходит: она была наивной дурочкой и все еще верила в Деда Мороза. Что касается новой невесты, она отнюдь не ангел, и когда ты, как я надеюсь, получишь возможность увидеть ее, это станет самым большим сюрпризом в твоей жизни.

- Я с ней знаком?

- Мы оба с ней знакомы, и большого счастья нам это не принесло. Сейчас она называет себе Мэри Форсайт, но речь идет о нашей старой знакомой Хилари Доусон, называемой также Марго-Пирожок.

Адальбер вытаращил глаза:

- Не может быть!

- Еще как может! Волосы у нее потеряли прелестный серебристый скандинавский оттенок, который так тебе нравился, сейчас она скорее яркая венецианская блондинка, но это не настолько изменило ее, чтобы нельзя было узнать. И она чувствует себя очень комфортно в роли невесты, что меня весьма интригует. Хочет ли она завоевать положение в обществе, выйдя замуж за миллиардера и запрятав тем самым воровскую фомку в чулан, или же надеется повернуть чрезвычайно выгодное дельце, поймав в свои сети мужчину, в котором нет ничего привлекательного, кроме денег? Возможно, она намерена удрать с добычей, предварительно избавившись от него? Не сомневаюсь, она навела справки и должна знать о предыдущих браках Алоизия Чезаре.

- В этой истории с женитьбой есть что-то, чего я не понимаю: зачем надо доводить дело до этого?

- Ты хочешь сказать, зачем нужна свадьба? Этот вопрос я уже задавал себе. Не могу сказать, что нашел ответ, но мне кажется, все это связано с Бьянкой Капелло, поскольку Риччи женится лишь на тех девушках, которые более или менее на нее похожи. У Хилари сходства скорее меньше, чем у других, хотя она сделала все, чтобы максимально приблизиться к образцу. Это заставляет меня думать, что ей известно об этом деле больше, чем мне. Ты знаешь историю Бьянки?

- Очень поверхностно.

- Жаль, что с нами нет Лизы: она рассказывает ее дивным образом. От меня такого блеска ожидать нельзя, но нужно мириться с тем, что имеешь.

Он справился с задачей достойно. Когда рассказ был завершен, Адальбер задумчиво взлохматил волосы, которые уже успели высохнуть:

- Нет сомнений, ты прав. Твоя Колдунья - ключевая фигура. Первую жертву звали Буэнавентури, как первого супруга, а нашего преступника или сообщника - Риччи, как убийцу вышеупомянутого мужа. И не хватает только призрака этой дамы, бродящей по копии дворца Питти. Кстати, мне страшно хочется его увидеть, этот дворец...

- Отправимся после обеда, если хочешь. Прогулка на велосипеде тебя взбодрит.

- Зачем нам велосипед, если в гараже полно машин? - проворчал Адальбер, который очень не любил переутомляться, если была возможность этого избежать.

- В здешних краях это самое популярное средство передвижения, позволяющее ездить повсюду и не привлекать к себе внимания.

- Но кто же захочет не привлекать к себе внимания во время сезона в Ньюпорте? Чем больше показываешься на людях, тем чаще тебя желают видеть.

Первый удар колокола, возвестивший обед, прервал эту беседу и заставил Адальбера ринуться в свою комнату, чтобы сменить банный халат на более подобающий костюм. Он показал неслыханную резвость и уже при втором ударе догнал Альдо на лестничной площадке, так что по лестнице друзья спустились вдвоем.

На сей раз на террасе с цветущими розовыми кустами под большим тентом в белую и голубую полоску Полина оказалась не одна: рядом с ней стояла женщина лет тридцати с короткими светлыми волосами, искусно уложенными вокруг красивого, но не слишком выразительного лица, на котором выделялись лишь высокие брови, придававшие ее карим глазам вечно удивленное выражение. Это была Синтия. Одета в фланелевый костюм для тенниса - самый распространенный в час ленча наряду с костюмами для верховой езды или гольфа, - она поочередно протянула обоим мужчинам слишком наманикюренную для спортсменки руку и приветствовала их на светский манер, иными словами, наградила княжеский титул Альдо более сердечной улыбкой, чем академические лавры Адальбера. Впрочем, улыбка стала шире при известии, что прославленный археолог отныне будет украшать собою не суетный салон Алисы Астор, а радушный «Белмонт-Кастл». Синтия ненавидела свою соседку и не скрывала этого.

За стол сели, не дожидаясь Джона-Огастеса, который, естественно, опаздывал, и разговор сразу зашел о бале на следующей неделе - главного дела Синтии. Поэтому беседа быстро превратилась в ее монолог, прерываемый изредка репликами Полины. Лишь появление не слишком смущенного опозданием супруга заставило Синтию умолкнуть. Джон-Огастес заверил Адальбера в том, что очень рад видеть его в своем доме, и тут же перешел к необыкновенным достоинствам новой яхты, воспевая ее в лирических тонах, которым недоставало только трубных звуков «Аиды» в качестве фонового аккомпанемента. Синтия не выдержала и взбунтовалась против этого морского нашествия, обменялась колкостями с мужем и покинула стол, когда подали десерт. Она заявила, что будет пить кофе в своей комнате, где никто не помешает ей обдумывать детали предстоящего праздника. За все время ленча Альдо и Адальбер не произнесли ни единого слова.

Едва Синтия удалилась, как до террасы донеслись гнусавые звуки ее банджо. Джон-Огастес прекратил поглощать сыр «Стилтон», который запивал превосходным портвейном, и, пожав плечами, недовольно сказал сестре:

- Надеюсь, вы тоже чем-нибудь займетесь? Если дать ей полную свободу, она способна пригласить черный джаз-банд на свой бал восемнадцатого века просто для создания контраста!

вернуться

37

Персонаж трагедии Ж. Расина «Федра». (Прим. пер.)

Полина, откинувшись на спинку плетеного ивового кресла, переплела пальцы и сказала со вздохом:

- Я спрашиваю себя, не приходит ли вам с Синтией в голову мысль, что вы оба принадлежите к числу самых невоспитанных людей в стране, где вежливость вообще не в чести. Вы наперегонки оглушали нас - она своим балом, ты вашей яхтой! Господи, как же трудно вас выносить!

Джон-Огастес, лукаво сощурился и усмехнувшись, все же оторвался от сыра с портвейном и посмотрел на троих сотрапезников:

- Я знаю и смиренно прошу у вас прощения, но если бы я не перехватил бразды правления, вы слушали бы только мою жену. По крайней мере, я внес некоторое разнообразие в беседу. Бал, снова бал, все время бал - последние два месяца мы говорим только об этом!

- Хвала небу, что я не живу вместе с вами! Что касается вечернего приема у нас, я не вижу, чем он будет отличаться от других, более или менее живописных, на которые мы уже получили приглашение.

- А вот чем: все вы должны одеться в белые костюмы, но восемнадцатого века! И вы не представляете, что это будет за зрелище: тут вам и платья с фижмами, и облегающие короткие штаны, и туфли с пряжками, от которых у вас заболят ноги, и парики, увы, естественно, напудренные! Ох уж эта пудра! Она разлетится повсюду. Если кому-нибудь придет в голову фантастическая мысль прикончить ближнего своего на этом проклятом балу, полиция получит столько отпечатков пальцев, сколько захочет! Но вы еще не знаете, чего вам удалось избежать, - продолжил он, увидев унылые физиономии сотрапезников. - Синтия хотела возродить олимпийских богов! Мы бы толкались среди Юпитеров с молниями из позолоченного картона, так как на роль Вулкана претендентов обычно гораздо меньше.

- А я, возможно, предпочла бы именно это! - задумчиво проронила Полина. - Греческий костюм очень подходит мужчинам с красивыми ногами...

- Не мечтайте об этом и подумайте лучше, сколько бы к нам явилось ожиревших Венер с артритными ногами.

Альдо засмеялся, но твердо предупредил, что не сможет присутствовать на балу, если ему не разрешат появиться в современной одежде. Ту же просьбу высказал Адальбер, однако у Джона-Огастеса ответ был готов заранее:

- Никоим образом! В доме имеются километровые запасы атласа, бархата и парчи, специально заготовленных для гостей, которых предупредили слишком поздно о грандиозных замыслах

Синтии. Мы также наняли китайского портного, который живет около синагоги. За сутки он изготовит вам любой наряд при условии, что вы сделаете для него эскиз! В противном случае вы рискуете стать жертвой его фантазии! Вы могли бы преобразиться в китайских мандаринов...

- В восемнадцатом веке они были, - задумчиво произнес Альдо. - Возможно, это не такая уж плохая идея. Позволительно ли узнать, что вы выбрали для себя, мистер Белмонт?

- Зовите меня Джон-Огастес! Так проще. Что касается вашего вопроса...

- Держу пари, что я сумею ответить! - воскликнула Полина. - Костюм моряка! И я бы поставила на Джона-Пола Джонса!

- Какой же вы бываете несносной! - вскричал ее брат, встав из-за стола. - Пропал мой сюрприз! Джентльмены! С вашего разрешения я удаляюсь, ибо ощущаю необходимость устроить себе небольшую сиесту, которую рекомендую и вам.

- Мы предпочитаем прогуляться, - сказал Альдо. - Погода стоит идеальная...

- В таком случае берите любую машину или лошадь, которые вам приглянутся! - провозгласил Джон-Огастес, направляясь к выходу. - Вы у себя дома... Я бы отправился с вами, но мне надо найти костюм. У этой дурехи редкий талант: она может прожужжать вам все уши по поводу какой-нибудь темы, но главного так и не скажет! Да и вам тоже следовало бы заглянуть к Тонг Ли.

- Сегодня же вечером мы ходим к нему, - обещал Альдо. - Что касается бала, не будет слишком нескромным спросить вас, кто там будет?

- Вовсе нет... Сплошь сливки нашего острова, почти в полном составе.

- Кроме Асторов, полагаю?

- Кроме Алисы Астор! - уточнила баронесса. - В данном и чуть ли не единственном случае мы с Синтией не расходимся и дружно ненавидим ее, однако Ава Астор приглашена и появится в костюме королевы. Вы догадываетесь, какой?

- Марии Антуанетты?

- Точно! Неудобство состоит в том, что будет, возможно, еще парочка других, но это оживит соревновательный дух.

- Швобы также получили приглашение?

- Их нельзя было обойти... Я догадываюсь, что вас беспокоит, дорогой Альдо: вы хотите знать, придут ли с ними Риччи и его последняя по счету невеста? Она считается членом семьи с того момента, как поселилась в «Оукс», и они, естественно, возьмут ее с собой. Поэтому Риччи тоже будет! О чем вы задумались?

- Ни о чем определенном, однако полагаю, что встреча может быть интересной. Я прощаюсь с вами до вечера, баронесса.

После ночи, проведенной в тюрьме, Адальбер куда охотнее уступил бы искушению вздремнуть, но любопытство одержало верх, и он согласился на прогулку - при условии, что не придется

садиться на лошадь. Он «катался» вполне прилично (профессия обязывает!), но никогда не мог понять, что за удовольствие часами трястись на спине своенравного животного, которое в любой момент способно взбрыкнуть и сбросить седока в грязную канаву или на изгородь в нескольких километрах от какого бы то ни было жилья, а затем преспокойно вернуться в свою конюшню. Зато «лошадиные силы» он обожал и после отъезда из Парижа не переставал вздыхать о любимом красном «Амилькаре», чихающем и кашляющем при каждой попытке завести мотор.

В гараже, где стояло с полдюжины роскошных машин, он безошибочно выбрал самую скромную – серый «Форд» с бордовыми кожаными сиденьями – и уселся за руль с такой радостью, что Альдо решил удовлетвориться ролью штурмана. Через пятнадцать минут показался дворец Риччи.

Место на сей раз не выглядело пустынным, так как поблизости от Палаццо был устроен огромный пикник. Запахи жареного мяса и древесного угля пропитали воздух, среди деревьев сновали мужчины и женщины в белых костюмах. На дороге также собралась небольшая толпа любопытных – пешеходов или на велосипедах. Были здесь и запоздавшие приглашенные. Адальбер припарковался у обочины, заглушил мотор и последовал за Альдо, который уже вышел из машины.

Они находились позади Палаццо, защищенного внушительной оградой с кружевными решетками, сквозь которые было хорошо видно, какое оживление царит в доме. Широко распахнутые окна показывали, что там происходит генеральная уборка. Мойщики стекол трудились вовсю, и звуки джазового оркестра временами перекрывал шум работающих пылесосов. В саду чистили статуи и фонтаны, на террасе расставляли усыпанные плодами апельсиновые деревья в кадках.

- Как думаешь, они готовятся к свадьбе? – спросил Адальбер.

- Очень на это похоже. Когда я в последний раз побывал здесь, можно было подумать, что дворец заброшен, хотя внутри людей оказалось немало.

Его слова заглушил рев клаксона, и он посторонился, чтобы пропустить грузовичок бакалейщика, загруженный настолько, что полуоткрытые створки кузова были схвачены веревками. Вежливый водитель, увидев их, приподнял фуражку и подъехал ко входу в служебные помещения.

- Давай спустимся и посмотрим на фасад, – сказал Альдо. – Мне хотелось бы кое-что уточнить.

Они двинулись вдоль стены по тропинке, спускающейся к пустынному пляжу, откуда вела вверх, к цветникам, безупречно бархатная зеленая лужайка. Множество садовников занималось посадкой белых роз, лилий и маргариток.

- Это не напоминает тебе берега Луары и свадьбу Эрика Фэррэлса? [38] – спросил Адальбер. – И здесь спешным образом в огромном количестве высаживают белые цветы. Свадьба уже скоро...

Альдо не ответил. Утвердившись на одном из выступов скалы, он рассматривал дворец в бинокль, который захватил с собой. С этой стороны также были открыты все окна – за исключением двух крайних справа на первом этаже и двух на втором, расположенных прямо над ними. Именно там, как он знал теперь, находилась странная брачная опочивальня, откуда живым выходил только супруг. Альдо передал бинокль Адальберу, который присоединился к нему, и тот в свою очередь стал изучать закрытые окна.

вернуться

38

См. роман «Голубая звезда». (Прим. авт.)

- Нужно присмотреться к ним поближе, - сказал он, возвращая бинокль.
  - Я уже думал об этом, но как это сделать? Если ты попытаешься взломать любую из дверей в стене, сирена взвонит так, что и глухие услышат.
  - А тебе не приходило в голову, что можно перелезть через стену?
  - Ты ее видел, эту стену? Она вся усыпана битым стеклом. Если ты попробуешь взобраться, лишишься пальцев, а то и руки. Наверное, можно использовать скалы, как это сделал я, чтобы посмотреть, но только во время отлива... В прилив это невозможно.
  - А во время отлива ночью и в плохую погоду? Почему бы не попытаться?
  - Ночь должна быть ясной, иначе мы сломаем себе шеи, и одновременно достаточно темной, чтобы никто в доме не увидел, как мы пересекаем пляж и поднимаемся по лужайке в сад. Ты заметил, сколько окон с этой стороны?
- Видадь-Пеликорн принялся теревить свою шевелюру цвета спелой ржи, что служило у него признаком глубокого раздумья.
- Не слишком ли ты осторожничаешь? - мягко спросил он. - Может быть, возраст? Или чрезмерная ответственность?
  - Ни то ни другое. Я просто обращаю твоё внимание на то, что в одиночку пытаюсь решить весьма непростые задачи: обезвредить Риччи и уберечь от страшной участи его новую супругу, а также - всего лишь! - отобрать у него драгоценности Колдуньи.
  - Относительно первых двух задач у меня возражений нет, но третья выглядит сомнительной. Пусть Риччи совершил несколько убийств, чтобы украсть гарнитур, но ты все равно не являешься собственником! Вдобавок это «красные» драгоценности, а ты, как правило, таковых избегаешь?
  - Да, но я считаю, что приобретенные дурным путем ценности не должны оставаться в руках преступника, и потому охотно продал бы их ради несчастной и очаровательной Виолет Достель, быть может, также ради Бетти Баскомб, чей сын жизнью заплатил за убийство, которого не совершал. И у меня даже есть покупательница.
  - Кто она?
  - Твоя бывшая будущая теща - Ава Рибблздейл!.. Мне надо было чем-то умаслить ее, - быстро добавил Морозини, увидев, как вытянулось лицо друга, который договорил за него:
  - ...чтобы она заставила свою дочь отозвать жалобу?

Адальбер насмешливо взглянул на Альдо.

- Должно быть, тебе нелегко пришлось? - заметил он. - Судя по последним слухам, ты избегал ее, как чуму!

- Когда хочешь отобедать с дьяволом, запасайся длинной ложкой! - нравоучительно произнес Альдо. - Именно так я и поступил. А теперь поищем способ незаметно пробраться внутрь. Вдвоем это легче сделать, чем в одиночку.

Они медленно обошли имение в поисках какого-нибудь отверстия или уязвимого места в обороне этой крепости, пока наконец Адальбер не обнаружил в гуще зарослей старую сосну, чьи ветви, искривившиеся от частых ветров, заходили за стену. Правда, ни одна из этих ветвей не выдержала бы веса человека.

- Все, что нам необходимо, - объявил Адальбер, внимательно изучив дерево, - это прочная и достаточно длинная веревка. Мы зацепим ее за верхушку, которая клонится в нужном нам направлении. Один из нас спустится в сад, а другой останется здесь, чтобы помочь первому вернуться назад.

- Видишь, как я был прав, когда говорил, что ты мне нужен? - воскликнул Альдо. - Вдвоем мы непобедимы, и, если ты не против, вылазку надо совершить сегодняшней ночью.

Воинственный дух внезапно вернулся к нему вместе с той верой в будущее, которой ему в последние дни не доставало. Не впадая в чрезмерный оптимизм, он теперь мог надеяться, что с честью выберется из ловушки, в которую угодил, повинувшись чувству долга.

Они вновь сели в машину, однако, вместо того чтобы сразу вернуться домой, Альдо предложил поехать по дороге, ведущей к бухте Бетти Баскомб. Адальбер уже знал о ней. Быть может, ему стоило попытаться счастья с ней? В общении с пожилыми дамами он использовал свой метод и часто добивался большего, чем Альдо, которому, пожалуй, не хватало обходительности и добродушия. Когда «Форд» остановился в нескольких десятках метров от домика Бетти, они увидели, что она сидит на ступеньке лестницы, куда недавно на мгновение был допущен Альдо. Но она была не одна. Рядом с ней сидела какая-то молодая женщина в цветастом сарафане - или девушка, если судить по обнаженным рукам и ногам. Обе вели оживленную беседу. Лицо гостьи было полностью закрыто полями большой соломенной шляпки, призванной защищать от солнца. Невероятная вещь: Бетти, казалось, получала удовольствие от разговора - она даже несколько раз улыбнулась!

Несомненно, это подруга. Разве не намекал Тед, что многие из местных жителей ее поддерживают? Быть может, невеста несчастного Питера, о котором говорили, что он был прост, но красив? Альдо видел, что они ведут себя, как близкие люди, и внезапно ему стало неловко подглядывать за ними.

- Что будем делать? - спросил Адальбер, озадаченный молчанием своего друга.

- Вернемся домой. Эта юная особа, конечно, ничем не сможет нам помочь, и я не собираюсь «незаметно» следовать на автомобиле за ее велосипедом, - добавил Альдо, показав на двухколесную машину, прислоненную к стене дома. - Раз у нас есть время, посетим китайского портного. Хоть одно дело завершим...

- Эта история с маскарадом меня как-то не очень вдохновляет, - проворчал Адальбер, мягко тронув машину с места.

- Сначала я думал, как ты, но по зрелом размышлении решил, что это неплохая мысль. В маске можно подойти к любому человеку, оставаясь не узнанным. Это открывает широкие

перспективы.

- С кем ты хочешь поговорить? С Риччи?

- Возможно. И почему бы не побеседовать также с нашей дорогой Хилари? Бог свидетель, я ее очень не люблю, но имеем ли мы право просто смотреть, как она идет на верную гибель, и не пошевелить даже пальцем? В конце концов, это женщина.

- Я не удивлюсь, если ей уже известно об этом, - задумчиво произнес Адальбер. - Вспомни, как тщательно она разработала план с целью завладеть «священными костями»? [39] Мы с ней давно знакомы и хорошо знаем ее: она наверняка провела собственное маленькое расследование, прежде чем сделать ставку на этого типа.

- Возможно... и даже весьма вероятно, однако я предпочитаю либо убедиться в этом, либо предостеречь ее.

- Полагаю, ты знаешь, где она живет?

- Да, а что? Ты хочешь заглянуть к ней?

- Хотелось бы. Мне кажется, если я смогу переговорить с ней один на один, у меня будет больше шансов убедить ее, чем у...

- ...у меня, поскольку она едва не убила всю мою семью? Иначе говоря, беременную Лизу и близнецов... Понятно, что у меня есть все основания ненавидеть ее, а у нее - все основания не доверять мне. Сверни на первую улицу справа, чтобы попасть на Бельвю-авеню! Мы едем в «Оукс».

Вилла Швобов, покрытая паутиной времени и прочная в соответствии с названием, [40] не претендовала на сходство с «историческими» сооружениями своих соседей. Это был большой колониальный дом из серого камня, с белыми окнами и портиком, фронтон которого поддерживали четыре колонны. Суровость его облика смягчали многочисленные вьющиеся растения: плети белых роз и синих ломоносов украшали стены и создавали впечатление, будто сад - за исключением неизбежной лужайки весь покрытый цветами - двинулся на штурм здания.

Подъехав ближе, Морозини и Видаль-Пеликорн увидели толпу людей на аллеях и около водруженного на зеленой траве полотняного павильона в желтую полоску, где уже были расставлены многочисленные столы, накрытые кружевными скатертями. У ворот два лакея в белых ливреях проверяли пригласительные билеты у пассажиров лимузина гранатового цвета.

- Надо же! Гарден-парти, прием в саду! - вздохнул Альдо. - Сегодня никаких откровенных разговоров не получится.

- Может быть, все же попытаемся попасть туда?

- Без приглашения или без сопровождающего? Даже и не думай! Посмотри на двух стражей у решетки! В этом и состоит очарование державы, именующей себя страной Свободы: сословные перегородки охраняются здесь гораздо строже, чем где бы то ни было. Ты все же хочешь попытаться?

вернуться

См. роман «Изумруды Пророка». (Прим. авт.)

вернуться

Оукс- дубы (англ.).

- Разумеется! Мы ничем не рискуем...

Гранатовый лимузин уже покотил к гаражам, и Адальбер, выведя «Форд» на входную аллею, остановил его между двумя стражами, которые синхронно склонились к окнам.

- Ваши приглашения, господа?

- Мы только что приехали в Ньюпорт, и у нас их нет, - сказал Альдо со всей властью, на какую был способен. - Мы друзья мисс Форсайт, и нам нужно с ней поговорить!

- Сожалею, господа, но без приглашения въезд запрещен.

Морозини, вынув две банкноты, слегка помахал ими:

- А вот это не заменит приглашения?

К его удивлению, лицо охранника окаменело:

- Конечно, нет, сэр! Будьте любезны развернуться!

- Мы сказали вам, что хотим поговорить с мисс Форсайт, - пришел на выручку Адальбер. - Пусть хотя бы один из вас предупредит ее. Мы...

- Бесплезно! Мы получили категорический приказ: ни под каким предлогом не оставлять пост и не пропускать никого без голубой карточки.

- Кто же отдал такой приказ? Мистер Швоб?

- Нет. Мистер Риччи. Сегодня гостей позвали на чай в честь его свадьбы.

- На чай? - презрительно переспросил Альдо. - Обычно приглашают на ужин. Неужели его дела так плохи?

- Нет, но поскольку овдовел он сравнительно недавно, было решено устроить прием попроще и пригласить только самых близких друзей. Будьте любезны повернуть назад и не вынуждайте нас просить о подкреплении.

Не настаивая больше и не разворачивая машину, Адальбер покотил назад к дороге, по которой двинулся затем в обратном направлении.

- Не знаю, заметил ли ты, но у этого холуя под старинной ливреей был пистолет?

- У второго тоже! Положительно, Риччи очень старается оградить свой круг «близких людей». Правда, когда принимаешь около двухсот гостей, сделать это довольно трудно. Теперь нам остается ждать бала Белмонтов, а пока едем к китайцу!

- И, как только стемнеет, мы вернемся в Палаццо. Конечно же, Риччи не отправится спать в семь часов вечера!

Первую часть программы удалось реализовать без затруднений. Оба костюма были заказаны, и Альдо решил, что не мешало бы попить «чайку» в «Белой Лошади». Он не видел Теда Мооса с момента, когда тот, можно сказать, выставил его за дверь, и ему хотелось выяснить настроение хозяина таверны.

Он готовился к прохладной, быть может, даже ледяной встрече, но ничего подобного не произошло. Едва они с Адальбером сели за столик в стороне от бара, как Тед, опередив направлявшуюся к ним официантку, подошел принять у них заказ.

- Я рад, что вы пришли, - сказал он, - потому что мне надо с вами поговорить. Однако прежде я должен извиниться за давешнее. Это было недостойно и меня самого, и традиций моей таверны.

Его огорчение казалось столь искренним, что Альдо без раздумий протянул ему руку:

- Не думайте больше об этом и присаживайтесь за наш столик! Я хочу представить вам господина Видаль-Пеликорна, моего друга и соратника. Полагаю, в такой час мы ограничимся чаем?

- Другое было бы затруднительно. Три чая, Нэнси! - крикнул он, усевшись на скамью рядом с Адальбером. Затем он добавил, понизив голос: - По правде говоря, той ночью я сильно перепугался... Видите ли, когда мы провожали его на яхту, мне показалась, что за нами мелькнула какая-то тень...

- Почему же вы об этом не сказали?

- Потому что мне это могло и привидеться. Мы немало выпили в тот вечер, но, как бы там ни было, я ощутил непреодолимое желание выйти из этого дела, чтобы жить своей жизнью и не думать больше о других. Поэтому я и повел себя так... Я пожалел об этом сразу же, но тут за вами приехала баронесса и увезла вас к себе. И я немного успокоился: в наших краях нет более надежной защиты, и на Белмонтов никто покуситься не посмеет. Я смог перевести дух, но сегодня утром в порт вернулась «Мандала»... впрочем, вы, может быть, об этом знаете?

- Нет. Если баронесса знает, значит, не сочла нужным сказать мне. Да и с какой стати ей говорить? Она не обязана держать меня в курсе всех передвижений фамильной яхты.

- Не важно. Значение имеет лишь то, что рассказал мне капитан Блейк, когда зашел выпить привычную чашку кофе: его пассажир и тридцати шагов не сделал на причале в Нью-Йорке, как получил удар ножом между лопаток, отчего скончался на месте. Вот почему я сам пошел бы в «Белмонт-Кастл» предупредить вас, если бы вы меня не опередили.

- И вы снова испугались?

- Не за себя. Если правильно смотреть на вещи, я в здешних краях вроде исторического монумента, которым очень дорожат. И любой дважды подумает, прежде чем изъять меня из окружающего пейзажа. Кроме того, я принял меры предосторожности. А вот вам нужно

побережью. Вы иностранец, а у Риччи подручных много. Вам следовало бы не выходить из дома...

- Ну, знаете ли, я приехал сюда вовсе не для того, чтобы сидеть взаперти, - сказал Альдо, намазывая маслом сдобную булочку, которую с удовольствием уплел под вторую чашку чая. - Да, кстати, мы только что заезжали к миссис Баскомб.

- Лучше бы вы оставили ее в покое. Она и так настрадалась, а тут еще вас постоянно видят около дома... Не нарушайте ее одиночества!

- Одиночество свое она делит с молодой женщиной или девушкой, которую, судя по всему, хорошо знает. Мы слышали, как они смеялись и разговаривали, но расслышать ничего не смогли...

- Ах вот как? Это что-то новенькое! Как она выглядела, эта ваша молодая особа?

- В белом сарафане с красными цветочками и в большой соломенной шляпе, поля которой почти полностью закрывали лицо. Тонкие руки, на одной из них браслет, ноги красивые. Кожа очень белая, но мы не смогли разглядеть, какого цвета у нее волосы.

Брови хозяина таверны взлетели вверх сантиметра на два.

- Не знаю такую! Какая-нибудь заезжая туристка, но в таком случае я не понимаю, отчего Бетти, пугливая, словно дикая козочка, допустила ее до себя и даже до улыбок снизошла. Здесь я не знаю никого, кому подошло бы это описание. Но теперь я начну присматриваться, да и при случае спрошу у Бетти, о ком идет речь. Это вас интересует?

- Да. Как и все, что касается этой женщины. Ибо я убежден, что она знает о Риччи больше, чем мы трое, вместе взятые. И это нормально: ненависть делает человека зорким...

Его слова прервал сильный раскат грома. Захваченные разговором, мужчины не заметили, что день завершается непривычным образом и над островом сгустились черные облака. Одно из них разразилось ливневым дождем, заслонившим все вокруг. Отказавшись от предложенного Тедом ужина, Альдо и Адальбер ринулись к машине, чтобы поднять ее откидной верх, пока она не превратилась в ванну. Затем они, уже вымокшие до нитки, залезли в нее, и сквозь водяные потоки, в которых отражались огни ярко освещенных вилл, поспешили вернуться в сухие уголья «Белмонт-Кастл».

- У меня такое впечатление, что сегодня вечером мы уже совершили вылазку в озеро, - вздохнул Адальбер. - В такую погоду лазать по деревьям не рекомендуется.

- Что не получилось сегодня, будет сделано завтра, - наставительно произнес Альдо.

- Это изречение принадлежит тебе?

- Нет, Чезаре Борджиа. Он сказал это в тот день, когда не сумел убить своего зятя.

К несчастью, назавтра погода оказалась столь же скверной. Сильная гроза, продолжавшаяся всю ночь, привела в отчаяние обеих хозяек дома, из которых одна намеревалась устроить концерт на природе, а вторая - венецианский праздник вокруг искусственного водоема, сооруженного с большими затратами. Погода испортилась настолько, что в последующие дни с опустевших пляжей убрали тенты и шезлонги. Лишь редкие купальщики с более толстой, чем у других, кожей отважно бросались в крутые пенные волны. Возглавлял этих героев Джон-

Огастес, который убеждал всех, кто желал его слушать, что сейчас гораздо приятнее температура воды, а не воздуха, да и ничто так не укрепляет здоровье, как взбадривающие оплеухи океана. В результате он подхватил сильный бронхит, чем окончательно вывел из себя свою жену.

- Вы считаете, что у меня не хватает других забот? Моему грандиозному балу грозит опасность оказаться в четырех стенах этого дома, а вы доставили себе злобредное удовольствие заболеть!

- Буду я на балу или нет, вам от этого ни холодно ни жарко! - возразил Джон-Огастес. - И позволю себе заметить, что даже при неблагоприятных условиях в саду в вашем распоряжении остаются все гостиные и даже террасы, над которыми можно натянуть тенты. Места хватит для шести или семи сотен человек! Если бы в Ньюпорте танцы устраивали только в хорошую погоду, они превратились бы в редкое развлечение. Но вы, как мне кажется, от этого не страдаете?

Действительно, молодая женщина каждый вечер встречалась с веселой компанией друзей в Яхт-клубе, где джазовый оркестр безумствовал до рассвета. Прочие обитатели «Кастл» - Полина, Альдо и Адальбер - окопались в библиотеке, где очень часто растапливали душистыми сосновыми дровами камин с целью оградить книги от влажного морского воздуха. Там они читали, играли в бридж или в шахматы и пили чай в мирной спокойной обстановке, держась подальше от гостиных, нередко оккупированных Синтией и ее бандой. «Экипировавшись» соответствующим образом, они совершали также - невзирая на шквальный ветер с дождем - вылазки на пляж, столь же пустынный, как во время равноденственных штормов. Казалось, что уже наступила осень, и Синтия дошла до крайней степени отчаяния, когда буквально накануне ее бала небо расчистилось, и лето вернулось во всем своем великолепии. Армия садовников тут же приступила к работе, чтобы ликвидировать нанесенный дождем ущерб - пересадить поблекшие растения и цветы, осушить теннисные корты и залить свежую воду в бассейн с кувшинками. Кроме того, они возвели цветочные арки и прошлись частым гребнем по всем аллеям. Лужайку разве что пылесосом не чистили, но зато в назначенный день и час величественное здание и сад, где развесили сотни венецианских фонариков, походили на волшебный замок фей и слепили своим блеском. Невидимые скрипки играли Вивальди.

- О Синтии можно говорить что угодно! - заметила Полина, обозревая с верхней лестничной площадки анфиладу гостиных, освещенных люстрами и торшерами с множеством свечей, украшенных бесчисленными гортензиями и лилиями, на фоне которых эффектно смотрелись лакеи в зеленых ливреях и париках, охранявшие буфеты с пирамидами из фруктов. - Мол, в голове у нее ветер гуляет, и в жизни она умеет только танцевать да брэнчать на банджо, но когда речь идет об устройстве праздника, она просто гений!

Сама баронесса появилась в роскошном древнем китайском наряде из серого атласа, расшитого золотом и жемчугом. На ее черных блестящих волосах красовался замысловатый бархатный головной убор маньчжурских принцесс, украшенный сиреневыми орхидеями и крупными аметистами. Она была великолепна, и Альдо сделал ей столь лестный комплимент, что ее лицо зарделось.

- Особенно хорошо ей удается окружать себя нужными людьми, - проворчал ее супруг, необыкновенно элегантно в строгом костюме прославленного моряка. - Уже полгода она не устает восхвалять французского художника, который делает декорации для бродвейских театров и получает за это бешеные деньги! Этот пустячок обойдется мне в целое состояние!

- Ну-ну, дражайший братец, не прикидывайтесь скупердям! Ваши лодки стоят гораздо дороже, чем один праздник!

- Возможно, но они куда долговечнее! Господи Боже! Вот и первый показался! Уинни Лэнгдон в костюме Джорджа Вашингтона! Ему следовало бы знать, что наш первый президент не был карликом!

Это замечание не помешало ему устремиться навстречу гостям, о появлении которых возвестил громовым голосом «глашатай», чья черная борода разительно контрастировала с белым париком. Он покорно занял место хозяина дома у входа в гостиные. Роль хозяйки исполняла Полина. Синтия, освобожденная от этой тяжелой обязанности, предупредила, что явится - разумеется, в надежде произвести сенсацию! - лишь после того, как соберутся все приглашенные. Альдо и Адальбер остались на верхних ступеньках лестницы, чтобы насладиться зрелищем во всей его полноте.

Одетый в камзол из кораллового атласа с черными обшлагами в тон к атласным черным коротким штанам, Морозини отказался от парика в пользу косички, закрепленной черным бантом. Адальбер, который превыше всего ценил комфорт, заказал у Тонг Ли довольно удачную копию костюма «Шута» Ватто, иными словами, нечто вроде пижамы из белого атласа с плюеным кружевным воротником. Из-под его круглой бархатной шапочки с атласной подкладкой выбивалась непокорная светлая прядь. Он не без труда уговорил Тонг Ли, для которого белый был цветом траура, добавить алые банты и вышитого дракона, приносящего счастье.

Гости прибывали один за другим в убыстряющемся темпе. Гостиные постепенно заполнялись приглашенными в роскошных платьях с фижмами и придворных костюмах. Некоторые мужчины отдали предпочтение более скромным мундирам, а некоторые женщины - туалетам своих американских прабабушек, носивших муслиновые или кружевные чепцы, но все без исключения блистали алмазными и жемчужными украшениями. Смех и разговоры порой заглушали музыку. Внезапно Альдо и Адальбер, несколько рассеянно наблюдавшие за гостями, насторожились: «глашатай» возвестил о появлении мистера и миссис Швоб, мисс Мэри Форсайт и мистера Алоизия Риччи.

Не удостоив вниманием первых двух, они сразу устремили взор на двух последних и больше взгляда от них не отрывали. Мэри, так она звалась теперь, как подобает доброй англичанке - возможно, она ею и была! - вдохновилась одним из портретов Гейнсборо, выбрав наряд из белого муслина и розовой тафты, в тон которому были подобраны пышные страусиные перья, вздымавшиеся над большой черной бархатной шляпой. У ее спутника хватило ума заказать из того же материала свой камзол, украшенный алмазными пуговицами, и треуголку, которую он держал под мышкой. Однако его лицо в красных прожилках, с одутловатыми чертами и двойным подбородком очень проигрывало из-за слишком тесного парика, не закрывавшего целиком его седые волосы. Должно быть, он отдавал себе в этом отчет, ибо приклеенная улыбка и бегающие глаза ясно показывали, что ему в этом костюме не по себе.

- Ну и пара! - пробормотал Адальбер. - В этой шляпке она на голову выше его. Сверх того, он поистине ужасен. Что за мысль выходить замуж за подобного гнома!

Альдо, уловив явное недовольство в голосе друга, спросил себя, уж не сохранил ли тот остатки былого увлечения. Конечно, не последнюю роль играло и самолюбие: не слишком-то лестно, когда тебя заменяют подобным типом!

- Этот человек очень, очень богат! - прошептал он словно бы в утешение.

- Здесь он не один такой. На этом острове миллиардеров можно грести лопатой.

- Как бы там ни было, она выбрала именно этого, и мне хотелось бы, чтобы она отказалась от своих планов. На мой взгляд, это лучший способ спасти ей жизнь.

И тут внимание всего зала привлекло синхронное появление двух персон. Синтия – Помпадур в голубом, как на полотнах Натъе, платье, украшенном белыми кружевами, – опираясь на высокую трость с алмазным набалдашником, величественно шествовала вниз по лестнице, широкие ступени которой были закрыты громадным шлейфом. Одновременно леди Рибблздейл – Мария Антуанетта в облике пастушки из Трианона, также одетая в голубое, но с громадным париком, увенчанном шляпкой в цветах, и гигантской тростью в бантах – выплывала из главного вестибюля. Навстречу ей устремились Полина и Белмонт, тогда как Синтия под громовые аплодисменты ступила на натертый до блеска паркетный пол. И тогда Ава возгласила своим звучным голосом:

- С каких это пор обыкновенная фаворитка претендует на большие почести, чем королева?

Джон-Огастес что-то пробурчал себе под нос, но его никто не услышал: зал вновь разразился овацией, и маркизе де Помпадур пришлось совершить прыжок через десятилетия, чтобы приветствовать королеву, которой она не имела чести знать, в конце концов, роль хозяйки дома к чему-то обязывает! Обе дамы рука об руку проследовали в большую гостиную, где сидевший на возвышении оркестр заиграл первый танец. Белмонт, повинувшись долгу вежливости, открыл бал вместе с Авой. Морозини склонился перед Полиной:

- Окажите мне честь, баронесса!

- С удовольствием, дорогой князь...

Для Альдо это было чуть ли не единственным развлечением на балу, который казался ему довольно скучным. С Полиной они танцевали несколько раз, и их пара заметно выделялась на фоне других. Гибкая и легкая, она сегодня вечером излучала обаяние, к которому он не остался равнодушен. Возможно, причиной тому был ее наряд или же едва уловимый мускусный запах неизвестных ему духов... Обычно она использовала другие, хорошо ему знакомые – «Арпеж» Ланвена, которыми одно время увлекалась Лиза. Сейчас аромат был иным. Более восточный? В любом случае, дьявольски чувственный, и он сделал ей комплимент по этому поводу.

- Могу я позволить себе одно желание? – прошептала она, теснее прижимаясь к нему. – Сегодня вечером я хочу соблазнить вас! И не говорите мне о Вобрене! Я так хочу! – добавила она с раздражением.

- Почему же именно сегодня вечером?

- Потому что я жалею, что пригласила Риччи и всю его компанию в надежде доставить вам удовольствие. Они... Я их боюсь!

- Бойтесь? Вы, которая не боится ни бога, ни дьявола?

- С чего вы взяли? Я боюсь бога, а дьявола опасаясь. И мне кажется, что сегодня дьявол вошел в наш дом. Возможно, в двух обликах, ибо нежная невеста нравится мне ничуть не больше, чем этот мерзкий хищник. Что вы собираетесь делать?

- В самое ближайшее время? Пригласить мисс Форсайт на танец. Она меня еще не заметила, и я очень надеюсь на эффект неожиданности. Сверх того, мне хотелось бы расстроить эту свадьбу...

- Если она ничем не лучше, чем он, пусть они убивают друг друга! Вы дорожите этой женщиной?

- Ею дорожил Адальбер, а вы говорите глупости! Я приехал, чтобы свести счеты с Риччи и положить конец его злодеяниям. Пусть в данном случае речь идет о девке, я сделаю все возможное, чтобы спасти ей жизнь!

- Она слишком красива, чтобы я могла сохранить душевный покой!

- Зато моему душевному покою ничто не угрожает! Не терзайте себя!

Их лица сблизились, и он прикоснулся губами к виску Полины. Танец заканчивался. Он взял ее под руку и повел к одному из буфетов, где шампанское лилось рекой.

- Давайте выпьем по бокалу! Для нас обоих это будет благотворно...

Затем они расстались, поскольку ее - под предлогом разговора о важном деле - увлекла в сторону очередная внушительная копия Людовика XIV. «И этот тоже не умеет читать римские цифры», - подумал Альдо. Он огляделся в поисках Риччи и его невесты. Это оказалось непростым делом. Празднество набирало обороты. Когда оркестр делал паузу, тишина взрывалась взрывами смеха и мелодичным звоном бокалов. Наконец он увидел их: они сидели у водопада из роз, в центре группы, состоявшей из супругов Швоб и еще трех человек, совершенно ему незнакомых. Впрочем, он мало кого знал в Ньюпорте. Риччи говорил без умолку и пылко жестикулировал, но его невеста, казалось, смертельно скучала и уделяла внимание только большому алмазу на безымянном пальце - должно быть, это было ее обручальное кольцо. Когда оркестр заиграл бостон, Альдо решительно двинулся к группе и склонился перед молодой женщиной:

- Могу ли я просить вас об одолжении потанцевать со мной, мадемуазель? Вы позволите, сэр? - добавил он, едва взглянув на Алоизия Чезаре.

И тут же протянул руку в перчатке, чтобы Мэри вложила в нее свою. Она сделала это почти без колебаний, слегка порозовев от удивления и широко раскрыв глаза, и уже поднималась с места, когда Риччи, смерив Морозини злобным взглядом, спросил:

- Кто вы такой, сэр?

Альдо улыбнулся самой дерзкой из своих улыбок:

- Да ведь мы же знакомы! Вспомните Вандомскую площадь, обед с Болдини и вашей...

- Ах да! - вскричал Риччи, оскалившись в подобии улыбки и внезапно став многоречивым. - Я вас не забыл, но ведь и вы появились так неожиданно! Значит, перебрались на другую сторону Атлантики?

Не дожидаясь очевидного ответа на вопрос, он добавил:

- Мэри, dear, [41] позвольте представить вам князя Мозорини из... Венеции. Помнится, я даже пригласил его посмотреть мою коллекцию драгоценностей.

- Морозини! - поправил Альдо, не сомневаясь, что фамилия была искажена нарочно. - К несчастью, мне пришлось тогда отклонить это приглашение. Что касается мисс Форсайт, мы однажды встретились в Лондоне. Три или четыре года назад. Кажется, в Британском музее.

- Как это мило! - воскликнула миссис Швоб. - Может быть, вы присядете и мы немного поболтаем? У вас еще будет время потанцевать и...

- Нет, - отрезала мисс Форсайт без лишних церемоний. - Я хочу танцевать сейчас...

И именно она повлекла Альдо в бальный зал, где обняла его с такой непринужденностью, словно это было для нее самым привычным делом.

- Невероятно, что мы встретились здесь! - промолвила она светским тоном. - Вы снова идете по следу какой-нибудь баснословной драгоценности?

- Возможно... Но прежде всего по следу убийцы. Вы действительно собираетесь выйти за него замуж?

Хилари, убрав руку с плеча партнера, почти ткнула ему в нос кольцом на пальце:

- А вы как думаете?

- Я заметил. Жаль, что оно всего лишь дано взаймы. И на очень короткое время!

- Что это значит?

- А то, что в конце месяца оно покинет ваш прелестный пальчик. Одновременно, быть может, с вашей испорченной душонкой или чуть позже! Вы, может быть, не знаете, что все жены этой американо-сицилийской Синеи Бороды завершили свой медовый месяц в морге. И в очень скверном состоянии!

Он почувствовал, как она напряглась и слегка отпрянула назад, однако лицо ее оставалось спокойным. На нем появилось даже подобие улыбки.

- Неужели? - небрежно бросила она. - Скажите, какая страшная история! Заметьте, что ваше сочувствие меня весьма тронуло, тем более что у вас нет причин обожать меня. Как поживает ваша супруга?

- Оставьте ее в покое, пожалуйста! Она поживает прекрасно, и мне не терпится вернуться к ней.

- Вы прекрасный супруг! Что ж вы не мчитесь домой и тратите свое драгоценное время на болтовню со мной в этой копии французского замка? Кстати, коль скоро мы заговорили о Франции, как поживает наш дорогой Адальбер?

- Неплохо. Полагаю, вы сможете убедиться в этом сами. Он слишком галантный человек, чтобы не пригласить вас на танец.

- Он здесь?

На сей раз изумление женщины было искренним и полным. Она машинально повернула голову, и перья на ее ошеломляющей шляпке едва не проткнули глаз Морозини, который все же успел откинуть голову назад.

- Осторожнее, прошу вас! - со смехом сказал он. - Должно быть, Адальбер в другом зале или просто вышел. Он вдохновился костюмом «Шута» Ватто. Неожиданный выбор, но ему очень идет... Это же мечтатель, вы сами знаете!

Танец закончился, но многие пары оставались в центре зала и аплодировали. Альдо и Хилари приняли участие в овации. Оркестр заиграл мелодию на «бис», и они вновь стали танцевать, однако Альдо выбрал направление в сторону одного из окон-дверей, выходящих на террасу, и наконец увлек туда свою партнершу. Две или три пары – главным образом влюбленные – уже целовались в нежном свете венецианских фонариков и не обращали внимания ни на кого. На террасе стояли апельсиновые деревья в кадках из старинного фаянса, а между ними располагались канапе, обитые бело-зеленой парчой. Выбрав одно из них, Альдо усадил Хилари и, предложив ей сигарету, занял место рядом.

- Поговорим серьезно, прошу вас! – произнес он. – Времени у нас немного, а мне нужно рассказать вам о важных вещах: сделайте что хотите, но уезжайте из Ньюпорта, пока не слишком поздно. Этот алмаз станет достаточным возмещением за ваши труды.

Она ответила не сразу, пуская голубые колечки дыма и вглядываясь в красивое лицо своего собеседника:

- Ей-богу, ведь вы и в самом деле тревожитесь? Тревожитесь за меня?

- Как я тревожился бы за любую другую женщину, угодившую в эту ужасную ловушку. Как я тревожился за Жаклин Оже, которую убили в самом центре Лондона за то, что она пыталась ускользнуть от вашего жениха. Поверьте мне, Хилари, вам грозит страшная опасность. Если бы вы знали...

вернуться

41

Дорогая (англ.).

- Ну, а если я знаю?

- Это невозможно!

- Вы так думаете? Что ж, мой дорогой Альдо, постарайтесь понять, что я уже не новичок и в настоящий момент занимаюсь делом, которое станет венцом моей карьеры. Я не пожалела ни времени, ни денег на информацию и знаю, что с того момента как выйду замуж... точнее, не существующая Мэри Форсайт выйдет замуж, мне придется вести рискованную игру.

- Это безумие. Вам с этим не справиться! Найдите другого миллиардера и выходите за него!

- Нет. Я хочу именно этого. У других нет драгоценностей Терезы Солари! Настоящее чудо! Драгоценности, достойные королевы...

- Они и принадлежали королевам, но это, возможно, самые «красные» драгоценности в мире!

- Вы их видели? Однако они никогда не оказывались на виду, если не считать того случая, когда разбилась Солари...

- Когда Солари была убита! Как до нее были убиты Бьянка Буэнавентури и по меньшей мере еще три женщины после нее. Это вас соблазняет? Да, вы их наденете, эти проклятые драгоценности! В день свадьбы... И в них вы войдете в брачную опочивальню, но из этой комнаты живой не выйдете! Вашего пылкого супруга срочно вызовут, и он отправится куда-

нибудь очень далеко, и вы будете предоставлены судьбе, которую я не пожелал бы худшему врагу!

- ...такому, как я?!

- Отриньте вашу безумную гордость! Вернитесь на землю, Хилари, и хотя бы раз проявите благоразумие! Уезжайте отсюда!

Она затянулась сигаретой и, выдохнув большое кольцо дыма, стала следить за тем, как оно медленно поднимается вверх.

- Один вопрос, мой дорогой князь! Вы сами случайно не интересуетесь этим гарнитуром?

- Который я называю драгоценностями Колдуньи? Разумеется, интересуюсь! Но я вовсе не желаю владеть ими: мне хочется полюбоваться ими одно мгновение, а затем продать их, чтобы сделать немного счастливее бедную молодую женщину. Кроме того, я поклялся отомстить за смерть Жаклин Оже, Терезы Солари и Олимпии Буэнавентури. Тех, что погибли здесь, убил не он.

- Я знаю, что это не его рук дело! - дерзко заявила она. - Следовательно, грязной работой занимается кто-то другой. Именно с ним я собираюсь встретиться и выиграть партию!

- Вы говорите так, будто речь идет о какой-то дуэли. Скажу вам лишь одно: в Палаццо, куда вас отведут, есть некая тайна, некое скрытое помещение, похоже, подземелье, где скрывается всемогущее существо, которому прислуживают другие существа и которое ужасает даже готовых на все подручных Риччи! И вы собираетесь сразиться с ним в одиночку?

Он увидел, как на секунду в глазах ее появилось тревожное выражение, тотчас изгнанное пренебрежительным пожатием плеч.

- Кто вам сказал, что я буду одна? А у вас есть какой-нибудь план?

- Я думаю...

- В таком случае, почему бы нам не обсудить...

- Ах вот вы где! Я вас искал.

Рядом с ними внезапно возник уродливый Алоизий, чей взгляд выражал множество вопросов, задать которые он не посмел. Морозини поднялся с канапе.

- Мисс Форсайт захотелось подышать свежим воздухом, а потом мы вспоминали Британский музей, - добавил он наполовину насмешливо, наполовину серьезно. - Надеюсь, мы не доставили вам неудобств?

- Нет, но я не люблю, когда она надолго разлучается со мной! Разве вы не могли предаваться воспоминаниям при мне и в обществе моих друзей?

- Я не слишком хорошо знаком с вами, а их не знаю совсем! Надеюсь, вы не требуете, чтобы ваша невеста зачеркнула все свое прошлое?

- Напротив, я бы предпочел, чтобы она побольше рассказывала мне о нем. Быть может, за ужином мы сядем рядом и продолжим беседу?

- Очень жаль, но я уже дал слово другим! Спасибо, что уделите мне несколько минут, мисс Мэри! Это были приятные мгновения...

- Почему бы не возобновить их? - сказал Риччи. - Например, в Палаццо, куда она переселится после нашей свадьбы... Или до того, если вы примете приглашение, которое я сделал вам в «Ритце»?

На сей раз ответить Морозини не дала Полина. Она тоже искала его по поручению леди Рибблздейл.

- Она требует вас громогласно и во всеуслышание. Вы с ней знакомы?

- О да! - произнес Альдо, воздев глаза к небу.

Следуя за баронессой, он с трудом удерживался от смеха, поскольку к обрученным, раскрыв объятия, приближался ликующий Адальбер:

- Возможно ли? Наша дорогая Мэри здесь! Какой чудесный сюрприз!

Уступив искушению, Морозини обернулся. Если Хилари играла свою роль превосходно, демонстрируя невероятную радость, то Риччи следовало бы запечатлеть кистью живописца: он был похож на злобного быка, изготовившегося к нападению, но сохранившего остатки разума, который предписывал сдержанность в присутствии многочисленных свидетелей. Похоже, он находил, что у его Мэри обнаружилось слишком много старых друзей!

Альдо удалось отвлечься лишь на минутку, ибо на него, грозно стуча тростью, уже надвигалась леди Рибблздейл:

- Зачем вам понадобились эти люди, мой маленький князь? Только легкомысленные Белмонты могли пригласить их к себе!

Не обращая внимания на пребывавший в состоянии хрупкого равновесия сложный головной убор своей дамы, Альдо крепко ухватил ее под руку и потащил к ближайшему буфету.

- Во имя любви к небу, леди Ава, сбавьте тон! Вы погубите весь замысел...

- Какой еще замысел?

Взяв два бокала с шампанским у державшего поднос лакея в парике, он сунул один из них в руку Авы:

- Этот человек владеет драгоценностями, о которых я вам говорил! Вы по-прежнему хотите его выгнать?

- О Господи! Вы уверены?

- Владелец он недавний, но несомненный.

- Именно ему принадлежат крест и серьги?

- Вам следовало бы это знать, ведь две предыдущие свадьбы состоялись в Ньюпорте, и на первой из них в этом гарнитуре красовалась невеста...

- Я же не сижу тут постоянно. К счастью, заглядываю лишь изредка! Во время сезона тут

недурно, хотя все не так, как в прежние времена, когда туристы не ходили толпами! Но я все равно предпочитаю Европу и особенно Нью-Йорк...

Внезапно обретя задумчивый вид, она добавила:

- Здесь нет Китайского квартала. Вот где я могу по-настоящему развлечься!

- Вы там бываете? - спросил Альдо, неприятно пораженный воспоминанием о восхитительной Мэри Сент-Олбенс, страстной любительнице «фан тан», [42] чья короткая криминальная карьера завершилась трагическим образом. [43]

- Зачем лишать себя удовольствия? Я хожу туда, чтобы сыграть в шахматы с настоящим мандарином. Это потрясающе, и мне очень нравится смотреть, как он гневно сметает фигуры с доски, когда я выигрываю партию! Здесь достойных меня соперников нет.

- Неужели? Надо бы мне сыграть с вами.

- Это хорошая мысль, хотя, - добавила она со вздохом, - здесь не хватает этой необычной атмосферы с легким запахом опиума! Еще я люблю пить пиво в кабаках Бронкса и Бруклина. В общем, в бедных кварталах! Так занятно проходить мимо таблички с надписью: «Дамам вход запрещен!» Они ведь даже не знают, что такое настоящая дама... Но вернемся к нашему делу: что вы намерены предпринять?

- Я еще не выработал свою стратегию. Посмотрим, что будет после свадьбы.

- Если вы подумываете о покупке, лучше сделать предложение сейчас, ведь потом муж улетит на другой конец страны, а жена отправится на кладбище! А вообще, это довольно захватывающая история!

- Вы находите?

«Мария Антуанетта» одарила его одной из тех улыбок, за которую мужчины готовы были продать душу дьяволу и которая сохранила, несмотря на возраст, все свое очарование:

- Ну, а вы как думаете? Кто пошел бы на эту свадьбу, если бы в ней не было перчика! Все гадают, что будет после! О, вот и ужин. Естественно, вы остаетесь со мной.

Ситуация сложилась такая, что отказываться было нельзя, и Альдо покорно сносил ее общество до конца ужина, превосходного во всех отношениях. Гости располагались за столами на шесть персон, накрытыми белыми скатертями с серебряным тиснением и украшенными старинными канделябрами с высокими свечами. Икра, моллюски, лангусты, гусиная печенка, шампанское (Джон-Огастес строго запретил подавать на стол лучшие французские вина из своего погреба на случай гипотетического, хотя и совершенно невероятного визита полиции!) - празднество завершилось полным успехом и фейерверком, который запускали с понтонов, стоявших на якоре в бухте. После этого танцы продолжились, и только на рассвете стали один за другим разъезжаться лимузины, увозившие в утренний туман более или менее удачных призраков давно минувшей эпохи... Некоторые упились так, что их пришлось подбирать и укладывать на кожаные сиденья машин. Пока Синтия принимала комплименты - вполне заслуженные! - других обитателей дома, Джон-Огастес сбросил обличье Пола Джонса, представ в купальном костюме в черно-белую полоску, делавшем его похожим на зебру, и ринулся к выходу, чтобы нырнуть в волны океана.

вернуться

Азартная китайская игра. (Прим. пер.)

вернуться

См. роман «Роза Йорков». (Прим. авт.)

- Вам следовало бы сделать то же самое, - бросил он, вернувшись в библиотеку, где Полина, Альдо и Адальбер с наслаждением пили кофе. - Это бодрит!

- Кофе тоже! - возразила его сестра. - В любом случае, согревает! Вам надо бы попробовать! У вас синюшный вид...

- Потом! Сейчас мне страшно хочется спать! - произнес Белмонт в полном противоречии с собственным утверждением и направился к монументальной лестнице.

Адальбер почти сразу последовал примеру хозяина дома. Он совершил настоящий подвиг, проведя весь вечер в обществе Риччи и супругов Швоб и прочитав им самую настоящую лекцию - нескончаемую, но увлекательную - о династии Рамзесов и их сокровищах.

Оставшись наедине с Полиной, которая сидела безмолвно и казалась утомленной, Альдо мягко посоветовал ей пойти отдохнуть, на что она ответила вопросом:

- Вы довольны вечером?

- Да и нет. Я попытался предупредить мисс Форсайт об опасности, которая грозит ей, если она выйдет замуж за Риччи, но она, похоже, знает об этом и утверждает, будто приняла меры предосторожности...

- Какие же?

- Не знаю. Риччи не позволил мне долго разговаривать с ней, и я сказал не все, что мне известно. Быть может, Адальбер оказался удачливее меня? Я был бы рад.

- Я слышала, как перед уходом Риччи приглашал вас к себе? Надеюсь, вы не собираетесь идти?

- Напротив! Я уже несколько дней безуспешно пытаюсь проникнуть в его дворец. Такую возможность упускать нельзя.

- Не ходите!

Это был почти крик, и под удивленным взглядом Альдо молодая женщина заметно покраснела. Она встала и подошла к приоткрытому английскому окну, выходящему на террасу, где уже шла интенсивная уборка. Альдо последовал за ней.

- Скажите мне, почему?

- Я не знаю, но этот человек пугает меня, страшно пугает! Он убийца! Даже чудовище! О,

Альдо, если вы хоть немного лю... дорожите моей дружбой, то не пойдете в его логово! Я... я не вынесу этого!

Она круто повернулась и оказалась прямо перед Морозини. Он увидел тогда, что глаза ее наполнены слезами, а губы дрожат. Она была в смятении, и он инстинктивно обнял ее за плечи, тут же ощутив, как они дрожат под расшитым атласом платья. Одновременно в ноздри ему проник чувственный аромат ее духов, породивший влечение, которое он попытался изгнать шуткой:

- Моя амазонка впала в отчаяние? Что со мной может случиться? - прошептал он. - Успокойтесь, Полина, умоляю вас! Вы всегда так выдержаны, так уверены в себе, вы же не позволите этому сицилийскому бандиту смутить ваш покой? Это на вас не похоже!

- Это не похоже на все, что я испытывала до сих пор. Пожалейте же меня, если не можете пожалеть себя!

Альдо никогда не смог бы ответить, каким образом губы Полины встретились с его губами, как сам он сомкнул объятия и прижал ее к себе. Возможно, ему не следовало так много пить или же на него подействовал экзотический наряд баронессы, но внезапно он ощутил настолько мощное желание, что бороться с ним уже не смог. Она это почувствовала. Ее поцелуй стал глубже, она теснее прижалась к нему и начала слегка покачивать бедрами...

В следующее мгновение Альдо и Полина любили друг друга на ковре библиотеки. Последним осознанным движением Альдо успел закрыть окна и дверь...

Часть третья

Минотавр

Глава XII

Фальшивый дворец

- Простите меня, - пробормотал Альдо, - я вел себя, как грубый солдафон!

Он не осмеливался взглянуть на Полину, но услышал ее мягкий смех, похожий на токованье влюбленной и одновременно веселой горлицы.

- Возможно, потому, что я вела себя, как девка, которой нужен мужчина... Не смотрите же так, Альдо! Можно подумать, будто мы обрекли себя на вечное проклятие или что нам стыдно.

- Но мне действительно стыдно...

Он стал нервно искать свой портсигар в бесконечных оборках своего атласного камзола, к которому так и не смог привыкнуть.

- Почему, боже мой? Из-за вашей жены?

- Отчасти да, несомненно да, но не это самое главное. Я думаю, в основном из-за Вобрена. Он любит вас и...

- Я тоже его люблю, но на другой манер! И я не его собственность...

- Как бы там ни было, я обманул его доверие... и злоупотребил гостеприимством вашего брата!

- Это также и мой дом, а замок наш всякое видывал. У вас такой вид, словно вы потерпели кораблекрушение. Перестаньте терзаться и посмотрите на меня!

Он подчинился, и его расстроенное лицо прояснилось. В розовом утреннем свете она была великолепна. Роскошный головной убор, украшенный орхидеями, аметистами, жемчугом и золотом, валялся на кресле, словно забытый щенком мяч. Ее черные блестящие волосы струились по плечам, и в своем длинном посверкивающем платье она выглядела совсем юной, но также очень уязвимой. На угрюмый взгляд Альдо она ответила улыбкой и приблизилась к нему, не подходя вплотную. Когда она заговорила, ее низкий, бархатный, чувственный голос восстановил утраченную было близость:

- Скажи мне только, ты был счастлив? Я испытала такое счастье, о каком не смела и мечтать. Никогда ни один мужчина не любил меня так, а ведь у нас это длилось всего несколько мгновений.

- Я тоже был более чем счастлив, - признался он, все еще подрагивая от наслаждения, - но этим мы должны удовлетвориться! Мы поддались магии этой праздничной ночи, этому карнавалу, превратившему нас в других людей... Нужно вернуться в двадцатый век!

- Прогнать Дон Жуана и китайскую императрицу? Закрыть книгу сказок «Тысячи и одной ночи», хотя мы прочли лишь одну главу из нее? Какая жалость! Конечно, вы правы, однако мы, Белмонты, не всегда пребываем в ладах с правотой.

Она подняла с кресла свою блистательную тиару и направилась к двери.

- Я попытаюсь немного поспать в надежде, что, когда проснусь, мне покажется, будто я видела чудесный сон! Желаю вам того же, дорогой князь!

- Я тоже попробую заснуть. Боюсь, это будет нелегко.

Она чуть повернула голову, так, что он мог видеть только ее профиль, по которому нельзя было угадать выражение лица.

- Спасибо, - сказала она.

Альдо все же спал этой ночью, и спал настолько крепко, что не услышал удара колокола, призывающего на ленч. Впрочем, остальные обитатели дома оказались такими же сонями, и стол был накрыт лишь для пятичасового чая. Хотя английский образ жизни сохранился в бывших колониях на северо-востоке Соединенных Штатов, в этот день освященный веками обычай дал осечку. Ни Полина, ни Синтия к столу не вышли. Лишь Джон-Огастес и Адальбер, которые уже успели поплавать, воздали честь ритуальному чаепитию. Альдо также решил искупаться, чтобы привести в порядок свои мысли, но, поскольку он не любил чай, то оседлал велосипед и покатил в таверну «Белая Лошадь», где выпил несколько чашек кофе и выкурил столько же сигарет. Однако с Тедом ему удалось обменяться одним приветствием, так как посетителей было невероятно много и персонал выбивался из сил. Он наслаждался относительным спокойствием, в очередной раз оценив мудрость старой поговорки, что по настоящему одиноким можно быть только в толпе.

Ночное приключение внесло разлад в его душу. По-прежнему ощущая свою вину, он никак не мог принудить себя к искреннему раскаянию. Хотя его любили многие женщины, а сам он по меньшей мере два раза испытывал настоящую страсть, с Полиной ему удалось достичь полного и ослепительного слияния. Между тем его дружеские чувства к баронессе не имели ничего

общего с любовью, которая навсегда и безраздельно была отдана Лизе: именно ее он любил и плотью, и сердцем, но тело Полины таило опьяняющее очарование, и этого следовало опасаться. Какое-то колдовство, которое нельзя было объяснить ни бархатной кожей, ни великолепием зрелой красоты, ни знанием любовной науки. Она принадлежала к числу тех редких женщин, ради которых мужчина мог бы пожертвовать всем – даже жизнью! – не испытывая к ним при этом никаких нежных чувств. Он сам до сегодняшнего вечера относился к ней с братским уважением и признательностью. Вывод: надо срочно возвращаться в Европу, иными словами, покончить с делом Риччи! Слава богу, свадьба состоится через три дня! У него хватит самообладания, чтобы удержать себя в рамках...

Вновь увидев ее за ужином, он неожиданно ощутил чувство, более всего походившее на сигнал тревоги. Она появилась в простом вечернем наряде из белого крепа, чей асимметричный крой оставлял ноги открытыми спереди, прикрывая их сзади небольшим шлейфом. Точно так же корсаж, собранный в складочки на груди, удерживался сверкающим ожерельем, зато глубокий вырез на спине доходил до поясицы. У Альдо создалось неприятное впечатление, что под креповым платьем не было надето ничего и если бы украшение из стразов соскользнуло с шеи, Полина предстала бы голой, как Ева в первый день творения. Джон-Огастес, увидев сестру, разинул рот от изумления:

- К кому это вы собираетесь на танцы в таком виде? Вы же устроите революцию!
- Я ни к кому не собираюсь, но сегодня вечером жарко, и мне захотелось показаться в этом платье, которое я ни разу не надевала, просто ради собственного удовольствия! Ну и еще, чтобы проверить, какой эффект оно производит.
- Вы великолепны! – искренне воскликнул Адальбер.
- Возможно! – пробурчал Белмонт, – но если вы не хотите, чтобы на вас накинута свора наших блюстителниц нравов, советую вам приберечь это платье для вечеринок у камина, сочетая его, быть может, с небольшой шерстяной шалью? У нас, Белмонтов, слабые бронхи.
- Кто вам поверит, если вы целый день плещетесь в холодной воде? Ладно, вы в этом ничего не понимаете. Это платье сшито по последнему писку моды. Спросите у Синтии!
- Мы ее не увидим до послезавтра: она отсыпается!
- ...или у наших друзей! Ну, джентльмены, у кого из вас хватит мужества – потому что мужество вам действительно необходимо! – стать моим спутником на одном из приемов в Яхт-клубе?
- У меня! – вскричал Адальбер. – И я сделаю это с величайшим удовольствием!
- А вы, Альдо? Вы пойдете со мной на танцы?

В ее смеющемся взгляде был вызов. Он слишком хорошо понимал, чем закончится подобная вылазка, и слегка кашлянул, чтобы внезапно охрипший голос не выдал его чувств. Но постепенно зеленеющие глаза ясно показывали Полине, что он не слишком одобряет ее дерзость:

- Адальбер холостяк, в отличие от меня, и быть спутником сирены, или, точнее, Венеры собственной персоной, настоящий триумф для него, который отцу семейства уже не позволителен.

Полина нервно рассмеялась:

- Венера? Это что, комплимент? В какой из пьес вашего Расина говорится о Венере, не отпускающей свою жертву?

- В «Федре», баронесса! В пьесе о несчастной женщине, которую любовь погубила и на которую вы совершенно не похожи!

- Вот! - с удовлетворением заключил Джон-Огастес. - А теперь, надеюсь, мы приступим к ужину? Что себе думает Беддоуз, где его колокол?

Означенный Беддоуз именно в это мгновение вошел в комнату с серебряным подносом, на котором лежало письмо, и с поклоном обратился к Морозини:

- Для Вашего превосходительства!

- Ответа ожидают?

- Нет, насколько я знаю. Слуга уже ушел!

Альдо вопросительно посмотрел на хозяев дома:

- Вы позволите?

- Конечно же, дорогой друг! - сказал Белмонт. - Тут витает легкий аромат тайны, и я просто сгораю от любопытства!

Текст был любезным, но кратким. Алоизий Ч. Риччи приглашал князя Морозини нанести ему визит около трех часов дня, за ним будет прислана машина.

Полина отреагировала незамедлительно:

- Надеюсь, вы не поедете туда?

Она почти выкрикнула эти слова, но, заметив общее изумление, тут же добавила:

- Нельзя принимать приглашение, составленное в столь развязных выражениях. И ему, видите ли, не нужен ответ. Словно это какое-то официальное извещение!

- В этом пункте я с вами соглашусь, - поддержал сестру Белмонт. - Это звучит бесцеремонно!

Альдо добродушно возразил:

- От подобного человека не следует ожидать, чтобы он держал кодекс правил поведения под подушкой. Я все же приму его приглашение: мне очень давно хочется взглянуть на его Палаццо!

- Я поеду с тобой, - решил Адальбер. - Этот тип должен знать, что мы неразлучны...

- Он вполне способен выставить вас за дверь, - сказала Полина.

- В таком случае я останусь возле дома. И буду ждать! - мужественно провозгласил Адальбер. - Не беспокойтесь, баронесса! Честно говоря, я не вполне понимаю, что может случиться с Морозини, если он придет по приглашению несколько грубоватому, согласен, но при этом

открытому. Вряд ли за ним скрывается западня!

Все перешли к столу, где был спешно накрыт холодный ужин. Это было сделано по распоряжению Джона-Огастеса, который понимал, насколько устали слуги, и желал дать им возможность лечь спать пораньше. Синтии по-прежнему не было видно и слышно: чрезвычайно озабоченная цветом своего лица, она прописала себе целительный двухсуточный сон.

Полина поднялась к себе сразу после ужина, оставив мужчин за кофе, который они выпили на террасе, любуясь совершенно изумительным закатом и наслаждаясь вкусом хороших сигар. В этот момент опять появился Беддоуз и сообщил Морозини, что какая-то женщина просит разрешения поговорить с ним наедине. Одновременно он вручил Альдо сложенную вдвое, но при этом запечатанную записочку, в которой было сказано:

«Посылаю к вам Броуни, мою горничную. Выслушайте ее, это чрезвычайно важно! Хилари».

Записку Альдо положил в тот же карман, где лежало послание Риччи, и пошел вслед за дворецким в вестибюль. Там его действительно поджидала женщина в черной одежде и черной шляпке, подходящих камеристке из хорошего дома. Однако своими слишком широкими для женщины плечами она походила на спортсменку и, видимо, отличалась большой силой. Из-под полей шляпы виднелось не лишенное красоты лицо с правильными чертами, которое не портили даже гладко зачесанные и собранные сзади в шиньон волосы.

- Вы можете выбрать место, где нас никто не услышит? - спросила она. - Моя хозяйка придает этому большое значение!

Морозини жестом указал на римский бюст, расположенный ближе всего к двери и дальше всего от лестницы:

- Быть может, вон там?

Она кивнула, а затем, не теряя времени, объявила, что мисс Хилари желает непременно встретиться с ним завтра:

- Мистер Риччи весь день проведет в Палаццо, занимаясь приготовлениями к свадьбе. Она собирается посетить Историческое общество Ньюпорта. Если вы не возражаете, она будет ждать вас в три часа перед синагогой Тауро, расположенной напротив. Если вы согласитесь, вам надо быть очень точным.

- Я всегда точен, но время меня не устраивает. На три часа у меня уже назначена встреча!

- Перенесите ее! Или предупредите, что запоздаете. Мисс Мэри очень рискует, назначая вам свидание, которое, впрочем, будет совсем коротким. Она уверена, что за ней следят, иначе пришла бы сюда сама.

Горничная выглядела действительно встревоженной. Альдо тут же успокоил ее:

- Не тревожьтесь и скажите мисс Мэри, что она может рассчитывать на меня.

Броуни попрощалась и направилась к выходу. Альдо проводил ее и увидел, как она оседлала вполне демократический велосипед, не потеряв при этом ни капли достоинства. Стоя на верхней ступеньке крыльца, он следил за красным огоньком на багажнике, который постепенно растворился в фиолетовых сумерках.

Когда он вернулся на террасу, там уже никого не было. Белмонт и Адальбер отправились на прогулку в парк. Он заметил их благодаря тому, что они курили сигары, но не захотел присоединиться к ним и поднялся в свою комнату, где, не раздеваясь, растянулся на кровати. В сущности, обе встречи его вполне устраивали. Во-первых, он был доволен, что Хилари наконец решилась переговорить с ним. Кроме того, ему было приятно преподать урок вежливости ее жениху. Или машина Риччи дождется его возвращения, или миллиардеру придется назначить другое время для встречи.

Минуту спустя в его дверь несколько раз тихонько постучали, а затем на пороге появился Видаль-Пеликорн:

- Ты теперь спишь одетым?

- Нет. Мне нужно было подумать.

- Будет ли нескромным спросить, кто приходил к тебе?

- Некая Броуни, горничная Хилари! Она передала мне ее просьбу встретиться завтра в три часа.

- В три часа? Тебе пришлось отказаться?

- Ты с ума сошел?

- А как же Риччи?

- Мы попросим машину Риччи подождать или пусть уезжает без нас. В каком-то смысле это меня даже устраивает. Я готов исполнять приказы в армии, но больше нигде.

- Пожалуй, ты прав. Давай встретимся с Хилари! Это меня позабавит, не скрою.

- Сожалею, но я пойду один. Броуни настаивала на этом пункте. Хилари хочет видеть только меня, и я прошу прощения, если это оскорбляет твои воспоминания. Возможно, она боится вновь поддаться твоему роковому обаянию.

- Или боится обнаружить, что я забыл ее. Женщины этого не любят...

- Поскольку встреча будет короткой, она, верно, подумала, что двое беседующих привлекут меньше внимания, чем группа из трех человек. Кстати, ты действительно ее забыл?

- Ты исходишь из старой пословицы, что клин клином вышибают? Да, забыл. Перспектива этого брака приводила Теобальда в отчаяние...

- Ты полагаешь, он больше обрадовался бы другому?

- Между Алисой и мной никогда не вставал вопрос о браке, разве что в мистическом плане. Она все еще находится во власти своего мужа, и я скорее всего расстался бы с ней. Она сама не знает, чего хочет.

- Но ведь она, казалось, дорожила тобой?

- Да, но она дорожила также и Оболенским, своим русским мужем, а в Нью-Йорке на сцене появился новый персонаж: немецкий писатель, которого зовут Гофмансталь...

- Гуго фон Гофмансталь? Он поэт. И уже не первой молодости...

- Нет, Раймунд, его сын! Который овладел искусством использовать отцовские произведения. В последнее время Алиса декламировала их целыми днями напролет. Впрочем, я по-прежнему был нужен ей из-за Египта.

Альдо, который сидел на кровати, предложил другу место рядом с собой. Он по-братски обнял Адальбера за плечи:

- Постарайся забыть и эту! Скажи себе, что на свете есть много красивых женщин, которые будут водить тебя за нос!

- Возможно! Однако, раз уж мы заговорили о красивых женщинах, что у тебя происходит с Полиной?

Альдо мысленно благословил полумрак, царивший в комнате, где горела только одна лампа у них за спиной: он покраснел до ушей.

- Ну, что может у нас быть? Мы друзья...

Исповедаться в ночном грехе Адальберу, который всегда относился к Лизе с нежностью и восхищением, было бы верхом глупости. Альдо знал широту взглядов своего друга, однако тот мог бы и не проявить ее, если бы заподозрил хоть малейшую угрозу брачному союзу, который почитал священным. Но, поскольку Адальбер не был слепым, следовало вести очень осторожную игру. В самом деле, в ответ на его слова археолог насмешливо фыркнул:

- Друзья? Она без ума от тебя! Почему, как ты думаешь, надела она такое платье? Не сомневаюсь, что это творение какого-нибудь великого кутюрье, но одновременно это шедевр провокации. Конечно, она может себе это позволить. Изумительная анатомия! Если она вдруг захочет предложить мне утешение, я буду не в силах отказаться! А ты в утешениях не нуждаешься...

И тут он расхохотался от всей души! Альдо тоже сумел рассмеяться, но прозвучало это довольно кисло. К счастью, Адальбер не стал задерживаться на опасной теме, пожелал другу спокойной ночи и ушел к себе, оставив Морозини терзаться угрызениями... и грезить о будущих радостях.

На следующий день без пяти три Альдо уже был на месте встречи. Он пришел туда пешком. Было солнечно, но не так жарко, как в предшествующие дни. Словом, идеальная погода для прогулки, которая, ко всему прочему, давала возможность поразмыслить, тогда как на велосипеде приходилось больше думать о том, как сохранить равновесие.

Он уже бывал в Тауро, самой старой и, несомненно, самой красивой синагоге Америки: слишком пышное внутреннее убранство ему не понравилось, но чистые строгие линии самого сооружения его очаровали. Подобно любому заурядному туристу, он стал рассматривать фасад и фронтон, следя краем глаза за тем, кто выходит из здания Исторического общества Ньюпорта. И потому не заметил, как появилась машина, на которую, впрочем, все равно не обратил бы внимания: это был обычный зеленый грузовичок, какие здесь можно было увидеть повсюду.

Грузовичок остановился возле синагоги, не заглушив мотор, дверцы кузова раскрылись, и оттуда выскочили двое мужчин, которые схватили Альдо с такой быстротой, что он не успел

даже пикнуть. Его швырнули в кузов, где третий мужчина нанес ему мастерский удар в челюсть, отправив в страну грез. Двое других похитителей быстро забрались в машину, которая тут же рванула с места. Площадь перед синагогой была пустынной – час сиесты! – и никто ничего не заметил.

Альдо очнулся довольно быстро. Его ударили лишь для того, чтобы он не оказывал сопротивления, но напавшие на него люди с толком использовали те несколько минут, что он был без сознания. Когда он пришел в себя, челюсть у него болела еще сильнее от того, что ее стягивал прочный кляп. Руки у него были скованы наручниками за спиной, ноги связаны, и он никак не мог уберечься от толчков на неровном полу, куда его бросили. Сначала он ничего не увидел и решил, что находится здесь один, но вскоре различил две пары ног на уровне своего лица и ощутил исходивший от похитителей запах. Те сидели, не раскрывая рта, сам же Альдо говорить не мог и был абсолютно беспомощен, поэтому он решил расслабиться, чтобы сохранить, насколько возможно, ясность мысли.

Он не питал иллюзий по поводу своих похитителей: эти люди, несомненно, служили Риччи. Однако приманкой для него послужила записка Хилари – между тем ему было трудно представить, как молодая женщина исповедует в своем темном прошлом жениху, которого намерена изрядно пощипать на свой манер.

Поскольку он не знал, сколько времени оставался без сознания, ему было трудно даже приблизительно определить пройденный путь, который казался бесконечным из-за крайнего неудобства его положения. Хотя печка в машине не работала, он чувствовал себя так, словно лежит на раскаленной сковородке. Особенно ближе к концу путешествия, когда местность, видимо, стала более пересеченной. Наконец грузовичок остановился, и у него появилась надежда, что он узнает, куда его привезли. Но надеялся он напрасно: ему тщательно завязали глаза, прежде чем дверцы кузова раскрылись. Его спустили вниз, но земли он не коснулся. Какой-то особо мощный человек просто взвалил его на плечо, словно мешок с мукой, и вся группа двинулась вперед. Вместо запаха моря и пропитанных солнцем сосен на Альдо потянуло духом земли, влажности, чуть ли не плесени.

Это путешествие на чужой спине продолжалось несколько минут. Несший его мужчина преодолел крутой подъем, затем послышался звон ключей, лязг железа, и его опустили наконец на некое подобие матраса из соломы. Он крайне удивился, когда с него сняли повязку и наручники, вынули изо рта кляп и развязали ноги. Лишь теперь он увидел, что находится в просторной камере, одну из стен которой заменяла решетка с толстыми прутьями. Стоявший прямо на земле фонарь освещал подвал, рядом лежал пакет со свечами. Трое мужчин смотрели на него. Те самые, которые не проронили ни единого слова во время похищения и поездки на грузовичке. Они продолжали молчать и сейчас. Убежденный, что ответа от них не добиться, он даже не пытался заговорить с ними. Впрочем, они вскоре ушли, и последний закрыл за собой прочную решетку.

Поскольку похитители по доброте своей не забрали с собой фонарь, он смог разглядеть свой каземат. Похоже, это была древняя темница, куда некогда заключали рабов. Прочные, но старые и проржавевшие прутья восходили, видимо, к семнадцатому или восемнадцатому веку. Никаких отверстий не было, однако вентиляцию воздуха обеспечивали боковые галереи. Кроме соломенного матраса, на котором он сидел, и фонаря, ему оставили кувшин с водой с толстым куском хлеба на нем, ведро для отправления естественных надобностей и одеяло. В целом достаточно для Морозини, которому довелось пережить худшее в лапах маркиза д'Агалара. По крайней мере, здесь было светло, и его не приковали цепью к стене. [44] Камера оказалась почти чистой, матрасная ткань – новой, хлеб – довольно свежим, а вода не отдавала гнилью.

Это не означало, что надо было радоваться, но и приходить в отчаяние не следовало. Узнав, что он не вернулся, Полина и Адальбер встревожатся, начнут искать его. Обоим мужества было не занимать, и Альдо не сомневался, что в поисках своих они перевернут небо и землю. Разве что...

вернуться

44

См. роман «Жемчужина императора». (Прим. авт.)

Одному Господу ведомо, как неприятно звучало это «разве что...»! Его похититель не был идиотом и наверняка принял меры, чтобы избежать вопросов и объяснений... Да и отправился он на randevу с Хилари, отказавшись от встречи с Риччи, который теперь мог разыгрывать оскорбленную невинность. Тем более что ему не приходилось опасаться местных властей, ведь шериф Моррис сидел у него в кармане! Если вдуматься, ключевой фигурой в деле, несомненно, была Хилари...

Альдо дошел в своих размышлениях до этого пункта, когда вновь появились двое из его похитителей. Один был тем гигантом, что нес его, второй, очевидно, был главным. В руках он держал блокнот и ручку, которые протянул узнику.

- Мы не хотим, чтобы ваши друзья слишком из-за вас переживали, поэтому вы сейчас напишете им пару слов, - произнес он тягучим голосом.

Альдо передернул плечами:

- Полагаю, вы шутите?

- О нет! Шутить я просто не умею.

Бросив взгляд на тяжелую физиономию с холодными глазами, Морозини сразу поверил этим словам.

- Тем хуже, - сказал он. - Впрочем, значения это не имеет. Я не стану писать.

- Ошибаетесь! Пройдите сюда!

Его вывели из каземата, снова защелкнув на запястьях наручники, и потащили в соседнюю галерею, где обнаружилась точная копия его собственного каземата. С той разницей, что на таком же матрасе, как у него, сидела связанная женщина с кляпом во рту. Это была Бетти Баскомб. Услышав их шаги, она подняла голову и открыла глаза, в которых Альдо не увидел страха - одну только бессильную ярость.

- Вы ее узнаете? Вас видели, когда вы разговаривали с ней...

- Это так, но что она делает здесь?

- Она обнаружила вход в наше подземелье, и мы позволили ей рассмотреть его поближе.

- Что вы собираетесь с ней сделать?

- Убить, разумеется, но чуть позже. Патрон думает, что она может оказать нам некоторые услуги. К примеру, сейчас она заставит вас выполнить нашу просьбу.

- Если она в любом случае обречена, не имеет значения, соглашусь я или нет...

- Для нее имеет! Потому что, если вы не сделаете того, что вам сказали, я всажу в нее пулю. Так, чтобы ей было больно, но чтобы она не сразу сдохла. Ну, скажем, в живот? Если вам хочется слушать ее вопли в течение долгих часов...

В его словах нельзя было усомниться. Несомненно, он был из тех, кто любит мучить других... С болью в сердце Альдо капитулировал:

- Что надо написать?

- Вам скажут.

Его вновь отвели в камеру и дали листок бумаги, на котором приказали написать следующее: «Не беспокойтесь. Мне действительно нужна помощь, и я отправляюсь за ней в Нью-Йорк. Скоро вернусь. А.».

Не тратя времени на бесполезные протесты, он написал то, что ему продиктовали, на листке из блокнота, который вложил в конверт, где вывел имя и теперешний адрес Адальбера, а затем передал его своему тюремщику. Однако это было не последнее требование.

- А теперь раздевайтесь!

- Что?

- Раздевайтесь и поживее! Наденете вот это.

«Это» оказалось синим комбинезоном механика, к счастью, довольно чистым. Нетрудно было догадаться, зачем понадобилась его одежда: кто-нибудь наденет ее, добавив оставленную в грузовичке шляпу, и на глазах у всех сядет на паром. Но делать было нечего – Альдо подчинился.

- Вам следовало бы погладить мои брюки, – насмешливо посоветовал он. – Они слегка помялись, а если вам понадобится перешить их, обратитесь к моему портному: Невил Аткинс, Сэвилл-Роу, [45] Лондон.

- Не беспокойтесь, вам вернут ваши вещи, когда вы станете трупом.

- Что ж, тем лучше! Мы, Морозини, всегда заботились о том, чтобы выглядеть достойно.

- Так и будет! И хватит болтать! Постарайтесь поспать! На сегодня все закончено! Завтра вам принесут поесть.

- Только завтра? Я никому бы не порекомендовал ваш отель!

- Хлеб свежий, вода чистая, а диета вам не повредит.

Оставшись наедине с фонарем, который, к его облегчению, оставили, он растянулся на матрасе, завернувшись в одеяло, которое показалось ему слишком тонким. После возвращения с войны он стал очень чувствителен к холоду и влажности. Этот подвал был относительно сухим, но прохладным, и синего комбинезона не хватало, чтобы согреться. С вытертым куском

шерсти дело пошло лучше, и, свернувшись в клубок, он начал размышлять, стараясь отыскать хотя бы признаки надежды на благополучный исход этого приключения. Это оказалось нелегко, поскольку его противник предусмотрел, казалось бы, все. Однако Альдо не терял надежды. Адальбер, конечно же, задастся вопросом, почему лучший друг обращается к нему на «вы» и искажает благородную фамилию Пеликорнов, удвоив букву «л»!

Более или менее согревшись, он съел хлеб и выпил воду, а затем стал изучать решетку и громадный замок, с которым ничего нельзя было поделаться: вместе с одеждой у него отняли бумажник, платок, швейцарский нож и портсигар. В сущности, именно о последнем он сожалел больше всего – и не потому, что это была золотая вещь с выгравированным гербом Морозини! Такую потерю он пережил бы легко, но как нужны ему были сигареты с превосходным табаком, от которых, конечно, желтели пальцы, но которые успокаивали его в тяжелую минуту и помогали размышлять. Впрочем, сейчас лучше всего было поспать – единственное разумное занятие, позволявшее хотя бы сохранить силы.

Он действительно заснул и спал так крепко, что тюремщику пришлось встряхнуть его, чтобы разбудить.

– Пейте! – проворчал тот, протянув ему чашку с чаем.

Альдо не любил ни чай, ни эту английскую манию, укоренившуюся в Соединенных Штатах, предлагать его чуть ли не насильно едва проснувшемуся человеку, однако напиток оказался горячим, сладким и, в общем, бодрящим. Затем ему вновь надели наручники и куда-то повели, не завязывая глаз. Он был доволен этим, поскольку смог убедиться, сколь велико это подземелье, растянувшееся и в длину, и в ширину. Через каждые десять метров встречались перегородки: темные помещения были забиты ящиками, бочками, различными свертками. Все свидетельствовало о том, что это крупный центр контрабандной торговли – в первую голову, спиртным, но также оружием, табаком и наркотиками. В некоторых местах запах опиума забивал все остальные. Иногда появлялась фигура в каске с электрическим фонариком, похожей на ту, что украшала голову его провожатого.

Так они шли несколько минут, пока не достигли железной винтовой лестницы, карабкающейся вверх из подobia круглого колодца, освещенного редкими электрическими лампами. Наверху провожатый Альдо сдвинул часть стены, и ошеломленному Морозини почудилось, будто он вновь оказался во Флоренции, на втором этаже – в миниатюре! – дворца Питти, в вестибюле перед анфиладой гостиных, ведущих к королевским апартаментам. Он прекрасно помнил залы Илиады, Сатурна, Юпитера, Марса, Аполлона и Венеры, украшенные коврами и картинами. Неужели их перенесли на этот американский остров? Поверить в это мог бы только сумасшедший, и нагромождение богатств могло обмануть опытный глаз эксперта лишь на секунду: все здесь было фальшивым! Ковры Сюстерманса – просто раскрашенные полотна, картины – обыкновенные копии, но тем не менее ансамбль стоил целого состояния, если, конечно, Риччи не имел в своем распоряжении целую армию рабов. Пусть даже некоторые репродукции не отличались высоким качеством, все равно эта пышность производила потрясающее впечатление, и иллюзию можно было считать вполне успешной. Тем более что везде стояла роскошная мебель, а пол устилала бесчисленные восточные ковры – и уж они-то были подлинными. Морозини казалось, что он попал в театр, созданный одержимым мегаломаном для постановки кровавых трагедий.

Риччи он увидел в зале Попугаев. За спиной миллиардера висела довольно приличная копия портрета герцогини д'Урбино работы Тициана. На стоявшем рядом с ним столике был накрыт завтрак, и привычный запах итальянского кофе пощекотал ноздри пленника. Между тем хозяин дома встал, приветствуя своего невольного гостя:

вернуться

45

Улица, на которой находятся ателье лучших лондонских портных. (Прим. пер.)

- Искренне рад видеть вас, дорогой князь! Поверьте, я глубоко сожалею, что вынужден был прибегнуть к столь радикальной мере, чтобы доставить себе удовольствие встретиться с вами, но я был уверен, что приглашение по всем правилам хорошего тона вы не примете. И я оказался прав, ибо вы отдали предпочтение моей невесте.

- Это по вашей просьбе она назначила мне свидание, обернувшееся ловушкой?

- Нет, я бы даже сказал, что все произошло ровно наоборот. Идея принадлежала ей. Но садитесь же, давайте позавтракаем вместе.

Альдо сел и сгоряча чуть было не отклонил второе предложение. Однако, поскольку он уже накануне ел хлеб своего врага, отказываться от кофе было глупо. Тем более что он в нем нуждался. Поэтому он согласился выпить чашку своего любимого напитка, затем вторую и присовокупил к ним бутерброд с маслом. Риччи, не говоря больше ни слова, принялся истреблять все, что было на столе. Он не столько ел, сколько жрал, что вызывало чувство легкого отвращения у его невольного гостя, который продал бы душу дьяволу за сигарету. Внезапно Риччи, порывшись в кармане, протянул ему тот самый золотой портсигар, о котором он мечтал:

- Ваша вещица?

- Да. Я хотел бы получить также и свою одежду.

- Она в Нью-Йорке, но вам ее вернут. Послезавтра я женюсь, и ваш нынешний костюм - это всего лишь эпизод. А теперь давайте поговорим! - добавил он, откидываясь в кресле, тогда как Альдо сделал первую упоительную затяжку.

- С удовольствием! Особенно если вы хоть на этот раз согласитесь вести честную игру.

- К чему мне затруднять себя ложью, если у меня на руках все карты? Что вы хотите узнать?

- Во-первых, причину моего появления здесь. Почему меня похитили?

- Мне пришлось это сделать, и я решил на это еще прежде, чем Мэри попросила меня вмешаться. Видите ли, у меня есть для вас роль первого плана. Вы будете тайным, но чрезвычайно важным свидетелем на моей свадьбе. Это не означает, что вы будете стоять рядом со мной в ходе официальной церемонии, зато позже, обещаю вам, вы увидите все, что произойдет во время брачной ночи. Вы узнаете все, клянусь вам.

- После чего, полагаю, вы меня убьете?

- Ваше предположение справедливо. Но это не означает, что ваша роль закончится. Напротив, она продолжится еще на какое-то время.

- Ваши речи звучат довольно загадочно, но я понимаю, что вы не расположены говорить больше, а потому не настаиваю. Зато мне хотелось бы выяснить, почему Мэри попросила вас

схватить меня. Зачем ей это понадобилось?

- Это вполне естественно, ведь вы ее давнишний враг. Кстати говоря, вы поступили неосторожно, когда дали ей возможность узнать вас на балу у Белмонтов. Неужели вы так плохо ее знаете? Она очень мстительна.

- Я в этом никогда не сомневался. Как и в ее природной хитрости. Что она рассказала вам о наших прошлых отношениях?

- Ну, почти все, я думаю. О том, как вы, ввергнув в отчаяние и доведя до самоубийства ее дядю, знаменитого археолога сэра Персиваля Кларка, у которого украли, по заказу евреев, два бесценных изумруда, донесли на нее в полицию и добились ее ареста. Она избежала петли только благодаря одному из своих друзей, который помог ей бежать. После этого она сумела найти убежище в Англии у своей родственницы, сестры миссис Швоб, вышедшей замуж за английского промышленника. Именно эта женщина посоветовала ей сменить имя, а когда супруги Швоб приехали в Лондон, она решила отправиться вместе с ними в Америку, чтобы начать там новую жизнь и навсегда забыть о ваших кознях. Мы с ней познакомились на пароходе, дальнейшее вам известно!

- Нет, я как раз не знаю продолжения этого столь трогательного романа, но представить могу. Увидев меня, она поняла, что ее усилия избавиться от преследования с моей стороны остались втуне и что я собираюсь вновь разрушить ее жизнь, изгнав из всех приличных домов. Поэтому она попросила такого могущественного покровителя, как вы, оградить ее от моих преступных махинаций...

Декламация Морозини, казалось, не произвела никакого впечатления на Риччи, который продолжал:

- Ваше появление напугало ее тем более, что вы никогда не делали тайны из ваших злокозненных намерений по отношению ко мне по причине двух - так называемых! - трагедий, омрачивших мою жизнь. Вы попытались настроить ее против меня, хотя на самом деле цель у вас одна: завладеть гарнитуром, принадлежавшим моим предкам, который я вручу жене в вечер свадьбы.

- По поводу свадьбы. Под какой фамилией намерена она выйти за вас замуж? Поскольку она сказала вам, что сменила имя, Мэри Форсайт - это нечто вроде ее псевдонима?

- Напротив! Когда вы познакомились с ней в Иерусалиме, она взяла фамилию своей бабушки, которая и стала ее псевдонимом журналистки, а также писательницы: она хотела написать книгу о священных камнях Библии.

Это было уже слишком, и Альдо, не выдержав, захохотал. Ему следовало бы знать, что воображение этой девки не знает никаких границ. Правда, он никогда бы не поверил, что такой старый лис, как Риччи, способен проглотить подобные небылицы! Но веселье его продолжалось недолго, ибо в желтых глазах сицилийца отразилась неприкрытая злоба.

- Простите меня! - непринужденно извинился Морозини. - Я не сумел сдержаться. Это так забавно!

- Вы находите?

- Конечно! Но давайте резюмируем: итак, Мэри Форсайт - ее подлинное имя и фамилия. Между тем она выступала как Хилари Доусон якобы в честь своей бабушки, настоящая же

Хилари Доусон, которая действительно существует, не имеет к ней никакого отношения. Очень хорошо! А теперь позвольте представить вам Марго-Пирожок, еще один псевдоним, под которым она известна полиции всей Европы! Что вы на это скажете?

Риччи ответил не сразу. Встав с места и опершись руками о стол, он устремил на своего пленника холодный, как гранит, взгляд:

- Не тратьте силы зря! - отчеканил он. - Для меня и для моих намерений это не имеет значения!

- Как?

- Вы прекрасно слышали. Она могла бы приехать откуда угодно и сменить фамилию хоть двадцать раз, обладать душой, черной как ад, это не изменит моего решения жениться на ней. Единственное, что имеет значение - ее красота, а также то обстоятельство, что она похожа - меньше, чем другие, но вполне достаточно - на...

- Бьянку Капелло?

Риччи вздрогнул, и во взоре его сверкнула молния:

- О! Откуда вам это известно?

- Она должна была вам сказать, ведь мы с ней об этом говорили. Надеюсь, она не забыла упомянуть и о том, какой живой интерес вызывает у нее ваш так называемый фамильный гарнитур.

- Не без причины, поскольку она знает, что послезавтра вечером наденет его.

- Как раз перед тем, как будет отдана палачу? У вас странная манера любить, мистер Риччи! Вы устраиваете свадьбу, женитесь, дарите драгоценности и убиваете!

- Я никогда никого не убивал, и меня не бывает на месте в тот момент, когда происходят эти убийства.

- Это не означает, что вы не виновны. Я знаю, что формально вы ни при чем, но только формально, поскольку именно вы, перед тем как покинуть ваш дворец, отдаете этих несчастных тому, кто зверски с ними расправляется... Я никогда не смогу понять, отчего вас не арестовали после убийства Энн Лэнгдон! В этой стране очень странные законы...

- У каждого государства они свои, - произнес Риччи с мерзкой улыбкой. - В нашем закон подчиняется богатству...

- Богатству или мафии? К которой вы принадлежите, я в этом убежден.

- Это также должно было бы призвать вас к большей осторожности. Зачем вам понадобилось вмешиваться в мои дела, если не считать того, что вы желаете получить драгоценности Бьянки Капелло?

- Любой человек, достойный этого имени, должен действовать, если он видит, как на его глазах убивают невинную женщину. А я видел, как погибла Жаклин Оже! Я знаю, что она была убита по вашему приказу, и хочу отомстить за нее. Не говоря уж о Бьянке Буэнавентури, Терезе Солари, Маддалене Брандини и Энн Лэнгдон. Я ненавижу Хилари Доусон, или Мэри Форсайт,

или как там ей угодно именовать себя, но не могу смириться с тем, что она умрет с распоротым животом, изувеченная и искромсанная! Ведь это женщина...

Риччи грохнул кулаком по столу с такой силой, что фарфоровые чашки подпрыгнули:

- Женщины гораздо хуже мужчин, и по части жестокости нам нечему их учить. Первая из тех, чьим рыцарем вы решили стать, Бьянка Буэнавентури, была чудовищем. Она полностью заслужила свою участь. В ее жилах текла гнилая кровь венецианской Колдуньи и ее жалкого супруга. Поверьте мне: она ничем не отличалась от них...

- Как это может быть?

- Девочка, которую они произвели на свет, вышла замуж за одного из двоюродных братьев Буэнавентури. Это была шлюха чистойшей воды...

- Что же она такого сделала?

Риччи замер, не сводя с лица Морозини взгляда, в котором тот прочел колебание.

- Неважно! - выпалил он наконец. - Жить вам осталось так недолго, что вы никому не сумеете открыть тайну семьи Риччи! Пойдемте!

Не обратив внимания на эту угрозу, Альдо решительно последовал за ним.

Через полчаса Морозини привели назад, в камеру. Он сел на свой матрас, и его страшная бледность настолько поразила невозмутимого Креспо, что тот не удержался от реплики:

- Надо же, вам вроде как сильно не по себе? Что это с вами сделал патрон?

И, поскольку Альдо ничего не ответил, добавил:

- Сейчас я вам принесу стаканчик граппы, это вас подкрепит, а там и до ленча недалеко!

- Я не хочу есть!

- Я все равно принесу! Патрон хочет, чтобы вы были в хорошей форме на его свадьбе...

Он исчез и через минуту вернулся с оплетенной бутылкой виноградной водки и стаканом, который наполнил и протянул пленнику:

- Пейте!

Альдо выпил одним духом и отдал стакан. Креспо поставил стакан и бутылку на пол, рядом с фонарем:

- Я вам это оставлю на всякий случай. В большинстве случаев хорошая выпивка чертовски помогает.

Его слова подействовали на Альдо, и, на секунду выйдя из оцепенения, он сказал:

- Лучше бы вы отнесли это Бетти Баскомб. Она нуждается в этом больше, чем я! Она все еще здесь?

- Конечно, здесь! Она еще может быть полезна и чувствует себя не так уж плохо. Ее даже развязали и дали поесть. Она что, так сильно вас интересует?

Вместо ответа Альдо только пожал плечами. Все страдающие женщины имели право на его сочувствие и помощь. Включая даже эту Хилари, которую он ненавидел. Эта коварная, алчная предательница, готовая пойти на убийство, чтобы утолить свою страсть к роскоши, вызывала у него жалость, ибо она, хоть и была уверена, что «приняла меры предосторожности», просто не понимала, какой ужас ожидает ее. Никто не имел права подвергать такому мерзкому надругательству женщину!

Альдо провел этот день в попытках выработать план, который позволил бы вытащить из западни и ее, и себя, поскольку их судьбы были отныне связаны. Ему предназначали роль, которая привела Питера Баскомба на виселицу: роль убийцы-садиста. Есть отчего сойти с ума. И что тут можно поделать? У него оставалось так мало времени! Он вновь подумал об Адальбере, который должен был уже получить письмо. Но сумел ли друг понять скрытый в нем смысл? Готовится ли что-нибудь предпринять?

Ради спокойствия души ему следовало бы забыть о своем послании: оно наверняка попало в руки Хилари, а та могла легко устранить некоторые странности, способные насторожить Адальбера. Документы она подделывала не менее виртуозно, чем обдывала воровские делишки, и ей ничего не стоило прибавить парочку успокоительных фраз, а затем приказать верной Броуни отнести письмо в «Белмонт-Кастл»...

Не имея понятия о том, что происходит за стенами Палаццо, Альдо лихорадочно искал повод для надежды. Он был уверен, что Адальбер перевернет небо и землю ради него - при помощи Полины и, быть может, даже Белмонта... Эта утешительная мысль в конце концов одержала верх над нараставшей тревогой, и, воздав должное ленчу, который ему принесли, он решил поспать. Любой ценой надо было сохранить силы перед тем, что его ожидало...

Разбудил его какой-то слабый звук.

Он мгновенно оказался у решетки. Тонкий слух не обманул его: это были шаги человека, который приближался крадучись, в обуви с несомненно резиновыми подошвами, однако из-за неровной почвы подземелья шаги его издавали легкое шуршание. Затем он увидел слабый лучик карманного фонарика, который тут же погас. Сердце Альдо забило сильнее. Тот, кто принимал такие меры предосторожности, не мог входить в число людей Риччи... Внезапно луч вновь зажегся и упал на его лицо. Одновременно раздалось сдавленное восклицание, и странный гость подземелья устремился к нему:

- А вы-то что здесь делаете? - прошептал голос, который показался ему женским, хотя в царившем вокруг мраке разглядеть что-либо было невозможно.

Он тут же пошел за своим фонарем и вернулся к решетке, обнаружив за ней молодое лицо, которое словно бы висело в воздухе, поскольку девушка была одета в черное, на манер гостиничных воров, и ее фигура сливалась с окружающей темнотой. Но рыжая прядь, выбившаяся из-под черного капюшона, и круглая физиономия принадлежали не кому иному, как Нелли Паркер, журналистке из «Нью-Йоркер».

- Это следовало бы спросить у вас! Вы последняя, кого я ожидал здесь увидеть. Вы выслеживали меня вплоть до этого подземелья?

- Сначала да. Приехав в Ньюпорт, я нашла комнату почти напротив вашей, взяла напрокат велосипед и ездила за вами почти повсюду.

- Как же ухитрились сделать так, чтобы я вас не заметил? У вас дар становится невидимкой?
- Дар более распространенный, чем вы думаете: искусство походить на любого человека из толпы. Вы тоже могли бы этому научиться, если бы задались такой целью и бросили свои вельможные замашки!
- У меня вельможные замашки?
- Скажем так, у вас они выглядят естественными! Даже на велосипеде, что сильно облегчило мою задачу. Именно следуя за вами, я познакомилась с Бетти Баскомб и сумела с ней подружиться.
- Примите мои поздравления! Это не каждому дано!
- Верно, и на это мне потребовалось отнюдь не пять минут. Но, встретив ее, я сразу вспомнила о деле Баскомба, потрясем всю округу. Надо сказать, что я отчасти здешняя: у меня тетка живет в Наррагансете. Это помогло, но все же мне пришлось изрядно потрудиться, потому что Бетти женщина необыкновенная, очень интересная. Интереснее, чем вы с вашими светскими условностями!
- Если я правильно вас понял, вы перестали заниматься мною? - спросил слегка уязвленный Альдо.
- Да! Пережитая ею драма, ненависть к Риччи, месть как цель жизни - все это гораздо увлекательнее, чем история с драгоценностями. И тогда я посвятила себя ей, а поскольку она три дня назад исчезла, я ее разыскивала. Сначала я подумала, что она вышла в море на своей лодке и отправилась на материк, что время от времени делает. Но никогда она не задерживалась на такой долгий срок! Вот почему сегодня ночью я решила обследовать подземелье.
- Вы нашли вход?
- Бетти мне его показала, главное же, механизм, который позволяет сдвинуть с места скалу.
- Вы и в самом деле завоевали ее доверие! В любом случае, вы правильно поступили: она сидит в камере, похожей на эту, в галерее за поворотом. Идите туда! Вы увидите...
- Сейчас пойду, но я вернусь! Вы должны мне многое рассказать!
- Лучше бы вы попытались вытащить отсюда нас обоих! От разговоров я несколько устал!
- Всеу свое время! Я вернусь, говорю вам! Поставьте фонарь на место...

Тьма поглотила девушку, словно она была призраком. Морозини казалось, что ее нет целую вечность. Вцепившись руками в решетку, он молил бога, чтобы юная Нелли не попалась людям Риччи, ибо для него и для Бетти она была единственной надеждой, единственным шансом выбраться живыми из этой западни! К тому же надо еще как-то открыть проклятые решетки.

Вернулась она с заметно помрачневшим лицом.

- С ней что-то случилось? - с тревогой спросил Альдо.
- Нет. Ей даже стало лучше. Она рассказала мне о том, что вы сделали для нее, она вас благодарит.

- Хорошо, хорошо, но сейчас, наверное, лучше подумать о том, как нам выбраться отсюда? Вы не принесли ничего, чем можно было бы вскрыть эту железяку?

Она пожала плечами и ответила с усмешкой:

- Традиционную пилку узника? Вы обратили внимание на толщину прутьев? В древности здесь держали рабов, и, поскольку их набиралось иногда довольно много, о надежности запоров позаботились. Бетти хочет, чтобы я принесла динамит...

- У нее есть?

- Да, и она сказала мне, где его найти, но...

- ...но вам это кажется слишком радикальным способом? Я могу понять, почему ей хочется взорвать Палаццо со всем его содержимым, но сам предпочел бы другую могилу. Будет лучше, если вы обратитесь за помощью.

- Куда? И к кому? К Теду Моосу? Я о нем тоже подумала...

- Потом, если хотите, но прежде всего идите к Белмонтам и спросите баронессу Полину. В ее доме остановился мой друг, чью фамилию вы вряд ли сумеете произнести. Вдвоем они что-нибудь придумают. Сколько сейчас времени?

- Три часа ночи. Наверное, до рассвета мы уже не успеем что-либо предпринять.

- Главное, чтобы вы подняли тревогу. Не забудьте, что свадьба будет завтра... и мне хотят дать в ней роль первого плана.

- Какую?

- Я должен сыграть ту же роль, что и Питер Баскомб. Новобрачная умрет в страшных мучениях, и в садистском убийстве обвинят меня, поскольку муж, конечно, окажется далеко отсюда. Но, если я взлечу на воздух вместе с дворцом, защищаться мне будет трудно. А теперь бегите! На счету каждая минута!

- Иду! Держитесь!

Держаться теперь было немного легче, но когда маленькая фигурка в черном одеянии исчезла вместе с тонким лучом своего фонарика, Альдо почувствовал, как у него защемило сердце. Чудом было уже то, что эта маленькая журналистка смогла пробраться сюда, не наткнувшись ни на кого из подручных Риччи. Но произойдет ли это чудо во второй раз?

Глава XIII

Риччи рассказывает...

Адальбер, с недавних пор потерявший аппетит, с плохо скрываемым отвращением смотрел на Джона-Огастеса, который, разделавшись с сосисками и яйцами, приступил к методичному истреблению груды тостов, намазанных маслом и мармеладом. Сам он ограничился одним круассаном - повар «Белмонт-Кастл» выпекал их специально для него! - зато черный кофе глотал чашку за чашкой. Сострадательный хозяин дома, на секунду прервав процесс пережевывания пищи, сделал попытку подбодрить его:

- Если бы вы плавали со мной каждое утро, вам бы тоже хотелось есть. Холодная вода

чудесным образом разгоняет кровь!

- Вы называете эту воду холодной? Я бы скорее назвал ее ледяной. Уверен, что даже в летнюю жару ее температура никогда не превышает семнадцати или восемнадцати градусов. Слишком мало для меня!

- Потому что вы маленький французик-мерзляк, - изрек Белмонт, который был ниже своего гостя на полголовы, - но когда проведете здесь несколько недель, признаете мою правоту. Все дело в привычке!

- Оставьте его в покое! - вмешалась Полина, которая сумела съесть лишь один маленький тост с маслом, запив его водопадом чая с лимоном. - Адальбер волнуется, и я тоже, вы это прекрасно знаете. Если бы Морозини действительно уехал в Нью-Йорк, он бы уже вернулся. Что может он делать там без багажа, не имея даже свежей сорочки?

- ...И зубной щетки, совершенно с вами согласен, но это еще не повод для того, чтобы садиться на диету. Вы сделали все, что было нужно: позвонили Филу Андерсону и ввели его в курс дела. Теперь остается только ждать...

- Ждать, ждать! - проворчал Адальбер. - Я знаю, что Альдо вполне способен на неожиданные решения такого рода, однако не могу допустить, будто он не нашел времени заглянуть к нам или позвонить, прежде чем сесть на этот проклятый паром! Этому нет объяснений.

- Люди видели, как он буквально вбежал на причал, - сказал Джон-Огастес.

- Видели человека, похожего на него и в его одежде, но если это все же не он? В таком случае надо ждать вестей от шефа Андерсона. Кто еще может точно сказать нам, что его нет там?

- Но ведь записка-то на самом деле его? - произнесла Полина, которая уже некоторое время помешивала ложечкой в пустой чашке. - Ведь это его почерк?

- Да! - со вздохом подтвердил Адальбер. - И все равно что-то мне говорит: это фальшивка, нам подсовывают ложный след. К тому же я никак не могу добиться встречи с этой чертовой девкой...

Действительно, он уже два дня пытался добраться до Хилари, но ее охраняли надежнее, чем Президента Соединенных Штатов, и вилла супругов Швоб казалась неприступнее Белого дома. Полина, встревоженная не меньше Адальбера, несколько раз звонила миссис Швоб, но ей отвечали, что та либо слишком занята подготовкой к свадьбе, либо настолько устала, что даже не может подойти к телефону. Тогда баронесса отправилась на место лично, однако не сумела прорваться сквозь охрану - люди Риччи сторожили виллу дено и ночью. Когда же она с чисто аристократическим пренебрежением выразила свое удивление по этому поводу, ей объяснили, что в связи с предстоящим празднеством появились анонимные письма с угрозами, поэтому не может быть и речи о нарушении строжайших приказов будущего супруга, обеспокоенного как безопасностью невесты, так и своей собственной. Даже привычную программу пришлось изменить. Так, священник благословит новобрачных не в часовне дворца, а на вилле «Оукс», в украшенной цветами беседке. Потом супруги дадут званый ужин «для друзей» в своей резиденции, но бала не будет. Зато гости увидят фейерверк.

Все, кого причисляли к высшему обществу Ньюпорта, получили приглашения, но лишь половина согласилась прийти. Остальные, как, например, Вандербильты, не скрывали своего презрительного отношения к хозяину Палаццо и желчно отзывались о новой свадьбе, последовавшей за двумя празднествами со столь трагическим концом. Да и среди тех, кто

намеревался присутствовать, было немало людей, испытывающих явно нездоровое любопытство – словно их позвали на жертвоприношение. К таковым принадлежала Синтия Белмонт со своими обычными партнерами по танцам, которых она именовала «бандой», и там уже заключались довольно сомнительные пари на тему: будет ли эта новобрачная убита подобно двум другим? Впрочем, подобные пари были в ходу во всем городке, буквально кипевшем от возбуждения.

Что касается Джона-Огастеса, он предпочел отказаться:

- С этим типом нельзя иметь дело, – объявил он, зевнув так, что едва не вывихнул челюсть. – А итальянская кухня приводит меня в ужас. Я лучше пораньше лягу спать.

Зато Полина приняла приглашение с целью помочь своим друзьям проникнуть в Палаццо, но сегодня утром начала колебаться из-за продолжительного отсутствия Альдо. Она все еще раздумывала над этим, когда Беддоуз пришел с известием, что некая Нелли Паркер, журналистка по профессии, настойчиво просит разрешения поговорить с ней.

- Она не объяснила причину?

- Нет, только сказала, что это очень срочно, госпожа баронесса!

Белмонт уже поднялся в свою комнату, и Полина сидела на террасе вместе с Адальбером, который сделал движение, чтобы уйти, но она удержала его:

- Внутренний голос подсказывает мне, что вы должны остаться. Сходите за ней, Беддоуз! О! Принесите кофе или чай... что предпочитает мадемуазель, – добавила она, когда дворецкий вернулся с молодой рыжей особой в юбке и сером свитере, очень бледной и утомленной на вид.

- Кофе, пожалуйста, и покрепче! – отозвалась Нелли с признательной улыбкой.

Все Белмонты были очень известными фигурами в Нью-Йорке, и она прекрасно знала Полину, однако взгляд ее сразу устремился на Адальбера:

- Могу я спросить, не вы ли тот господин с непроизносимой фамилией? – осведомилась она.

Адальбер подскочил:

- Кто вам это сказал? Вы видели Морозини?

- Да. Это он прислал меня...

- Где он?

- Минутку! – вмешалась Полина. – Присядьте, мисс Паркер, и передохните! Вы выглядите очень усталой.

- У меня была тяжелая ночь... – сказала Нелли, почти рухнув на подушки удобного ротангового кресла, которое придвинул к ней Адальбер. – И я боюсь, что день окажется еще хуже...

Она рассказала, как отправилась на поиски Бетти Баскомб и наткнулась на Альдо, заточенного в том же подземелье. История ее еще не была завершена, как Адальбер уже стоял на ногах, подрагивая от нетерпения:

- Идем туда немедленно! Вы покажете мне дорогу!

- При свете дня это сделать нелегко. Вход располагается на берегу моря, между дворцом и домом Бетти. Там почти всегда народ: рыбаки, купальщики, те, кто приехал на пикник. А скала, которая вдруг разомкнется, обязательно привлечет к себе внимание. Особенно сегодня, в день свадьбы... явятся толпы любопытных.

- Если вы пришли сказать нам, что сделать ничего нельзя, не стоило затруднять себя. Чем же я, по-вашему, должен теперь заняться? Купаться пойти?

- Быть может, это не такая уж плохая мысль, если скала нависает над морем! - произнесла Полина. - Давайте отправимся туда поплавать! На нас никто не обратит внимания! Возьмем корзинки с едой, захватим моего брата и организуем вылазку на природу! Это даст нам возможность понаблюдать... и выбрать подходящий момент. Вы, разумеется, поедете с нами, мисс Паркер?

- С радостью! Это превосходная идея... Тем более что сейчас князю опасность не угрожает, ведь ему предназначена роль виновника убийства!

Адальбер еще немного поворчал, но в конце концов уступил мнению большинства, к которому без колебаний присоединился и спустившийся на террасу Джон-Огастес. Тот даже предложил воспользоваться яхтой, на что его сестра ответила пожатием плеч:

- Лучшего вы придумать не могли! Яхту длиной в восемнадцать метров, конечно же, никто не заметит, и мы легко зайдем стратегически важный пункт! Нет, поедем на моей машине и устроимся на пляже с необходимым снаряжением и экипировкой, подобно любой добропорядочной буржуазной семье, которая жаждет подышать воздухом и отдохнуть в тихом местечке.

- Снаряжение и экипировка! Звучит замечательно! - воскликнул Белмонт. - Скажем Беддоузу, чтобы он приготовил корзинки для пикника, а сам я соберу сумку... в которой будут все нужные нам инструменты!

- А динамит у вас есть? - неожиданно спросила Нелли в тот момент, когда Беддоуз явился за распоряжениями своего хозяина. - Бетти просила принести.

Глаза Джона-Огастеса округлились:

- У нас это имеется, Беддоуз?

С высоты своего достоинства дворецкий величественно пояснил:

- Динамит? Главный садовник иногда пользуется им в борьбе с кротами, и я припоминаю, что покойная бабушка Вашей светлости озаботилась приобрести его, когда мистер Ван Бюрен вознамерился увеличить свои владения за наш счет. Как мне кажется, она велела...

- Изумительная женщина! - вздохнул Белмонт. - Она считала делом чести обеспечить свой выводок всем насущным! Сходим за динамитом вместе, Беддоуз! Вы уверены, что в наших закромах не найдется пушки?

- Увы, нет, сударь, и я всегда об этом сожалел. У мистера Вандербильта есть великолепная пушка, которая изначально находилась на вооружении флагмана французской эскадры «Дюк де Бургонь» в ту пору, когда им командовал шевалье де Терне...

- В любом случае, я не вижу, чем поможет нам пушка во время пикника на скалах! -

взорвалась Полина. - Мы только попусту тратим время!

- Не надо так нервничать! Обойдемся и динамитом! Я часто думал, что он просто необходим для завтрака на траве!

Через полчаса все погрузились в машину Полины с воодушевлением и хорошим настроением, столь характерными для вылазок на природу. По крайней мере, внешне, ибо Адальбер был чрезвычайно возбужден, а нервозность Полины выражалась в том, как она переключала скорости. Зажатая между ними Нелли старалась как можно полнее отвечать на их вопросы, касавшиеся мельчайших деталей ее встречи с Морозини. На заднем сиденье похрапывал Джон-Огастес, подложив под ноги очень необычную корзину для пикника...

Было еще рано, и они почти никого не встретили на пути к пляжу. Зато на небе появились облачка, что заставило Адальбера нахмуриться:

- Не хватало еще, чтобы пошел дождь! Хорошо мы будем выглядеть с нашим завтраком на траве, - пробормотал он.

- Не терзайтесь из-за этого! - сказала Полина. - Во-первых, в нашем кофре имеются зонтики, а во-вторых, тем и прекрасен Ньюпорт, что здесь можно совершать самые безумные поступки, не подвергаясь никакой критике. К тому же мы, Белмонты, давно сльезем людьми эксцентричными, но, замечу, мы ничуть не эксцентричнее тех, кто собирается поглазеть на свадьбу отвратительного бандита и воровки!

Облака начали сгущаться, когда компания достигла искомого места - узкой песчаной бухты, окруженной скалами, на которых, помимо мха, росли сосны, искривившиеся под напором сильных ветров. К счастью, пляж оказался пустынным. Удивляться, впрочем, было нечему: вся деятельность на южной оконечности острова, казалось, сосредоточилась вокруг Палаццо Риччи, где лихорадочно готовились к скорой уже свадьбе... Ободрившись при виде солнечного луча, пробившегося сквозь бело-серые кучевые облака, компания расположилась на песке. Место не было лишено очарования, хотя бухта Бетти Баскомб выглядела более живописной. Полина, взяв на себя роль матери семейства, занялась обустройством импровизированного лагеря, тогда как раздевшийся в мгновение ока Джон-Огастес побежал к зеленой воде - после того как Нелли показала ему скалу, где таился вход в подземелье. Он быстро поплыл в этом направлении, желая убедиться, что на противоположном берегу отсутствуют нежелательные свидетели. Нелли и Адальбер отправились «на разведку», изображая туристов, осваивающих приглянувшийся им участок земли. Нелли несла пляжную сумку с инструментами, необходимыми для освобождения узников. Сверх того, у каждого из них под свитером был спрятан пистолет, заткнутый за пояс.

Примерно в полуметре над уровнем моря находился камень, закрывавший вход в подземелье. Он ничем не отличался от других: такая же неровная скала, поросшая колючим кустарником, как и все остальные, образовавшие нечто вроде стены над морем. Нелли подошла к ней, затем поискала глазами Белмонта, который плескался примерно в одном кабельтовом. Тот сделал знак, что все в порядке, и она, сунув руку в перчатке между усеянных шипами веток, нашла железный рычаг, который показала Адальберу. Они обменялись взглядом, исполненным одинаковой тревоги: что откроется им за этой скалой?

- Кто не рискует... - проворчал Адальбер, вытащив пистолет и зарядив его. - Давайте, девушка. Надеюсь, механизм не производит большого шума?

- Его почти не слышно. Похоже, часто смазывают. И к системе сигнализации он не подключен.

Это сделано для того, чтобы не привлекать внимания к этой бухте. Форт Уильямс совсем недалеко...

Действительно, скала, по которой бежала вверх причудливая трещина, раскололась на две неравные части, образовав темное отверстие, в которое первым проскользнул Адальбер. Застыв около стены, он стал вглядываться в проход и, когда глаза привыкли к полумраку, увидел, что уходящий вниз коридор с песчаным полом гораздо шире входной дыры и что в нем пусто.

- Можете идти! - шепнул он. - Никого нет.

Нелли двинулась следом за ним, включив свой фонарик, и они бесшумно пошли по коридору. Вскоре обнаружилось, что дневной свет время от времени проникает в подземелье сквозь щели на потолке. Это позволило им потушить слишком опасный в данной ситуации фонарик. Все вокруг было объято тишиной, всегда тягостным безмолвием подземелья. Впрочем, это было естественно, ведь они проникли в логово контрабандистов, которые предпочитают действовать ночью - осторожность обязывает! Кроме того, для подобного сообщества день свадьбы главаря оказался праздничным, выходным.

- В каком-то смысле это хорошо, - выдохнул Адальбер.

- Я тоже об этом подумала: возможно, у нас есть шанс освободить узников...

Но когда они подошли к камере Альдо, их ожидало разочарование: решетка была распахнута настежь, и пленника не было...

- Пойдемте посмотрим, здесь ли Бетти! - прошептала Нелли, направившись к повороту галереи. - Быть может, она что-нибудь знает...

Бетти оказалась на месте. Вцепившись руками в прутья решетки, она напряженно прислушивалась к еле различимым шорохам, который улавливала своим острым слухом. Полудикая жизнь приучила ее различать звуки, недоступные для наполовину оглохших жителей больших городов. Нелли устремилась к ней:

- Я привела друга. Мы выведем вас отсюда!

- Это не самое главное: вы принесли мне то, о чем я просила?

- Динамит? Да, но...

- Главное для меня, - сухо произнес Адальбер, который внимательно изучал запор решетки, - что случилось с другим пленником? Вы знаете?

- Да и нет. Этот мерзавец Креспо пришел за ним примерно полчаса назад.

- И куда он увел его?

- Откуда мне знать? В какое-нибудь другое место этого чудовищного дворца. Сегодня ночью мне очень хотелось с ним поговорить, но мы были слишком далеко друг от друга, нам пришлось бы кричать, и нас могли бы услышать. А мне так хотелось сказать ему спасибо - это прежде всего! И попросить прощения за то, что я плохо приняла его, когда он пришел ко мне с предложением помочь...

- Мы постараемся, чтобы вы сумели это сделать.

Решетке было не меньше двух столетий, и ее прутья, толстые, как рука ребенка, проржавели, но замок был вычищен и смазан – доказательство, что им пользовались не раз и что Бетти была отнюдь не первой узницей. Адальбер выбрал тонкий, но прочный стилет и, под восхищенным взглядом Нелли, очень быстро разобрался с запором. Петли, не столь ухоженные, заскрипели, когда Нелли толкнула решетку. Затем археолог с такой же легкостью освободил Бетти от цепей, которые позволяли ей передвигаться лишь мелкими шажками.

- Большое спасибо! – сказала она. – Как хорошо оказаться на свободе. А теперь дайте мне динамит!

- Чтобы вы подорвали дворец, а заодно и Морозини? – проворчал Адальбер. – Я против...

- Я ничего не буду взрывать сейчас, это было бы безумием. Обещаю ничего не предпринимать, пока не разъедутся все гости...

- Каким образом вы это узнаете?

- Узнаю, не беспокойтесь! Я успела изучить это подземелье и смогу здесь спрятаться. Поймите же, я не допущу, чтобы Риччи удрал, пока здесь будут истязать женщину!

- О, я понимаю! Надо убить всех, а уж Господь своих узнает? Об этом не может быть и речи! Вы пойдете с нами! Вам дадут то, что вы просите, и вы сможете вернуться сюда ночью, поскольку вам известно, как проникнуть в подземелье, – добавил он, подняв пляжную сумку.

- Нет, я с вами не пойду! К чему мне свобода, если я не могу отомстить?

- И вы еще говорите, будто жалеете, что не поблагодарили Морозини? Хорошенькая благодарность! А вы знаете, что у него жена и дети? Так что давайте-ка успокоимся и уйдем отсюда вместе! Я согласился взять с собой динамит лишь на тот случай, если бы не осталось других способов вызволить моего друга и вас... если бы пришлось подорвать коридор, чтобы преградить дорогу преследователям!

Он не ожидал того, что последовало. С силой, которую нельзя было заподозрить при таком хрупком сложении, Бетти прыгнула на него, повалила на землю, вырвала сумку и скрылась в глубине галереи. Он быстро поднялся с намерением бежать за ней, но Нелли остановила его:

- Нет! Предоставьте это мне! Я останусь с ней. Свою жизнь она в грош не ставит, но ничего не сделает, если я буду рядом... Возвращайтесь! Вам нужно быть на ужине сегодня вечером!

Последние слова она выкрикнула уже на бегу. Адальбер хотел было догнать обеих женщин, чтобы разделить с ними неизбежные опасности, однако молодая журналистка уже доказала свою решимость, а оставить в неведении Полину было невозможно. Тем более что у него уже возник план. Итак, он отправился в обратный путь и, убедившись, что никто из посторонних не проник в подземелье, закрыл отверстие в скале, а затем присоединился к Полине, которая стоически ожидала его, сидя под зонтом. Пока Адальбер отсутствовал, начался проливной ливень и ей пришлось убрать все вещи в машину. Увидев его, она испустила тяжкий вздох:

- Я просто умираю от беспокойства! Мне казалось, что вы никогда не вернетесь... Где все остальные?

Он рассказал ей все, ища взглядом Джона-Огастеса, который, впрочем, уже подплывал к ним.

- Бессмысленно задерживаться здесь, – проворчал Белмонт. – Остается молиться, чтобы с мисс

Паркер ничего не случилось!

- Эта малышка очень смела и совсем не глупа! Она сумела завоевать доверие такой женщины, как Бетти Баскомб! И та не принесет в жертву своей ненависти ее жизнь...

Через несколько минут все трое направились обратно в «Белмонт-Кастл».

На сей раз Креспо привел Морозини на третий этаж Палаццо, в спальню, где на постели была разложена его одежда - чистая и идеально отглаженная. Здесь была также ванная - глухая, но с вентиляционными отверстиями. Альдо заперли в ней.

- Займитесь своим туалетом! - приказал Креспо. - Патрон желает, чтобы вы сверкали, как никель! Там есть все необходимое: мыло, шампунь, бритва и прочее.

- Вы бы еще добавили: «Не забудь вымыть уши!» Мои детские воспоминания оживают! - иронически заметил Альдо.

Громила в ответ лишь пожал плечами и закрыл дверь на ключ со словами, что откроет, когда пленник постучит. Поскольку бежать из этой смежной со спальней комнатухи было невозможно, Морозини наполнил ванну водой и с наслаждением погрузился в нее. С ранних лет он ненавидел быть грязным, и это омовение - пусть даже оно было последним - доставило ему подлинную радость: он потягивался и плескался под душем, затем, отказавшись от туалетной воды, к которой принюхался с подозрением, вытерся, побрился, завернулся в полотенце и постучал в дверь, которая тут же открылась.

- Вы торчали там слишком долго! - пробурчал Креспо. - А патрон ждать не любит!

- Тем хуже для него! Можно было поселить меня в другом месте, а не в этой крысиной норе!

- Ну и что? Поживее одевайтесь и выпейте кофе, который, наверное, уже остыл!

Действительно, остыл! Но Альдо выпил его без возражений, поскольку качество было важнее температуры. Лучше уж холодный кофе, чем горячая вода после мытья посуды! Приободрившись и переодевшись в собственную одежду, Альдо проследовал за своим тюремщиком через весь дом, превратившийся в улей, где кипела работа: армия слуг наводила последний блеск перед вечерним празднеством. Цветов было так много, что их, должно быть, привезли на яхте, так как сады не могли обеспечить подобного изобилия. Морозини сказал об этом Риччи, которого увидел в том же зале, что накануне.

- Никогда не видел столько цветов разом! - сказал он. - Но, может быть, это простая предусмотрительность? Вы думаете, что они пригодятся и для похорон?

- Не стройте из себя идиота! Похорон не будет!

- Вот как? Неужели вы отказались от намерения превратить красивую женщину в труп, столь же отвратительный, сколь ужасный?

- Конечно, нет! Что положено Чезаре, достанется Чезаре. Я отдал другие распоряжения! Относительно вас тоже.

- Вы хотите отнять у меня роль заранее назначенного убийцы? Как это любезно с вашей стороны! Значит, я теперь вам не нужен?

- Почти все верно, но не слишком радуйтесь! Для исполнения моего плана вам все равно придется исчезнуть.

- Это весьма огорчительно! И по какой же причине?

- Вы чересчур много знаете. Кроме того, вы привели меня в изрядное раздражение во время нашей первой встречи и не прекращаете это делать!

- Я постараюсь это пережить, но в связи с вашей раздражительностью... не полагаете ли вы, что вам пора бы отказаться от ваших зловещих постановок? Как вы думаете, сколько времени власти этой страны, которая еще не превратилась в джунгли, будут бездействовать и закрывать глаза на то, что здесь происходит? Даже если вы полностью приручили Дэна Морриса, даже если вы являетесь одним из столпов мафии, даже если у вас имеются могущественные покровители, федеральных законов еще никто не отменял, и федеральная полиция в конце концов займется вами. Наверное, вы все же думаете об этом?

Странная улыбка внезапно озарила одутловатое лицо Риччи, не сделав его красивее.

- Благодарю за то, что не считаете меня круглым дураком! Естественно, я об этом думаю, и сейчас вы узнаете приятную новость: полностью сознавая опасность, которой вы мне грозите, я могу сообщить вам, что сегодняшняя свадьба будет последней. Я стану безутешным вдовцом и в поисках душевного покоя уеду далеко, очень далеко, чтобы никогда сюда не вернуться.

Альдо вопросительно поднял брови:

- Вы собираетесь покинуть Соединенные Штаты? Но как же ваши многочисленные дела?

- Дела могут благополучно рушиться! Это меня ни в малейшей степени не беспокоит, потому что я давно обеспечил надежное укрытие и для себя, и для своих богатств. Видите ли, Морозини, я точно знаю, что американцев в самом ближайшем будущем ожидает серьезный финансовый кризис. С тех пор как им запрещено пить и играть кроме как в подполье, они ударились в спекуляции на бирже. Между тем биржа взвинтила курс до такой степени, что ценные бумаги потеряли связь с реальным капиталом в промышленности. Все основано на объеме продаж и покупок, который стал просто чудовищным. Поэтому даже легкая заминка в сделках обвалит всю систему. И это произойдет очень скоро. Пусть Америка несется в машине без тормозов, я не собираюсь дожидаться аварии... Результатом этой аварии станет паника, когда миллионы держателей акций внезапно обнаружат, что на руках у них простая бумага.

Вслед за этими словами наступила пауза, во время которой Альдо взвешивал услышанное. Информация, исходящая от этого человека, заслуживала самого серьезного осмысления, однако в нынешнем его положении финансовые проблемы большого значения не имели. Тем не менее он спросил:

- А если... авария не произойдет? Почему вы считаете ее неизбежной?

- Потому что иной исход практически невозможен, но, будьте уверены, в случае задержки я сам позабочусь о том, чтобы она произошла как можно скорее.

- Понимаю! Зато я плохо понимаю, что вы собираетесь сделать с...

Он не нашел слова, подходящего для чудовища, которое ему показали, но Риччи понял:

- Для того, чьи приказы и чьи советы я выполнял в течение стольких лет, потому что жалел

его, восхищался им и некоторым образом любил? Одним словом, для Цезаре, финансового гения и моего старшего брата? Он тоже исчезнет. Ему пора уйти, гибель его предрешена. По причинам, которые вы назвали, но также потому, что я хочу прожить оставшиеся мне годы полностью свободным, в мире и спокойствии. Завтра на рассвете этот дворец, который я выстроил для него, взлетит на воздух и вместе с ним все, кто останется внутри. К моему сожалению, вы будете в их числе...

- А вас здесь, разумеется, уже не будет?

- Разумеется. Этой ночью «Медичи» бросит якорь в бухте, и я поднимусь на борт. А потом... Океан велик.

Было что-то пугающее в эгоизме этого человека и особенно в том, как он с небрежностью Нерона или Калигулы распоряжался человеческими жизнями. Даже жизнями тех, кто был ему дорог.

- А что будет с Мэри?

- Ее судьба решена: она станет моим последним подарком Цезаре! Когда его подземная вселенная взорвется, он будет пребывать, надеюсь, на вершине блаженства и ничего не заметит: он умрет счастливым.

- А она? Сколько часов продлится пытка? Разве вы не можете хотя бы от этого ее избавить? Еще раз повторю: она женщина!

- Вы преисполнены жалости, которой эта особа не заслуживает. С тех пор как мы познакомились, она использует меня в своих интересах. По крайней мере, так ей кажется, ибо она даже не предполагает, что я вижу ее насквозь. Вы ведь не сообщили мне ничего нового, когда «разоблачили» ее! И, в сущности, она для меня всего лишь подмена.

- Как это понимать?

- Та, которую я предназначал для исполнения последних желаний моего брата, была красивее и нежнее. Я очень тщательно выбирал ее, и вы знаете, что с ней случилось.

- Вы приказали убить ее на моих глазах на Пиккадилли, - отчеканил Альдо, охваченный безумным желанием броситься на этого негодяя и задушить, но сознавал все же, что будет сразу убит, а ему хотелось узнать больше. - Иначе говоря, в Штаты вы возвращались несолоно хлебавши? - с невыразимым презрением добавил он.

- Именно! И вот на пароходе я встретил эту девку. Она была не так красива, как Жаклин, но для моих замыслов сходство ее с Бьянкой Капелло оказалось достаточным. Она приложила немало усилий, чтобы заманить меня в ловушку, хотя на самом деле это я поймал ее... Что ж! - сказал Риччи, поднявшись с кресла. - Теперь вам все известно.

- Отнюдь нет. Поскольку мне не суждено покинуть этот дворец живым, я хотел бы узнать историю драгоценностей Бьянки Капелло... и тех, для кого они стали смертным приговором. Чисто профессиональное любопытство! И, разумеется, мне хотелось бы их увидеть.

- Почему нет? Не вставайте! Они здесь.

Риччи, подойдя к стоявшему в углу флорентийскому секретеру хорошей работы, достал из него современный, но потертый футляр черной кожи и протянул его Морозини:

- Вот! Смотрите!

Ощущение нависшей страшной угрозы отступило перед восхищенным волнением, которое всегда испытывает знаток украшений и эксперт по драгоценностям, когда в его руки попадает необыкновенная вещь. А этот гарнитур – крест и серьги – был уникален по красоте камней и совершенству ювелирного искусства. Особенно хороши были великолепные рубины цвета «голубиной крови» колдовского темно-красного оттенка, на фоне которых отчасти тускнели алмазы и жемчуг, что, впрочем, и являлось их назначением – они подчеркивали безупречный пурпурный блеск. Настолько прекрасны были эти камни, что длинные аристократические пальцы Альдо подрагивали, когда он прикасался к ним. Его так прельстила их глубина, что на секунду он забыл о крови, которая пролилась из-за них, после того как они покинули пределы мастерской.

- Они изумительны! – заключил он. – Поистине достойны королевы! Вполне понятно, отчего Мария Медичи превозмогла ненависть к своей мачехе ради удовольствия носить их!

- Она их никогда не носила. Несомненно, они хранились в ее шкатулке для драгоценностей, когда она отправилась во Францию, чтобы выйти замуж за Генриха IV. Но у нее было так много украшений, что она подарила этот гарнитур своей фаворитке, Леоноре Кончини.

- Галигаи! [46] – вскричал Альдо, слишком взволнованный, чтобы удивиться неожиданной эрудиции мафиозо. – Вот почему они никогда не числились среди Драгоценностей Короны! После казни этой женщины будущий герцог де Люин, надо полагать, завладел частью ее имущества. Это украшение наверняка было самым красивым из всех, и весьма вероятно, что он вручил его своей супруге, знаменитой герцогине де Шеврез...

- Конечно! – нетерпеливо перебил Риччи. – Сверх того, что я сообщил вам и что сам узнал от Чезаре, остается упомянуть одно: в начале века эти драгоценности вернулись во Флоренцию. Они принадлежали матери графа Павиньяно, любовником которой стал мой брат. Чезаре был великолепен тогда, и ни одна женщина не могла устоять перед ним. Статуя Давида работы Микеланджело, украшающая флорентийскую Сеньорию, дает некоторое представление о нем. Он страстно увлекался историей рода Медичи, частицу крови которых мы унаследовали от прабабки...

- Я полагал, что вы сицилийцы!

- Одно другому не мешает, вам следовало бы это знать! Семейство Павиньяно тоже происходит из Сицилии, однако донна Мария, мать, была из Флоренции, где у нее сохранился фамильный дворец. Она часто встречалась там с Чезаре, и во время одного из таких путешествий он познакомился с Бьянкой Буэнавентури, в которую безумно влюбился: она очень напоминала ту, кого он считал идеалом женской красоты – Бьянку Капелло. Она тоже полюбила его, и они собирались пожениться, когда к ней вспылал страстью Павиньяно. Он был богат, а я только начал сколачивать состояние благодаря имевшимся у меня связям. Тягаться с ним мы тогда не могли, но Бьянка поначалу отвергла его: расстаться с Чезаре было свыше ее сил. И Павиньяно использовал другие средства: однажды ночью нанятые им люди схватили моего брата, притащили в потайное место и изувечили.

- Разве не проще было убить?

- Мертвец порой обладает большой силой! Бьянка могла бы долго его оплакивать, а Павиньяно не терпелось затащить ее в постель: надо было сделать так, чтобы Чезаре вызывал у нее ужас, и вы сами убедились, что результат превзошел все их ожидания.

Девичья фамилия фаворитки Марии Медичи. (Прим. пер.)

При воспоминании об увиденном вчера кошмарном лице Морозини содрогнулся: безносое, безгубое, распухшее, испещренное шрамами от ожогов, которые покрывали также почти лысый череп, одноглазое – на месте второго глаза осталась лишь складка фиолетовой кожи. Это лицо было методично, с отвратительной жестокостью уничтожено, но и тело изуверы не пощадили: Чезаре хромал и, подобно обезьяне, передвигался сгорбившись, почти касаясь пола длинными руками.

- Как ему удалось вынести такое? – подумал он вслух.

- Он был очень силен, и ни одной смертельной раны ему не нанесли. Потом его бросили в том месте, где я его нашел. Меня уведомили анонимным письмом. Избавлю вас от описания пройденного им крестного пути: он сумел выжить, хотя все считали его погибшим. Благодаря связям с мафией, я поместил его в надежную больницу, где никто не смог бы повредить ему. Разум он сохранил, и мы оба поклялись отомстить. Палачей нашли – их смерть была ужасной. О том, что случилось с Павиньяно и его невестой, вы знаете. Я собственноручно перерезал горло Бьянке и снял с нее драгоценности. Что до Павиньяно, его больше никто никогда не видел. Ибо он был похищен моими друзьями – вы бы сказали, моими сообщниками, верно? Ему облили лицо серной кислотой, прежде чем похоронить заживо...

Несмотря на все свое хладнокровие, Альдо чуть не задохнулся от ужаса. Он давно знал, до какой жестокости доходят люди – особенно сицилийцы – в делах, связанных с мезтью, но эту историю было тяжело даже слушать. Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы спокойным тоном задать мучивший его вопрос, хотя гримасу отвращения он скрыть не сумел:

- Я не понимаю, вы забрали драгоценности. Как же получилось, что они попали к Солари, которую вам пришлось убить?

- По самой простой причине: драгоценности у меня украли. Признаюсь, что мне стоило большого труда найти их. Я затратил много времени, прежде чем выяснил, что вором был отец Терезы. Сам он уже отошел в мир иной, избавив меня от необходимости мстить...

- И вы в очередной раз предпочли сделать жертвой невинную женщину?

- Драгоценности были нужны мне, чтобы украшать двойников Бьянки, которых я постоянно искал для Чезаре. Благодаря его финансовому гению – а также войне! – моя империя расширялась. И я построил для него этот дворец...

- ...где ему приходится жить в подземелье! Хотя и великолепно обустроенном, не могу не признать.

- Порой он заходит в эти апартаменты. И даже живет здесь. Его люди тогда берут под охрану весь дворец. Только наружная охрана и садовники остаются на своих местах.

- И они способны смотреть на него без содрогания?

- В их присутствии Чезаре носит маску. Платят им по-королевски, и они знают, что, если проболтаются или не доглядят за ним, долго не проживут. Лишь одно человеческое существо видит его таким, как он есть. Это женщина, медсестра, которая полюбила его еще до катастрофы и ухаживала за ним в больнице. Она уродлива и жизнь свою посвятила ему. Добавлю, что познаниями своими она превосходит любого врача: я об этом позаботился.

- Женщина? И он не покушается на нее?

- Я же сказал вам, она уродлива. Сверх того, желание и ярость вызывают у него лишь те, кто похож на Бьянку. В его апартаментах есть портрет Венецианской колдуньи, а также изображения двух его «жен», ибо вы должны ясно понять: я беру их в супруги, так сказать, по доверенности, ведь нас обоих зовут Чезаре. Только последнюю невесту не удалось изобразить на холсте за недостатком времени, но это уже не имеет значения... Она станет его спутницей в смерти и упокоится в мире рядом с ним.

- В мире? После того, что ей придется пережить?

- Она будет страдать меньше, чем другие, поскольку завтра в этот час все взлетит на воздух, включая и вход в подземелье... Вы позволите мне забрать мои драгоценности? – добавил он, защелкнув футляр, в который Альдо положил вслед за серьгами крест. – Пусть наша дорогая Мэри порадуетя, когда наденет их перед свадебным ужином. В последний раз этот крест украсит грудь женщины...

- Вы намереваетесь уничтожить и гарнитур?

- Такое чудо? Вы шутите! Я возьму его с собой как самый прекрасный символ принятого мною добровольного рабства, а также моей свободы...

Вновь открыв футляр, он в свою очередь поднес драгоценности к глазам, в которых они отразились инфернальным блеском. В выражении его лица было что-то демоническое, и Морозини ощутил неприятный холодок, пробежавший по позвоночнику. Несмотря на размеренную речь и уверенность в себе, этот человек был безумен! Но, вспомнив о его сицилийских корнях, Альдо возвысил голос:

- И вы не боитесь гнева Господня? Крест прежде всего, независимо от материала, из которого он сделан, являет собой символ Христа, а вы превращаете его в орудие смерти! Вас ждет вечное проклятие, Риччи, и дни ваши сочтены, ведь вы уже немолоды...

С сухим щелчком убийца закрыл футляр и прижал его к груди.

- Главное, что Чезаре смог жить в доме своих предков и познать в нем мгновения абсолютного счастья! Что до меня, я знаю: у меня есть еще время, чтобы примириться с Господом! Мой астролог предсказал мне долгую жизнь, и я всегда проявлял щедрость по отношению к благотворительным организациям. Я буду по-прежнему жертвовать на добрые дела, но в другом месте! И еще... да, я возведу церковь в память Чезаре, моего изумительного брата!

- А вы случайно не подумываете о канонизации? – желчно бросил Морозини, однако иронией своей ничего не добился.

Мегаломания Риччи была столь сильна, что делала его неуязвимым. Он наставительно поднял палец:

- Безмерностью своих страданий Чезаре вполне это заслужил!

В дверь постучали, и тут же в приоткрытую щель просунулась голова Креспо:

- Вы не забыли, который час, сэр? Вам надо бы поторопиться...

- Вы правы! Забирайте его! - сказал он, ткнув пальцем в Альдо, как если бы речь шла о простом пакете.

- Если меня ведут на свадьбу, как вы мне заявили, - сказал Морозини, - должен вам заметить, что я одет неподобающим образом!

- Для того, что вам позволят увидеть, этого более чем достаточно. Не беспокойтесь, вас ожидает зрелище, доступное только избранным. Надеюсь, это станет утешением в том, что вы не приглашены на ужин...

- Как? Даже бокала шампанского мне не дадут, чтобы выпить за ваше счастье? Положительно, вы никогда не научитесь жить!

Он издевался - быть может, из-за смехотворного удовольствия оставить последнее слово за собой. Но когда Креспо со своим гориллой поволокли его в наручниках через анфиладу гостиных, он стал лихорадочно размышлять, ища способ выбраться из этой западни... и ни одного не смог придумать, настолько бессильным ощущал себя в этом праздничном дворце, кишевшем людьми. Если бы у него было хоть какое-нибудь оружие! Только что он боролся с желанием задушить Риччи. При всей крепости мафиозо ему хватило бы умноженной яростью силы, чтобы взять верх. Но тем самым он подписал бы себе немедленный смертный приговор: времени, чтобы справиться с этой толстой шеей, было явно недостаточно - набежавшая охрана сразу прикончила бы его. А ведь единственным утешением для него оставалась надежда, что ему позволят дожить до утра, поскольку сам Риччи сказал, что он будет погребен под обломками Палаццо... Какой крохотный шанс!

Охранники, крепко держа его за локти, направлялись через анфиладу гостиных в ту самую спальню для новобрачных, откуда никогда не выходили предыдущие жены Риччи. Альдо еще не видел столь вычурной комнаты и такого изобилия позолоты!

Самым заметным в ней был альков, где торжественно, словно трон, возвышалась кровать, перед которой стояло некое подобие триумфальной арки с низкой решеткой из двух створок - такой же, как перед столом для первого причастия. С позолоченным деревом всего ансамбля контрастировала постель из пурпурного шелка, настолько расшитого, что изначальный цвет едва угадывался. Над ней был водружен квадратный балдахин, деревянный карниз которого был украшен резными фигурками амуров с гирляндами в руках и акантовыми листьями.

В гостиной, казавшейся преддверием этого монумента, стены и потолок были полностью скрыты под золочеными картушами, волютами, амурами и пальмовыми листьями, которые, отражаясь в зеркалах с такими же пышными рамами, словно бы умножали свой блеск. Громадный стол с гнутыми ножками в ослепительно барочном стиле, видимо, служил трельяжем: множество шкатулочек, флакончиков, щеточек и прочих предметов женского туалета было разложено на парчовой ткани, также позолоченной в тон гардинам. Пол состоял из мраморной мозаики, но ковры, способные утеплить его, полностью отсутствовали, и кресла, обитые красным геноуэским бархатом, как будто скользили по раскрашенному льду.

- Эта спальня сама по себе кошмар! - констатировал князь-антиквар. - У кого может возникнуть желание спать здесь?

- Не волнуйтесь, вы тут прекрасно выспитесь, - мгновенно отозвался Креспо.

- О, спасибо! Теперь я действительно спокоен...

Одно из двух окон было открыто, что позволило пленнику увидеть бухту и носовую часть стоявшей на якоре яхты «Медичи». Второе было зашторено. Креспо распахнул гардины. За ними обнаружился железный стул, чьи ножки были привинчены к полу. С Альдо сняли наручники и тщательно привязали к стулу, заведя руки за спинку. Ему связали и ноги, а в довершение всего всунули в рот кляп.

- Чтобы заглушить вопли радости, - пояснил Креспо со своей мерзкой улыбочкой. - Вам повезло, счастливы вы эдакий! Вы увидите брачную ночь патрона! Быть может, ожидание покажется вам чуточку долгим, но вы будете щедро вознаграждены!

С этими словами он задернул парчовые гардины, мягкими складками ниспадавшие на пол таким образом, чтобы пленник мог видеть все, что происходит в комнате, но сам оставался невидимым. Затем Альдо оставили одного, и он смог вновь предаться своим размышлениям.

Увы, в них не было ничего утешительного! Послеполуденное время только начиналось, и ожидание, как предупредил Креспо, грозило затянуться надолго. В его положении оно станет бесконечным! К счастью - если само это слово было уместным, - сегодня было не так жарко, как в предшествующие дни, иначе ему пришлось бы гораздо сильнее страдать от жажды, которая неминуемо наступит и будет терзать его, пока дворец не обратится в пыль. Кляп, раздиравший рот, только усугубит эту муку. Тем не менее Альдо не желал рассматривать лишь такую удручающую перспективу. Впасть в отчаяние он всегда успеет - когда у него не останется никаких шансов.

Они и сейчас выглядели крохотными, ненадежными, однако Морозини цеплялся за них всеми силами. Адалбер - и Полина! - должны были встревожиться его столь продолжительным отсутствием. Затем была еще Нелли Паркер, обладавшая талантом проникать всюду, словно юркая мышка. Она хотела спасти Бетти Баскомб, но если ей это удастся, вдвоем они, быть может, сумеют сорвать чудовищные планы Риччи. К несчастью, никто из них не знал, как мало времени отпущено Альдо. Наконец, оставалась еще и Хилари, но придет ли спасение с этой стороны?

Скверная шутка, которую она с ним сыграла, и все, что он знал о ней, не оставляли сомнений: она и пальцем не пошевелит, чтобы вызволить его. Тем не менее она дала понять, что приняла необходимые меры предосторожности и намерена вступить в схватку со своим будущим супругом, не позволив тому отвести себя на бойню как барана. Риччи же, хоть и не питал иллюзий на ее счет, явно не подозревал, какой решимостью и изобретательностью обладает эта женщина. Когда эти двое сойдутся лицом к лицу в спальне, зрелище будет незабываемое... действительно, достойное внимания. Другой вопрос, какие возможности возникнут для него и сумеет ли он воспользоваться ими?

Пока же он попытался проверить прочность своих уз и начал усиленно шевелить запястьями, благословляя бога за то, что охранники отказались от наручников из-за слишком широкой спинки стула. Но это оказалось слабым утешением: веревки были прочными, а узлы крепкими. Однако он не оставлял своих усилий, изредка давая себе передохнуть, чтобы не вымотаться окончательно. В эти мгновения он замирал, контролируя дыхание. Сквозь щель между гардинами ему была видна огромная кровать, походившая на трон или на жертвенный алтарь. Только сейчас он отметил любопытную деталь: в комнате для новобрачных не было ни одного цветка, тогда как дом был ими переполнен. Кроме того, на постели отсутствовали покрывало и подушка.

Затем Альдо стал изучать заднюю стену алькова: по обе стороны кровати среди позолоченных украшений выделялись четкие прямоугольники дверей. Одна, вероятно, принадлежала платяному шкафу, где и должны были храниться покрывала с подушками. Зато вторая, может быть, вела в логово Минотавра. Никакого другого выхода не было видно...

Продолжая размышлять, Альдо время от времени напрягал мускулы рук и ног в надежде ослабить веревки. Он сделал это, когда Креспо затягивал их, однако бандит постарался на совесть, и жертве его удалось добиться лишь того, чтобы они не врезались в тело, но не освободиться от них – до этого было очень далеко...

Между тем Палаццо наполнился шумом и восклицаниями. К постоянным слугам, как всегда в подобных случаях, добавились нанятые на время – возможно, здесь их было даже больше, чем обычно, поскольку не все из людей Риччи обладали умением лавировать с подносами среди гостей и вежливо склоняться перед теми, кто сидел за столом. Многих было бы трудно представить в белой куртке официанта, да и задачи перед ними стояли иные – они пребывали в состоянии полной боевой готовности. В этот час бракосочетание, вероятно, уже совершилось на вилле «Оукс», и скоро должны были появиться первые машины. Как только послышался рокот мотора первой из них, оркестр заиграл медленный вальс. Одновременно во дворце осветились все окна, хотя вечер еще не наступил. Смертельное празднество началось...

Глава XIV

Брачная ночь

Постепенно спальня погрузилась в сумрак. Наступил вечер, но сквозь открытое окно проникали отблески светящихся лент, развешанных на фасаде. Вместе с ними доносились обрывки разговоров и отзвуки негромкой музыки, звон хрусталя и серебряных ложек. Но никто не смеялся. Все эти люди собрались в ожидании события, которое к шуткам не располагало. Сегодняшний свадебный ужин больше походил на поминальные пиры, столь любимые древними римлянами. Однако запахи в комнату проникали восхитительные, и Альдо, по-прежнему привязанный к стулу, испытывал настоящие танталовы муки. Тем более что, как он и предвидел, его начала одолевать жажда.

Несмотря на все свои усилия, он лишь слегка ослабил путы, и запястья у него горели. Желая отвлечься, он стал думать о том, что могли делать сейчас Адальбер и Полина, а также Нелли. Сознавали ли они, что развязка неумолимо приближается? Оказались ли его друзья среди гостей? Да и получили ли они приглашение?

На несколько минут его развлекла сцена с участием Креспо: тот вошел с подсвечником в руках и начал зажигать факелы, развешанные по всей вызолоченной комнате, которая засверкала новым блеском. Два из них находились по обе стороны кровати, столь же отталкивающей на вид, но внезапно обретшей странный облик катафалка. Завершив свое дело, негодяй подошел к зашторенному окну, чтобы взглянуть на пленника. Догадываясь, что прежде всего будут проверены веревки, Альдо тотчас напряг мускулы, и Креспо не счел нужным вновь затягивать узлы, однако решил его приободрить:

- Потерпите, конец уже близок! Гости не слишком склонны веселиться, поэтому скоро мы устроим фейерверк. Когда все разойдутся, начнется зрелище только для вас!

Первые залпы раздались спустя некоторое время после его ухода. Альдо мог видеть отражение иллюминации в зеркале. Ракеты сменяли друг друга в быстром ритме, и их разрывы не позволяли Морозини уловить нить разговоров, происходивших теперь на террасе, прямо под

окнами. Иногда звучали аплодисменты – скорее вежливые, чем восторженные. Конец представления зрители встретили овацией, завершившейся очень быстро. Одновременно утихли и голоса: было ясно, что всем этим людям не терпится вернуться домой. Почти сразу послышался рев моторов, и Альдо подумал, что это скорее походит на бегство, чем на обычный разъезд гостей.

Как оказалось, Риччи – разочарованный и даже раздраженный недостатком энтузиазма со стороны приглашенных – фактически прогнал их, объявив, что он сам и его молодая жена жаждут удалиться в свои апартаменты, где насладятся всего несколькими часами близости, поскольку рано утром отправятся в свадебное путешествие на яхте «Медичи», уже готовой отплыть на Карибские острова. Холодное недоумение гостей быстро сменилось почти паническим стремлением покинуть зловещее место, и у стоянки машин возникла даже некоторая неразбериха. Оркестр продолжал играть, но гудящие клаксоны на какой-то момент заглушили его.

Затем все успокоилось, и победа осталась за музыкантами. Наступила пауза, потом вновь грянула музыка, на сей раз торжественная: оркестр заиграл «Свадебный марш» Мендельсона, и Альдо понял, что последний акт близок. Скрипки звучали все громче, и это означало, что шествие приближается...

Двое лакеев в перчатках, держа в одной руке факел, распахнули двойные двери перед четой новобрачных. Риччи в черном смокинге, согласно древнему обычаю, лично ввел в опочивальню совершенно ослепительную Хилари. В своем пурпурно-золотом, усыпанном жемчугом платье с огромными рукавами она походила на один из портретов Пизанелло. На ее гладко зачесанных волосах красовался тюрбан из той же ткани, круглый, как тыква, и почти такой же внушительный. Подобный наряд был в моде задолго до появления на свет Бьянки Капелло, однако впечатление он производил сногсшибательное и соблазнительное – особенно благодаря магической красоте глубокого квадратного декольте, в центре которого блистал рубиновый крест, серьги же великолепно дополняли фантастический головной убор, имевший более королевский вид, чем некоторые короны. Никогда еще Хилари не была так красива, и Морозини, несмотря на отвращение к ней, мог только оплакивать неизбежный страшный конец столь пленительного создания, равно как свое собственное бессилие, ибо он так и не сумел освободиться от пут или раскатать стул с целью повалить его и раздобыть тем самым некое подобие оружия. Бездна отчаяния была опасно близка.

Лакеи медленным шагом удалились, а Риччи остановил свою супругу в центре комнаты. Оскалив в улыбке свои золотые зубы, он с горделивым блеском в глазах запечатлел поцелуй на ее полуоткрытых губах.

- Теперь мы принадлежим друг другу, дорогая! Это самый счастливый момент моей жизни...

Продолжая говорить, он раскрыл объятия, но жесткая юбка и широкие рукава платья помешали ему прижать жену к груди. Он брюзгливо произнес:

- Зачем вы выбрали такое платье? Оно не похоже на те, что носили во Флоренции шестнадцатого века, и я просил совершенно о другом!

- Умоляю вас не сердиться, – пропела Хилари медовым голосом, отчего Альдо сразу насторожился. – Я давно мечтала о подобном наряде. Ничего более роскошного я не видела! И вы должны признать, что это платье мне изумительно идет...

- Конечно, конечно, но...

- ...и оно прекрасно сочетается с этим великолепным гарнитуром.

- Я совершенно с вами согласен, – вздохнул он, пытаясь ухватить ее за округлые полуобнаженные плечи, но она, выскользнув из-под его руки, быстро пробежалась по комнате и наконец остановилась перед кроватью.

- Как случилось, что здесь нет покрывала? На вашей службе слишком много мужчин и недостаточно женщин. Прошу вас, пошлите за моей горничной!

- Нам она не нужна, carissima! [47] Раздеть вас – это теперь моя сладчайшая обязанность!

Он изгибался, чтобы подобраться к застегкам на спине, но она стремительно повернулась и восстановила прежнюю дистанцию.

- Конечно, нет! Вы что-нибудь порвете, а я хочу сохранить это платье в полной сохранности! Позовите Броуни! У нее пальчики, как у феи!

Риччи внезапно оскорбился:

- Не может быть и речи, чтобы служанка вертелась тут во время моей брачной ночи! И я даже не понимаю, как такая мысль могла прийти вам в голову! Если я по несчастью испорчу ваше платье, вы получите точно такое же! – добавил он с кривой улыбкой. – Но уверяю вас, у меня гораздо больше ловкости, чем вам кажется.

- Я в этом убеждена, но в любом случае следует позвать мою камеристку. Хотя бы для того, чтобы она принесла мои ночные принадлежности, отсутствием которых я просто шокирована! Я уже сказала, что служба у вас поставлена из рук вон плохо! К такому небрежению я не привыкла!

- Это пустяки, птичка моя. Я схожу за ними сам, если вам так этого хочется!

- Хочется ли мне? Естественно, как может быть иначе? Такое восхитительное дезабилье! Жемчужный атлас и кружева из Малина. Распорядитесь же, чтобы Броуни принесла мою ночную рубашку.

- Она вам не нужна! – с чувством произнес Риччи. – Атлас и кружева – это прекрасно, не спорю, но для такого страстного супруга, как я, ночная рубашка невыносима. Вы будете прекраснее всего голый, я жажду увидеть вас голенькой!

Наблюдая из своего укрытия, Альдо с восхищением знатока оценил румянец, заливший лицо молодой женщины. Она отнюдь не была недотрогой, но какая же изумительная актриса! Ответ ее прозвучал гневно:

- В Англии не принято бросаться столь вульгарными словами в присутствии новобрачной. Вы могли бы по крайней мере проявить такт и пощадить мою стыдливость! Мне нужна Броуни!

От вздоха Риччи мог бы рухнуть балдахин над кроватью:

- Хорошо! Я сейчас объясню: вашу Броуни отправили на яхту «Медичи», где она сейчас укладывает вещи, чтобы завтра, когда мы снимемся с якоря, все было готово к отплытию. Судите сами, если я и виноват, то лишь в избытке предусмотрительности. Ну же, сладчайшая моя птичка, не томите меня. Нам пришло время любить друг друга. Не сопротивляйтесь нашему обоюдному влечению и страсти. В особенности это касается меня, ведь я старше вас, а

вы так прекрасны, что могли бы совратить даже святого. Позвольте мне раздеть вас!

- А я должна буду, вероятно, оказать вам ту же услугу или вы намерены заниматься любовью в одежде? - заявила Хилари ледяным тоном. - Я поражаюсь, где вы могли получить такое воспитание? Джентльмен всегда прибегает к услугам своего камердинера...

Хилари была бесподобна в роли целомудренной простушки, и при менее драматических обстоятельствах Альдо наслаждался бы этим зрелищем сполна, но нарастающая угроза не способствовала веселью. Да и Риччи явно начинал терять терпение, о чем свидетельствовал ставший злобным взгляд. Должно быть, он понимал, что выглядит смехотворно в глазах невольного свидетеля сцены, которого сам же «пригласил». И он дал волю гневу: сорвал с себя смокинг, галстук и крахмальную манишку с такой яростью, что алмазные пуговицы полетели на пол.

- Ну, хватит! - рявкнул он. - Таким я тебе больше нравлюсь, шлюха? Теперь твоя очередь! Пора показать тебе, кто здесь хозяин... Но сначала сними драгоценности!

Белая рука Хилари взлетела к груди и застыла на сверкающем кресте:

- О нет! Я не сниму их. Они мне очень к лицу. Я полагаю даже, что никогда не верну вам этот гарнитур...

- Ах, ты полагаешь?

Риччи ринулся на нее, словно разъяренный бык, но она вновь ускользнула от него, нащупывая что-то в широком рукаве, и, когда вновь оказалась лицом к лицу с супругом, в руке у нее оказался заряженный револьвер. Спокойно взведя курок, она сказала с насмешливой улыбкой:

- Ну да, полагаю! И не воображайте, будто я не решусь выстрелить. Я очень искусна в этой игре. Гораздо больше, чем в той, что вы хотите мне навязать. Я не такая дура, как вам кажется, сеньор Риччи, и вы можете убедиться, что я должным образом подготовилась к брачной ночи с бандитом!

Ее томный голос и сухая ирония, очевидно, подействовали на нервы Риччи, словно скрежет шила по черепице. Со своего места Альдо мог видеть, как лицо его вздулось от бешенства, однако он сохранил достаточно хладнокровия, чтобы взять себя в руки.

- Стреляй, если это тебя позабавит! Ты переживешь меня на несколько секунд! Чего стоит твоя игрушка в доме, набитом вооруженными слугами?

- Набитом вооруженными слугами? На вашем месте я не была бы так уверена. Среди них есть мои люди, и вы проявили большую наивность, когда нанимали дополнительную службу. Вся она куплена мной.

вернуться

47

Дражайшая (*итал.*).

- Ты блефуешь! Это невозможно!

- Неужели?

Не сводя с него глаз, она отступила к двери и распахнула ее свободной рукой:

- Эй вы, входите!

Но никто не откликнулся на ее призыв. Зато в разных местах прозвучали выстрелы, порой сопровождаемые сдавленными криками. Хилари смертельно побледнела, а Риччи захохотал:

- Твоя небольшая затея, кажется, провалилась? - насмешливо произнес он. - Старых обезьян не учат искусству гримасничать, красотка!

Однако молодая женщина не потеряла головы. И голос ее не дрожал, когда она бросила в ответ:

- Сейчас посмотрим! Идите вперед! - приказала она, сопроводив свои слова угрожающим движением револьвера. - И руки вверх, прошу вас!

Угадав по напряженной интонации, что она выстрелит без колебаний, Риччи подчинился, но в тот момент, когда он подходил к двери, в проеме показался Креспо с еще дымящимся пистолетом в руках.

- Они едва не уделали нас! - крикнул он с удовлетворением, но тут же понял, что происходит, и вскинул пистолет.

Однако Хилари его опередила, с дьявольской точностью всадив ему пулю прямо в середину лба, и он рухнул на пол. Лишь на секунду молодая женщина упустила из виду Риччи, и тот воспользовался этим с быстротой, неожиданной для столь грузного человека. Он прыгнул на нее, какое-то время у них шла борьба за револьвер, но силы были слишком неравны, и на сей раз громоздкое платье не помешало разъяренному мужчине. Бросив Хилари на постель и сорвав тюрбан, он навалился на нее, зажав обе руки в одной своей, и стал методично хлестать ее по щекам. Она закричала от боли, однако это не произвело на него никакого впечатления, и он продолжал наносить удары, пока она не лишилась чувств. Лишь тогда он отпустил ее, не забыв снять крест и серьги, которые сунул в брючный карман.

- Сейчас ты поймешь, кто тут распоряжается. Ты надеялась переиграть меня - и сполна расплатишься за это. Но я хочу, чтобы ты оценила счастье, которое тебя ожидает...

Поднявшись, он открыл скрытый в стене шкаф, достал из него бутылку граппы и жадно сделал большой глоток, прежде чем вернуться к лежавшей на кровати Хилари, которая с трудом приходила в себя. Вставив горло бутылки ей в рот, он заставил ее пить. Очнувшись почти сразу, она закашлялась, поперхнулась, но тут же вскочила с быстротой кобры, готовясь расцарапать Риччи лицо ногтями. Он ожидал нападения и грубо отшвырнул ее. И на сей раз ей не удалось встать: с балдахина на нее внезапно упала сеть с позолоченными ячейками.

Сознавая, что попала в ловушку, она начала яростно рваться, но лишь сильнее запуталась, тогда как ее палач, подбоченившись, хохотал от всего сердца.

- Ты поняла? - отчеканил он, наконец-то отсмеявшись. - Ну, а теперь мы расстанемся, красотка... но не беспокойся, твоя брачная ночь от тебя не уйдет! И еще какая! Не столь долгая, как обычно, увы, однако нельзя получить все сразу...

Под изумленно недоверчивым взглядом Альдо, который возобновил свои попытки освободиться,

Риччи надавил на один из акантовых листьев на стене. Раздался щелчок, затем послышалось тихое гудение, и кровать, оторвавшись от своего нелепого балдахина, стала медленно погружаться в пол...

Ощувив это движение вниз, Хилари испустила крик, услышав в ответ лишь смех убийцы.

- Прощай, красотка! - воскликнул он, склонившись над отверстием. - Боюсь, мы больше не увидимся...

С этими словами он подобрал свой смокинг и оттащил за ноги труп Креспо, загородивший выход. Хлопнув за собой дверь, он все еще продолжал смеяться. Наступила тишина, но пауза продолжалась недолго. Сглотнув слюну и похолодев от ужаса, Альдо услышал жуткий крик, донесшийся из глубин подземелья... Несчастливая увидела чудовище, которому была отдана в жертву. Еще один вопль и больше ничего... лишь гудение поднимающейся вверх кровати.

Пленник был на грани обморока, когда услышал другие звуки совсем близко от себя. Кто-то карабкался по стене к открытому окну. При свете многочисленных факелов Альдо увидел, как через подоконник перелез человек во всем черном и с черным капюшоном на голове, осмотрелся и, бесшумно ступая, двинулся в центр комнаты. Там он оглянулся, чтобы убедиться в надежности своих тылов. Это был Адальбер.

Собрав остатки сил, Альдо сумел, несмотря на кляп, издать стон отчаяния. В следующее мгновение гардины разлетелись в стороны.

- Господи! - глухо вскрикнул археолог.

Впрочем, нельзя было терять времени на пустые восклицания. Вытащив нож из ножен, висевших на поясе вместе со связкой инструментов, он осторожно поддел и извлек кляп, затем куда более решительным движением перерезал путы на руках и ногах своего друга.

- И давно ты здесь? - спросил он, энергично растирая оцепеневшие конечности Альдо.

- Примерно с полудня... Ты позволишь?

Слегка спотыкаясь, он устремился к бутылке и сделал большой глоток прямо из горла. Водка обожгла ему небо. С гораздо большим удовольствием он выпил бы воды, однако эффект оказался потрясающим: силы мгновенно вернулись к нему, и он даже сумел улыбнуться.

- О, как хорошо! Каким образом ты сумел пробраться сюда?

- С помощью Полины, - сказал Адальбер, склонившись над телом Креспо. - Я сопровождал ее на праздничный ужин. Мы приехали на ее машине, я сидел за рулем, но шофер в форменной куртке прятался на заднем сиденье. Под смокингом и брюками на мне было это черное трико, и я постарался припарковать «Паккард» в самом темном углу сада. После фейерверка я скинул вечерний наряд, а шофер занял мое место за рулем. В темноте я без труда подобрался к фасаду дворца и, к счастью, заметил это открытое окно. Остальное было легко. Все-таки я еще не проржавел! - радостно добавил он. - Что здесь случилось?

Альдо постарался объяснить все максимально коротко и, завершив свой рассказ, показал на позолоченный лист, приводивший в действие спусковой механизм кровати:

- Я видел, как она опустилась вниз, словно на лифте, и теперь мне понятно, почему Риччи не разрешает заходить в гостиную, которая находится под спальней.

- А я осмотрел ее сегодня вечером. Она была открыта, как и все другие комнаты, но в ней почти нет мебели: несколько кресел на слегка потертom восточном ковре и два серванта, украшенных цветами. Потолок не такой вычурный, как здесь, и вообще, она особого внимания не привлекает. Надо думать, в свое время полиция все в ней перевернула.

- Но тогда каким же образом все это происходит?

Поразмыслив немного, Адальбер заявил:

- Разгадка должна быть в подземелье. Вероятно, там установлено нечто вроде лифта, крышей которого служит часть пола под ковром. Когда его включают, он поднимается к потолку и на него встает кровать, чьи ножки отщелкиваются посредством какой-нибудь собачки...

- Я действительно слышал щелчок.

- Видишь? Остается только спустить кровать вниз, а затем с такой же легкостью вернуть на прежнее место. Нечто вроде театральной машины, которая стоит кучу денег, но ведь у этого бандита средств вполне достаточно. Впрочем, хватит рассуждать, времени у нас мало. Ты сможешь выбраться тем путем, каким пришел я?

Палаццо гудело, как барабан, от топота и выстрелов: Риччи и его верные слуги, должно быть, прибирались на свой манер, прежде чем выйти в открытое море. Альдо подошел к постели и чуть не споткнулся о револьвер, который выронила Хилари. Он подобрал его: в магазине не хватало лишь одного патрона. Оставалось еще пять пуль... Не ответив на вопрос Адальбера, он осведомился:

- У тебя есть другое оружие, кроме этого ножа?

Адальбер показал «кольт» последней модели и объяснил, что получил его от Джона-Огастеса. Затем он добавил:

- С этой игрушкой вполне можно расчистить себе путь и, быть может, даже избавить планету от Риччи! Зачем ты смотришь не эту кровать? Ты же не собираешься...

- Именно что собираюсь! Я не могу бросить эту несчастную, несмотря на все ее злодеяния...

- Ты не сошел с ума? Сам же говорил, что дворец взлетит на воздух.

- ...перед самым рассветом! Что означает для нее целых три часа пыток. Делай, что хочешь, а я спущусь туда!

Он нажал на позолоченный лист и полез на кровать, которая начала медленно опускаться вниз. Одним прыжком Адальбер присоединился к нему.

- Единственное, чего я хочу, так это вытащить тебя живым из этого дерьма, - проворчал он сквозь зубы. - Поэтому куда ты, туда и я. Вообще-то, ты прав. От Хилари у меня остались воспоминания... пожалуй, даже трогательные! И я...

Он не закончил фразу. Альдо знаком велел ему молчать и, растянувшись на кровати ничком, следил за спуском. Адальбер угадал: через мгновение лифт оказался в описанной им гостиной, где царил полумрак. Но света, проходившего сквозь приоткрытую дверь, было достаточно, чтобы разглядеть отогнувшийся ковер и черное прямоугольное отверстие на паркетном полу. Альдо с трудом одолел искушение спрыгнуть с кровати. На первом этаже так легко было

спастись через окно. Шум во дворце почти утих. Вероятно, Риччи и его подручные уже спешили к яхте «Медичи». Взглянув на напряженное лицо Адальбера, Альдо понял, что их мысли совпадают: жизнь и свобода были так близки... Но тут из подземелья донесся душераздирающий стон, который был страшнее крика, и оба друга одинаковым движением встрахнулись, словно прогоняя дурной сон. Необычный лифт продолжил свой спуск...

Он завершился в холле, слабо освещенном бронзовым настенным бра. Но из-под неплотно прикрытой двери вырывался яркий сноп света. Альдо и Адальбер крадучись приблизились к ней. Теперь они слышали рыдания, прерываемые стонами. Альдо с бесконечной осторожностью потянул на себя створку, приоткрыв вход в зал, чье внутреннее убранство можно было увидеть в узком зеркале без рамы, расположенном напротив двери. Огромное подвальное помещение с круглым сводом, скорее всего, находилось прямо под террасой, откуда гости любовались фейерверком.

Это был великолепный зал, в котором прежде всего бросались в глаза четыре портрета: три женщины и один мужчина на фоне драгоценных ковров и высоких полок, заполненных книгами. Все женщины были похожи друг на друга обликом и костюмом. Первой была Бьянка Капелло, запечатленная кистью Брондзино, два других изображения, несомненно, принадлежали Маддалене Брандини и Энн Лэнгдон, причесанных и одетых почти так же, как она. Мужчина, чей портрет возвышался над подобием низкого алтаря, освещенного четырьмя канделябрами с полыхающими свечами, поражал своей красотой и пышностью герцогской мантии шестнадцатого века, но оба зрителя не обратили на него никакого внимания, настолько ужаснула их невероятная сцена, свидетелями которой они стали: распростертую на алтаре Хилари, чьи руки и ноги были привязаны к четырем бронзовым химерам, насилывало чудовищное существо с кошмарно изуродованным лицом и мертвенно-бледным телом. Этот человек походил на восставшего из могилы. Несчастной женщине заткнули рот кляпом, чтобы заглушить крики, и она только стонала, когда палач грубо вторгнулся в ее лоно и раздирал ей плечи железными когтями, закрепленными на его перчатках. Маленькая женщина в черной одежде, ползая на коленях и монотонно напевая какую-то навязчивую мелодию, тщательно подтирала стекавшую с алтаря кровь..

Даже не задумавшись о том, что на шум могут сбежаться слуги демона, Альдо прицелился и выстрелил в ту секунду, когда насильник с торжествующим рыком выпрямился. Пуля попала в голову, и Чезаре рухнул на свою жертву.

На его вопль эхом отозвалась коленопреклоненная женщина. Вскочив на ноги с быстротой змеи, она выхватила из-под платья нож и схватила Хилари за волосы с явным намерением перерезать горло. Вторая пуля Альдо остановила ее, и она осела на пол.

- У тебя осталось только два патрона! - констатировал Адальбер. - А мы не знаем, сколько еще врагов ожидает нас...

- С тем, что есть у тебя, мы вполне справимся! И вообще, избавь меня от упреков! Лучше помоги.

- Да я тебя ни в чем не упрекаю! Наоборот, я восхищен! Какая точность! Не знаю, сумел бы я попасть. Ты стреляешь лучше меня...

Омерзительный Чезаре был высок и тяжел. Вдвоем они сумели стащить его с неподвижного теперь тела Хилари и положили рядом с канделябром. При ярком свете изувеченное лицо казалось еще более ужасным. Это было так отвратительно, что Альдо невольно заметил:

- Есть отчего обезуметь любому человеку. Лучше бы врачи, ухаживавшие за ним, убили его, а не обрекли на жизнь с этим... Насколько я понял, он сам желал такого исхода...

- Возьми мой пистолет и осмотри все вокруг! Я займусь Хилари! - распорядился Адальбер, перерезав веревки и склонившись над истерзанным телом молодой женщины, которое кровоточило в нескольких местах.

Кровь стекала и с бедер, что свидетельствовало о внутренней ране. Адальбер огляделся и заметил графин с водой на столике, уставленном бутылками со спиртным. Позаимствовав тряпку у мертвой служанки, он сначала смыл кровь, а затем стал протирать тело водкой, чтобы оценить, насколько серьезно Хилари пострадала. Она лишилась чувств, но среагировала на жжение от алкоголя. Пульс у нее был учащенным и слабым, дыхание прерывистым. Тем временем Альдо, держа в одной руке пистолет, а в другой револьвер, медленно обходил зал, удивляясь, почему выстрелы не привлекли внимания охранников. По пути он открывал все двери, принимая обычные в таких случаях меры предосторожности. И за последней из них, ведущей в ванную комнату, обнаружил Нелли Паркер: связанная, как цыпленок, она валялась на кафельном полу, но, судя по внешнему виду, была невредима. Она сразу узнала его и испустила глубокий вздох облегчения, смеясь и плача одновременно:

- Так это вы стреляли? Господи, какое счастье!

- Не спешите радоваться! Пока мы убили только чудовище и его служанку, но скоро могут появиться другие слуги... Сколько здесь было охранников?

Продолжая говорить, он сначала разрезал путы ножницами, лежавшими на полочке, затем стал растирать онемевшие конечности, чтобы восстановить нормальное кровообращение.

- Я видела лишь троих, но они, должно быть, уже далеко. Я слышала, как они говорили, когда уже связали меня, что надо драпать и что дворец взлетит на воздух. А что с ней, с новобрачной?

- Она пережила шок и ранена, но должна оправиться. Она всегда была сильной женщиной. Правда, что подобного кошмара...

- Она может считать себя счастливой: не будь вас, ей пришлось бы мучиться пять или шесть дней. Охранники считали, что третье убийство не сойдет с рук никому и что нужно все бросить, прежде чем дело закончится петлей или электрическим стулом.

- А Бетти? Где она?

- Убита. Ее обнаружили, когда она прикрепляла динамитную шашку к вентиляционной трубе. Она... ей прямо на месте проломили голову. Мне она велела спрятаться, но я все видела. Поймали меня, когда я попыталась убежать... и привели к этому... к этому... Я так испугалась, что упала в обморок. Очнулась я уже связанной, и «он» велел держать меня в ванной комнате... сказал, что займется мной позже! Я, мол, интересная из-за цвета волос! - добавила она, всхлипнув. - Раньше я сомневалась в существовании ада, но теперь уверена, что он есть!

- Пойдемте теперь! - сказал Альдо, помогая ей встать. - Бедняжка Бетти зря надеялась на динамит, но ад со всем его содержимым все-таки взлетит на воздух до рассвета, а Риччи на своей яхте удерет на край света!

Они вернулись в зал, где Адальбер, наспех перевязав Хилари, заворачивал ее в покрывало, сорванное с дивана. Дышала она ровнее, но в сознание все еще не пришла.

- Ей нужен врач, - сказал Видаль-Пеликорн. - Надо скорее кого-нибудь найти, а главное, вынести ее отсюда... Рад видеть вас живой и здоровой, Нелли!

- Вы знакомы? - удивился Альдо.

- Да. Я тебе объясню потом... если это «потом» у нас будет! Попробуем подняться на кровати... но тебе придется отыскать кнопку механизма! Вы идете, Нелли?

Однако в спасенной девушке проснулась журналистка. Встав перед алтарем, рядом с трупом Цезаре, она смотрела на мужской портрет.

- Невероятно, каким он был красивым, пока его лицо не превратили в фарш! - вздохнула она.

Альдо присмотрелся и увидел, что изображенный на портрете человек действительно был одним из самых великолепных мужчин, каких ему только доводилось видеть: тонкие без слащавости черты, загадочный и глубокий взгляд темных бархатных глаз, горделивая посадка головы с густыми черными кудрями, широкие плечи - Риччи справедливо сравнивал своего брата с Давидом Микеланджело. Все было идеальным. И такой человек превратился в мерзостное отродье, напроочь лишенное души, место которой заняла огненная лава садистской ненависти и потребности в изуверском уничтожении всего живого. Пуля Морозини отправила в ад демона или освободила несчастное существо, погрязшее в гнусных преступлениях. А ведь, по словам Риччи, он был финансовым гением, о его могучем интеллекте свидетельствовали стоявшие на полках научные труды и литературные сочинения, о его вкусе - внутреннее убранство зала, изысканность цветовой гаммы... Альдо с трудом оторвался от неуместного сейчас созерцания и взял за руку мисс Паркер:

- Пойдемте, Нелли! Мы должны найти механизм, поднимающий кровать, и...

- Это не нужно. Я знаю, как выбраться отсюда. Вы же понимаете, здесь имеется подземный выход. Тот, что ведет к морю. Я вас проведу. Мне стало известно, что есть и другой, в парке, но сейчас мы не можем терять время на его поиски... Который час?

- Чуть больше трех!

Чтобы идти быстрее, Альдо и Адальбер решили по очереди нести Хилари, которая оказалась довольно тяжелой. Уступив чувству жалости, Альдо накрыл тело Цезаре ее роскошным платьем, а Нелли закрыла глаза служанке, чье имя они так никогда и не узнали.

- Как могла она его любить? - прошептала девушка. - А ведь она любила: я убедилась в этом за те несколько минут, что провела в их обществе. Это было благоговейное обожание.

- Наверное, она так привыкла к нему прежнему, что иного уже не видела! - сказал Альдо. - Пойдемте! Надо торопиться! Что ты делаешь? - обратился он к Адальберу, который рыскал по залу как человек, который что-то ищет.

- Пытаюсь найти что-нибудь подходящее для носилок. Она, знаешь ли, весит немало!

- Донесем как-нибудь! Будем сменять друг друга! Ведите нас, Нелли!

Девушка направилась к задней стене зала, где действительно оказалась дверь в коридор, застланный красным ковром и освещенный настенными бра с электрическими лампами. Он вел под уклон и кружил вокруг дворца, словно лестница в средневековом замке, пока не уткнулся в железное панно, которое сбежавшие охранники сдвинули и не удосужились

поставить на место. Обратная сторона представляла собой имитацию скалы, неотличимой от других, и закрытый вход было трудно разглядеть на стене. От нее расходились в разные стороны, словно пальцы на гусиной лапе, три узких коридора. Нелли без колебаний выбрала левый.

- Вы уверены, что не ошибаетесь? - спросил Альдо.

- Когда меня несли, я притворилась, будто потеряла сознание, но на самом деле старалась запомнить все приметы. У меня прекрасная визуальная память, и, думаю, я не ошиблась. В противном случае...

Ничего больше не добавив, она решительно двинулась вперед. Хилари, лежавшая на спине Адальбера, стонала и явно задыхалась. Тогда мужчины решили нести ее вдвоем за руки и за ноги.

- Далеко еще? - тихо спросил Альдо.

- Нет. Смотрите, вот уже склад для товаров! Мы подходим к галерее, где держали вас с Бетти.

Приободрившись, они ускорили шаг, и им показалось, будто уже слышится бой далеких часов. Вскоре они с огромным облегчением увидели, что отверстие в скалах не закрыто. Нелли первая ползком выбралась наружу, а все остальные ждали ее, затаившись у выхода. Девушка вернулась очень быстро:

- «Медичи» примерно в одной миле от берега, а у самой скалы стоит на якоре лодка, и трое мужчин загружают в нее какие-то свертки... Не показывайтесь и старайтесь хранить молчание!

Мужчины положили свою ношу на землю, и Адальбер как можно мягче накрыл ладонью губы раненой женщины. Они услышали тихие голоса:

- Все готово? Можно уходить?

- Да, но сначала надо закрыть вход.

Через секунду скала встала на место. Альдо почувствовал, как на висках у него проступил пот, а по спине пробежала холодная дрожь. Свобода была так близко, а они четверо оказались в ловушке. Ему казалось, будто тиканье стало громче. Сколько времени осталось до того момента, когда сработает адская машина Риччи?

- Пока они совсем близко, взрыва не будет, - прошептал Адальбер в ответ на немой вопрос своего друга. - Нелли, вы ведь умеете пользоваться этим механизмом?

- Да, но здесь ничего не видно, а я боюсь включить фонарик.

- Включайте! Мы не станем дожидаться, пока дворец обрушится на нас!

Девушка подчинилась. Проведя тонким лучиком по стене, она нашла пусковой механизм, протянула руку и нажала на кнопку, после чего быстро перекрестилась. Снаружи послышался скрип весел, и где-то вдалеке пропел петух...

Ни о чем больше не спрашивая Нелли, мужчины подхватили Хилари и устремились на свежий воздух. В ночном небе уже появилась тонкая светлая полоска на востоке. На яхту с погашенными огнями торопливо поднимались трое мужчин с лодки.

- Быстрее! Быстрее! - раздался громкий крик. - Времени осталось совсем мало.

У беглецов тоже оставалось совсем мало времени. Смерть приближалась огромными шагами. Все сознавали, что, если даже им удастся добраться до пляжа, они могут провалиться под землю или погибнуть под вырванными с корнем деревьями и обломками скал. На яхте, которая уходила из этих мест навсегда, уже поднимали якорь. Нелли включила фонарик, чтобы освещать мужчинам с их ношей тропинку в скалах. И внезапно совсем близко послышался чей-то голос:

- Ш-ш-ш! Сюда!

Джон-Огастес, подобный мокрому Нептуну, хотя и без трезубца, высунулся из еще темной воды. За его спиной покачивалась моторная лодка, которую он, должно быть, привел в плывь, толкая перед собой. Он помог им взобраться и сразу же бросился к пульту управления. Мотор взревел, и «Рива» на полной скорости полетела вперед, прочь от опасных скал.

- Должно быть, вы сродни архангелам, - вздохнул Альдо. - Как вы узнали, что мы выйдем именно отсюда? И что вообще выйдем?

- Я ничего и не знал. Только надеялся, подчиняясь простой логике, ведь это единственный известный нам выход. С того момента, как их проклятая яхта встала на якорь поблизости от берега...

- Но вы же страшно рисковали! Палаццо со всеми его тайнами очень скоро взлетит на воздух!

- Да? Ну, видите ли, мне пришла в голову мысль о чем-то подобном, и я просто места себе не находил. Эта чертова свадьба должна была стать последней, и Риччи наверняка заготовил какой-нибудь подлый кунштюк... И потом, иногда у нас, Белмонтов, обнаруживается дар двойного зрения!

- По поводу зрения, - проворчал Адальбер, - вам следовало бы сменить курс, ведь вы правите точно по направлению к «Медичи»! Вы что, хотите помешать им уйти? Здесь раненая женщина, и ей срочно нужен врач! А по вашей милости нас сейчас обстреляют!

- Я бы очень удивился! У Риччи будет полно других забот... и, кроме того, мне ужасно хочется полюбоваться этим зрелищем! Смотрите!

На море вдруг вспыхнул яркий свет. Мощные прожекторы освещали спокойную на рассвете гладь океана, и на яхте, где забегали встревоженные люди, можно было разглядеть каждую деталь. Одновременно прогремел отданный в рупор приказ остановиться: к «Медичи» приближался боевой корабль ранга эскадренного миноносца.

- Как раз вовремя! - воскликнул Джон-Огастес, хлопая в ладоши. - Как приятно на это смотреть, и я надеюсь, что они пустят ко дну эту посудину!

- Вы знали, что в дело вмешается военно-морской флот? - спросил ошеломленный Адальбер.

- Конечно. Позавчера я переговорил по телефону с генеральным прокурором и, пока вы толкались на вилле Швобов, лично удостоверился, что по распоряжению командира форта Уильямс моряки готовы выйти в море. Как видите, все идет по плану. И замечательно идет! - с удовлетворением добавил он.

Действительно, поскольку яхта отказалась подчиниться, раздался первый -

предупредительный – пушечный выстрел, а за ним второй, уже прицельный. На яхте что-то вспыхнуло, и почти одновременно раздался чудовищной силы взрыв, превративший холм в огненный кратер.

Белмонт, который заглушил мотор, вновь включил его.

– Если вам достаточно, мне тоже! – произнес он неожиданно серьезным тоном. – Пора возвращаться.

В то время как лодка мчалась по волнам по направлению к «Белмонт-Кастл», небо заметно светлело, начиная розоветь на востоке. В спокойном и чистом утреннем воздухе отчетливо звучали крики и выстрелы, сопровождаемые рокотом огромного рукотворного вулкана. Стоя на корме, Альдо и Нелли старались разглядеть хоть что-нибудь, но последний акт драмы им увидеть не довелось: моторная лодка повернула за косу, служившую границей бухточки Белмонтов. Какое-то время еще слышались вопли и автоматные очереди, прогремел еще один взрыв, затем все стихло, и лишь над деревьями поднимались султаны черного дыма...

Вслед за пожарными на пепелище толпами потянулись обитатели Ньюпорта. Тем временем «Рива» уже приближалась к причалу перед резиденцией. Там ждала Полина. Завернувшись в шерстяной шарф, скрестив руки на груди, она мерила шагами широкие доски, и в глазах ее полыхало пламя. Чуть подальше держался как всегда бесстрашный Беддоуз.

– Все тут! – крикнул ему Джон-Огастес, заглушив мотор. – Но у нас есть раненая. Вызовите «Скорую помощь»! И пошлите кого-нибудь за носилками.

– Что-нибудь серьезное? – спросила Полина, присев на корточки возле лодки.

Альдо и Адальбер осторожно поднимали Хилари, которая по-прежнему не приходила в сознание. Но когда ее потревожили, она застонала.

– Мы не знаем, – ответил Адальбер. – Раны ее продолжают кровоточить, и пережитое ею, несомненно, оставит свои следы.

– А вы оба целы?

Говоря это, она помогла сойти на берег Нелли, бледной как простыня и явно обессиленной, но смотрела при этом только на Альдо. Он устало улыбнулся ей:

– Все прошло. Кошмар закончился. Возблагодарим за это Господа!

Два лакея, посланные дворецким, который сам, вероятно, звонил по телефону, подбежали с носилками, на которые уложили раненую. Потом все стали подниматься к дому. Полина чуть отстала, чтобы оказаться рядом с Альдо.

– Это означает, что вы скоро уедете, – прошептала она, не глядя на него.

– Да, Полина. Здесь мне больше нечего делать.

– Вам удалось найти драгоценности?

– Они в кармане у Риччи, а я пока не знаю, что с ним случилось.

– В течение дня это выяснится. Быть может, надежда еще есть?

Она накрыла ладонью его запястье: жест, призывающий остаться. И в глазах ее была мольба. Альдо показал на фигуру на носилках, закутанную в одеяло:

- Если она выживет после всего, что ей пришлось вынести, и какова бы ни была судьба Риччи, это его жена и, следовательно, наследница.

- Да, это так. Вы могли бы подождать, пока мы не узнаем все. И в любом случае, - удовлетворенно добавила она, - вам придется ответить на вопросы полиции...

- Ах да! Я и забыл...

- Потому что вам не терпится уехать?

Он почувствовал, как у нее задрожала рука, и, в свою очередь, успокаивающе накрыл ее ладонью:

- Да, Полина, - мягко сказал он. - Мне будет вас очень не хватать, но...

- Но ваша жизнь не здесь, ваше сердце не здесь... Мне надо будет привыкнуть к этой мысли. В общем, вы правы: вам действительно лучше уехать...

Риччи был мертв. Как и предсказывала Полина, это выяснилось уже вечером. Во время атаки на «Медичи» он, охваченный безумной яростью, схватил автомат и начал палить по нападавшим. Его усмирили точным выстрелом: пуля попала ему между глаз... По словам очевидцев, он зашатался и упал за борт. Волны океана сомкнулись над ним, и больше его никто не видел. В этом месте было сильное течение.

Относительно быстро выполнив полицейские формальности и ответив на все вопросы следствия - Дэна Морриса сняли с должности шерифа и собирались привлечь к ответственности, - Альдо и Адальбер отправились в Нью-Йорк на яхте «Мандала». Накануне отъезда они нанесли визит в больницу: об этом попросила Хилари, желавшая поблагодарить их.

- Вы спасли меня от худшего, чем смерть, потому что это был самый настоящий ад. И я хотела вам сказать, что отныне никогда не пойду на риск вновь оказаться там. И еще: надеюсь, мы больше с вами не встретимся.

- Вы останетесь здесь? - спросил Адальбер.

- Пока это будет нужно. Швобы не знали, кто такой Риччи. Они делают все, чтобы помочь мне. Наверное, я проживу у них какое-то время. Быть может, задержусь надолго, но затем вернусь в свою страну. Для тех, кто вышел на пенсию, лучше Англии ничего нет.

И она добавила с лукавой улыбкой, напомнившей о прежней Хилари:

- И нет ничего прекраснее герцогского замка моего отца...

- Означает ли это, что Мэри Форсайт исчезла? Это не подлинное ваше имя? - спросил Морозини.

- Нет! Простите мне эту последнюю ложь.

В глубине души Альдо и Адальбер не слишком удивились. Оба помнили, каким ловким манером Хилари Доусон ускользнула от полиции и даже от британских властей Палестины. [48] Для

этого необходима была поддержка кого-то из очень, очень высокопоставленных лиц...

- Почему нет? - заключил Адальбер. - Говорили же в свое время, будто Джек-потрошитель - сын королевы Виктории? Королева Мария была клептоманкой, так почему бы и дочери герцога не стать воровкой международного класса...

Через несколько часов друзья поднялись на борт «Франс», еще одного парохода Главной Трансатлантической Компании, чье внутреннее убранство соперничало с версальской пышностью.

Полины не было на причале. Тем же утром она уехала в Бостон, заявив, что хочет отдать визит Диане Лоуэлл. И когда Альдо выразил удивление по этому поводу, она быстро подошла к нему и запечатлела на его губах легкий поцелуй.

- Как вы полагаете, не пора ли уже заняться беднягой Вобреном и вырвать его из когтей этой ведьмы? Он наверняка думает, что предан и небесами, и землей!

- Господи! - простонал Альдо. - Я совершенно о нем забыл! Должно быть, он меня теперь ненавидит...

- Я все улажу! И не стоит особо меня благодарить. Он единственный человек, с которым я могу часами напролет говорить о вас. Я никогда не забуду вас, Альдо Морозини...

Более взволнованный, чем ему бы хотелось, он ответил:

- Я вас тоже, Полина Белмонт.

Когда пароход «Франс» начал медленный спуск по заливу Гудзон, влача за кормой ленты традиционных серпантинов, Альдо и Адальбер были на палубе. Облокотившись о перила, они провожали взором небоскребы и старались разглядеть в толпе провожающих маленькую фигурку рыжей девушки в шотландском берете. Нелли Паркер пришла проводить их. Она тоже ничего не забыла: вместо простенького репортажа решила написать книгу и уже заключила договор с издательством. Ее ожидал несомненный успех. Да и репортаж - только очень короткий! - появится в прессе. Лучшей рекламы придумать было нельзя.

- По крайней мере, хоть она счастлива! - вздохнул Морозини. - Я удовлетворен лишь тем, что сумел отомстить за Жаклин Оже и другие жертвы братьев Риччи. Виолен Достель никогда не получит драгоценностей Колдуньи, поскольку отныне они покоятся на дне океана!

- Быть может, это к лучшему? Они вряд ли принесли бы ей удачу.

- Но вырученные за них деньги позволили бы ей вести ту жизнь, о которой она мечтает. А сейчас ее скаредный супруг продаст унаследованные ею от тетки украшения, которым она так радовалась...

Адальбер приподнял полу своего непромокаемого плаща - над Нью-Йорком только что прогремела гроза, - достал из брючного кармана небольшой резиновый пакетик розового цвета и вложил его в руку Альдо.

- Ты сможешь утешить ее этими безделушками.

- Что это?

- Посмотри! Я нашел их в лаковой шкатулке рядом с диваном Минотавра. И подумал, что они нам пригодятся...

В розовом пакетике лежало очень красивое ожерелье из рубинов и алмазов, а также кольцо с крупным красным камнем посередине.

Хотя Альдо сообщил о своем приезде, послав радиogramму с борта парохода, на вокзале Сен-Лазар никого из родных не оказалось. Это не слишком его удивило. Правда, выйдя из такси на улице Альфреда де Виньи и распрощавшись с Адальбером, который ехал дальше, он увидел, что Люсьен, шофер маркизы де Сомьер, сидит за рулем до блеска отполированного «Панара», однако ничего не успел спросить, ибо с крыльца величавой поступью уже спускались старая дама и Мари-Анжелин: обе были в черном, на шляпках – ленточки крепа. Траур!

- Расцелуемся позже! – заявила старая дама, усаживаясь в машину, которая весело задрожала. – Мы опаздываем.

- Кого же это вы так торопитесь похоронить?

Мари-Анжелин ответила ему с притворной скорбью:

- Моего бедного кузена Эврара Достеля. Он попал под автобус, когда выходил из своего министерства. Этим автобусом он никогда не пользовался из соображений экономии и все же не разминулся с ним! Настоящая трагедия!

- Так он... О, это лучшая из всех трагедий! – воскликнул Альдо, расхохотавшись.

- Тебе не стыдно? – вознегодовала маркиза. – Ты говоришь о покойнике!

- Прошу прощения, тетя Амели, совершенно нестыдно! Такое событие пропустить нельзя, и я еду с вами.

вернуться

48

См. роман «Изумруды Пророка». (Прим. авт.)

Садясь в машину, он все еще продолжал смеяться.